

Беннетт
Алекс
Белл

РОМАН, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ
ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ

МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Бизнес
Велич

МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Белл, Алекс.

Б43 Мировое правительство / Алекс Белл. — Москва :
Эксмо, 2018. — 576 с.

ISBN 978-5-04-097662-1

Захватывающие приключения героя нашего времени — программиста, сражающегося за главное сокровище цифровой эпохи — защиту информации. Уникальная разработка по шифрованию данных попадает под пристальное внимание мирового правительства. Ее создатели оказываются под угрозой уничтожения. Всевидящее братство не остановится, пока не добьется своей цели, — на кону власть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097662-1

© Алекс Белл, текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Согласно исследованию, проведенному в 2007 году авторитетными швейцарскими экономистами, 140 богатейших семей мира контролируют примерно две трети всего мирового богатства. Остальные семь миллиардов жителей планеты Земля работают в основном для того, чтобы приумножить богатство этих семей.

Данная книга является полностью художественным вымыслом, но в то же время основная часть ее содержания основана на строгих исторических фактах.

Предисловие

Мы живем в XXI веке — эпохе, которую смело можно назвать «информационный рай». Любой человек в мире, имеющий доступ в Интернет и хоть немного любознательности, может мгновенно найти любую новость, книгу, лекцию, фильм, картину, а также подробное описание почти любого события, происшедшего с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Но вот что странно: чем более обширен, безбрежен и глубок океан окружающей информации, тем сложнее в нем ориентироваться, сохранять понимание контекста и канвы, внутренней логики происходящих событий.

С каждым годом у многих людей нарастает тревожное ощущение хаоса, который, кажется, все сильнее охватывает наш мир. Однако это ощущение — ложное. Мир управляется осмысленно коллективным разумом представителей мировой элиты, имеющих прямое отношение ко всем ключевым событиям, произошедшим на нашей планете в последние как минимум сто лет. Лишь некоторые из этих людей широко известны, но даже те, кто не скрывает себя, рассказывают в своих интервью и мемуарах лишь ничтожную долю того, что на самом деле делают и знают.

Всего в мире людей, имеющих отношение к так называемому мировому правительству в каждый момент време-

ни, — не более полутора тысяч; ключевые решения принимает лишь сотня, а иногда и десятки людей. Кто они? Диктаторы, военные, террористы-заговорщики? Нет — в основном это интеллигентные, блестяще и разносторонне образованные респектабельные люди. Те, чьим уважаемым семьям принадлежат все или почти все деньги мира. Всего одна десятая доля процента населения Земли владеет более чем половиной всех мировых богатств. И для того чтобы это положение не менялось, миром и его богатствами требуется ежедневно *управлять*.

Разумеется, не всё и не всегда подвластно этому «мировому правительству», но если что-то важное происходит помимо его воли и не отвечает его интересам, реакция мировых элит так сильна, что порождает глобальные цунами — вплоть до мировых войн и тяжелых экономических кризисов. Потрясения продолжают ровно до тех пор, пока ситуация снова не вернется в канву, предначертанную «высшей» элитой. Является ли эта великая невидимая сила злом или, несмотря ни на что, все-таки благом для мира? Этот вопрос настолько многогранный, что однозначно на него не ответить. Но можно попытаться слегка приоткрыть завесу над тем, что на самом деле двигало глобальными событиями в последнюю сотню лет, о чем так мало написано в официальных учебниках истории.

«Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела до того, кто создает ее законы».

«Тот, кто владеет информацией, тот владеет миром».

*Майер Ротшильд,
основатель банковской династии Ротшильдов, 1811 год*

«Если человек думает, что в историческом движении общества есть место случайностям, то он — идиот».

*Марк Туллий Цицерон,
сенатор, Рим, I век до нашей эры*

«Журналисты пишут, что всеми богатствами Америки распоряжаются пятьдесят человек. Это, конечно, полный абсурд. На самом деле этих людей — не больше восьми».

*Дж. Ф. Бейкер,
партнер Дж. П. Моргана, 1909 год*

«Чтобы управлять миром, нужно иметь точный план на некоторый... ну хоть сколько-нибудь приличный срок, скажем... сто лет».

*Воланд,
персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»*

Глава 1

Федеральный резерв

*Остров Джекилл, Юго-Восточное побережье США,
22 ноября 1910 года*

Здание, в котором должно было произойти одно из главных событий в истории человечества, было не таким уж помпезным. По крайней мере, с точки зрения его участников.

Это был довольно обычный, хотя и дорогой, отель, построенный на небольшом острове в уединенном месте: на юго-востоке США, у побережья штата Джорджия. Недалеко отсюда находился оживленный порт, где темнокожие грузчики, напевающие себе под нос ритмичные мелодии, позже названные блюзами, день и ночь наполняли трансатлантические клиперы тюками хлопка, пеньки и другого добра, в избытке производимого на юге США. Но сам остров Джекилл был строго охраняемой частной территорией: заповедником, где по осени состоятельные приезжие джентльмены с севера США могли развлечься утиной охотой в нетронутой болотистой местности. К охоте прилагались неспешные прогулки вдоль побережья океана и долгие приватные разговоры о бизнесе и политике с графином бренди у камина ненастными вечерами. В этом году

ноябрь выдался особенно холодным. Почти весь месяц над всем Восточным побережьем шли ледяные дожди, дули сильные ветры, а по ночам температура опускалась ниже нуля. Желаящих поохотиться в такое ненастье на острове Джекилл было гораздо меньше обычного, поэтому мало кто из постояльцев удивился, увидев объявление в холле отеля Clubhouse о том, что с двадцатых чисел ноября отель и весь остров будут закрыты для посетителей.

Однако сохранить встречу в полной тайне все же не удалось. Группа репортеров проникла на платформу местного вокзала, прослышав о том, что утром прибывает поезд из Нью-Йорка с важными персонами. Но к ним подошел какой-то джентльмен, что-то негромко сказал, после чего газетчики удалились почти бегом, и вокзал снова опустел. Состав прибывшего вскоре поезда состоял из нескольких серо-зеленых пустых вагонов второго класса, но в его хвосте было прицеплено нечто почти королевское: вагон цвета слоновой кости, украшенный красными фамильными гербами, вдвое длиннее обычного. В нем было достаточно места, чтобы с комфортом разместить полсотни людей, но пассажиров, не считая обслуживающего поезд персонала, было всего семеро. У каждого гостя был с собой полный набор охотничьего обмундирования, один из них даже вез огромное, длиной почти в полтора метра ружье восьмого калибра, которое своим зарядом дрови могло выбить сразу несколько уток одним выстрелом. Но что-то в облике гостей, выходявших из вагона настороженно, поодиночке, в полном молчании, и как будто даже не зная друг друга, делало их не похожими на людей, приехавших для развлечения. Четыре роскошные черные кареты с белыми шелковыми занавесками и золотыми вензелями J.P.M. на боках фаэтонов быстро доставили пассажиров к пристани, откуда на лодках они за считанные минуты добрались до острова,

где находился отель Clubhouse, в котором уже все было готово к их прибытию.

Одного из семерых тайных гостей, казавшегося главным в процессии, журналисты мгновенно узнали бы в лицо. Это был Нельсон Олдрич, самый влиятельный сенатор в конгрессе США, лидер Республиканской партии. Пресса со злой, но бессильной иронией называла его «генеральным менеджером» Америки. Казалось, что в политике ему подвластно все: проталкивать самые непопулярные законы ради интересов монополий, ограждать целые отрасли от конкуренции, поднимая до небес пошлины на импортные товары — за немалый личный интерес, естественно. Ходили слухи, что сам президент Тафт нечасто принимал важные решения без консультаций с Олдричем и даже определенно побаивался его. Да и внешне трудно было найти человека представительнее: в свои неполные семьдесят Олдрич был высоким элегантным господином с твердой упругой походкой, несмотря на посеребренную трость, мощным голосом и исключительно властными манерами. Его спутники, напротив, к политике отношения не имели, и их лица вряд ли кому-то из посторонних показались бы знакомыми. А между тем это были управляющие крупнейшими банками и инвестиционными компаниями Америки. Поездка на остров Джекилл для них была чем-то вроде деловой командировки: они представляли здесь интересы владельцев банков, которые по понятным причинам не могли находиться здесь сами.

Прошло всего три года с того страшного момента, когда казалось, что великая независимая Америка не устоит, через считанные дни распадется на куски. Великий банковский кризис 1907 года по своему размаху превзошел все предыдущие. Биржевые потрясения, когда миллионные состояния всего за несколько часов исчезали как дым, не были ново-

стью. Напротив, они случались по обе стороны Атлантики весьма регулярно: примерно раз в десять лет. Но такого неподдельного ужаса, паники и хаоса, которые внезапно, почти без видимых причин, охватили игроков на фондовой бирже Нью-Йорка, крупных и мелких частных владельцев акций, и, наконец, простых вкладчиков банков, история, пожалуй, еще не знала. Хотя на самом деле тучи над финансовым горизонтом Америки сгущались давно. Весь год рынок акций после бурного роста понемногу снижался, а мелкие и средние банки то и дело брали займы у больших банков, спешно затыкая все новые дыры в своем балансе (что, конечно, держалось в тайне). Ближе к осени одна из крупных брокерских контор на Уолл-стрит решила создать национальную медную монополию, скупая на заемные средства акции всех медных компаний, но не рассчитала силы и лопнула. С ней обанкротились и кредитовавшие ее банки, запустив «цепную реакцию». В середине октября забурился весь Нью-Йорк: из уст в уста разносились слухи, что банки штата вот-вот закроются — поэтому у дверей их офисов уже с вечера выстраивались огромные очереди вкладчиков, которые надеялись с утра первыми снять со счета свои доллары. Настоящих причин для паники на самом деле не было, но банковское дело устроено так, что даже самый здоровый и процветающий банк не может *сразу* вернуть больше, чем одну десятую вкладов — ведь деньги не лежат в сейфе, а крутятся в беспрестанном обороте. В первые дни возникшего хаоса банкиры еще как-то выручали друг друга, но скоро стало понятно, что на всех вкладчиков Нью-Йорка средств не хватит. Паника толпы перерастала в уличные беспорядки и погромы, которые полиция не могла сдержать. Власти штата обратились к федеральному правительству и президенту, но и те мало чем могли помочь, кроме грозных увещеваний. В стране был лишь один человек, кото-

рый мог спасти ситуацию. Джон Пирпонт Морган, король и гроза банкиров Америки, с начала кризиса демонстративно не вмешивался в события, отбыв в роскошный особняк на Лонг-Айленде, где целыми днями в тишине раскладывал свои любимые пасьянсы. И лишь когда ему лично в руки доставили письмо президента с отчаянной просьбой о помощи, Морган появился на Уолл-стрит — ровно за день до объявления всего штата Нью-Йорк банкротом. Он собрал в своем офисе пул банкиров, которые согласились внести более двадцати миллионов долларов на разрешение ситуации. Даже этого оказалось недостаточно, и тогда Морган еще выкупил облигации штата на баснословные в то время тридцать миллионов долларов из своих личных средств. Едва весть об этом разнеслась по рынку, как паника прекратилась, словно по мановению волшебной палочки. Президент назвал Моргана «великим государственным мужем» и публично принес ему благодарности. Стоит ли говорить, что больше всех заработал на кризисе сам «спаситель нации». В его разгар конторы Моргана без лишнего шума скупали резко подешевевшие акции крупных металлургических компаний: из кризиса он вышел не только финансовым, но также и стальным магнатом.

Когда кризис миновал, ведущие финансовые издания опубликовали статьи малоизвестного, но успешного инвестиционного банкира с Уолл-стрит, которые вызвали в деловой среде большой интерес. Банкира звали Пол Варбург, и он горячо, профессионально и убедительно отстаивал идею, что для благополучия Америки и предотвращения будущих кризисов требуется как можно скорее создать государственный Центральный банк — такой, как Банк Англии. Внутри Уолл-стрит многие пребывали в уверенности, что эти статьи были оплачены, а может быть, и вовсе написаны под диктовку Моргана. Как ни странно, они ошибались:

этот ветер дул из далекой Европы, а Пол Варбург много лет был тайным доверенным лицом банкирского дома Ротшильдов. И, конечно, он стал одним из гостей острова Джекилл.

В это же время над банковской системой Америки нависла угроза куда более опасная, чем острые, но скоротечные кризисы. Начиная с конца XIX века экономика США росла словно на дрожжах, ее корпорации становились все богаче. Когда-то во всей стране только Standard Oil Рокфеллера, раздувавшаяся от нефтяных денег, могла позволить себе не пользоваться банковскими кредитами: ни для инвестиций в расширение производства, ни для выплаты дивидендов. Но в последние годы огромных, финансово устойчивых корпораций, не нуждающихся в кредитах, становилось все больше: сначала десятки, а вскоре могли появиться сотни и тысячи. Крупные банкиры, еще недавно всемогущие, назначавшие и свергавшие королей, могли превратиться в ненужный, изживший себя атавизм. Снова стать уличными менялами или страховщиками, живущими на мизерные комиссии... Нет, этого не должно было случиться.

Охотники за утками

Около двух часов пополудни прибывшие гости заняли места в сравнительно небольшом зале, обстановка которого была аскетической: на столе с тем же вензелем J.P.M. находились лишь стопки бумаги для записи и графины с водой. Церемония приветствий была короткой: все присутствующие прекрасно знали друг друга. Среди приглашенных, помимо Олдрича и Варбурга, был уважаемый банкирами Восточного побережья президент Банка Нью-Йорка Фрэнк Вандерлип, похожий на университетского профессора, — человек Рокфеллера. Рядом сидел аккуратный и педантичный чиновник государственного Казначейства Абрахам Эндрю, а по другую сторону стола расположились трое ру-

ководителей банков империи Моргана. Все эти люди были одновременно и непримиримыми соперниками в борьбе за куски того, что называлось *золотовалютной денежной массой США*, и близкими партнерами, когда дело касалось общих интересов большого банковского мира. Каждый день они приходили в свои помпезные офисы на Уолл-стрит в стиле модерн, выписывали или принимали векселя, задумывали хитроумные планы спекуляций, результатом которых обычно становился законный отъем чьей-либо собственности и рост собственного капитала. Но сегодня они были единой командой, которой предстояло решить два насущных вопроса: как править миром и как сохранить власть для следующих поколений своих семей.

Заседание открыл Олдрич. От чьего имени говорил представительный сенатор? Был ли он автором идеи или лишь проводил в жизнь указания своих хозяев? Этого точно не знал никто, да и не знает до сих пор. Олдрич имел много общих дел с Морганом, его любимица — белокурая, с кудряшками младшая дочь Мэри — была замужем за старшим сыном Рокфеллера, наследником империи. Все также знали, что у Олдрича имелись старинные друзья и партнеры по ту сторону Атлантики — среди членов правления Банка Англии. Вероятнее всего, Олдрич исполнял столь важную миссию, потому что только он в компании охотников за утками мог представлять *всех заинтересованных лиц одновременно*. Его речь была краткой и деловой:

— Джентльмены, спасибо, что откликнулись. Надеюсь, наша неделя утиной охоты пройдет удачно. Вы знаете, что этот отель и уголья на острове были любезно предоставлены нам их владельцем Джоном Пирпонтм Морганом. Как вы, безусловно, осведомлены, для него никогда не было ничего важнее, чем деловая репутация. Поэтому нам были переданы инструкции о том, что можно делать, а чего ни

при каких обстоятельствах не следует. Вы понимаете, что наше собрание, преследующее, конечно, лишь самые важные и благородные национальные интересы, проницательные репортеры и случайные свидетели могут попытаться очернить и даже преподнести как... ну, скажем, картельный сговор... незаконный, с их точки зрения... Поэтому, джентльмены, вот несколько простых правил. Во-первых, во время наших заседаний, и уж тем более за пределами этой комнаты, мы называем друг друга только по именам, без фамилий. Узнать фамилии, даже случайно, не должен никто. Во-вторых, каждое утро, примерно с полседьмого до девяти, мы действительно будем охотиться на уток. Да-да, я знаю, что некоторые из вас ни разу не стреляли из ружья и вообще предпочитают в такую погоду греться у камина со стаканчиком виски. Не беспокойтесь, от вас на охоте требуется только не перепутать, с какого конца у ружья находится дуло, остальное неважно. В-третьих, помните, что каждый из вас, по официальной версии, находится сейчас в каком-то другом месте, на отдыхе или в командировке. Даже ваши близкие друзья и члены семей до конца вашей жизни не должны узнать, что вы когда-либо были здесь. И еще если до окончания нашей работы произойдет что-то серьезное с вашей семьей или бизнесом, вы не сможете покинуть остров раньше срока: охрана здесь отменная и дежурит круглосуточно. Таковы инструкции его владельца, и я искренне надеюсь на ваше понимание. А теперь к делу. Мистер Варбург, расскажите о вашем видении плана более подробно.

Пол Варбург не был столь же уверенным в себе, как Нельсон Олдрич. Он происходил из богатой немецкой семьи с еврейскими корнями, а линия его родственников Шиффов уже целое столетие являлись ближайшими партнерами дома Ротшильдов. Но в Нью-Йорке, куда Пол ре-

шил перевести дела своей инвестиционной компании, его ждал холодный прием: здесь он не был своим, а его резкий немецкий акцент до сих пор резал слух присутствовавших. Невысокий, чуть сутулый и рано начавший лысеть в свои сорок лет, он чувствовал неловкость в компании старших по возрасту американских аристократов. Но в каждой его фразе отчетливо и ясно звучали точно сформулированные идеи, ради которых и созвали эту встречу. Его руки и голос слегка дрожали, но слова были наполнены природной энергией и даже страстью:

— Господа, я уверен, что мы движемся в правильном направлении. Однако слишком медленно. Сегодня утром в поезде я набросал на листке пять целей будущего Центрального банка Америки. Собственно, вам они известны. Борьба с кризисами, упрочение курса доллара и так далее. Но мы оставим эти цели для слушаний в конгрессе. Я долго думал, как следует сформулировать главную задачу. И я вспомнил, как однажды, в ответ на очередные обвинения в монополизме и манипулировании рынком, Рокфеллер сказал: конкуренция — это грех. Когда мы говорим о самом крупном бизнесе, это, безусловно, глубокая и правильная мысль. Так же должны рассуждать и мы. Только сильная единая структура национального масштаба, которая не отвлекается на ежедневную мелочную возню, может быть по-настоящему великой и эффективной. И стоять за ней должно не аморфное государство с часто сменяемыми и потому продажными чиновниками, а энергичные и мудрые профессиональные люди — финансисты, доказавшие, что именно они — лучшие в своем деле. Я обсуждал оптимальную структуру с Альфредом Ротшильдом, чей дед Натан стоял у истоков современной английской банковской системы. Он также уверен, что Центральный банк Америки может быть только частной организацией.

Вандерлип, обычно образец выдержки и интеллигентности, вдруг резко перебил Варбурга:

— Пол, я надеюсь, вы понимаете, что это — совершенная утопия и фантазии. Частный Центральный банк, который печатает чьи-то частные доллары США? Как вы это себе представляете? Правительство поднимет вас, а заодно и всех нас на смех. Даже Нельсон с его безграничными связями никогда не протащит это через конгресс.

Олдрич промолчал, не подтвердив и не опровергнув слова банкира, а лишь жестом попросил немца продолжить.

— Фрэнк, никто и не собирается преподносить это публике как *частный* банк. Он даже не будет называться банком. Это будет (в воздухе повисла напряженная пауза) ... главный национальный резерв. Или, точнее, система, обеспечивающая финансовый резерв для страны в любой ситуации. Я бы добавил еще слово «федеральный». Оно вроде бы указывает на связь с государством и в то же время не несет никаких юридических обязательств. Вы можете назвать федеральным даже этот отель или кондитерскую лавку напротив него, и никто не запретит вам использовать это слово. Оно не запатентовано, так как по своей природе имеет разные смыслы и значения. Кроме того, не будем забывать, что люди вообще не понимают, как работает кругооборот денег и собственность на них. Нефть США ведь тоже принадлежит Америке, но все лицензии, заводы и месторождения принадлежат одному частному лицу. Такой же, государственной по форме, но на самом деле частной, должна быть и национальная банковская система. Итак, господа, я готов предложить название — Федеральная резервная система.

Реакции присутствующих не последовало, было слышно, как по комнате летают вялые осенние мухи, но седьмым чувством банкира Варбург понял, что попал в точку или, по крайней мере, внес крайне интересное предложение.

— Ну, а кто, по-вашему, будет акционерами этой самой системы?

— Это сейчас не главный вопрос. Это должен быть консорциум самых влиятельных банкиров Америки, Англии и Европы. За этими людьми должны стоять все реальные капиталы мира. Конкретные доли в этом бизнесе — вопрос не моего уровня, но я предполагаю, что он решится незадолго перед принятием законопроекта. Участие в Системе — это не только миллиардные прибыли, но и огромная ответственность перед страной и миром, это также следует помнить.

Молчавший до этого Олдрич хмыкнул и обвел окружающих сверлящим взглядом:

— Джентльмены, я единственный среди вас — политик, а не финансист. Как будет работать Резерв при наступлении очередного кризиса, войны или любого другого потрясения? Вы будете готовы покрыть весь дефицит расходов из своих личных капиталов?

Варбург понимающе кивнул:

— Чтобы этого не произошло, система должна работать так, чтобы всегда быть в плюсе. Громадном плюсе. Банку не будет ничего стоить печатать доллары. Коммерческим банкам они ссужаются под учетную ставку, которая может колебаться от двух до пяти процентов и даже выше в случае инфляции. Дальше — банки ссужают средства своим клиентам под еще более высокие проценты. У самой Системы денег не будет — не считая скромного бюджета на содержание ее небольших офисов и мелких клерков. Доллары ей самой попросту не нужны, ведь она их печатает в любом количестве.

— В чем же тогда смысл? Зачем нужен банк без денег, только печатающий их для других?

— Помните про учетную ставку? Это игра, похожая на ту, когда, пока звучит музыка, участники ходят по кругу,

затем музыка внезапно смолкает, и каждому нужно успеть сесть на стул. Проблема в том, что стульев всегда на один меньше, чем людей, и кто-то каждый раз остается ни с чем, выбывая из игры. Здесь — то же самое. Простая математическая закономерность. Если вы просто делаете деньги, а затем даете их в кредит экономике под четыре процента, то затем, поскольку система — единственный источник денег, примерно четыре процента *всего богатства страны* каждый год — это ваша гарантированная прибыль, получаемая... ну, скажем, почти из воздуха.

— Но каким образом ее получают акционеры? Они ведь не могут напечатать деньги, чтобы заплатить дивиденды самим себе — ни технически, ни тем более в рамках закона.

— Долги. Когда-нибудь им станет должна вся Америка, а может быть, и весь мир. По законам математики долги должны накапливаться как снежный ком. Сначала проблемные должники появятся у коммерческих банков, которые запросят у Резерва больше средств для покрытия их дефицита. Затем, исчерпав лимиты в Системе, банки придут к ее акционерам, прося займы у них, даже не подозревая, что так все и было задумано. В первый же кризис должниками станут крупнейшие компании, затем за кредитами выстроятся в очередь целые государства. По моим расчетам, меньше чем через какие-то полвека больше половины всей мировой собственности через долги будет контролироваться акционерами Системы. Разумеется, при условии, что Система еще будет существовать, а доллары окончательно вытеснят фунты и станут доминирующей мировой валютой. Впрочем, кажется, я заглядываю слишком далеко...

Одрич нервно тербил в руках сигару, которую вот уже полминуты тщетно пытался разжевать. Вандерлип молчал, опустив голову.

— Если закон о Резерве будет принят, что еще надо сделать в ближайшее время?

— В результате консолидации всех средств в Резерве у государства возникнет дефицит бюджета, который чем-то нужно покрыть. Я вижу единственный путь — введение обязательного подоходного налога на всех граждан США. Кто-то должен платить за финансовую стабильность страны.

— Вы шутите? Хотите в два счета получить революцию этих дерьмовых социалистов? Сам Джордж Вашингтон когда-то поклялся, что в Америке никогда не будет подоходного налога. Государство не имеет права залезать в карман своих свободных граждан, налогами могут облагаться только импорт и корпорации!

— При всем уважении к отцам-основателям такое положение дел безнадежно устарело. Подоходный налог — главный источник средств монархий Европы, вопрос введения его в Штатах — лишь дело времени, как я полагаю.

За окном начинало темнеть. Тучи, немного рассеявшиеся утром, вновь стали почти свинцовыми. Было что-то зловещее в этой ужасной погоде. В комнате вновь нависла гнетущая тишина, нарушаемая лишь отрывистым простуженным кашлем одного из банкиров Моргана.

Внезапно Вандерлип поднял глаза на Варбурга и спросил его медленно, очень тихо и таким тоном, словно он почти ненавидел этого неприятного, но дьявольски убедительного немца. А сам его вопрос заставил всех вздрогнуть от неожиданности:

— А Бога вы не боитесь?

Варбург ответил вполне дружелюбно:

— Это такая же монополия, как у вашего патрона Рокфеллера. Все, в том числе и мы с вами, борются за место под солнцем и также делают все, чтобы после нас процветали наши дети и внуки. И потом, разумно управляя день-

гами мира за полагающееся в таком случае вознаграждение, можно принести обществу намного больше порядка, чем хаоса. В нашем, немецком понимании, порядок, *Ordnung*, и есть высшее благо нации. Что касается религии... Давайте адресуем этот вопрос священникам любой из христианских конфессий, раввинам или мусульманам. Я в этом вопросе не специалист, *entschuldigung* (прошу простить. — *нем.*).

При последнем замечании присутствующие оживились, напряжение момента спало. Кто-то даже улыбнулся, некоторые начали разминать затекшие конечности.

Сенатор Олдрич поднялся, задумчиво пригладив свои длинные седые усы:

— Благодарю вас, джентльмены. Мы проделали сегодня длинную дорогу и несколько утомлены. Полагаю, что на сегодня — достаточно. Слуги покажут вам ваши апартаменты, а в шесть часов нас ждет изысканный ужин с фазанами, лобстерами и отменным белым вином, любезно присланным нам в подарок из бордоских владений господ Ротшильдов. Уверен, трапеза вам понравится. Я также предлагаю пораньше лечь спать — завтра утром нам предстоит охота, после нее мы продолжим. Приятного вечера, господа, увидимся за ужином.

Последующие дни прошли в напряженной плодотворной работе. Главным источником идей оставался Варбург. Особенно горячо обсуждалась немислимая раньше возможность искусственно управлять фазами финансового цикла: стимулировать рост фондового рынка, увеличивая предложение денег, и затем вызывать его падение, сокращая это предложение. На девятый день из-под пера Олдрича вышел объемный документ, толщиной в триста страниц, содержащий все уточненные детали и ставший предложением анонимной «инициативной группы банкиров» к конгрессу США. В этот же день Олдрич отправил несколько секрет-

ных телеграмм с коротким текстом: «План готов». Через несколько часов ему телеграфировали еще более краткий ответ: «Действуйте».

На следующее утро наконец выглянуло теплое осеннее солнце, провожая гостей клубного отеля веселыми отблесками лучиков в высыхающих лужах под бодрый цокот экипажей с золотыми вензелями.

Впрочем, еще ничего не было ясно.

Участникам встречи и их спонсорам предстоял долгий, трудный процесс, который занял целых три года. Несмотря на все связи и титанические лоббистские усилия Олдрича, законопроект о частном центральном банке встретил бурю возражений в конгрессе США и со скандалом был отклонен. Но идея не умерла: слишком могущественные силы стояли за ней. Было решено зайти с другой стороны, не спеша и следуя тактике «волка в овечьей шкуре». Банкиры выдали грант в несколько миллионов долларов профессорам экономических университетов, которые, разумеется, в своих авторитетных работах полностью одобрили идею Центрального банка. Новый, избранный в 1912 году президент США демократ Вудро Вилсон, тоже бывший профессор, проникся их идеями. К Вилсону приставили экономических советников из числа лучших американских банкиров, а в конгресс был внесен новый законопроект — с большим количеством внешних изменений, но аналогичный первоначальному по сути. Последние жаркие бои за утверждение закона о Федеральном резерве шли весь 1913 год, но уже за закрытыми дверями, без вынесения на суд публики и прессы. Президент Вилсон продолжал сомневаться (много лет спустя он скажет, что его нагло обманули), но талантливые советники неустанно убеждали его, что это лучший выход, который навсегда положит конец любым кризисам. Немногочисленным сенаторам, все еще выступавшим против проекта в конгрес-

се, банкиры заплатили щедро, как никогда, и их позиция к концу года неожиданно для всех смягчилась.

23 декабря 1913 года, в последний рабочий день накануне Рождества, когда весь Вашингтон был засыпан мягким пушистым снегом, а мысли конгрессменов — заняты приятными мечтами о предстоящем семейном празднике, законопроект был принят — незаметно, в числе многих других.

Банковская элита одержала оглушительную победу. С тех самых пор в США не было выпущено ни одного доллара государственных денег, а правительство и президент утратили реальные рычаги влияния на финансовую политику. Устройство мира за один день изменилось сильнее, чем когда-либо в истории и чем кто-либо мог себе в тот момент вообразить.

Выпуск триллионов долларов США — почти всех денег мира — оказался в руках маленькой группы людей, о которых общественность ничего не знала, не знает и не должна знать.

Глава 2

Утро, которое не могло произойти

*Бостон (США), кампус МИТ
(Массачусетский технологический институт),
наши дни*

Лучи мягкого мартовского солнца веселой стайкой покружили по просторной комнате, отразились от поверхности аккуратно убранного письменного стола, попрыгали по монитору стоящего на нем тонкого, почти прозрачного ноутбука. Затем они с удивлением обогнули лежащие рядом странные очки виртуальной реальности с широкими затемненными линзами и, наконец, упали на лицо Джека, заставив его шевельнуться и приоткрыть глаза. Несильная, но настойчивая тупая боль сдавливала его виски, мысли с трудом собирались. Джек не мог вспомнить ничего из того, что произошло в его жизни прошлым вечером. Было понятно лишь одно: *они* опять были здесь...

Информация из его компьютера этой ночью снова была украдена — скопирована неизвестными, несмотря на установленную им улучшенную систему криптографической защиты паролей и данных. Из внутреннего отделения письменного стола исчезли две карты флеш-памяти и блокнот с заметками, которые он делал всю прошлую неделю в лабо-

ратории. Из электронной почты в компьютере была стерта его переписка с несколькими мультимиллионерами — бизнес-ангелами из Силиконовой долины, на финансирование которых он рассчитывал. На своем теле Джек обнаружил несколько крупных синяков и кровоподтеков, к счастью, здоровью не угрожавших. Резким движением Джек поднял руку, рассмотрев и ощупав запястье, затем с легким стоном облегчения опустил. *Они могли имплантировать Джеку чип, и тогда все стало бы гораздо сложнее. Но пока этого не произошло: очевидно, с ним собирались договориться как-то иначе.* Мысли Джека постепенно упорядочивались. Полиции, конечно, сообщать что-либо бесполезно, хотя факты взлома его комнаты налицо. Камеры наблюдения на территории университета — на них тоже мало надежды. Но главное — совершенно ни к чему, чтобы об этой странной истории стал сплетничать весь университет.

Надо все обдумать, исторгнув из себя это отвратительное чувство холодного страха перед невидимой угрозой, принять душ и попытаться делать вид, что ничего не произошло. Было уже одиннадцать, а у студентов МТИ не может быть свободного времени. Джек учился на выпускном четвертом курсе: завтра ему предстоял годовой экзамен по квантовой физике у пожилого профессора, получившего Нобеля лет двадцать назад. В свои восемьдесят два года тот все еще хорошо играл в теннис и, говорят, активно работал над проектом строительства нового ядерного ускорителя, в котором давно нуждались физики университета. Джек выпил немного энергетика, включил смартфон, высветивший полсотни непрочитанных сообщений, нажатием кнопки на смартфоне открыл окно, впустив свежесть весеннего воздуха, приободрившую его.

Комната находилась на двадцать третьем этаже Симмонс-холла — самого необычного из кампусов МТИ. По-

строенный не так давно, Симмонс-холл оригинальностью своей архитектуры должен был подчеркнуть статус университета — всемирной кузницы гениев науки, технологий, инженерного искусства и предпринимательства. Это здание даже нередко включали в рейтинги мировых шедевров современной архитектуры. Издали оно напоминало огромную широкую алюминиевую губку с дырочками для окон, похожими на маленькие квадратики пчелиных сот. Помещения холла были залиты тонкими потоками естественного света, проникавшего через тысячи отверстий в его изогнутых стенах, что создавало внутри необыкновенно приятную творческую атмосферу. Вечером здание освещалось от солнечных батарей, накопивших энергию в течение дня. Студенты называли новый кампус Губкой Бобом, по имени героя детского мультлика, нередко шутили на тему его слишком открытых пространств, но в то же время и гордились им. Комнаты в холле выделялись студентам с самыми высокими учебными баллами, а также тем, кто активно участвовал в общественной деятельности университета. Джек относился и к тем, и к другим. Загадочную аббревиатуру ИНТФР, ставшую одним из символов МТИ, некоторые расшифровывали как «я ненавижу это гребаное место», другие — «я нашел здесь мой истинный рай». В сущности, правдой являлось и то, и другое. Учеба здесь была изматывающей, на пределе психологических и интеллектуальных сил даже для самых талантливых выпускников школ всего мира. Но она же приносила и невероятное удовлетворение достигнутым прогрессом в собственном развитии. Вероятно, в этом и была диалектическая двойственность, присущая каждому предмету и явлению. Официальным же лозунгом МТИ был древнеримский *Mens et Manus* — «Головой и руками». В отличие от гуманитарных вузов, от выпускников МТИ требовалось не только умно рассуждать, но также

и создавать что-то материальное — улучшающее этот мир, облегчая бремя тяжелых людских забот. И они создавали: выпускники университета стояли за многими прорывными технологиями и компаниями, за несколько лет с нуля становившимися всемирными лидерами в своей области.

И поэтому *они* всегда внимательно следили за тем, что происходило в МТИ.

Джеку было двадцать семь — поздний возраст для студента, даже выпускника, — и он казался окружающим одним из тех, которые пришли, чтобы изменить этот мир. С детства ему было хорошо знакомо ощущение одиночества и того, что в этой жизни каждый человек может рассчитывать только на себя. Его отец был уважаемым всеми инвестиционным банкиром, вице-президентом вашингтонского отделения знаменитого банка JP Morgan. Здание банка со светлым фасадом и высокими эркерами, в котором Джек не раз бывал в детстве, выглядело неброским, но солидным, и находилось оно, как ему казалось, в самом лучшем месте в мире — на Коннектикут-авеню, всего в трехстах метрах от Белого дома. Из кабинета отца на верхнем этаже, казалось, было рукой подать до изумрудной лужайки перед офисом президента США. Иногда с площадки между лужайкой и парадным входом Белого дома взлетал черный, похожий на военный вертолет, и Джеку становилось невероятно интересно, находится ли в нем сам президент или нет. В общем помещении офиса стояли компьютеры, и секретарь отца — веселая улыбчивая блондинка — тайком разрешала Джеку поиграть в любимые игры, заодно угощая его конфетами, пока отец был на очередном важном совещании. Собственно, это и были его самые яркие воспоминания о папе — дома он видел его редко: тот всегда возвращался поздно, был мрачен, а выпив бутылочку-другую пива или рюмку шотландского виски, отправлялся спать. Выходные

отец Джека проводил в гольф-клубах и где-то еще вместе с коллегами по работе. Позже оказалось, что у него была любовница — простая учительница, приехавшая из Огайо. Когда это выяснилось, он бросил семью и ушел к ней. Мама Джека по происхождению была русской — училась в Москве, грезила наукой, поступила в знаменитый физико-технический институт. Горбачев и перестройка открыли русским дверь на Запад: при первой возможности она уехала на годовую стажировку в Штаты и, как многие другие, осталась. Получив диплом, преподавала физику в Джорджтаунском университете; на одном из просветительских вечеров, спонсируемых Белым домом, встретила будущего мужа. Родным языком Джека был английский, но он понимал много русских слов и прилично говорил на испанском, который полюбил за ритмичный слог и скорость выражения мыслей. Все детство мама была его главным другом, наставником, привила ему любовь к логике и математике, с годами переросшую в страстный интерес ко всем природным явлениям. Одноклассники подразнивали Джека «маминим сыночком», но когда Джек поступил в колледж, их столь близкая духовная связь вдруг оборвалась. Мама встретила свою новую любовь, тоже преподавателя физики, и они вместе уехали в университет Беркли в благословенной солнечной Калифорнии, где помимо работы она стала увлекаться коллекционированием редких вин из долины Напа и разведением пушистых кошек сибирской породы. С Джеком они по-прежнему общались очень тепло, но теперь только по телефону или скайпу, и не чаще чем раз в месяц.

О том, что у Джека большие способности, твердили его воспитатели еще до школы — когда он успевал точно разложить карточки или правильно ответить на вопрос, пока его сверстники даже не уловили суть задания. В первом классе он уже решал квадратные уравнения и знал основ-

ные теоремы алгебры и геометрии, во втором — мог на равных спорить с преподавателем литературы о философском подтексте пьес Артура Миллера, в четвертом — просто перестал посещать большинство занятий, вместо этого пропадая в химической лаборатории, компьютерном классе или библиотеке. В четырнадцать лет он уже был готов к поступлению в любой университет, но тут до сих пор ровная колея его жизни внезапно ушла куда-то вбок. Резко и почти без видимых причин Джек на время охладел к наукам. Возможно, это было связано с половым созреванием. Его новой страстью стала музыка. Он мог сутками сидеть в комнате, слушая классический рок или джаз. В этих звуках ему чудилась та же красивая, изящная стройность, что и в математике, но еще и наполненная высокой, романтической, а иногда, наоборот, возбуждающей сексуальной чувственностью. Джек научился играть на электрогитаре, развил голос и даже в какой-то момент хотел стать рок-музыкантом. Но в его среде не было таких же поклонников рока и джаза — в основном сверстники считали их глубоко устаревшими стилями, и интерес Джека к музыке понемногу утих. В семнадцать лет он подал документы одновременно в Гарвард, Йель и Стэнфорд, блестяще сдал тесты, но на собеседованиях не смог четко ответить на вопрос, кем он видит себя в жизни. Его слова «мне интересно все» экзаменаторов не устроили, и он оказался в «списке ожидания». В ответ Джек аннулировал свои заявки и поступил в колледж университета по соседству, где когда-то преподавала его мама. Ко времени окончания колледжа Джек уже имел несколько статей в научных журналах и патенты в области наноматериалов, в свободное время занимался стрельбой в тире, боевыми искусствами, а вечерами тайком общался по Интернету с программистами из хакерских сообществ. В МТИ его приняли без экзаменов. На первом же курсе он дал себе

слово не просто заниматься наукой, а сделать что-то реальное, стоящее своими руками, как гласил девиз университета. В следующие три года помимо учебы, которая занимала у более юных студентов шестнадцать часов в сутки без выходных, а Джеку давалась легко, он стал соучредителем нескольких компаний, которые могли в ближайшие десять лет принести миллиарды долларов. И что важнее — изменить мир. Каждый вечер Джек ложился в постель, украдкой помолвившись (религия в университете не была в почете, хотя, конечно, никто ее не запрещал), и, засыпая, мечтал, чтобы завтрашний день наступил как можно скорее. Недели бурной исследовательской деятельности в окружении невероятно талантливых сверстников летели быстро; Джеку казалось, что он счастлив, как никогда, и это счастье — высшая награда за прорыв за границу неизвестного — должно было продолжаться и дальше. Но несколько месяцев назад в его жизни вдруг появились *они*, и все изменилось.

Выходя из комнаты, Джек бросил взгляд в зеркало. Синяки надежно скрывала одежда, а легкий кровоподтек на правой скуле можно было объяснить неудачным бритьем. Все не так плохо. Да, и электронная книга Миранды — отдам ей, когда встречу на лестнице...

Это был еще один дар Джека. Эта способность была столь необычна, что он старался скрывать ее, чтобы не казаться психопатом. Он не понимал, как это происходит. Не всегда, но довольно часто он мог совершенно точно предвидеть, что произойдет через несколько минут. Хотя точного отрезка времени, которое он «видел» в будущем, не было: это могло быть от нескольких минут до нескольких дней и даже недель. В детском саду он всегда точно знал, кто из мальчиков попадет под горячую руку мисс Бэтси, суровой темнокожей воспитательницы, и будет наказан, даже если в момент, когда шалость произошла, его не было рядом. По-

том, в школе, он почти всегда точно знал, о чем будет идти речь в классе и кто получит какие оценки в конце урока. Перед экзаменами — нет, он не знал своего задания. Этот дар работал так странно, что не мог облегчить жизнь ему лично. Но почти всегда он точно знал, кто какую оценку получит, включая его самого. Как-то Дайана, улыбаясь, с веселыми чертиками в сияющих глазах после пары бокалов отменного калифорнийского шардоне, пошутила: «Давай ограбим казино Лас-Вегаса! Ведь ты знаешь, что выпадет на рулетке!» Нет, как раз этого он не знал — существовал некий строгий закон, по которому он не мог, а может, не имел права на своем даре предвидения зарабатывать деньги. Но если бы по дороге из казино в отель им угрожали грабители, то Джек непременно заранее «увидел» бы это и пошел бы с ней по другой улице или вызвал такси.

Миранда удивилась, когда Джек протянул ей на лестнице книжку на секунду раньше, чем она его заметила. Миранда нравилась Джеку, но их связывали только приятельские отношения. Родители Миранды Нгуен были вьетнамцами, но она родилась и выросла в Нью-Джерси, пригороде Нью-Йорка, после школы работала в офисе AT&T — крупнейшей в мире телекоммуникационной компании. Миранда имела блестящие способности к математике и увлекалась Big Data — наукой о больших данных, особенно актуальной для интернет- и телеком-компаний. В их архивах, в огромных серверных залах накапливаются немыслимые терабайты информации о действиях клиентов, на основании анализа которых можно было бы каждому предлагать лучший набор услуг специально для него, что приносило бы компаниям в масштабах страны огромные прибыли. Как и Джека, Миранду приняли в МТИ без экзаменов: к моменту поступления у нее тоже были научные статьи и патенты. Джеку нравилось обсуждать с ней *идеи* — неважно, в большой

компании сокурсников или наедине за вечерней кружкой кофе в уютной кухоньке кампуса. В ее тихом голосе, чуть стеснительной улыбке, умных раскосых глазах таилось удивительное восточное спокойствие, словно берущее начало где-то на изумрудных рисовых террасах древней родины ее предков. Но сегодня Миранда спешила — Джек лишь успел ее поздравить с очередной отличной оценкой на экзамене. Он *знал*, что эта девушка сыграет роль в его судьбе в недалеком будущем, но не был уверен, какую именно.

Рядом с главным, похожим на небольшой капитолий с куполом зданием университета сегодня было оживленно. Весна вступала в свои права: несмотря на свежий мартовский ветер, студенты были легко одеты. Проводился день открытых дверей, когда множество учащихся выпускных классов со всей страны могут попасть на бесплатную экскурсию по университету и даже пообщаться со студентами и профессорами. Несмотря на солидный для студента возраст, Джек с его тонкой фигурой и светлыми, немного вьющимися волосами выглядел молодо. Было забавно, когда в дни открытых дверей не знавшие его в лицо второкурсники спрашивали, не хочет ли он узнать об институте больше — очевидно, принимая его за одного из юнцов на десять лет моложе. Джек зашел в столовую: для студентов старшего курса она была бесплатной, при предъявлении бэйджа, а качество еды ее «континентального» стола не уступало ресторанам. До лекции оставался час, и Джек решил позвонить Дайане — поделиться странными событиями этой ночи.

Дайана примчалась в кафе за несколько минут. До поступления в МТИ у Джека не было постоянных девушек, не считая редких интрижек со случайными подругами в вашингтонском колледже — знакомые даже за глаза поговаривали о его нестандартной ориентации. Но Дайана казалась

совершенно другой, чем все, кого он знал раньше. Она тоже была студенткой МТИ, но к настоящей науке отношения не имела: училась в школе гуманитарных дисциплин, пятой по важности в институте из пяти. Она хорошо писала, обожала детей и мечтала стать новой Джоан Роулинг. Но главный талант Дайаны заключался в общении с людьми. Любой парень или девушка из института после разговора с ней на любую тему на следующий день обязательно решал для себя, что нашел в ней лучшего приятеля на всю оставшуюся жизнь, искренне удивляясь тому, что сама она так не считала. Если бы в МТИ проводился конкурс «Мисс университет» (разумеется, его бурному, но обращенному только на интеллект духу такая идея была чужда — скорее, здесь провели бы конкурс на создание самого красивого человекоподобного робота), то Дайане можно было бы отдать победу в нем заранее. Яркая брюнетка с модельной фигурой и большими блестящими черными глазами, к тому же она превосходно танцевала и пела. Ее отец был чистокровным испанцем, мать — из Венесуэлы, и эта гремучая, полная чувственности латинская смесь генов говорила о себе в каждом ее шаге, повороте головы, неотразимой улыбке. В кампусе она старалась держаться как можно скромнее, но со временем у нее появилась толпа поклонников. Как ни странно, Джек, которому в юности в основном нравились нордические блондинки славянского или немецкого типа, при их первом случайном знакомстве (они сидели рядом в столовой, заговорили о музыке и неожиданно выяснили, что список их любимых групп совпадает) на ее внешность почти не обратил внимание. Скорее, он почувствовал в ней человеческую теплоту и тайного единомышленника. Спустя несколько дней Дайана праздновала свой день рождения с подругами в гуманитарном кампусе и пригласила на него Джека — совершенно неожиданно для всех и особенно для

него самого. Еще через день состоялось их первое романтическое свидание, они гуляли по оживленным улицам центра Бостона, взявшись за руки. В тот же вечер между ними вспыхнула настоящая страсть: с тех пор они были почти неразлучны.

Глаза Дайаны сначала стали еще огромнее от удивления и озабоченности:

— Ты должен вызвать полицию. У меня плохие предчувствия. *Они* от тебя просто так не отстанут.

— Сначала я хочу понять, кто это и чего они хотят. У меня скоро разовьется мания преследования, но боюсь, что это не болезнь, а за мной и вправду следят.

— Fuck, ну это же Америка, а не какая-нибудь дерьмовая страна третьего мира, где с людьми происходит все, что угодно. Посмотри вокруг — мы же живем в самом спокойном и защищенном месте в мире. Как они вообще тебя усыпили и проникли в твою комнату?

— Я был вечером после встречи с инвесторами в химической лаборатории. Помнишь этот проект с Ли Цзяном из инженерного по поводу жидкостных батарей, аккумуляторов нового типа? В какой-то момент у меня вдруг потемнело в глазах, и я вышел из лаборатории. Следующее, что я помню, — яркие красные мультики в голове, страх, темная пропасть и затем — сегодняшнее утро.

— Да, но кто-то должен был их видеть. Ты проверил сообщения?

— Писем много, я прочел пока только часть. Хотел поскорее увидеть тебя.

Дайана нежно склонила голову к щеке Джека и нежно потрепала ее — но так, чтобы не привлекать внимание соседних столиков.

— Я очень волнуюсь. Прости, мне пора — бегу на лекцию по современной публицистической прозе. У нас будет

выступать интересная женщина из... России, кажется. Хотя я не уверена. Она получила недавно Нобель по литературе, хочу с ней поговорить после лекции. Целую, обязательно позвони мне вечером.

Глядя на ее удаляющуюся стройную фигуру, Джек подумал, что он точно знает, что Дайана станет его женой, у них будет семья. Но все это стояло перед его глазами как в дымке. Видимо, только при условии, что он доживет до этого момента.

После лекции Джек вернулся в свою комнату, погружившись в мрачные мысли, стараясь понять, что из выкачанного ночью содержимого его компьютера могло их заинтересовать. Уж точно не папка с коллекцией нелегально скачанных эротических фильмов, оставшаяся у него со времен колледжа. Материалы лекций, его собственные заметки к ним, примерно тысяча закладок на научные сайты, десять тысяч электронных писем — ничего особенного, все как у всех.

Значит, их интересуют коды... Или, точнее, его работа над ними.

После небольшого ужина, когда студенты каждого этажа Симмонс-холла собираются вместе, чтобы обсудить за едой лекции прошедшего дня и *идеи* (эти вечерние мини-сессии являлись частью учебной программы), Джек спустился в комнату к Биллу. Билл Хавличек, жизнерадостный канадец (видимо, как и многие его соотечественники, с украинскими корнями), внешне был, скорее, похож на успешного менеджера по продажам или связям с общественностью, чем на одного из лучших молодых программистов выпускного курса университета. Джек с Биллом и Доном (американцем из состоятельной семьи, тоже будущим программистом) работали над системой криптографии нового поколения, основанной на квантовых технологиях. Это был далеко не

единственный проект Джека, но в последние месяцы он много занимался именно им.

— Я сегодня целый день просидел над этими квантовыми алгоритмами на главном компьютере, — устало улыбнулся Билл. — Если все пойдет как надо, через пару месяцев код будет готов.

— Этой ночью у меня кто-то был.

— Везет же тебе. У меня уже месяц не было ни одной крошки, совсем нет времени и сил.

— Блин, мужик, я серьезно. Вчера вечером потерял сознание, утром проснулся в синяках, комнату кто-то обыскал, рылся в моем ноуте и телефоне.

— Ты уже сдал анализы?

Джек чуть не застонал. Ну каким же он был сегодня тупицей! Конечно, если его усыпили, он должен был выяснить хотя бы, что именно в него впрыснули.

— Старик, я позвоню Маргарет из отделения биохимии. Она как раз работает над системами быстрых тестов. Зайди к ней, она возьмет кровь, а завтра утром ты все узнаешь. Надеюсь, она не выявит у тебя триппера, а то будет как-то неудобно... И кстати, я целый день не могу позволить Дону. Позавчера он обновил в системе несколько старых паролей, без них я так и не смог войти в основной блок программы.

Маргарет жила в старом кампусе, на той стороне реки. Было уже поздно, приморозило, на мосту скользко. Сам мост считался достопримечательностью университета — лет пятьдесят назад, хохмы ради, его измерили длиной роста одного из студентов по фамилии Смут. Смут ложился на мост, его сокурсники отмечали длину, затем он вставал и ложился снова, отмеряя собой следующий отрезок длины. Говорят, что довольно быстро Смуту все это надоело, он громко чертыхался, но не мог подвести

товарищей. Каждые десять смутов отмечались синей краской, а общая длина моста оказалась равной 364 смутам и одному его уху. С тех пор всякий раз, когда мост красили или ремонтировали, старые отметки смутов бережно восстанавливались. Смут был невысок — его рост составлял около метра семидесяти: когда компания Google, где работает множество выпускников МТИ, для картографирования земного шара составляла список самых распространенных в мире единиц измерения, «смут», разумеется, вошел в их число.

После визита к Маргарет Джек решил отправиться пешком домой к Дону. Тот все еще не отвечал на звонки, но ночевал всегда у себя. По правилам института учащиеся должны жить в кампусах, но для некоторых старшекурсников администрация по их просьбе делает исключения. Дон был одним из немногих, кто снимал дорогую просторную квартиру в центре Бостона на Бойлстон-стрит, недалеко от Центрального парка, по соседству с шикарным отелем Four Seasons. Квартира Дона нередко использовалась как место для мальчишеских вечеринок, особенно в субботу вечером, после массового посещения пивных баров. Сам Дон был вегетарианцем, вечеринки не любил и объяснял выбор места жительства тем, что здесь ему было легче решать вопросы бизнеса. Злые языки утверждали, что он жил здесь из-за своей не в меру капризной подруги с факультета журналистики Бостонского университета, так же, как и Дон, из очень богатой семьи. Студенты Гарварда и МТИ, которые уже много лет как монополизировали первую и вторую строчки мирового рейтинга университетов, к соседнему Бостонскому университету с его «всего лишь» тридцатым рейтингом в мире относились как к месту, где учатся люди, вероятно, имевшие серьезные проблемы с грамматикой и устным счетом еще в начальной школе.

В двух кварталах от дома Дона Джека пронзило «то самое» чувство. Он точно понял, что увидит в его квартире, и его зашатало — то ли от ужаса, то ли от тошноты. Подниматься по лестнице не имело смысла, если только он не хотел потом всю ночь провести в полицейском участке, давая свидетельские показания. Минут через десять прикрытое простыней тело Дона вынесли на носилках в микроавтобус «Скорой помощи». Дженни, его подруга, шла сзади, всхлипывая и обхватив голову руками. Трое полицейских в черной форме сопровождали ее, один из них что-то громко говорил по рации.

На следующее утро стало известно, что Дона нашли умершим от острого алкогольного опьянения. Это было более чем странно, так как он почти никогда не пил, каждый год пробегал Бостонский марафон. В доме не было найдено пустых бутылок, и его не видели ни в одном из окрестных баров. В МТИ был громкий скандал. Заместитель декана факультета, лично разрешивший Дону жить вне кампуса и, как выяснилось, друг его родителей, был вынужден уволиться. С Джеком полиция также пообщалась, но разговор получился коротким и довольно формальным.

Анализы самого Джека показали наличие в его крови редкого сильного психотропного препарата, в состав которого в том числе входили марихуана и мескалин (вытяжка самого галлюциногенного мексиканского кактуса). Это вещество, известное как «сыворотка правды», сначала заставляет человека безудержно говорить, находясь в полубессознательном состоянии, а затем стирает из его памяти то, что с ним что-то вообще происходило. Джеку пришлось рассказать Маргарет о том, откуда в его крови взялось это вещество, и, так как анализ был сделан в студенческой, а не официальной лаборатории, уговорил ее никому не рассказывать об этом случае.

Дон участвовал в проекте Билла и Джека по криптографии как будущий администратор, который благодаря связям родителей в Бостоне и Нью-Йорке, а также собственным друзьям из Google мог быстро организовать коммерческую сторону проекта. Очевидно, что *им* он был не нужен, а от Джека и Билла *они* хотели чего-то еще, помимо того, чтобы программа, которую они писали, как можно скорее исчезла. Но что это было?

Джек не сомневался, что скоро он это узнает, хочет он этого или нет.

Глава 3

Великая депрессия, или Как заставить весь мир голодать

*Сэндс Пойнт (Лонг-Айленд), Нью-Йорк,
28 июля 1929 года*

— **В**ы действительно думаете, что момент настал и пора повернуть реку вспять?

Томас Ламонт, президент банка J.P. Morgan, джентльмен с безукоризненными манерами, в светлом костюме-тройке, с располагающим к себе лицом и благородно серебрящими-ся висками, был рад, что в этот момент его могли слышать лишь несколько человек.

Джозеф Кеннеди, ирландский бизнесмен с неоднозначной репутацией, сколотивший капитал на контрабанде спиртного в первые годы сухого закона, но затем удачно «отмывший» и приумноживший его на бирже, бушевал от эмоций:

— Чертово сумасшествие на рынке. Десять лет непрерывного роста. В прошлом году экономика впервые с окончания войны пошла вниз, все цены упали, но акции вместо снижения взлетели до небес. Домохозяйки, фермеры, грязные чистильщики обуви, сброд со всех Штатов залезли по уши в кредиты, принесли свои деньги на биржу, и акции

продолжают расти. Только за последние две недели — рост десять процентов. Вчера я продал все мои акции, на сорок миллионов долларов, а рынок от таких продаж не снизился ни на цент. Безумие... Пора перекрывать вентиль. Хватит веселья на пустом месте для бездельников.

Присутствующие в курительном зале роскошного замка, кажется, не были расположены к легкой, непринужденной беседе — в жарком, душном летнем воздухе висело напряжение, хотя никто не решался сказать вслух то, что слетело с уст горячего ирландца. Все взглянули на человека, который должен был сказать веское слово в этом разговоре. Но Бернард Барух, тайный король Уолл-стрит, а также вполне официальный финансовый советник и правая рука нескольких президентов США, предпочел переменить тему:

— Прекрасный коньяк. При этом мы, добропорядочные американцы, не нарушаем закон, когда смакуем его. Запрет касается только производства, перевозки и продажи алкоголя. Пить свое — то, что хранилось в домашних погребах еще до закона, — не возбраняется. Старина Вудро Вилсон десять лет назад, по моему совету, внес в текст такую поправку. А этому янтарному чуду из погребов Hennessy — лет пятьдесят, не меньше?

О том, что Барух является соавтором всех важных законов, принятых конгрессом США в последние двадцать лет, знали, конечно, все, но про его поправку к сухому закону многие услышали впервые и, конечно, одобрительно заулыбались.

Хэмпстед Хаус, почти точная копия одного из старинных ирландских замков, был построен на самом дорогом участке земли в стране — мысе Сэндс Пойнт, северной оконечности острова Лонг-Айленд. Через Гудзонов пролив от него открывался восхитительный вид на фешенебельные районы и деловые кварталы Западного и Южного Ман-

хэттена. Рядом с замком было разбито огромное поле для гольфа. Внутри особняк еще сильнее поражал своим богатством: на первом этаже находился орган, обитый красным деревом: акустика в доме была спланирована так, чтобы органная музыка мягко звучала во всех его частях. Стены залов украшала изысканная, дорогая коллекция картин: от французского реализма начала XIX-го века до новомодного абстракционизма века XX-го. Десятилетия спустя брат владельца замка — промышленника Даниэля Гуггенхайма — Соломон Гуггенхайм подарит коллекцию живописи государству, основав в Нью-Йорке всемирно известный музей своего имени. На полах замка лежали восточные ковры тончайшей работы, в огромной застекленной оранжерее были собраны десятки видов пальм, вокруг которых летали яркие тропические птицы. Немногие королевские дворцы Старого Света могли сравниться с особняком на мысе Сэндс Пойнт по своей кричащей роскоши.

На нижнем этаже замка царило оглушительное веселье. Гостей создали по случаю дня рождения Ирен Гуггенхайм, любимой внучки хозяина поместья. Ей исполнилось семнадцать — возраст, когда девушке пора искать достойного жениха. Золотая молодежь Нью-Йорка — дети банкиров и их подруги, одетые в золотистые короткие платья с бахромой, удачливые биржевые дельцы и просто лица, мелькавшие на всех важных светских вечеринках, гуляли так, что вряд ли когда еще в истории можно было видеть нечто подобное. Шампанское лилось рекой, модницы танцевали фокстрот под грохочущую музыку так самозабвенно, что их время от времени выносили с танцплощадки почти без сознания. Придя в себя, они доставали из сумочек щепотку белого порошка, делали вид, что пудрят им носик, и затем снова вливались в бешеные пляски, при случае обмениваясь со знакомыми и незнакомыми мужчинами и девушками страстными

объятиями и поцелуями. Развлекать публику в этот вечер были приглашены самые модные черные джаз-банды Гарлема: заводной, с белозубой улыбкой, божественно импровизирующий на трубе Луи «Сатчмо» Армстронг, маэстро дирижер Дюк Эллингтон, пианист Каунт Бейси и другие. Вечеринка должна была грохотать до утра: ничто молодые люди этого поколения не умели делать так хорошо, как от всей души веселиться — исступленно, забыв обо всех устоях, нормах и приличиях, до последней искры сил и как в последний раз в жизни...

«Ревущие двадцатые» стали, вероятно, самой яркой и бурной эпохой за всю историю Америки. Первая мировая война была не только трагедией Европы, но и тяжелым временем для США: страна, отягощенная военным производством и высокими налогами, вышла из нее обессиленной и даже с более строгими нравами, чем раньше. Но в 1920-х начался невиданный экономический подъем. Промышленность США впервые в истории обогнала по технологиям и объемам производства Европу, став главным мировым экспортером. Доллар вытеснил фунт, превратившись в доминирующую мировую валюту. Эмиграция в процветающую Америку ведущих ученых каждый год приносила россыпь открытий и новых чудесных устройств, мгновенно внедрявшихся в быт. Некогда единичные автомобили благодаря конвейеру Форда выпускались теперь миллионами в год и стоили так дешево, что их мог купить любой человек с постоянной работой. В каждом доме появились радиоприемники, холодильники, стиральные машины; до самых удаленных уголков добралось электричество. Звуковые фильмы пришли на смену немому кино: каждый американец теперь ходил в кинозал не реже раза в неделю. Открытие товарооборота по Панамскому каналу наконец тесно связало восток и запад США: в Калифорнии и на Среднем Западе города росли как грибы.

Радикально изменились мода, стиль одежды, в архитектуре царил смелый стиль ар-деко. Впервые в истории возник настоящий бум потребления: люди уже не заботились только о выживании, а мечтали перепробовать все, не оставшись чужими на празднике жизни. Уверенные в будущем американцы брали кредиты, раз в десять превышавшие их доходы. Долги никого не тревожили: настала долгожданная эпоха благоденствия, и дальше все будет только лучше.

Лишь узкая, не известная публике группа людей, в которую даже не входили президенты США, понимала, откуда возникло все это «благоденствие». После закона 1913 года Америкой управляла всемогущая Система федерального резерва. И эта Система имела четкий план. В прошлом, когда финансы страны контролировало государство, о выпуске необеспеченных денег не могло быть и речи. Но теперь печатный станок оказался в частных руках: проверить соответствие золота и напечатанной денежной массы не мог уже никто. С начала двадцатых годов Система стала единым огромным механизмом по выдаче кредитов всем желающим. Постоянный мощный приток денег напитывал страну, создавал бум промышленности. Но главной целью была биржа. Если раньше на акциях играли только банки и немногие спекулянты, то теперь открыть счет и получить кредит на покупку акций мог любой человек с улицы. По мере быстрого роста в игру включилась вся страна — в акции вкладывались даже посыльные мальчишки, уборщики улиц и домохозяйки. Летом 1929 года рынок акций, впитавший к этому моменту уже почти все деньги страны, достиг пика.

Ирен Гуггенхайм, виновница торжества, старалась спрятаться от шума вечеринки. Она была скромной, воспитанной и даже стеснительной девушкой, хоть и из богатой семьи. Получив подарки и поздравления, она поспешила уединиться в спальне, чтобы там поболтать с лучшими под-

ругами. Правда, те вовсе не были стеснительными. Вильма, дочь голландского иммигранта, сколотившего состояние на морских перевозках, была типичным флэппером. Революция двадцатые раскрепостили женщин как никогда еще в истории, а молодые девушки, особенно в таком городе, как Нью-Йорк, и вовсе стали жить, презирая любые условности. Вильме было всего девятнадцать, но она уже давно чувствовала себя зрелой и независимой. Сигареты, нелегальные питейные заведения, короткие юбки, развязные вечеринки, парни на одну ночь. Такую подругу, как Вильма, и на милую бы не подпустили к Ирен, если бы пароходы ее отца не перевозили железную руду, добываемую компанией Гутгенхаймов, во все части света. Другая подруга, Джоан, держалась более воспитанно, но недотрогой нельзя было назвать и ее — больше всего она обожала вечеринки в стиле Гэтсби, носила дорогие модные платья, вышитые бисером и золотыми нитями, с глубокими вырезами на спине, светлые шляпки-клош, ярко красила губы. Джоан мечтала уехать в Голливуд и стать великой актрисой — прошлым летом она была с родителями в Калифорнии, где даже получила пару эпизодических ролей в фильмах немого кино.

— Цыпа, ну не будь такой скучной. В твоем возрасте я уже давно не была девственницей. Ты даже не представляешь, как классно быть с мужиком... особенно если он твердый во всех местах. — Вильма рассмеялась нарочито вульгарно, как ей нравилось. — Знаешь, что я делала прошлой ночью? Сначала мы с моим тигренком Биллом — помнишь, я рассказывала? — пошли в клуб его босса, голландца Шульца. Говорят, Шульц заработал уже миллион баксов на нью-йоркских Спикизи. Ирен, объясняю для наивных целок: это бары, в которых такие, как ты, заходят днем и заказывают какой-нибудь сок. Но вечерами там другая публика: если ты шепнешь официанту кодовое

слово, тебе принесут любой виски — шотландский, канадский или ямайский ром. Полдоллара за чайную чашку. За ночь народ выпивает столько, что утром уборщики часами оттирают все стены и туалеты бара от блевотины. Билла там знают, и нам принесли какой-то классный дринок. Через три чашки меня от него унесло: помню только, что я потом долго танцевала на сцене фокстрот с задранной юбкой, а после меня кто-то на руках отнес в туалет и классно там поимел. Может, Билл, может, кто-то из его друзей — какая, на хрен, разница? Короче, было реально круто. В пять утра меня довели домой на шикарном светлом «Бьюике». Только родителям не рассказывай — меня мои убьют, а твои запретят нам общаться.

Ирен покраснела, но старалась не подать виду. Джоан, тоже опытная, хоть и юная девушка, неодобрительно фыркнула:

— А мне кажется, это глупо. Если с кем-то спать, то чтобы польза была. Следующей весной, когда у меня еще больше вырастет грудь, я поеду в Голливуд. Но уже по-серьезному. Там куча продюсеров, владельцев киностудий, агентов. Знаешь, как сделала карьеру Грета Гарбо? Говорят, что она спала там не только с мужиками, но и с женщинами. Нет, она реально крутая и как актриса, и как цыпа, но как еще пробиться наверх шведской иммигрантке? Я готова быть такой же — поимею хоть весь Голливуд, лишь бы только получить главную роль...

Джоан была хороша собой — высокая, со стройной фигурой и томным чувственным взглядом. Ирен вздохнула:

— А меня просто отдадут за какого-нибудь сыночка банкира. Чтобы семейный капитал не расплылся, а приумножался. У меня и не спросят. А если потеряю девственность до свадьбы, с позором отошлют в женский пансион, где я буду гнить до конца моих дней.

В душе Ирен завидовала свободе подруг, но понимала, что они специально рассказывают, чтобы позлить ее. Вильма слегка обняла ее:

— Не кисни, цыпа. Давай пойдем потанцуем. Здесь есть богатые мальчики, которых пригласили специально одних, без подруг. Узнав, что ты живешь в этом замке, эти кобели до утра наперебой будут за тобой ухаживать. А в конце еще кто-нибудь тебе признается в любви! Вот это будет ржач! Заодно попробуешь спиртное, твои родичи же разрешили сегодня. Только сразу много не пей, а то тебе станет плохо...

Иногда подруги Ирен были настоящими подругами.

В комнату осторожно постучала гувернантка. Очевидно, глава семейства беспокоился о долгом отсутствии именинницы.

— Девочки, пошли. Вильма, хорошо, что ты сегодня в приличном платье. Успокою деда, побуду за своим столом. Не знаю почему, но мне плохо, у меня кошмарные предчувствия. Весь день жара, духота, эти безумные танцы. А еще отец зачем-то пригласил банкирский высший свет, они, наверное, сейчас на третьем этаже, в бильярдной. Мне снилось сегодня под утро, что наш дом захватила нечистая сила, поднимающаяся до самых небес. Там она превратится в черный ураган, который обрушится на всю страну от западного берега до самого Нью-Йорка. Эта тьма подхватит и распахнет все эти деревянные фермерские домики в жуткой глуши. Я видела умирающих от голода плачущих костлявых детей, женщин, которые смотрят на меня, а их глаза... пустые, словно дырки в черепе. И кто-то из них протягивает руки — то ли просит о помощи, то ли хочет, чтобы я умерла вместе с ними тоже... А мужчин не было вообще, не знаю, куда они делись. И все вокруг в черной, мерзкой пыли, от которой ни для кого нет спасенья. Девочки, этот сон... ужасный кошмар, и при этом такой реальный — как

будто я даже сама в чем-то виновата. Мне сегодня дурно целый день...

Стук повторился более настойчиво. Ирен и подружки встали, приняв вид благопристойных девушек. Сегодня был праздник Ирен, и она была обязана выйти к гостям...

Пока в нижнем зале грохотал джаз, двое гостей — молодых людей с бокалами — вышли в пустую оранжерею освежиться и поболтать. В свои примерно двадцать пять лет оба уже работали старшими клерками в National City Bank, быстро сделал там карьеру. Один из них, уже заметно разгоряченный, был крайне доволен собой:

— Еще несколько лет, и мы станем охренительно богатыми... Все растет, мой портфель акций уже стоит под сорок тысяч — только представь. Я набрал еще кредитов и взял на все деньги акции US Steel — говорят, этой осенью они взлетят еще втрое. А недавно взял в кредит новый «Понтиак», шестерку. Тачка — охренеть можно. Все пташки Бруклина открывают рот, когда видят, как я подъезжаю на ней к дому матери по субботам. Вот это жизнь... Не понимаю, зачем вообще на хрен жениться, если каждую неделю в клубе можно задаром заводить себе новую куколку.

— Смотря на ком. Вон эта Ирен — чуть толстовата, конечно, и какая-то забитая, наверно, предки держат в строгости, но все это — мелочи и дело вкуса. Представляешь — ты утромходишь в блестящем халате в эту оранжерею и спокойно так писаешь, слушая гомон райских птичек, прямо в этот бассейн. А кто тебе может что запретить, если ты муж наследницы Гуггенхаймов?

Парни громко захохотали, заставив птиц на мгновение примолкнуть.

— А мой отец до сих пор горбатится на своей ферме в Оклахоме. Представляешь, пашет, как раб, четырнадцать часов в сутки, руки у него такие мозолистые, что о них

можно сигару потушить — он ничего не почувствует. В свои сорок пять уже выглядит на шестьдесят. И имеет за это в год всего три штуки после всех счетов и налогов. А здесь, на Уолл-стрит, любой бомж может прийти с улицы, взять кредит и заработать на акциях столько же, не делая руками ничего... ну, или только кое-что, если у него нет подруги. Правда, с такими деньгами подруга быстро появится...

Парни снова захохотали, старый бурбон в их бокалах закончился, и они решили вернуться в зал, где их приятели, давно сняв пиджаки, в лоснящихся от пота крахмальных сорочках отплясывали, прижимая к себе девушек куда более вольно, чем в начале вечера.

Ирен думала, что ее попросят спуститься к веселящейся публике, но горничная проводила ее наверх, в бильярдную. В этой роскошной комнате с несколькими столами с зеленым сукном и шарами из слоновой кости самым примечательным был, пожалуй, потолок — с крупными золотыми пластинами в форме лепестков сказочного цветка. Стены обиты красноватой кожей ручной выделки, в конце комнаты висели два огромных персидских ковра — стародавний подарок деду от британской палаты лордов, где у него в молодости было немало друзей.

Даниэлу Гутгенхайму уже за семьдесят, он сильно сдал, с трудом передвигается. Сейчас он сидит в своем любимом кресле, вокруг него — сиятельное общество знаменитых банкиров. Старик чувствует, что его дни сочтены, и хочет представить любимую внучку высшему свету, заодно сделав широкий жест.

— Дорогая, подойди ко мне. Господа, это Ирен. Она очень умна от природы и к тому же благодетельная девушка: взяла и по моей линии, и от матери только лучшие качества. Пока Ирен не замужем. Милая, ты теперь взрослый человек, сама решаешь свое будущее. Сегодня тебе

исполнилось семнадцать. Я решил сделать тебе подарок — от всей души, конечно. Утром, пока ты спала, я съездил в банк, открыл счет на твое имя и перевел на него ровно семнадцать миллионов долларов, по миллиону за год твоей жизни. Да, это почти все мое состояние. Ты — моя главная наследница.

Ирен, кажется, была готова потерять сознание.

— Семнадцать миллионов? Да что же мне с ними делать, дедушка?

— Что хочешь. Но ты должна быть мудрой, ведь в твоих жилах течет кровь нашего народа. И ты с детства была разумной девочкой. Подойди, я поцелую тебя.

Нежно обняв деда, Ирен задумчиво произнесла:

— Я вложу их в акции. Акции ведь всегда растут...

Она подняла голову на собравшихся в бильярдной, ожидая услышать безусловную поддержку этой вроде бы самой естественной для банкиров идеи. Но, к ее удивлению, реакции не последовало: только сосредоточенные лица и молчание.

— Спасибо, дедушка, я пойду, — прошептала Ирен и, совершенно смутившись, почти потрясенная выбежала из комнаты.

Общество любителей книг

Двумя часами позже, когда солнце уже село где-то далеко за домами Манхэттена на том берегу, около десяти самых важных гостей вечера, среди которых не было удалившегося ко сну хозяина поместья, собрались в библиотеке, считающейся изысканнейшим залом Хэмпстед Хауса. Интерьер библиотеки представлял собой точную копию библиотеки при дворе Якова I, блистательного английского короля начала XVII века, большого поклонника литературы. На ее полках хранилась коллекция из более чем тысячи фолиан-

тов, некоторые из них существовали в мире только в одном экземпляре.

Томас Ламонт, которого Джон Пирпонт Морган еще при жизни считал одним из самых перспективных молодых сотрудников своей империи, теперь находился в расцвете лет и возглавлял крупнейший частный банк страны. С присущей ему легкой иронией он начал разговор, зреющий в высших банкирских кругах уже много месяцев:

— Итак, Джозеф, то есть господин Кеннеди, днем вы нам успели сообщить, что крайне выгодно сбыви свой огромный пакет акций и ждете не дождетесь теперь, чтобы рынок рухнул к чертовой матери так глубоко вниз, чтобы вы смогли выгодно зайти в него снова по копеечным ценам спустя какое-то время? Правильно ли я передаю суть вашей блистательной идеи?

Слова банкира балансировали на грани грубости и насмешки, но, во-первых, это был частный разговор, во-вторых, он знал, что все думают примерно о том же. И, наконец, он мог себе это позволить. Затем он с подчеркнутым уважением повернулся к невысокому джентльмену с усами, совершенно облысевшей головой и нездоровым, землистым цветом лица, который до этого молчал, сидя в углу и глядя в пол. Он был похож на грустного, постаревшего немецкого инженера.

— Господин Варбург, вы когда-то были творцом Системы, стоите ближе к ее истокам, чем любой из нас. Когда-то вы «продали» идею Системы конгрессу, гарантируя, что Америка навсегда забудет о том, что такое финансовые кризисы. Все последнее десятилетие Система печатала деньги, то есть выдавала кредиты под самые низкие ставки всем желающим — как машина, без перебоев. Акционеры Системы — все уже давно долларовые миллиардеры, их капиталы таковы, что обычный человек даже не может себе их

представить. Но в то же время количество долларов в обращении сейчас в десятки раз превышает золотой запас страны, оно даже больше, чем стоит все богатство нации. Пора нажимать на курок, иначе однажды утром все проснутся и поймут, что доллар больше ничего не стоит. И тогда Система уничтожит саму себя, чего нельзя допустить.

Пол Варбург ответил после достаточно долгой паузы:

— Это надо было делать еще в двадцать седьмом — вспомните, я предупреждал, говорил всем, тогда бы не было того ужасного краха, который будет сейчас. Но вам было мало денег, хотелось еще и еще. Что ж, момент действительно настал. Но я не хочу и не буду теперь отвечать за все это. Я честный, порядочный банкир, а не убийца миллионов.

Ламонт вздохнул. Да, все они в душе всерьез считали себя порядочными, добродетельными людьми, несущими обществу пользу и процветание. Но когда портфель инвестиций твоего банка растет на двести миллионов долларов каждый месяц, прекращать это... выше чьих-либо сил.

— Господа, нам нужно все спокойно взвесить. Также необходим скоординированный план действий. Сообщаю вам, что вчера я получил личное письмо от президента Гувера. Он пишет, что обеспокоен слишком бурным ростом акций, кредитов, всего этого потребительского изобилия, и приватно спрашивает меня, есть ли у него повод для беспокойства. Да, Хардинг был идеалистом, Кулиджа можно было дешево купить с потрохами — за сотню тысяч он был готов подмахнуть любую бумажку или законопроект. Но Гувер — хитрая лиса, у него хорошая интуиция и много преданных людей. С ним придется договариваться по-серьезному — я говорю о сотнях миллионов. Без согласия Гувера Система может не выжить после большого краха, конгресс отменит все ее полномочия. Но пока, чтобы спокойно начать диалог, я просто отвечу ему официальным

письмом: напишу, что беспокоиться не о чем — Америку ждет прекрасное будущее.

Эндрю Меллон, министр финансов США, незаконно сколотивший многомиллионное состояние на этом посту, был своим в этом обществе. Худой седой джентльмен походил на старого строгого школьного учителя, любившего пройтись розгами по спинам учеников. Он вошел в историю фразой «джентльмены предпочитают облигации». Федеральное казначейство США и в самом деле покупало облигации Системы на миллиарды долларов, раздувая пузырь долгов.

— Сценарий очень простой. В какую-то неделю — лучше осенью, так как последний кризис 1907-го также случился осенью, — все банки Нью-Йорка без объяснений потребуют от клиентов вернуть все кредиты в 24 часа. Девяносто семь процентов игроков на бирже сейчас сидят по уши в кредитах. Сначала они подумают, что это какая-то ошибка или даже шутка. Им вежливо объяснят, что нет. Тогда они будут вынуждены срочно продавать все свои акции, и рынок мгновенно рухнет, как прогнивший деревянный навес. Под залог акций сейчас покупаются две трети домов. Их владельцам также придется задаром вернуть их банкам. Затем в ход пойдет все, что угодно — вплоть до последней одежды, если она, конечно, будет еще что-то стоить.

Меллон сделал многозначительную паузу, отпил из стакана глоток кипяченого молока и снова продолжил:

— При этом замечу, что я не испытываю никаких угрызений совести. Я начал работать в поле, когда мне было всего девять лет. В шестнадцать, после школы, я уже вкалывал круглыми сутками: за прилавком магазина отца, подручным в банке, по выходным и ночами разгружал вагоны с углем — свежий кусок хлеба был за счастье. А этим бездельникам (он указал куда-то вниз, откуда все еще доносилась музыка) все

приплыло в руки. Пусть теперь тоже поработают и поймут, что почем.

Бернард Барух, словно показывая выражением своего лица — ну уж, если сам министр финансов страны так считает, что тут поделаться, — тоже взял слово:

— Я ожидал, что сегодня будет такой разговор. Меня, признаться, тоже не беспокоит кучка из нескольких миллионов разорившихся идиотов. Открывая счет акций, они подписывали бумагу, в которой говорится, что вложения в акции несут в себе высокие риски. Так что это их проблемы. И все же, господа, когда крах произойдет, каждому из нас надо во что-то инвестировать капиталы. Я понимаю, что это крайне деликатный вопрос, но сегодня особый случай — все темы открыты.

Джозеф Кеннеди, самый молодой из присутствующих, пожал плечами:

— Снова вложусь в акции, когда они будут стоить раз в десять дешевле. Еще куплю пару киностудий в Калифорнии. И бизнес хороший, и все перспективные актрисы пройдут тщательный и строгий профессиональный отбор на главные роли через мою постель. Вкус у меня хороший, за красоту героинь будущих фильмов наша великая нация может не волноваться.

Пошлый, сальный, но правдивый ирландский юмор резанул слух банкиров, но вида никто не подал. Томас Ламонт также решил ответить:

— Мой гений и величайший учитель Джон Пирпонт Морган говорил, что самый надежный актив в мире — это золото. После того как цены на все рухнут, золото — единственное, что вырастет в цене. Американцы бросятся скупать золото на последние наличные деньги. Но купить его будет трудно — большая часть золота Америки к тому времени уже окажется в сейфах банков National City и J.P.

Morgan. Возможно, мы также скупили часть золотых запасов европейских стран.

Министр финансов Меллон удивил присутствующих больше всех:

— Господа, я не должен, конечно, об этом говорить, но если уж все так откровенно... В прошлом году я был в составе делегации министров в Советской Республике, в Москве. Во время секретной встречи Сталин жаловался, что им жизненно необходима валюта, а мы готовы покупать только советский хлеб, и что этого слишком мало, чтобы большевики удержали власть... У меня готово тайное соглашение с Советами, по которому я куплю у них больше сорока знаменитых картин европейских классиков живописи из запасников Эрмитажа на двадцать миллионов долларов. Ван Эйк, Рембрандт, Рафаэль, Тициан. Это вложение — даже лучше золота, поверьте. Но никто — ни у нас, ни у Советов — не должен знать об этой сделке.

Барух кивнул. Его кивок был наилучшей гарантией, что в Америке об этом теперь действительно никто не узнает.

— Ну а вы, Пол? — Барух обратился к Варбургу. — Хотя у вас совсем небольшая доля в Системе, но вы представляете важную часть ее владельцев (Ротшильды редко бывали в Америке в то время). Кроме того, вы — самый умный и профессиональный банкир, которого я когда-либо знал.

— Брошу все к черту. Уеду домой, в Германию, куплю там небольшое поместье на юге и буду до конца дней своих молиться за величайший грех — за то, что я создал частный Резерв, этого монстра. Но не ведаю, будет ли мне даровано прощение.

— Что ж, знайте, по крайней мере, что вы — великий человек, и я, как и другие акционеры Системы, сочту за честь выполнить абсолютно любую вашу просьбу, если вам что-либо будет нужно.

Около полуночи высокие гости Хэмпстед Хауса начали разъезжаться. Они садились не в черные золоченные кареты, как двадцатью годами ранее, а в роскошные лимузины с водителями и охранниками, которые могли мчаться по Нью-Йорку со скоростью больше пятидесяти миль в час.

Уходя, Бернард Барух почтительно поклонился, пожал руку и улыбнулся почему-то заплаканной юной Ирен Гугенхайм. А затем сказал ей тихо, на ухо, несколько фраз, стоивших в тот момент больше, чем гора золота:

— Ирен, вы очень хорошая, добрая девушка. Послушайте мой совет. Ни в коем случае не вкладывайте наследство вашего деда в акции. Рынок акций — это место, где царят недобрые силы. Просто храните деньги на текущем счете в банке National City. Это надежный банк. До свиданья.

Великая депрессия длилась намного дольше, чем банкиры, организовавшие биржевой крах (или как минимум сильно способствовавшие ему), могли вообразить. Десять лет, до конца 1930-х, страну без конца штормило. Самый тяжелый период пришелся на первые четыре года кризиса. В среду 23 октября 1929-го банки Нью-Йорка одновременно потребовали от своих клиентов немедленного возврата всех долгов, на что по закону имели право. 24 октября вошло в историю как Черный четверг. На открытии биржи было столпотворение брокеров, простые люди также заполнили Уолл-стрит, но в это утро все до единого держали таблички с надписью «продаю». Покупателей не было, и цены как снежный ком устремились вниз. Падение котировок длилось с перерывами более трех лет, и в нижней точке кризиса, в 1933-м, все акции стоили в десять раз дешевле, чем на пике, в 1929-м. Через неделю после Черного четверга финансовая система США впала в ступор, хотя банкиры и пытались делать вид, что они что-то предпринимают для борьбы с кризисом. К началу следующего года

обанкротились тысячи мелких банков. В стране не было денег, встало почти все производство, люди по всей Америке начали голодать. Десятки миллионов хозяйств разорились, несколько миллионов людей, в основном в глубинке, где у властей даже не было средств на бесплатные супы, умерли в страшных муках от голода в еще вчера такой сытой Америке. На следующий год кризис перекинулся в Европу, где бушевал несколько лет, став причиной голода огромного количества людей, от южного побережья Франции до русского Поволжья. На фоне тотального кризиса к власти в Германии пришли нацисты, обещавшие с ним покончить. Перемены к лучшему в мировой экономике стали ощущаться лишь к середине 1930-х, но скоро нависла новая угроза — еще одна великая война.

Система сделала свое дело и понемногу вновь пошла вверх, на новый этап обогащения ее никому не известных владельцев.

Глава 4

Нюансы восточного гостеприимства

Сингапур, наши дни

Духпалубный аэробус «А-380» «Сингапурских авиалиний» через пару часов должен был приземлиться в международном аэропорту Чанги. Этот самолет был долгожданным подарком для миллионов авиапассажиров, путешествующих между крупнейшими городами мира. Построенный еще в далеких шестидесятых и переживший затем бесчисленное множество модификаций, старина «Боинг-747» целых сорок лет — вечность по меркам современных технологий — оставался единственным гражданским самолетом, способным перевезти пятьсот и более пассажиров с полным комфортом из одного аэропорта в другой. Мир беспрестанно менялся: свой первый, а затем и последний полет совершил сверхзвуковой, но оказавшийся слишком дорогим англо-французский «Конкорд», компьютеры стали производительнее в миллионы раз, но ничего лучше «747-го» по непостижимой причине авиастроители создать не могли. И лишь по истечении десяти лет нового века многострадальный, превысивший все сметы стоимости и едва не обанкротивший Airbus красавец «А-380» наконец встал

на крыло, ознаменовав собой новую веху в авиации. Пятьсот человек на его борту теперь вообще могли забыть о том, что они находятся в воздухе. Широкие проходы, просторные удобные кресла, барная стойка между салонами, идеальный воздух, отсутствие шума и воздушных ям, ослепительно улыбающиеся восточные стюардессы, отобранные на национальных конкурсах красоты. Лететь на таком самолете из Лондона в Сингапур шестерым студентам Массачусетского технологического института даже в экономическом классе было удовольствием. Разумеется, настоящая роскошь — раскладывающаяся постель и душ в апартаментах первого класса — пока им была недоступна. Но для Джека и его друга Билла Хавличека подобные удобства показались бы даже чрезмерными. Единственное, что их сейчас интересовало, — это быстрый Интернет, с недавних пор доступный пассажирам на протяжении всего полета: технологическое новшество, еще недавно почти невысказанное.

Перед защитой диплома выпускники МТИ в последние годы все чаще отпраивались в технологические полисы Азии. Администрация института всецело поддерживала и даже частично финансировала подобную практику обмена «научным опытом». Хотя ни для кого не было секретом: главной причиной этих путешествий было даже не обогащение знаниями, а контакты со сказочно богатыми азиатскими инвесторами, давно усвоившими простую истину: все прорывные технологические и бизнес-идеи рождаются только на Западе — в Америке и в Европе. Азия, даже с ее древней культурой, к сожалению, на генетическом уровне не была «запрограммирована» на инновации. Конфуций, Будда, Лао-цзы и другие великие восточные мудрецы, жившие две с половиной тысячи лет назад, проповедовали смирение, подчинение традициям и уход от всего земного. В их учениях была бездна му-

дрости, они во многом уберегли восточную цивилизацию от полного хаоса из-за бесконечно раздиравших ее войн и конфликтов. Но философия инноваций, основанная на убеждении, что каждый человек уникален и рожден для того, чтобы привнести в окружающий мир что-то принципиально новое, не существовавшее раньше, восточным религиям была чужда. Если бы нужно было выбрать главного изобретателя в истории, то даже такие гении, как Леонардо да Винчи и Томас Эдисон, остались бы на почетных втором и третьем местах. Первенство осталось бы за скромным переводчиком Библии на немецкий Мартином Лютером. Положив начало Реформации, он впервые поставил человека, его разум и интеллектуальные способности во главу угла. Последовавшие за этим четыре промышленные революции за пятьсот лет изменили мир и жизнь всех населяющих его людей практически до неузнаваемости.

— Джек, Дайана отпустила тебя одного на другой конец света почти на месяц? Опрометчиво! — Шэрон, хорошенькая блондинка с биологического факультета, все еще носившая подростковые брекеты на зубах, в полете явно скучала. — А что, стоит только посмотреть на этих красоток стюардесс. Вы, компьютерщики, к азиаткам точно равнодушны: взять хотя бы Цукерберга. Наверное, вам нравится, когда жена тихая и во всем слушается: не мешает сидеть всю ночь за монитором. В Силиконовой долине азиатских девушек, которые замужем за программистами, вообще не сосчитать.

Джек, куда больше увлеченный тем, что происходило на экране ноутбука Билла, сделал вид, что не расслышал. Вот уже несколько недель они почти круглыми сутками тестируют части их новой программы — той, которую они везли в Сингапур. Какие-то баги в ней, конечно, то и дело

всплывали, но в целом она работала. Билл впервые за пять часов полета оторвал взгляд от экрана и мечтательно вытянулся в кресле.

— Мы порвем инвесторов. Придем с тобой на встречу с ними в халатах из отеля и домашних тапочках на босу ногу, опоздав на два часа, и потом скажем, что наша программа не продается, после чего они вообще взорвутся.

Настроение Билла было приподнятым, а байка о том, каким способом Марк Цукерберг нашел для своего тогда еще малоизвестного детища первых инвесторов, в институте и в среде стартаперов Силиконовой долины стала уже канонической.

— Да, но только у Марка к тому моменту уже был миллион с лишним пользователей Фейсбука, а тебя пока знают только уборщицы компьютерного модуля, которые выгоняют нас отсюда в пять утра. Так что халат и тапочки не прокатят, придется делать серьезную презентацию.

Джек тоже был в боевом настроении, но что-то, а точнее, то самое его седьмое чувство, давно грызло его. Ему было понятно, что поездку следовало бы отложить, но он не поддавался в этот раз внутреннему голосу, так как объяснить, что происходит, ни Биллу, ни другим людям, вовлеченным в их проект, он никаким образом не мог.

Аэропорт Чанги в Сингапуре — гостеприимные врата в «страну будущего» — был гордостью сингапурских властей. Внутри его огромных светлых терминалов цвели настоящие сады с живыми деревьями, располагались рестораны высокой китайской кухни с доступными ценами, не говоря уже о бесчисленных магазинах. За последние тридцать лет аэропорт Сингапура официально признавался лучшим в мире двадцать семь раз, а редкие случаи, когда он опускался на вторую строчку, правительство Сингапура воспринимало как вызов и сразу же направляло огромные средства

на строительство новых терминалов аэропорта и еще большее улучшение существующих.

В зале прилета Джека и его спутников ждал улыбчивый человек, скорее похожий на преуспевающего бизнесмена, чем на чиновника. Столь серьезный прием их даже удивил.

— Господа, добро пожаловать в Сингапур. Меня зовут Ван Кун, я заместитель министра образования Сингапура. Я буду с вами сегодня и завтра. Потом вы сможете общаться с вашими коллегами уже без меня. А еще через какое-то время вы не захотите уезжать: многие ученые после наших лабораторий и слышать не хотят ни о чем другом!

Стройный, спортивный, почти молодой человек в белой рубашке — очевидно, этнический китаец, как и большая часть местного населения, — непринужденно улыбался и шутил, разговаривая при этом на безупречном английском. Но в озорном прищуре его раскосых глаз легко можно было заметить необыкновенную остроту ума и взгляд, пронизывающий собеседника насквозь.

— Надеюсь, перелет вас не утомил. Мы с вами прямо сейчас поедem в Научный центр, там нас уже ждут. Извините, что жизнь в Сингапуре так динамична: вы сможете расслабиться и отдохнуть после встречи, вечером в отеле.

На улице было жарко, душно и очень влажно, но лимузины с климат-контролем были наполнены приятной прохладой. По дороге Ван Кун, сам севший за руль одного из них, ненадолго взял на себя роль гида:

— Пожалуйста, не удивляйтесь: вы для нас действительно дорогие гости. Все невероятное благополучие нашей крохотной страны построено на достижениях человеческого интеллекта. Еще полвека назад Сингапур был обычным небогатым и насквозь коррумпированным азиатским государством. Но потом произошло главное событие в истории нашей страны — к власти пришел Ли Куан Ю, вели-

кий реформатор. Он искоренил коррупцию, начав с первых лиц правительства, создал среду для привлечения западных инвесторов. Сейчас Сингапур — самое развитое государство Азии. Но мы не перестаем заботиться о развитии. Еще столько предстоит сделать! — Глаза Ван Куна загорелись детским восторгом, как у мальчика, ждущего гору подарков в день рождения. — Лично я в министерстве курирую проект «Тысяча». Мы составили список из тысячи самых талантливых, подающих надежды студентов родом из Сингапура, которые учатся в лучших университетах мира, в том числе у вас, в МТИ. Время от времени я лично звоню каждому из них и стараюсь помочь, если возникают какие-то проблемы. Моя задача — чтобы как можно больше из них вернулось после учебы домой, в Сингапур. Кстати, знаете, какая в Сингапуре зарплата министра? Полтора миллиона долларов в год, совершенно официально. Когда человек честно зарабатывает такие деньги, ему и в голову не придет что-то красть.

За окном автомобиля мелькали великолепные небоскребы, современнейшие отели, но сама дорога была на удивление пустой: автомобилей даже в центре было совсем мало.

— Владеть автомобилем — большая роскошь. Их количество строго лимитировано, нужно стоять лет пять в очереди на приобретение, а потом еще придется заплатить пошлину в три-четыре стоимости автомобиля. Поэтому у нас чистый воздух, а на общественном транспорте из одной точки города в другую можно гарантированно добраться меньше чем за час.

Один из мостов, перекинутых через пролив в самом центре города, был тонким и необычно изогнутым. Взглянув на него, Шэррон на заднем сиденье вскрикнула от восторга.

— Да, биолог сразу поняла, в чем здесь дело, — улыбнулся чиновник. — Этот мост — точная, только увеличен-

ная в миллионы раз копия цепочки молекулы ДНК. Биотехнологии — главная наука XXI-го века. Мы в Сингапуре делаем на них особую ставку.

Деловой центр Сингапура под ослепительным солнцем, казалось, сиял белым цветом. Но их цель находилась дальше, в районе обширного ботанического парка. Автомобили остановились у необыкновенного здания из нескольких этажей с надписью Solaris. Его фасад тоже был белого цвета, а само здание изгибалось тонкой причудливой волной. На каждом этаже с открытыми пространствами рос настоящий лес густой зеленой растительности. Из-за этого боковые панели здания представляли собой почти сплошные стены из зелени. Solaris был частью целого квартала, который занимал государственный научный центр «Биополис». Он был чем-то вроде аналога калифорнийской Силиконовой долины, с той разницей, что в нем находились офисы компаний, занимающихся не кремниевыми чипами и компьютерными программами, а инновационными проектами в области биологии и современной медицины. Впрочем, другие сферы науки здесь также были широко представлены. Этот биологический научный кластер был крупнейшим в мире в своем роде, и при этом он быстро развивался.

— Через полчаса у нас будут встречи с двумя группами инвесторов. Первые интересуют технологии шифрования данных, поэтому они горят желанием пообщаться с Джеком и Биллом. Вторые представляют фонды, которые занимаются биотехнологиями. Особенно их интересуют технологии продления жизни. Уверен, что в ближайшие двадцать лет в этой области должны произойти грандиозные прорывы.

Жара и влажность на улице достигли максимума, без кондиционера находиться вне помещения казалось тяжело. Но внутри комплекса Solaris было на удивление комфортно, причем охлаждение было естественным — благодаря слож-

ной, рассчитанной компьютерами системе вентиляции воздуха через многочисленные отверстия в фасаде. Зайдя в зал заседаний на верхнем этаже, Джек и его друзья почувствовали, что они будто очутились в отсеке большого космического корабля из сериала «Звездный путь», который в детстве обожали, вероятно, все будущие американские ученые. На стенах, окружающих длинный стол со светло-матовой поверхностью, висели огромные экраны с такой четкостью изображения, что отдельные пиксели было невозможно рассмотреть, даже подойдя к ним вплотную. На экранах виднелись лица инвестиционных банкиров из разных городов мира — Гонконга, Лондона, Сан-Франциско. За столом сидело несколько человек — представителей сингапурских инвестиционных фондов. Несмотря на жару, все они были одеты в плотные белые рубашки с длинными рукавами и темные галстуки. Свободный дресс-код американских научных центров и инновационных компаний в деловом мире Азии по-прежнему не был принят, невзирая на климатические особенности.

После стандартных приветствий с дежурными улыбками и легкими поклонами на главном экране появилось изображение премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна. И внешностью, и манерой говорить он был неувовимо похож на Ван Куна, только солиднее одет и лет на двадцать старше (на самом деле даже больше, но для человека с Запада определить возраст китайца по внешности крайне сложно). Премьер не принимал участия во встрече лично — эта была запись. Но у Джека возникло ощущение, что скоро он сможет (или ему придется) пообщаться с этим человеком. Премьер произносил стандартную речь — видимо, эту запись показывали всем иностранным инвесторам:

— Мы рады приветствовать гостей в самом инновационном месте нашей планеты. У нас мало земли, но очень

много человеческого таланта, труда и вдохновения. Сингапур — это лишь крошечная, почти неразличимая точка на карте мира. Но именно здесь, у нас, рождается Будущее. Мы создаем самые благоприятные условия для улучшающих жизнь изобретений в любых областях человеческой деятельности. А теперь, пожалуйста, наденьте очки виртуальной реальности, и я покажу вам кое-что еще.

Перед каждым гостем на столе стоял тончайший, почти невесомый ноутбук и лежали очки виртуальной реальности в черной оправе, с затемненными линзами. Джек не раз пользовался такими очками у себя в кампусе, хотя по-прежнему относился к виртуальной реальности как к чему-то, что находилось лишь в начальной, зачаточной стадии своего развития. Правительством Сингапура использовались новейшие разработки компании Samsung. Этот громадный корейский концерн вот уже несколько лет инвестировал миллиарды долларов в развитие технологий виртуальной реальности, но пока не торопился представлять свои достижения широкой публике. Корейцы рассчитывали, что такие американские компании, как Oculus, принадлежащий Марку Цукербергу, первыми выйдут на рынок и сформируют спрос на этот продукт, после чего Samsung представит еще более совершенные технологии и завоюет рынок, уже созданный кем-то другим. Но для таких эксклюзивных пользователей, как сингапурское правительство, технологии Samsung были доступны уже сейчас.

Сказать, что эффект, производимый виртуальной реальностью, показался Джеку впечатляющим, — не сказать ничего. Под продолжающийся рассказ премьера могучая невидимая сила вдруг подхватила и вознесла его на высоту птичьего полета: он оказался в стеклянной кабине на самом верху Singapore Flyer — одного из самых больших в мире

колес обозрения. Кабинка была закрытой, но вдруг какой-то человек, словно ниоткуда появившийся рядом, нажал на кнопку, и стеклянные двери кабинки раскрылись. Человек, учтиво улыбнувшись и поклонившись, предложил Джеку сделать шаг вниз. По залу разнесся мучительный стон — эта картинка проецировалась в очках каждого участника встречи. Джек подошел к краю кабины, посмотрел вниз. Под его ногами был центр Сингапура: он отчетливо, абсолютно реально, как в жизни, видел небольшой стадион, расположенный на островке посреди залива, мосты, отели, крыши высотных зданий. В наушниках шумел ветер. Человек рядом вновь заговорил: теперь он вежливо предложил «небольшой» приз в пятьдесят тысяч долларов любому, кто сделает шаг вниз. Джек снова опустил глаза, увидел землю в двухстах метрах внизу под собой, собрал волю в кулак, сказал себе, что это всего лишь мультфильм... Но сделать шаг в бездну без страховки было решительно невозможно: мозг воспринимал это как абсолютно реальное самоубийство и не давал мышцам ног сделать шаг вперед, как бы сильно Джек ни приказывал себе это сделать. Кажется, те же эмоции испытывали и все остальные. Картинка в очках внезапно выключилась, и последовала просьба премьера снять их. Участники встречи потрясенно смотрели друг на друга: не то чтобы предложенный приз был очень большим для любого из них, но то, что никто так и не сделал шага в бездну, казалось невероятным.

— Прошу прощения, если подверг вас небольшому стрессу, но это была лишь часть презентации. Вы правильно поступили, что остались на месте: во время тестирования этого ролика один человек из контрольной группы все-таки шагнул вниз, и через секунду с ним случился обширный инфаркт. Господа, виртуальная реальность — это не послезавтрашний день. Это — завтрашнее утро, оно еще

не наступило, но уже стучится в наши двери. С радостью хочу вам сообщить, что правительство Сингапура утвердило программу инвестиций в размере двадцати миллиардов долларов из бюджета страны в ближайшие три года на развитие инновационных технологий. Частные инвесторы дадут, конечно, еще больше: вероятно, речь пойдет о сотне миллиардов. Часть этих денег может стать вашей. Творите, дерзайте, бросайте вызов невозможному! Сингапур станет гостеприимным домом для ваших самых смелых идей. Добро пожаловать в Будущее!

Главный экран выключился, улыбчивые стройные девушки-секретари разнесли тонкие прозрачные дизайнерские чашки с зеленым китайским чаем — молочным улуном.

Пришло время для выступления Билла, который, как показалось Джеку, был слегка выбит из колеи упущенной возможностью заработать стоимость целого года обучения в институте. Кроме того, Билл слегка нервничал, ведь, как и любой гениальный программист, он был не самым искусным оратором: разбираться в мириадах электронных таблиц с гигабайтами данных ему было несравненно проще, чем что-то объяснить простыми словами человеку, сидящему напротив, глядя ему прямо в глаза.

— Написанный нами код основан на квантовых вычислениях. Считается, что квантовый компьютер до сих пор не построен, но это не совсем так. Такие устройства уже существуют, хотя пока лишь в единичных экземплярах. Вы знаете, что вся важная информация в мире передается по оптоволоконным сетям в сложном, зашифрованном виде. Шифрованием данных занимается криптография: в последние годы это самая бурно развивающаяся востребованная наука из числа наук, близких к математике. Любая личная переписка, деятельность людей в социальных сетях, банковские денежные переводы, торговые сделки — все это

при передаче шифруется, чтобы никто, кроме законных адресатов этой информации, не мог это прочитать. Чтобы открыть зашифрованное сообщение, необходим цифровой ключ: скажем, в простых случаях — это обычный пароль из нескольких символов. Но есть и другой способ. Например, если вы — хорошо оснащенный злоумышленник или, наоборот, законный представитель спецслужб, то расшифровать сообщение можно, запустив механический перебор всех возможных паролей или цифровых ключей. Если перебирать сотни миллиардов паролей в секунду — а для современных компьютеров это не проблема, — то через какое-то время вы найдете нужный ключ, украв чужую информацию.

Присутствовавшие инвесторы внимательно слушали Билла, но пока он не рассказал ничего, что не было бы широко известно. Затем молодой программист перешел к сути:

— В свою очередь те, кто занимается шифрованием, прекрасно знают об этой проблеме. Поэтому каждый год в мире появляются все более сложные шифры. Некоторые из них для «отмычки» уже требуют перебора большего количества вариантов, чем количество атомов во Вселенной. Даже самые мощные в мире суперкомпьютеры, с триллионами операций в секунду, физически могут взломать такой шифр не раньше чем за миллионы лет. Таким образом, в мире существует много шифров, которые никто — ни террористы, ни спецслужбы — по законам физики и теории вероятностей никоим образом не могут расшифровать. Но тем не менее особенно важная информация все равно расшифровывается и читается. Об этом прекрасно известно — например, из откровений Джулиана Ассанжа или Эдварда Сноудена. Как же это делается?

Джек решил, что пришел момент взять слово и ему:

— Здесь все дело в квантовых алгоритмах. В мире есть несколько суперкомпьютеров, совмещающих обычные

и квантовые методы вычислений. Дело в том, что квантовый компьютер работает на совершенно иных принципах. Он использует не сигналы «0» или «1», а так называемые кубиты. Это как бы свернутые клубки из множества сплетенных цифр — проще объяснить я не могу. А теперь внимание: чтобы взломать любой шифр в мире, квантовому компьютеру не требуется вслепую тупо перебирать все варианты. Всего в несколько действий он раскладывает шифр на его множители и затем с помощью них быстрее чем за секунду подбирает правильный пароль. Обычный компьютер сделать это не в состоянии. Таким образом, любые письма, коды, даже самые сложно зашифрованные банковские переводы на миллиарды долларов с высшей, как считается, степенью защиты спецслужбы, имеющие квантовые компьютеры, при желании могут открыть в мгновение ока. Конечно, это делается лишь в особенных случаях: когда речь идет о важной информации, имеющей значение для национальной безопасности.

Билл взглянул на Джека, словно последний раз спрашивая его, стоит ли им именно сейчас раскрывать свои карты, и со вздохом продолжил:

— Наш код содержит уникальный математический алгоритм. Он позволяет создавать шифры, которые представляют собой бесконечно длинные простые числа. По определению, простые числа делятся только на себя и на единицу. Сложных множителей, по которым квантовый компьютер как раз и «ловит» правильный пароль, такие шифры не имеют. Таким образом, наша программа может создавать шифры, которые никогда не вскроет ни одна спецслужба мира. Никаким теоретическим способом. Месяц назад мы зарегистрировали компанию Freedom Choice, которая может гарантировать неприкосновенность любых личных данных любого человека в мире — начиная от простой переписки

ски с близкими и друзьями в социальных сетях и заканчивая торговыми платформами крупнейших в мире бирж. Наступает эпоха свободы человека. Теперь никто никого никак не сможет контролировать.

— Бесконечно длинные простые числа? Поколения великих математиков бились над проблемой, как их найти, но так и не решили ее. Молодые люди, мне сложно вам поверить.

Пожилой представитель от фонда Quantum Джорджа Сороса, похожий на университетского профессора, по всей видимости, пришел к инвестиционной деятельности из научной среды.

— Для создания нашего алгоритма нам очень помогли те же самые квантовые компьютеры. Как говорили древние, «найми вора, чтобы поймать вора». — Джек позволил себе улыбнуться.

Солнечные лучи все еще ярко освещали зал, но их оранжевый оттенок говорил о том, что вечер был уже не за горами. Где-то на этом же этаже Шэрон, Майк и Шен были на встрече с инвесторами в области биотехнологий. «Интересно, их слушатели сидят сейчас с такими же удивленными лицами?» — подумал Джек.

Реакцию инвесторов на выступление молодых американцев и вправду можно было охарактеризовать как изумление в глазах одних и глубокую задумчивость, смешанную с недоверием, на лицах других. Однако вопросов было немного.

— Когда вы собираетесь организовать первый раунд привлечения инвестиций? На каких условиях, хотя бы примерно?

В разговор внезапно вступил Ван Кун:

— Коллеги, наши гости из МТИ пробудут в Сингапуре еще три недели. Уверен, что у вас будет возможность об-

судить с ними лично все разнообразные технические детали в ближайшее время. Наши гости остановились в отеле Marina Bay.

Желая сделать обстановку непринужденной, чиновник добавил:

— Ну не смотрите на меня так! Мы их предупреждали, что в «Марине» останавливаются только тинейджеры, которые транжирят деньги своих родителей лишь затем, чтобы выставить потом в Сети свое селфи на фоне бассейна над городом. Объясняли, что для серьезных бизнесменов у нас есть прекрасные солидные отели, — но эти американские студенты и слушать нас не захотели!

Смех и шутки по поводу новой гостиницы, ставшей всемирно известным символом Сингапура, но все равно казавшейся представителям «старой школы» безвкусной и несерьезной, означали, что деловая часть встречи подошла к концу.

В холле у лифта, проем которого было непросто различить в чаще тропических растений, Джек и Билл встретили своих товарищей, также только что закончивших свою встречу и пребывавших в превосходном настроении. Особенно сияла Шэрон — во встрече участвовала знаменитая американская ученая — профессор, светило в области новейших технологий генетики, которая давно переехала жить и работать в сингапурский Биополис. Выпускная работа Шэрон по молекулярной биологии содержала десятки ссылок на ее работы.

Ван Кун снова оказался рядом. Казалось, что он мог растворяться в воздухе, а затем появляться в нужный момент. Вероятно, заместителей министров в Сингапуре обучают такой способности на специальных курсах.

— Прежде чем мы поедем в отель, позвольте мне показать вам в этом здании еще кое-что интересное. Вы, ко-

нечно, знаете о том, что такое вертикальные сады — их уже немало и в Калифорнии, и в Европе. Но этот сад, как мне кажется, — живое воплощение будущего. Он занимает минимум площади, не требует удобрений, для полива достаточно лишь несколько капель воды на квадратный дюйм. Компьютерная программа ежеминутно отслеживает скорость роста растений, их потребность во влаге и солнечных лучах. Думаю, что через двадцать-тридцать лет такие сады внутри прозрачных высотных зданий будут полностью покрывать потребности людей в свежих органических фруктах и овощах во всех крупных, развитых городах мира. Сотрудники института три раза в год собирают урожай этого сада, чтобы побаловать вкусными натуральными продуктами своих близких. И потом, это ведь еще и очень красиво...

С этим трудно было не согласиться. Живые стены тропической зелени, оплетавшей здание и снаружи, и внутри, создавали настроение с оттенком детского восторга.

Отель Marina Bay Sands действительно стал символом Сингапура, а вид его знаменитого бассейна на крыше — одной из самых часто встречающихся заставок страничек пользователей всемирной сети Instagram. Отель, что бы о нем ни ворчали высоколобые архитектурные критики, и вправду казался чудом. Он был самым дорогим зданием мира: смета строительства его трех высотных башен, соединенных, словно громадный перевернутый корабль, единой крышей, а также целого района самой дорогой земли в центре Сингапура составила почти восемь миллиардов долларов. Только Международная космическая станция да большой ускоритель элементарных частиц под землей в Женеве обошлись человечеству еще дороже. Однако эти затраты наверняка окупились: с момента открытия гостиницы в ней каждый день не было отбоя от туристов.

Сьют за девятьсот долларов в сутки, в который поселили Джека гостеприимные хозяева, находился на сорок седьмом этаже: один из многих лифтов мягко поднял его на нужный этаж всего за несколько секунд. В номере Джек ожидал увидеть какую-то немыслимую роскошь, но ее там не было и в помине: номер казался огромным, с невероятным видом из окон на город, но был оформлен в духе стильного минимализма — в нем имелось лишь самое необходимое. По местному времени было около шести, и Джек решил совершить небольшую пробежку по городу, чтобы освежиться и посмотреть закат: к этому времени жара резко спала, а погода, хоть и оставалась влажной, стала более комфортной. Обычно он пробегал километров пять за полчаса. Но здесь, в хитросплетении мостов через небольшую реку, отделявшую отель от центра города, сориентироваться сразу было непросто. В таких случаях выручало речевое приложение Siri в смартфоне. Спустившись на первый этаж, Джек негромко произнес в аппарат: «Проложить три мили от входа и обратно для бега, показать меню ближайших ресторанов, озвучить сообщения». Спустя полчаса Джек, приятно размявшись, уже вновь стоял в огромном холле «Марины». Среди прочих сообщений ему пришла смс с фоткой улыбающейся своими детскими брекетами Шэрон: она пригласила Джека вместе поужинать, причем, к его некоторому удивлению, вдвоем.

Еще спустя час они уже сидели у воды в небольшом ресторане на той стороне реки за потрясающе уютным столиком, покрытым зеленой скатертью, со старинной китайской лампой из светлой породы дерева. Шэрон, по-прежнему счастливая от поездки и общения со своим научным кумиром, была одета в обтягивающую белую майку, короткую белую юбку и модные кроссовки. Джек отметил про себя ее хороший вкус: каблуки и вечернее платье с макияжем

в жарком, молодежном Сингапуре выглядели бы неуместно. Шэрон казалась ему привлекательной, хотя всерьез он никогда не думал, что между ними что-то могло бы произойти. Они оба заказали краба-чили — фирменное блюдо сингапурской кухни: немного острое, но с безупречно изысканным вкусом, а также бутылку превосходного красного бордоского вина Saint Emilion. Ужин был необыкновенно хорош. Шэрон довольно щебетала:

— А ты смотрел в детстве этот сериал — «Шокирующая Азия»? Помнишь кадры, как в Сингапуре, в индийском квартале, раз в год проходит шествие в честь какого-то индуистского божества? Когда люди находятся в трансе, протыкают себе кожу во всех местах огромными иглами и крючками и тащат за собой каменные изваяния? Ужас! Меня еще удивляло — они же должны терять сознание от болевого шока? И еще — вся улица должна была бы быть в крови, но там ее практически нет. Было бы интересно посмотреть. Хотя нет — слишком жутко.

— Кажется, я читал, что участники этого парада готовятся к нему, пару месяцев голодая и медитируя. Возможно, к его началу они становятся бесчувственными, как зомби. Почему ты об этом вспомнила? Давай лучше сменим тему.

— Давай, если хочешь. Официант куда-то запропастился... Разлей вино сам, пожалуйста. Давай выпьем за успех и огромную кучу денег, которую мы все, может быть, скоро заработаем! Ура!

После пары бокалов вина Шэрон все так же продолжала улыбаться, ее живописно растрепанные светлые волосы слиплись от влажности, став от этого еще привлекательнее. Глаза были полуприкрыты и подернуты романтической дымкой. Она ждала от Джека каких-то действий, хотя сама еще не знала, готова ли сегодня пойти до конца. Скорее всего, вторая бутылка вина окончательно развеяла бы ее сомне-

ния. Но Джек, осознавая происходящее и не без труда подавляя в себе животное желание слиться с этими милыми губками в романтическом поцелуе, решил все же не выходить пока за рамки дружеских отношений. Впрочем, чтобы не расстраивать Шэрон отказом, после ужина он как бы ненароком мягко взял ее за руку и предложил прогуляться перед сном вокруг отеля.

Вечер был необыкновенным. Перед отелем бил вверх огромный фонтан, на струях которого под приятную музыку шло уникальное голографическое шоу: красивая ведущая с раскосыми глазами, словно живая, приветствовала гостей отеля. Затем началось трехмерное представление с популярными местными группами и певицами. Их объемные, естественные лица словно рождались в недрах фонтана, приближались к вам, а затем сменялись другими. После шоу гости направлялись к другой стороне отеля — там росли огромные волшебные «деревья»: наполовину настоящие, наполовину сделанные из чего-то искусственного. С наступлением темноты деревья начинали переливаться яркой симфонией цветов, а гости отеля ложились прямо под ними на траву — из такого положения цветочное шоу деревьев казалось особенно сказочным. В какой-то момент Шэрон, словно слегка устав, положила голову на плечо Джека — он почувствовал приятный, чуть возбуждающий запах ее волос и юной кожи — в этот момент сила искушения стала почти непреодолимой. Но через несколько мгновений всплеск гормонов прошел, и он взял себя в руки. В холле отеля он лишь галантно пожелал девушке приятных сновидений, проводил до лифта, напоследок уловив ее слегка разочарованный взгляд.

Siri подсказала Джеку, что разница во времени между Сингапуром и Бостоном составляла тринадцать часов. Значит, дома сейчас было уже девять утра. Вернувшись в номер,

он набрал Дайану, но ее телефон был выключен. Это показалось странным — в это время она должна идти с завтрака на первую лекцию. Он послал ей два сообщения через социальные сети, но ответа также не получил. В Facebook Messenger стояла отметка, что Дайана не заходила в него с середины вчерашнего дня. Это казалось тем более странным: ведь она каждый вечер перед сном обязательно проверяла почту.

Джек набрал номер ее соседки по комнате. Та была явно взволнована:

— Вчера к нам заходили двое мужчин в костюмах с удостоверениями ФБР. Они сказали, что у них есть информация, что Дайана незаконным образом оформила учебную визу в США. Они увели ее для разбирательства. До сих пор не знаю, что с ней. Бред какой-то!

Красоты Сингапура, затуманенные глаза Шэрон — все вдруг стало далеким, пустым и неважным. Правда, чувства подсказывали Джеку, что с его подружкой ничего страшного не случилось, скорее всего, ее скоро отпустят и он снова услышит ее голос.

Но вот мог ли он сам спать спокойно этой ночью? Это теперь не казалось очевидным.

Глава 5

За всё золото мира

*Вашингтон, площадь перед Капитолием,
4 марта 1933 года*

— Единственное, чего Америке следует бояться, так это только самого страха.

Звук голоса Франклина Делано Рузвельта, вступавшего в должность 32-го президента Соединенных Штатов, слегка дрожал, искажался в микрофоне и разливался в холодном весеннем воздухе над многотысячной толпой людей, пришедших на инаугурацию. Но в этой звуковой вибрации не слышалось ни тени волнения новичка — скорее, это был рык матерого льва, который и вправду не ведал о том, что такое страх.

— Жадность, упрямство и некомпетентность финансовых воротил свергли и их самих, и всю страну в состояние жестокого кризиса. Они отобрали у людей дома, работу и даже саму надежду на лучшее будущее. Я вступаю в должность так, как если бы США вели в этот момент решительную, кровопролитную войну. И мы победим в ней: наша судьба — только в наших руках.

Измученные, растоптанные, униженные голодом и беспросветной нищетой депрессии американцы внимали речи

Рузвельта у допотопных радиоприемников с замиранием сердца. Казалось, они впервые в жизни слышат голос человека из власти, которому можно *верить*. Тем более странным казалось то, что этот человек был вовсе не сказочным героем, а физически беспомощным инвалидом, прикованным после перенесенной тяжелой болезни к инвалидному креслу до конца жизни. Речь нового президента длилась всего двадцать минут, но именно ее историки будущего назовут поворотным моментом истории американской нации.

На следующий день, 5 марта, Бернард Барух должен был явиться на аудиенцию к Рузвельту в Белый дом. Стоит отметить, что во всей мировой истории было совсем немного таких влиятельных и талантливых людей, которые умудрялись сохранять должность главного советника и правой руки у нескольких могущественных правителей подряд. Впрочем, неправильно думать, что шесть (!) американских президентов, от Вудро Вилсона до Гарри Трумена, управлявших страной в общей сложности примерно сорок лет, сами выбирали Баруха главным помощником. Скорее, все обстояло как раз наоборот.

В день инаугурации Барух находился еще в Нью-Йорке. Речь Рузвельта банкир слушал дома, в своем особняке на западе Манхэттена, на Лексингтон-авеню, рядом с небольшим парком Мэдисон. До офисов банков Уолл-стрит отсюда было три-четыре мили, обычно он проезжал их за пятнадцать минут, но сегодня часть дорог Манхэттена была перекрыта, и он решил прогуляться пешком, несмотря на сырую, немного промозглую погоду. Разумеется, его сопровождали охранники: во времена депрессии находиться одному на нью-йоркских улицах было небезопасно даже людям среднего достатка. Каждый четвертый американец был безработным, каждый седьмой голодал. Уровень преступности в Америке по сравнению с благополучными двадцатыми

вырос в десять раз. Самое безобидное, что могло произойти даже среди бела дня на фешенебельной улице, — кража кошелек или вещей очередной шайкой чумазных мальчишек-беспризорников.

Неторопливо шагая по Парк-авеню в сторону Нижнего Манхэттена, Барух думал о речи Рузвельта и их предстоящей встрече. Метафора нового президента о войне была сильной и, надо признать, точной. После четырех лет разрастающегося кризиса Нью-Йорк действительно был как две капли воды похож на город, подвергнувшийся военному нападению. Многочисленные высотные здания делового центра стояли практически пустыми, без арендаторов, с осыпающейся облицовкой и выбитыми стеклами во многих окнах. Несмотря на все усилия полиции, Манхэттен был наводнен бездомными, спавшими на тротуарах, чаще всего на вентиляционных решетках метро, откуда поднималось хоть какое-то тепло. Ноги бродяги обматывали самодельной «обувью» из обрывков старых газет. На севере Центрального парка — любимого места прогулок многих поколений горожан, в том районе, где еще недавно вечерами в клубах гремел джаз, — теперь был один сплошной «Гувервиль»: палаточный городок, названный «в честь» предыдущего президента, при котором разразился кризис. В нем жили тысячи пытающихся спастись обездоленных людей, приехавших из глубинки. Полиция каждую неделю совершала туда массированные рейды, снося незаконные постройки и арестовывая сотни их обитателей за воровство и отсутствие документов, но людей и убогих хибар становилось все больше. К порту Нью-Йорка, находившемуся по ту сторону пролива, на юге, за Бруклинским мостом, раньше испытывавшему нехватку грузчиков, теперь с ночи выстраивалась километровая очередь из мужчин, мечтавших четырнадцать часов без перерыва таскать неподъемные тюки всего за один

доллар в день, которого хватало только на один семейный ужин. Бесплатная раздача кусков черствого хлеба и водянистого, но хотя бы горячего супа проводилась передвижными армейскими кухнями один раз в день. В очереди к самому крупному пункту раздачи на еще недавно сиявшей неоновой рекламой Таймс-сквер люди стояли два-три часа. Но самым ужасным посреди разрухи, пожалуй, было выражение людских глаз. Точнее сказать, отсутствие всякого выражения. Никто не понимал, что происходит, никто не верил в то, что невероятные трудности когда-нибудь закончатся. Сегодняшний день был из рук вон плох, но завтрашний, казалось, должен был стать истинным кошмаром.

Впрочем, не все ощущали себя плохо. словно пир во время чумы над Манхэттеном на глазах поднимались по этажу в день несколько новых, самых высотных зданий Америки и всего мира. Восхитительный Крайслер-билдинг с ажурным шпилем в стиле ар-деко, небоскреб трастового банка Манхэттена на Уолл-стрит, превосходное здание Рокфеллеровского центра и, наконец, грандиозный, поражающий самое смелое воображение Эмпайер-стейт-билдинг строились почти одновременно, в самый разгар депрессии. Инвесторами и владельцами этих небоскребов помимо престарелого Джона Рокфеллера, ставшего к концу жизни видным филантропом, были несколько относительно молодых богачей, владевших контрольными пакетами акций ведущих корпораций Америки и предусмотрительно (а точнее, по мудрой и своевременной подсказке сверху) успевших продать эти пакеты акций еще до биржевого обвала. Каждого из этих людей Бернард Барух (совпадение?) хорошо знал лично.

Чуть ниже по Парк-авеню, около Юнион-сквер, находился небольшой продуктовый рынок под открытым небом. На прилавках лежали зелень и чуть подмороженные апель-

сины, яблоки и сливы, привезенные из Флориды. Около одного из прилавков раздавался громкий крик — хозяин изо всех сил бил палкой и кулаками худенького мальчонку, видимо, работавшего у него, за то, что тот стащил пару незрелых слив. С другой стороны рядов дородная деревенская женщина варила в чане густой, превосходно пахнущий мясной суп. В паре метров перед ней стояла дюжина детей разного возраста, в основном девочки, некоторые из них были даже вполне прилично одеты и аккуратно причесаны. Дети ничего не просили, просто смотрели на суп и внимали его аромат, зная, что торговка только накричит и выгонит их, может быть, даже позовет полицию. Проходя мимо, Барух протянул женщине металлический доллар. Возможно, ему хотелось, чтобы эта небольшая благотворительность принесла ему удачу. Женщина оказалась добродушной: все поняла, искренне просияла и жестом подозвала детей. Через мгновение банкир услышал оглушительные вопли восторга: детвора бросилась разливать суп по небольшим деревянным тарелкам. Еще через квартал, на пересечении с Пятой авеню, Баруха нагнал его лимузин, и вскоре он уже входил в офис банка National City на Уолл-стрит.

В личном кабинете Томаса Ламонта было просторно, но обстановка намеренно лишена роскоши — в разгар депрессии излишества могли бы выглядеть неуместно. В ноябре 1929-го, когда начался биржевой обвал, Ламонт получил личное предписание президента Гувера возглавить борьбу с кризисом, после чего он, по примеру своего учителя Дж.П. Моргана в 1907-м, собрал пул банкиров и создал стабилизационный фонд в четверть миллиарда долларов. К сожалению, в этот раз масштаб финансовых потрясений был таким, что эти деньги оказались каплей в море: через неделю обвал возобновился с новой силой. С того времени киты Уолл-стрит затаились, чтобы не навлечь на себя еще

большой гнев народа, и особенно — конгресса Соединенных Штатов.

Когда прибыл Барух, в кабинете Ламонта находились несколько человек, включая Джона Моргана-младшего, с годами ставшего внешней копией отца, хотя и не со столь исключительными способностями. Был здесь и Маринер Экклз — молодой, необычайно энергичный успешный банкир. Вскоре его назначат председателем Федеральной резервной системы. До сих пор эта должность была совершенно формальной: чтобы не привлекать к Системе внимание общественности, возглавлять ее приглашали малоизвестных чиновников, ничего не решавших и мало что знавших. Экклз стал первым ее главой, вхожим в общество ее владельцев.

— Эти люди радуются весне, но даже не представляют, какой настоящий подарок их ждет.

Стоя у окна во фраке и держа в руках непрменный высокий черный цилиндр, Барух рассматривал молодежь, гуляющую по Уолл-стрит напротив здания нью-йоркской биржи.

— Время медвежьего рынка окончено, господа. Акции «Дженерал моторз», к примеру, упали в восемьдесят раз. Достаточно, я полагаю, для выгодного вложения? Рузвельт пробуждает нацию, люди вот-вот начнут поднимать голову из летаргического сна. Система — осторожно, с большими ограничениями, разумеется, — в ближайшее время снова должна начать выдавать кредиты.

— Мы не слишком торопимся? — Голос Моргана-младшего, как обычно, звучал резко.

— Да, пока мы еще не готовы. За четыре года банки завладели почти всей промышленностью. Но золото, черт возьми, так и осталось в руках мелких владельцев, кто-то из них даже на грани голодной смерти не стал его продавать. Золотой стандарт никто в мире не отменил, и Системе для нового большого рывка необходимо, по моим расчетам, по

меньшей мере, в пять раз больше золота, чем хранится сегодня в сейфах всех резервных банков страны.

— Бернард, золото никто не будет продавать. И население, и европейские банки будут держаться за него до последнего — это единственный актив, которому еще доверяют. И потом, в пять раз? Откуда вообще взять столько золота? У вас есть карта Эльдорадо?

— Завтра я встречаюсь в Вашингтоне с Рузвельтом. Франк будет сильно упираться, но другого выхода у нас нет. И тем более нет у него... Господа, наступил серьезный момент.

Аудиенция была назначена на девять часов утра. Баруха, прибывшего ранним утренним поездом, новоизбранный президент встретил с почестями, но не в Овальном кабинете, а в зале напротив. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что Рузвельт предпочел эту комнату, чтобы разговор с будущим финансовым советником получился более неформальным. Однако истинная причина выглядела гораздо прозаичнее: архитекторы Белого дома, завершившие его в 1800 году, предусмотрели в здании практически все, кроме одного — они даже не предполагали, что когда-нибудь его хозяином станет парализованный инвалид. В Овальном кабинете с роскошными диванами, толстыми коврами, инкрустированным столиком для фруктов и цветов посередине не было места для проезда коляски. Чуть позже мебель переставили, но Рузвельт, словно из принципа, до конца своих дней принимал самых уважаемых гостей в комнате напротив.

Франклин Рузвельт обладал уникальным для большого политика качеством: в любой речи он в первой же фразе переходил к самой сути обсуждаемого вопроса. Кроме того, его собеседники мгновенно забывали, что перед ними — немощный инвалид. Этот человек словно излучал неистощимую энергию и непоколебимую уверенность в себе.

— Господин Барух! Рад вас приветствовать. Прежде всего хочу сообщить вам о важной мере, которую сегодня же после обеда утвердит конгресс. Завтра все банки Америки закрываются!

Насладившись оказанным впечатлением, он продолжил:

— Разумеется, не навсегда — пока только на неделю. Я дал распоряжение министру финансов и казначейству провести тотальную проверку отчетности всех банков страны. Те, что не соответствуют требованиям, уже никогда не откроются снова. Я намерен начать свою работу на посту с беспощадной и беспристрастной ревизии национальной банковской системы. Возможно, я не похож на Геракла, — глаза президента задорно блеснули, — но я очищу эти авгиевы конюшни.

— Уверен, что это мудрое решение, господин президент. Также хочу вас заверить, что крупные, системообразующие банки, несмотря на кризис, имеют достаточное количество денег и соответствуют всем законодательным требованиям. Правда, проверку не смогут пройти тысячи мелких банков по всей стране, но их вклад в национальный капитал крайне незначителен.

— Да, и после того, как останутся только здоровые банки, я введу систему государственных гарантий депозитов населения. Отныне ни один американец не потеряет свои скромные, заработанные тяжелым трудом доллары, даже если банк лопнет.

— Господин президент, крупный капитал, безусловно, поддержит ваши решения. Но для быстрой стабилизации ситуации необходимо принять и еще некоторые меры.

Рузвельт напряженно посмотрел на Баруха. Он знал, какие могущественные силы тот представлял, но не ожидал столь откровенного давления на себя в первое же утро президентства.

— В национальных интересах необходимо срочно изъять все золото американцев в пользу Федерального резерва.

— Что?? А что еще, по вашему мнению, правительству необходимо изъять? Может быть, заодно и их души? Почему бы и нет, не скромничайте! Господин Барух, сожалею, но время аудиенции подходит к концу: я спешу, мне надо еще раз перечитать мою сегодняшнюю трехчасовую речь в конгрессе. Да, я стою за социальные реформы, но на институт частной собственности посягать не намерен. К счастью, я пока нахожусь в здравом и твердом уме. Благодарю вас, вы свободны.

Золото навсегда

Однако следующий месяц, по труднообъяснимому стечению обстоятельств, стал самым тяжелым периодом для Франклина Делано Рузвельта. Один из конгрессменов, лидеров Демократической партии, давний любимец президента, выступивший в тот день на заседании с пламенной речью, клеймившей жадных банкиров и олигархов с Уолл-стрит, вскоре был трагически застрелен прямо в протестантской церкви проигравшим ему ранее на выборах в округе его штата кандидатом в депутаты от республиканцев. Экспертиза признала убийцу невменяемым: вместо электрического стула тот отделался лишь недолгим курсом психиатрического лечения.

В западном крыле Белого дома в один из вечеров внезапно произошло короткое замыкание, в считанные секунды вспыхнул пожар — единственный серьезный инцидент подобного рода за всю историю здания, несколько залов полностью выгорели. К счастью, Рузвельт с семьей и прислугой в этот момент ужинал на террасе в восточном крыле, поэтому, по случайности, никто не пострадал.

Фондовые индексы, взлетевшие в первые дни после вдохновляющей речи президента, затем необъяснимо, без

всяких причин и дурных новостей, стали резко обваливаться, достигнув к концу марта почти абсолютного дна.

Тогда же, в конце марта, большая семья Рузвельтов (у нового президента было шестеро детей) собралась в Белом доме, чтобы отпраздновать шестилетие маленькой, чудесной Софи — любимой, смышенной белокурой внучки президента. С утра детям раздали подарки: сладкоежка Софи, конечно, не дождалась остальных, тайком открыла коробочку с шоколадом и конфетами, которую неизвестный художник даже подписал ее именем, изобразив ее в виде тонкого белого ангелочка. Через пару часов, когда семья уже садилась за стол для торжественного обеда, Софи вдруг почувствовала себя плохо, у нее не прекращалась болезненная, обильная рвота. К счастью, служба экстренных ситуаций сработала безупречно: уже через полчаса девочка лежала под капельницей в лучшем вашингтонском госпитале, а еще через два дня ее выписали бодрой и веселой.

Разумеется, все эти события были лишь случайным, крайне неприятным стечением обстоятельств.

Но одно из посланий было вполне определенным, хотя понять его мог лишь человек посвященный. Обычная почта, до того как попасть в руки президенту, проходила тщательный контроль службы безопасности, а затем его пресс-службы. Этот порядок не касался лишь одного специального, конфиденциального канала связи. Им могли пользоваться только главы нескольких государств, важных союзников Штатов, а также еще некоторое количество отправителей, список которых президент утверждал лично сразу после вступления в должность. Посылка, пришедшая по этому каналу, была из Рима — на обратном адресе значилась площадь Пьяцца дель Джезу, — подписанная человеком, имя которого было знакомо Рузвельту очень давно, хотя лично они никогда не встречались. Это был великий

магистр итальянской ложи масонов: сам Рузвельт принял посвящение в ложу еще в юности, хотя принадлежал он, в силу происхождения его давних предков, к не самой могущественной голландской ветви. Связи в масонском мире Америки когда-то очень сильно помогли энергичному политику вырасти из мелкого чиновника до губернатора штата Нью-Йорк. Правда, в последнее время Рузвельт не имел с ложей никаких дел и надеялся, что теперь у него достаточно власти, чтобы обходиться без ее указок. Открыть посылку президент попросил свою супругу Элеонор, бывшую его самым доверенным лицом во всех делах. Они ожидали увидеть в ней письмо, но внутри лежали лишь три предмета: однодолларовая купюра с обведенной красным карандашом пирамидой с «всевидящим оком», старинный деревянный циркуль и небольшой железный серп. Слов не требовалось: даже Элеонор поняла суть старинных масонских знаков. Циркуль был символом единого мирового порядка, который олицетворяли масоны, серп — знак нависшей над человеком острой, смертельной угрозы, в данном случае — последнего предупреждения. Всевидящее око означало неотвратимость наказания, долларовая купюра подчеркивала связь с финансовыми интересами всемирной ложи. Более ясным это «письмо» и быть не могло.

— Фрэнк, мы ничего не можем сделать, нас никто не защитит. — Голос Элеонор был тихим, но уверенным. — Сделай то, что они хотят. Наши дети, внуки, семья — мне страшно за всех.

Рузвельт сделал паузу, затем попросил жену включить радиоприемник, чтобы нарушить звенящую тишину. В комнате зазвучал печальный бархатный баритон Бинга Кросби — это был главный американский хит года: «Братишка, выручи монеткой» — исповедь человека, воевавшего за Америку, строившего небоскребы, а теперь без всякой на-

дежды стоящего в очереди за супом и хлебом. «Братишка, выручи золотой монеткой» — именно это Рузвельту предстояло сказать нации, и без того измученной стране, которая так верила в него. Это было, по меньшей мере, недостойно и предельно унижительно. Элеонор нежно положила руку на плечо мужа, и у президента, который чувствовал себя в эту секунду беспомощнее, чем потерявший работу уличный мальчишка, немного отлегло от сердца.

Пятого апреля 1933 года все газеты Америки на переодовице напечатали новый президентский указ. Он был подобен разряду грома. Указ предписывал всем гражданам США в срок до первого мая сдать правительству все имеющееся у них золото в виде слитков или монет по курсу двадцать долларов за унцию желтого металла. Курс «обмена» был откровенно грабительским: рыночная цена золота составляла не меньше тридцати пяти долларов за унцию. Все, кто отказывался сдать золото, при его обнаружении наказывались огромным штрафом или десятилетним тюремным заключением. Чтобы проконтролировать исполнение указа, полиция опечатала и досматривала все личные банковские ячейки в стране, в которых люди обычно хранили золото. Никогда в истории Америки право граждан на частную собственность — первооснова ее конституционного устройства — не было попрано столь решительно и безжалостно.

Пресс-конференция президента прошла спустя пару дней, но не в Вашингтоне, а в зале одного из высотных зданий делового центра Нью-Йорка. Казалось, самым местом ее проведения Рузвельт пытался безмолвно указать на тех, кто стоял за этой драконовской мерой. Разумеется, от репортеров не было отбоя: помещение даже не вместило всех желающих.

— Господин президент, означает ли ваш указ переход к социалистической системе? Почему так строги наказа-

ния за его неисполнение? Америка больше не свободная страна?

Ответы Рузвельта, обычно четкие и прямые, в этот раз были полны тумана:

— Министерство финансов и экономические эксперты считают, что есть опасность массовой утечки золота за границу. Это не в интересах нации. Правительство бережно сохранит наше золото, и оно станет основой будущего роста.

Вопросы посыпались снова, но в ответ президент лишь с трудом выдавил из себя слова, заставившие лица репортеров вытянуться от изумления:

— Я не читал этого указа. Я подписал его, не открывая текст: оставил все на усмотрение экспертов.

Через год, весной 1934-го, когда отобранное золото американцев до краев наполнило сейфы банков Нью-Йорка, а тысячи граждан, пытавшихся скрыть слитки, были отправлены в тюрьмы строгого режима, Бернард Барух присутствовал на очередной аудиенции у Рузвельта. Их встречи стали частыми: в этот раз они общались не в официальном крыле Белого дома, а там, где семья президента обычно отдыхала, — на террасе, около теннисного корта. От напряжения, которое висело в воздухе во время их первой встречи, теперь уже не было и следа.

— Барух, порой мне кажется, что вам и подобным вам мало управлять одной страной. Странно, что вы до сих пор еще не добрались до Луны, Марса и Юпитера. Впрочем, я бы не поставил на то, что этого когда-нибудь не произойдет.

— Господин президент, я всего лишь служу вам и нашей великой стране.

— Биржевые рынки растут целый год, положение стало гораздо лучше. Ситуация с безработицей, правда, напряженная. Впрочем, я ожидаю, что мое управление общественных работ сможет в ближайшую пару лет занять нужной, а если

потребуется, то и ненужной работой миллионы американцев — по крайней мере, чтобы голод прекратился: это вселит в души людей оптимизм, что важнее всего. Барух, а вы что дальше планируете предпринять?

— Скоро на ваш стол ляжет проект закона о передаче всех золотых резервов банков Федеральной резервной системе.

— Интересно. Очередная ваша идея? Перекладываете золото из одного кармана в другой?

— Проект закона написал мистер Экклз, недавно назначенный вами глава ФРС. Золото страны теперь необходимо сосредоточить в одном надежном месте. Пока не решено где. Но это место не будет секретным: наоборот, чтобы вселить уверенность в людей и пресечь слухи, что золото США якобы уплывает непонятно куда, хранилище будет находиться на глазах у всей страны.

— Хорошо, Барух. Обсудим это позже. Знаете, а я попрошу, чтобы нам налили виски. Рабочий день закончился, и, как вы знаете, я отменил этот дурацкий, бесполезный сухой закон несколько месяцев назад. Вы какой бурбон предпочитаете?

— Господин президент, я предпочитаю шотландский виски, односолодовый, или коньяк.

— Что ж, в моем баре найдется и это.

Официант принес янтарный тридцатилетний шотландский виски из региона Спейсайд и разлил его по гравированным стеклянным стаканам. Над Вашингтоном сгустился теплый розоватый весенний вечер. Жена Рузвельта была в отъезде, поэтому к импровизированной вечеринке присоединились две молодые стройные и румяные секретарши, лично отобранные Рузвельтом из сотен кандидаток. Даже будучи парализованным, 32-й президент США оставался активным мужчиной и еще со времен своей бурной юности обаятельным и опытным ловеласом.

Строительство хранилища для золотого запаса Америки длилось два года и было завершено в 1936-м. Для этой цели был выбран кусок земли на севере штата Кентукки, примерно в тысяче километров в глубь страны от Восточного побережья. Хранилище Форт-Нокс стало одним из самых защищенных мест в мире. Здание с гранитными стенами толщиной в несколько метров и железными дверями весом в десятки тонн могло выдержать попадание мощнейшей бомбы. Форт-Нокс до сих пор окружен военной базой, его круглосуточно охраняет целая дивизия.

В конце 1930-х годов европейские государства, обеспокоенные возможным началом новой мировой войны, переправили в Форт-Нокс свои золотые запасы на попечение американского правительства. К началу Второй мировой войны здесь хранилось двадцать тысяч тонн золота — самое большое количество желтого металла, собранное в одном месте за всю мировую историю. Америка гордилась и по сей день гордится великолепным оплотом своего богатства в Форт-Ноксе: само это хранилище всегда символизировало не только прочность национальной экономики, но и главенство США на мировой арене.

Лишь одно маленькое «но» озадачивает некоторых, чуть более понимающих людей. Ни грамма из всего этого золота юридически никогда не принадлежало США. Это золото Системы, законными владельцами которой являются несколько почти не известных людей из разных стран.

Глава 6

Секреты жизни

Сингапур, отель Marina Bay, наши дни

Рано утром Джека разбудил неожиданный звонок с американского номера. Голос, звучавший в трубке, был до боли знакомым, но узнать его удалось не сразу. Это был его отец — хотя они до этого не общались, наверное, года два.

— Джек! Ты хотя бы позвонил мне перед отлетом! Азия — не ближний свет, мало ли что может случиться. И потом, я ведь не раз бывал в Сингапуре много лет назад. Тогда как раз открывалось местное отделение JP Morgan, и меня с одним моим коллегой чуть не откомандировали туда лет на десять. Удалось отговориться, только сославшись на проблемы со здоровьем: влажный жаркий климат — не для моего сердца. Но я бы дал тебе несколько советов и полезных контактов.

— Пап, спасибо, я в порядке. А ты все там же, в Вашингтоне, в офисе напротив лужайки Белого дома?

— Да. Теперь я курирую инвестиционный блок вашингтонского офиса, в основном мы занимаемся крупными сделками в области биотехнологий.

— Не сомневаюсь, что ты позвонил мне по делу. Тебе что-то нужно здесь?

— Ну, не совсем... Но отчасти ты прав. Мне необходимо срочно организовать встречу со Сьюзен Макдоннел. Она работает в тамошнем Биополисе, в генетическом модуле. Ты о ней слышал?

— Да, вчера наша вторая группа встречалась с местными биологами, в том числе как раз с ней. Одна из наших девушек была в восторге от нее.

— Ну вот, я как чувствовал. Одна из крупнейших американских фармацевтических компаний хочет купить ее проект. Наш банк — организатор сделки, имеет хороший процент. От этого проекта зависит сейчас не только мой бонус, скорее даже — вся моя карьера. Проблема в том, что Сьюзен — это такая вещь в себе, никто вообще не знает, что у нее на уме, хочет ли она продавать свои разработки, и если да, то кому. Обычно она ни с кем это не обсуждает, тем более — с банкирами.

— Хорошо, я постараюсь что-нибудь разузнать и перезвоню.

На часах было шесть утра. Спать уже не хотелось — видимо, давала о себе знать разница во времени. К тому же его сильно тревожил вчерашний арест Дайаны. От мыслей о ее возможных неприятностях саднило душу. Джек надел пушистый белый халат из номера и поднялся на лифте к бассейну Skywalk. В течение всего дня в этом месте было не протолкнуться — в основном от азиатских подростков, делающих селфи группами либо поодиночке. Но уж в шесть-то часов утра там должно было быть спокойно и относительно пусто. Но не тут-то было. Оказалось, что как минимум сотне постояльцев пришла в голову идея встретить восход солнца, наслаждаясь видом Сингапура с крыши отеля. Ретивая молодая, но уже совсем не худенькая китаянка с грохотом плюхнулась в бассейн, чтобы раньше других занять место на фоне городской панорамы, обдав Джека и других окружа-

ющих неприятными брызгами. Чуть дальше по пояс в воде стояла компания из нетрезвых русских или украинцев. Похоже, они кутили всю ночь и к утру пришли в знаменитый бассейн, чтобы освежиться. Несмотря на удивительную красоту видов, Skywalk в жизни был далеко не так прекрасен, как на фотографиях в Instagram. Джек вздохнул, даже не стал окунаться в воду и с некоторым разочарованием вернулся в номер. На смартфоне его ждал неотвеченный вызов Дайаны, и он тут же набрал ее номер. В Бостоне был вечер предыдущего дня, еще не очень поздно. Странно, но голос любимой звучал так, словно они были не самыми близкими людьми, а скорее — едва знакомыми. Он едва узнал его.

— Джек, здравствуй. Как у тебя дела? У меня все хорошо. Мне передали, что ты звонил.

— Мне сказали, что ты провела сутки в ФБР. Что случилось?

— Ничего, у меня все в полном порядке. Как твой проект?

— Дайана, объясни, что происходит?

В этот момент в трубке что-то зашуршало, и связь прервалась. Нет, все точно не было в порядке. Почему она ничего не ответила про ФБР? Джек читал о том, что спецслужбы в особенно важных расследованиях превращают нужных им свидетелей в живые подслушивающие и, если надо, подглядывающие устройства. Угрожают им чем угодно, вплоть до многолетней тюрьмы, затем обвязывают их тела микрофонами, вставляют «жучки» во все используемые ими устройства связи. Неужели они сделали с Дайаной то же самое? Впрочем, если даже так, то у него есть способ обойти эту прослушку.

Билл, который полночи, по привычке, сидел за компом, тестируя программу, сейчас, в семь утра, звучал очень сонным — кажется, даже не вполне понимал, где он находится.

Короткий рассказ Джека о происшедшем также оставил его в недоумении.

— Ну, она же сказала, что все в порядке. Может, ты просто себя накрутил.

— Мужик, с нашей программой мы ввязались в крайне сложную историю. Вспомни хотя бы странную смерть Дона. Боюсь, что серьезная игра только начинается.

— Что ты хочешь сделать?

— Надо отправить Дайане пароль для входа в программу. Никаких ключей, мы ничего никому таким образом не раскрываем, ей нужен только один пользовательский пароль. Надо попросить Миранду — ей я полностью доверяю — открыть на свое имя новый номер в скайпе. Затем мы пришлем Дайане пароль, зашифрованный нашим кодом. С этого номера она сможет общаться с нами сколько угодно — и эту переписку никто не расшифрует.

— Хорошо, я поговорю с Мирандой. А теперь дай мне еще поспать, меня тошнит от усталости.

Джек знал, что на слово Билла можно положиться. Сегодня же вечером, когда в Бостоне будет утро, он сможет наконец узнать, что на самом деле произошло.

Отложив решение одной проблемы, Джек тут же переключился на другую. Утренний звонок. Видимо, отец и вправду отчаянно нуждался в его помощи, иначе вряд ли бы позвонил. Нет, Джек не сомневался в том, что отец его любит, даже несмотря на то, что он когда-то так легко расстался с семьей, встретив учительницу из провинции. Возможно, мама, с головой ушедшая в науку в лучшее время их молодости, не давала ему ощущения тепла, уюта семейного очага, столь необходимого любому мужчине. Он также знал, что, кроме него, у отца так и не было других детей. Почему же он тогда звонил так редко? Возможно, это была смесь гордости и психологии банкира. Отметать любую

сентиментальность, подчинить все успеху, заключению сделок и зарабатыванию денег. Родственные чувства? Лишняя, неоправданная трата сил и времени. Интересно, а что останется у него потом на душе, кроме накопленных на пенсию и спокойную старость миллионов? И стоит ли всю жизнь гнаться за деньгами, которые все равно потом не унести с собой в могилу? После вычета налогов что-то достанется наследникам, которые и спасибо не скажут. Воспримут как должное и все равно всегда будут вспоминать тебя только как скупого, строгого родителя, которого в детстве, то есть времени, когда они больше всего в тебе нуждались, они толком и не видели. В последнее время у богатей всего мира вошло в моду завещать свое состояние на благотворительность. Этого Джек тоже до конца не понимал. Что же им тогда мешало заниматься благотворительностью самим, при жизни? Ведь тогда они сами могли бы определять, куда жертвовать средства. А так это решают за них непонятные фонды, содержащие большой штат сотрудников, которые в конечном счете скорее вредят, чем помогают тем, кому их средства адресуются. Например, гуманитарная помощь (обычно просроченными) продуктами питания африканским странам десятилетиями не давала развиваться их собственному сельскому хозяйству. Ладно, достаточно философии. «Это мой отец, и я должен постараться помочь», — подумал Джек.

В холле отеля на фоне толпы шумных китайцев он увидел Майкла, который что-то сосредоточенно писал на своем планшете, сидя в кресле. В институте они редко общались, но сейчас Майкл был самым близким ему по профилю исследователем из биологической части их команды. Он работал на стыке молекулярной генетики и информационных технологий: писал алгоритмы чтения последовательностей генов в цепочках ДНК, создавал трехмерные визуализации микроскопических процессов в живых организмах в высо-

ком качестве разрешения. Джеку было интересно узнать мнение Майкла о так поразившей всех вчерашней демонстрации возможностей виртуальной реальности. Но Майкл отреагировал скептически:

— Да, девчонки визжали в этих очках, но на самом деле — ничего сверхъестественного. Все тот же закон Мура об удвоении мощности компьютерных вычислений каждые два года. Как ты знаешь, этот закон работает уже полвека. Все большая четкость картинки, все более быстрый отклик на повороты головы, все лучшая цветопередача, воздействующая на зрительные нервы. Но пока это все равно — игрушки. Вот когда виртуальная реальность позволит не только пугать людей, как вчера, а выполнять важные задачи, например проводить хирургические операции на расстоянии в полмира или полноценно обучать людей вне стен университетов, тогда и поговорим. Я как раз сейчас работаю над некоторыми из таких алгоритмов. Хотя, конечно, для большинства, — он кивнул в сторону группы стоявших в очереди у рецепции молодых людей, уткнувшихся в свои гаджеты — игрушки все равно важнее. И они их получают: скоро каждый второй будет ходить по улицам прямо в виртуальных очках.

— Ты прав. Знаешь, мне нужно пообщаться со Сьюзен Макдоннел. Это ведь она вчера была на вашей встрече от Биополиса?

— Нет проблем. Можешь увидеться с ней сегодня же. Она обещала сделать нашей команде экскурсию по своим чудо-лабораториям. Мне даже показалось, что Сьюзен заметила Шэрон себе в помощницы — сам знаешь, что с местными сотрудниками общаться не так просто, культурный барьер еще никто не отменял.

Майкл с его рассудительностью и спокойствием в любых ситуациях очень импонировал Джеку. Они могли бы хорошо поработать вместе над каким-нибудь проектом.

Джек позвонил Шэрон, предложив ей после завтрака погулять в «Садах у Залива». Так назывались два огромных белых купола, еще одно из «чудес» Сингапура. Внутри этих сфер были идеально воспроизведены экосистемы африканской саванны и южноамериканского влажного тропического леса. Поначалу Шэрон держалась холодно (видимо, из-за их вчерашнего свидания, оставшегося лишь дружеским), но постепенно разговорилась. Как биологу ей было интересно увидеть все эти экзотические растения под куполом, но, как и любая девушка, она не особенно любила гулять по достопримечательностям одна — поэтому была благодарна Джеку за компанию. В «Садах» их особенно впечатлили огромные баобабы с широченными круглыми стволами, которые росли как в настоящих джунглях. Шэрон тут же решила, что в следующий свой отпуск она полетит на Мадагаскар, чтобы посмотреть там на целые леса этих необыкновенных деревьев.

Сьюзен Макдоннел встретила гостей из МТИ в своей лаборатории в Биополисе примерно в час дня. Она была одета в голубой халат, ее шею облегал полупущенная маска. Разговаривая, она то и дело поднимала руки в таких же голубоватых перчатках, словно по какой-то профессиональной привычке активно жестикулируя ими. Сьюзен недавно исполнилось сорок лет: она была высокой, худой, немного суховатой, со светлыми крашеными волосами. Она выглядела бы моложе своего возраста, если бы не массивные темные мешки под глазами — следствие работы по четырнадцать-шестнадцать часов в день почти без выходных на протяжении многих лет.

— Перед тем как мы зайдем в нашу лабораторию, вам нужно подписать бумагу соглашения о конфиденциальности. Таковы процедуры: интеллектуальная собственность — главное достояние Сингапура. Заходя сюда, вы обязуетесь

никому не раскрывать, что вы здесь увидели и узнали, иначе на вас обрушится вся местная судебная система. Сожалею, но таковы правила.

После формальных процедур Сьюзен вплотную подошла к стене у двери, приблизив лицо к какому-то датчику.

— Считывание структуры радужной оболочки моих глаз. Она даже еще более индивидуальна у каждого человека, чем отпечатки пальцев. Абсолютно надежная технология защиты доступа, — пояснила ученая.

Джек почему-то вспомнил эпизод из голливудского боевика, в котором злодей убил ученого и затем открыл дверь, поднеся вырезанный глаз убитого к датчику. Но вслух он, конечно, об этом не сказал. Любая технология защиты имеет свои «дыры». Кроме их шифра.

Когда двойная дверь открылась, а посетителей еще и просканировали, как в аэропорту, их взору открылась самая огромная биологическая лаборатория, какую они только видели. Она занимала целый этаж здания и состояла из нескольких очень просторных помещений.

В одном из них стояло множество клеток с подопытными грызунами, а также сложный длинный лабиринт, по которому их заставляли бегать в ходе экспериментов. В другом — находились сотни стеклянных сосудов, в них хранились всевозможные виды бактерий и вирусов. Третье помещение было похоже на полукруглый кинозал с целой сетью компьютеров вокруг экрана: здесь, очевидно, применялись технологии визуализации биологических процессов.

— Мы работаем сразу над несколькими важнейшими темами. Борьба с самыми распространенными видами рака — например, женским раком молочной железы, который, несмотря ни на какой прогресс, продолжает уносить огромное количество жизней, причем чаще всего еще довольно молодых женщин. Во-вторых, вакцина от малярии,

до сих пор убивающей два миллиона африканцев каждый год, в основном детей с ослабленной иммунной системой. Уже только эти две темы могли бы занять целую армию исследователей на многие годы. Но наш главный объект изучения — это технологии продления жизни.

Шэрон, жадно ловившая каждое слово госпожи Макдоннел, не утерпев, вставила реплику:

— В мире столько богатых, ну просто сказочно богатых людей. Меня еще в детстве удивляло: свои миллиарды им же не унести в могилу. Значит, они должны вкладывать их в разработку лекарств, чтобы продлить себе жизнь как можно дольше, иначе зачем вообще им богатство?

— Согласно, это было бы логично, но на самом деле по-настоящему крупные частные инвестиции в исследования процессов старения в мире потекли лишь недавно. Почему миллиардеры не вкладывались в это дело раньше, я и сама объяснить не могу. Может быть, не верили в успех, в то, что еще при их жизни ученые успеют создать чудо-таблетку, продляющую жизнь. А может быть, наоборот: виноваты как раз мы, медики, веками твердившие, что старость неизбежна и что ее физиологически никаким образом не отсрочить.

— Так что же, уже родился первый человек, который проживет двести лет?

Джек не удержался от иронии, хотя это тема его всегда всерьез интересовала.

— Скорее нет, чем да. Человек и так как биологический вид живет необыкновенно долго по меркам его природы. Теплокровные млекопитающие из отряда приматов, к которым, как считает наука, принадлежит человек, исходя из таких наших показателей, как масса тела, частота сердцебиения, скорость пищеварения, должны бы жить максимум сорок — сорок пять лет, а на самом деле мы живем вдвое дольше. Говоря откровенно, загадка — скорее то, почему

мы живем так долго, а не почему так мало. Возможно, это как-то связано с высоким уровнем развития человеческого мозга. Что именно вызывает старение организма, тоже до сих пор доподлинно не известно. Лет двадцать назад была очень популярна теория свободных радикалов. Мы дышим кислородом, который является химически агрессивным элементом, окислителем. Часть вдыхаемого нами кислорода остается в организме в виде токсичных элементов — радикалов. То есть человек, почти как металл, как бы ржавеет изнутри с каждым годом. Но потом нашлось много экспериментальных возражений против данной теории, и она ушла на второй план. Сейчас основной гипотезой является генетически запрограммированное старение. Так же как в наших генах заложено развитие из эмбриона в момент зачатия во взрослую особь с пиком всех жизненных функций в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, в них запрограммировано и постепенное угасание организма после этого пика. Вот только где и как это старение записано в наших генах, мы до сих пор, даже расшифровав весь человеческий геном, понятия не имеем. Ничего похожего на программу самоубийства в геноме человека нет. Ну и, наконец, самая актуальная сейчас теория, хотя догадки об этом были сделаны еще лет сто назад, — это укорочение теломер. В клетках человека есть такой фермент — теломераза. Благодаря ему на концах наших клеток есть очень важные для них «хвостики» — что-то вроде застежки-молнии на куртке. С их помощью клетка закрыта и защищена. К сожалению, при каждом делении длина этих хвостиков уменьшается. К старости теломеров почти не остается, клетки становятся беззащитными и распадаются. К сожалению, самый легкий, казалось бы, путь решения этой проблемы не работает. Если для «омоложения» организма вводить в него фермент теломеразы извне, то клетки человека сразу преоб-

разуются в раковые. Таким методом жизнь человека можно только резко укоротить, а не продлить. Одним словом, чем больше ведущие ученые занимаются проблемой старения, чем глубже проникают в его процессы, тем все более сложными и запутанными эти процессы кажутся. У многих, если честно, после долгих лет исследований руки опускаются.

— А в чем состоит ваша прорывная теория?

— Мы активно исследуем человеческие клетки, а именно — их митохондрии. Это такие сложные энергетические станции внутри клеток, как бы их главные двигатели. Это митохондрии «съедают» почти весь вдыхаемый нами кислород, именно они убыстряют или замедляют обменные процессы внутри клеток. С годами митохондрии как бы выдыхаются, все более вяло и даже безразлично занимаются этой самой регулировкой процессов, из-за чего в клетках постепенно возникают внутренние воспаления, которые затем приводят к дегенеративным процессам. В конечном итоге клетка без достаточного количества энергии перестает делиться и превращается просто в комок биологического мусора. Когда таких клеток в организме накапливается слишком много, человек мгновенно угасает. Внешней причиной смерти при этом может быть что угодно: инфаркт, инсульт, болезнь Альцгеймера, онемение тканей и так далее.

— И вы можете как-то повлиять на этот процесс?

— Да, мы изобрели и уже даже получили положительные результаты испытаний препаратов для омоложения и стимулирования митохондрий. Это не только инъекции — это целая система разных процедур, которые у человека могут занимать от полугода до нескольких лет. Старые подопытные мыши с раком в последней стадии, которые должны были бы умереть в считанные дни, после инъекций препарата в половине случаев полностью вылечиваются, а про-

должительность жизни обычных здоровых мышей растет как минимум в два раза. Еще ни один препарат в истории медицины не давал такого ярко выраженного и клинически подтвержденного эффекта.

— Вы запатентовали его?

— Это не так быстро делается. Во-первых, надо тщательно оформить результаты исследований. Затем определить доли заслуги в этом изобретении меня лично, моих ключевых ассистентов и, конечно, сингапурского правительства. Думаю, юридическая часть займет месяца три, не меньше.

— А вы применяете эти препараты на себе? — Вопрос Джека привел Сьюзен в секундное замешательство.

— Вообще-то да. Я очень физически устаю от всей этой работы, и мне необходимо дополнительное восстановление. Мои анализы, которые я сделала на днях, после двухмесячного приема препаратов, показали значительное улучшение состояния моего организма. И это только начало.

— Значит, люди с этим препаратом и вправду начнут жить по двести лет?

— Не знаю. Природа человека невероятно сложна, и мы только приоткрываем первые завесы. Мы можем омолодить клетки, но затем окажется, что природа приготовила нам еще очередную ловушку, не давая отдельной человеческой особи жить слишком долго. Мир устроен так, что поколения должны сменять друг друга. Пожил, завел детей, освободи место на планете — ведь ресурсы Земли далеко не беспредельны. Бессмертие или, скажем, жизнь длиной тысячу лет точно не достижимы — по крайней мере, биологическими методами. Но, с другой стороны, жить счастливо и абсолютно полноценно сто десять — сто двадцать лет, сохраняя здоровье и почти такой же уровень физической и сексуальной энергии, как в молодости, хорошо выглядеть

до самого конца — вот это абсолютно реально. Думаю, что уже для наших детей.

Сьюзен вздохнула, улыбнулась и предложила пройти всем внутрь лаборатории. Больше полутора часов она описывала методы исследований, демонстрировала подопытных животных: активных, подвижных, со здоровой светлой лоснящейся шерсткой — ту самую группу возрастных мышей, которая резко помолодела после приема ее препаратов. Но, к некоторому удивлению гостей, методы трехмерного моделирования биологических структур на больших экранах — то, что они, конечно, хотели увидеть больше всего, — она продемонстрировать им не стала.

— К сожалению, на этот счет у меня жесткое предписание руководства Биополиса. Последние разработки компьютерного моделирования биопроцессов — это наше самое важное ноу-хау, я дала подписку о полном неразглашении информации из этой области.

В конце встречи Джек попросил Сьюзен поговорить один на один в ее кабинете и рассказал ей о звонке своего отца этим утром и интересе к ее работам со стороны американских фармакологических компаний и банков. Он ожидал увидеть любую реакцию ученой — гнев, просьбу не лезть в чужие дела, холодность, надменность. Но Сьюзен неожиданно взяла долгую паузу, несколько раз прошлась взад-вперед по кабинету и даже (что удивило Джека) нервно закурила электронную сигарету.

— Я знаю об этом. Е-мейлы из Америки скоро обрушат архив моего почтового ящика. Но если бы все было так просто — получаю нужные патенты, регистрирую компанию и продаю ее за миллиард долларов или, не знаю, сколько там они готовы выложить. Во-первых, я шагу не могу ступить без согласования с кураторами из местного Министерства науки. Но даже не это главная проблема.

Есть вещь, связанная с этими препаратами, которую западной общественности лучше не знать. Точнее, не о самой этой вещи, а о том, как она проводится. Джек, ты похож на человека, которому можно доверять. Твой отец занимает достаточно высокий пост в JP Morgan, и можно ли с ним проконсультироваться privately — так, чтобы это не всплыло в прессу?

— Да, конечно, гарантирую вам это.

— В таком случае поговорим снова через несколько дней. Я организую тебе поездку в Таиланд, в крупный медицинский центр, который находится в этой стране. Правда, о нем практически никто не знает. Мы с ним активно сотрудничаем. Можешь взять с собой Шерон — кажется, она хорошая девочка и талантливый биолог. Когда вернетесь, обсудим все более обстоятельно.

Джек сначала хотел ответить, что такая поездка не входит в его планы — у него самого много дел в Сингапуре. Но затем он вспомнил почти умоляющий тон своего отца и лишь спросил:

— Что, мы должны лететь в Бангкок уже завтра?

— Да, сегодня до конца дня я свяжусь с тайскими коллегами, чтобы они встретили вас там.

— Хорошо. Думаю, что Шерон не будет возражать — она любопытная и к тому же, скорее всего, готова выполнить любую вашу просьбу.

Реакция Сьюзен и перспектива внезапной поездки удивили Джека. События развивались как-то уж слишком стремительно. По дороге обратно в отель, пока он размышлял об этом, на его смартфоне последовал вызов по системе скайп: через секунду на экране возникло лицо Ван Куна.

— Добрый день! Сегодня, к счастью, не так жарко, как вчера, будет легче акклиматизироваться. Как вам Сингапур?

— Очень впечатляет, если не сказать больше.

— Спасибо, я рад. Но сегодня вечером ваши впечатления станут еще ярче. Господин премьер-министр приглашает вас на получасовую неформальную встречу. Ему показали запись вашего выступления перед инвесторами, и оно господина Луна очень заинтересовало. Я заеду за вами в полседьмого вечера.

— Нас приглашают вдвоем с Биллом?

— Вы можете рассказать вашему другу о встрече, но господин премьер пока пригласил только вас.

— Хорошо, я буду готов... Конечно, если Билл не будет возражать, — добавил Джек после паузы, но Ван Кун к этому моменту уже отключился.

В гостинице Джек первым делом рассказал о разговоре с чиновником Биллу, но тот, ненавидевший церемонии, ответил, что доверяет Джеку и отпускает его на встречу с этим хитрым китайцем с легким сердцем. Кроме того, Билл помнил о просьбе друга помочь разобраться с арестом Дайаны: выйти на связь с нею он как раз должен был вечером в это же время. Дайана втайне нравилась Биллу, как и многим другим их однокурсникам, еще и поэтому он искренне был готов ей помочь.

До встречи с главой страны оставалась еще пара часов, и Джек решил, что ему нужно соответствовать азиатскому дресс-коду: привычные джинсы и легкая рубашка казались не вполне подходящими данному случаю. Благо далеко ходить было не надо: длинные ряды бутиков с известными брендами одежды находились на подземном уровне отеля — достаточно спуститься на лифте. Покупателей в бутиках почти не было: сезон скидок миновал, а полная стоимость новых коллекций брендов была здесь даже выше, чем на знаменитой модной улице Rodeo Drive в Лос-Анджелесе. Джек решил не смотреть на ценники и выбрал то, что ему понравилось больше всего: изысканный темно-синий пид-

жак от Zegna с серебристыми пуговицами, отлично севший ему по фигуре, и светлые вельветовые брюки той же марки. Из зеркала в таком виде на Джека смотрел не студент, а холерный и уверенный в себе бизнесмен. Комплект стоил несколько тысяч долларов — таких дорогих вещей Джек себе никогда еще не покупал. Однако события разворачивались так, что мелочиться не приходилось.

Лимузин с Ван Куном за рулем подъехал с точностью до минуты. По дороге, сделав пару комплиментов Джеку по поводу его внешнего вида, чиновник, бывший еще вчера столь общительным и улыбчивым, теперь лишь сосредоточенно молчал.

Встреча с премьером происходила не в правительственном здании, а в небольшом зале для конференций в старейшем отеле города «Раффлз». У дверей отеля и внутри здания дежурили охранники в старинной белой национальной одежде, с высокими, похожими на индийские, головными уборами, что выглядело в ультрасовременном Сингапуре хоть и стильно, но непривычно.

Высокий дресс-код оказался излишним: сам премьер был одет почти по-домашнему: в светло-серые брюки из мягкой ткани и такую же светлую рубашку с короткими рукавами. Тон премьера, непринужденно владевшего английским, казался дружеским и располагающим:

— Хорошо, что вы пришли, Джек. Если бы у нас было больше времени, я бы сначала пригласил вас перекусить внизу, в баре этого отеля. Знаете, это очень уютное и при этом важное историческое место. В баре «Раффлз» подают лучшие в мире легкие алкогольные коктейли по секретным фирменным рецептам. Гости закусывают их отборными фисташковыми орешками, скорлупу от которых принято бросать прямо на пол, образуя кучу мусора. Так делали в этом баре Эрнест Хемингуэй, Джон Кеннеди, Мадонна и сот-

ни других бывавших в нем знаменитостей. Представляете, в самом сердце Сингапура, где даже за выплюнутую на асфальт жвачку полагается огромный штраф, — и такая по-хорошему старомодная, раскрепощенная атмосфера.

До этого момента премьер казался Джеку приятным, интеллигентным человеком солидного возраста, всеми силами желавшим завоевать расположение собеседника. И лишь его буравящий взгляд говорил о том, что это лишь прелюдия к куда более серьезному разговору.

— Джек, я ознакомился с видеозаписью вашей вчерашней встречи почти сразу после того, как она закончилась. Меня заинтересовала ваша презентация. Сегодня утром я запросил мнения наших экспертов в области ИТ, и они ответили, что ваша идея — практически гениальна. Джек, правительству Сингапура нужна эта программа. Мы готовы немедленно заплатить за половинную долю в вашей с Биллом компании тридцать миллионов долларов. Если, конечно, вы раскроете нам все ключи к вашим шифрам и мы убедимся, что все работает надлежащим образом. Это очень щедрое предложение: если вы согласитесь, то очень скоро станете богатыми людьми. А наличие в вашем бизнесе такого солидного, крупного и уважаемого партнера, как правительство Сингапура, только поможет вам: оставшаяся у вас половина акций при размещении на бирже Гонконга или Шанхая взлетит вообще до небес — вы сможете выручить за нее спустя пару-тройку лет, может быть, сотни миллионов. Вы ведь для этого и привезли сюда ваше изобретение: я не вижу никаких причин для вас не согласиться с нашим предложением.

Джек закусил губу. Партнерство пятьдесят на пятьдесят с таким могущественным партнером плюс раскрытие всех секретов и кодов означало практически полную потерю контроля над этим бизнесом. Деньги, конечно, очень

привлекательные, но разве только в них было все дело? Они с Биллом в первую очередь хотели изменить мир, подарить свободу всем пользователям высоких технологий, а заодно и больно щелкнуть по носу любым диктаторам. А здесь все получается наоборот: один из таких восточных диктаторов, хоть и в красивом демократическом облики и с безупречными западными манерами, в эту самую минуту хочет единолично завладеть этой технологией. И, разумеется, совсем не для того, чтобы дать ею пользоваться всем желающим.

— Господин премьер, мы с Биллом приехали в Сингапур, чтобы рассказать инвестиционному сообществу о нашем изобретении, определить дальнейшие перспективы его развития. Вот так с ходу взять и продать его мы пока не собираемся. Спасибо за ваше действительно щедрое предложение. Но я вынужден ответить отказом.

Лицо Луна исказила острая, болезненная гримаса. От искреннего дружелюбия не осталось и следа.

— Подумайте еще раз. Посоветуйтесь с вашим партнером. Мне показалось, что вчера он очень расстроился, что упустил приз в пятьдесят тысяч. Что тогда он скажет о сумме с восемью нулями? У вас есть время завтра до вашего вылета в Бангкок.

— Откуда вы знаете?

Премьер лишь усмехнулся:

— Если бы вы знали о нашей стране чуть-чуть больше, то совсем не удивились бы. Мне даже не понадобилось устраивать лично за вами слежку. Ни для кого не секрет, что в Сингапуре работает единый национальный вычислительный центр, оснащенный целой сетью новейших компьютеров. Все действия каждого гражданина страны, то есть *абсолютно все действия* — вы понимаете меня как компьютерщик? — обрабатываются и отслеживаются в режиме реального времени. Допустим, мне нужно знать

о некоем гражданине Чене. Я нажимаю на кнопку и тут же узнаю, на какую сумму и каких продуктов он купил сегодня в супермаркете себе на ужин, какие дома вечером просматривал телепередачи, кому звонил, о чем говорил, во сколько минут и секунд выключил свет в спальне. То же касается и иностранцев, хотя за обычными туристами особой слежки нет. Так вот я за десять минут до нашей встречи нажал на кнопку вашего досье и увидел, что помощница Сьюзен Макдоннел — прекрасная ученая, кстати, — заказала вам авиабилеты в Таиланд и обратно. Вы вылетаете завтра в полдень. Мое предложение и протянутая дружеская рука действительны только до этого времени, и ни минутой больше. Пожалуйста, обдумайте все как следует.

Аудиенция у премьера была окончена.

Вечером в номере у Билла, предварительно включив телевизор на музыкальном канале на максимальную громкость, Джек тихо и вкратце передал суть разговора своему другу. К счастью, Билл не стал биться в истерику по поводу денег, а лишь сказал, что им и вправду нужно все хорошо обдумать и точно не предпринимать никаких действий наспех. Билл решил полететь вместе с Джеком тем же рейсом в Бангкок. Во-первых, в другой стране они могли бы спокойно все обсудить без прослушки, во-вторых, он не хотел, чтобы на него начали давить, пока он оставался бы в Сингапуре один, без Джека. И, наконец, ему, как и шутила тогда в самолете Шэрон, и вправду нравились миниатюрные, тоненькие и нежные азиатские девушки. А в Таиланде, как известно, они особенно очаровательны.

Поздно вечером, когда Миранда передала ключ для защищенного обмена сообщениями с помощью шифра Дайане, подробности вчерашнего ареста выяснились. Дайана написала: «Я не знаю, были это настоящие сотрудники

ФБР или нет. Внешность, манера общения, документы — все вроде бы у них было в порядке. Но меня привезли на допрос в машине с сильно затемненными стеклами в заброшенное непонятное место — это точно не был офис полиции или спецслужб. Они пытались меня запугать: сказали, что я должна следить за тобой и отчитываться обо всем, что ты рассказываешь мне о своей компании и программе. Если я откажусь сотрудничать, то тогда мою учебную визу объявят фальшивой и аннулируют, меня исключат из института и до конца жизни депортируют из США. Кроме того, они что-то намекнули на бизнес моего отца. Я не знаю, кто на самом деле эти люди, мне страшно. Дорогой, но ты знаешь — я тебя не предаю».

Джек и Билл, прочтя расшифрованное письмо, переглянулись. Тучи сгущались со всех сторон не по дням, а по часам. Их программа действительно оказалась блестящей научной находкой. Но слишком многие могущественные силы были заинтересованы в том, чтобы она не существовала.

Глава 7

Ничего личного, только бизнес

*Кёльн (Германия),
особняк барона Курта фон Шрёдера,
4 января 1933 года*

— **П**озвольте, я налью вам вина. Это «Лафит Ротшильд» — Пурожая 1903 года — одно из самых изысканных красных вин, какие только можно найти во всей Европе. Хозяева этого винного поместья прислали мне из Парижа в подарок несколько бутылок. Удивительно ровный, бархатистый вкус с тонким оттенком миндаля и фруктов. Оно идеально подходит к запеченному дикому кабану, которого нам скоро подадут.

Владелец особняка барон Шрёдер, несмотря на строй из двух десятков вышколенных официантов, обслуживающих торжественный ужин, без колебаний решил поухаживать за одним из своих высоких гостей лично.

На роскошный прием, проходивший без освещения в прессе в первые дни после Нового года, были приглашены лишь несколько высших лиц немецкой аристократии. Бароны и князья, внуки и правнуки бывших королей, герцогов и курфюрстов независимых больших и малых земель Германии, коих до объединения страны Бисмарком в конце

19-го века было множество. Со времени правления «железного канцлера» и до 1914 года Германия развивалась и двигалась к процветанию невиданными темпами: возможно, быстрее, чем любая другая страна за всю мировую историю. Однако в борьбе за колонии, а также в устоявшемся раскладе сил среди европейских монархий роль Германии оставалась намного более скромной, чем ее растущая экономическая и технологическая мощь. Императору Пруссии и всей Германии Вильгельму II, человеку амбициозному, энергичному и решительному, так же как и его военным советникам, подобное положение дел казалось нестерпимым. В союзе с соседними Австро-Венгрией и Италией, вместе с немцами составлявшими костяк континентальной Европы, видя в этом свое божественное и историческое предназначение, Вильгельм решил раздвинуть границы своей страны силой как на запад, так и на восток. Учитывая разобщенность будущих врагов, эта задача казалась германским элитам вполне выполнимой, причем в короткие сроки — несколько месяцев.

Однако то, что началось лишь как локальный конфликт между Германией и Россией на Балканах за маленькую Сербию, вскоре превратилось в ужасающую, адскую бойню всемирного масштаба, длившуюся четыре года и унесшую жизни десятков миллионов людей. Германия эту войну проиграла и была в соответствии с подписанным странами-победительницами Версальским договором растерзана на части, унижена во всех смыслах и обложена непосильным бременем репарационных выплат.

Существовавшая в 1920-х годах Веймарская республика каждый год сотрясалась восстаниями, забастовками, старая немецкая марка полностью обесценилась, экономику лихорадило. Единственным источником средств для развития крупных немецких заводов, которые все-таки работали, несмотря ни на что, были частные кредиты крупных амери-

канских банков. Наиболее влиятельным среди них был банк JP Morgan, интересы которого в Германии представлял самый уважаемый и порядочный немецкий банкир «новой волны» Ялмар Шахт, будущий глава Рейхсбанка. Интеллигентный, худощавый, чуть стеснительный, в очках с тонкой оправой, он свободно владел английским и на этом приеме был, скорее, похож на представителя гостевой делегации из туманного Альбиона. Сама эта встреча была организована во многом по его инициативе. К концу 1932 года объем долгов Германии и ее ведущих промышленных концернов заокеанским банкам составлял астрономическую по тем временам сумму в миллиарды долларов. Положение сильно осложнялось тем, что с 1929 года мир вступил в глубокий, затяжной кризис: промышленное производство во всем мире падало третий год подряд, спрос на немецкое оборудование, сталь и уголь был крайне низким, поэтому обслуживать долги страна физически не могла. Однако никто не сомневался в громадном потенциале немецкой промышленности и технологий, ценность которых должна была резко вырасти, как только мир вступит в очередную фазу роста. В этом и состояла суть переговоров: германская элита предлагала американским и английским банкирам доли в самых крупных и перспективных немецких компаниях и прямое участие в их будущих прибылях в обмен на отсрочку выплаты всех старых долгов на пять лет, а также получение немцами столь необходимых им новых западных займов.

Кроме нескольких влиятельных аристократов и финансистов на кельнский прием барона Шрёдера (который, к слову, сам был владельцем крупного банка) от германской стороны были приглашены и двое набирающих популярность в стране политиков. Германия начала 1930-х была типичной парламентской республикой: от соотношения голосов депутатов по тому или иному вопросу в бундестаге в стране зависело

если не все, то очень многое. Оба этих политика специально прилетели днем на небольшом самолете из Мюнхена, не побоявшись накрывшего с самого утра весь запад Германии густого тумана. После всех пережитых ужасов войны, разрухи и революций в немецкой политике того времени трудно было найти человека, который бы хоть на секунду задумался о такой ерунде, как риск столкновения в тумане его самолета с горой или шпилем Кёльнского собора.

Оба гостя казались по-немецки мужественными, крепкими людьми, хотя внешне разительно отличались. Один, высокий, широкоплечий, безукоризненно одетый, с благородной проседью и пышными усами, манерами был похож на лучших немецких аристократов. Это был глава бундестага — Франц фон Папен. Политик, дипломат, богат, баловень судьбы, он одаривал окружающих беспрестанными белозубыми улыбками и галантно и непринужденно поддерживал любую светскую или политическую беседу. Его спутник поначалу казался лишь какой-то его бледной, бессловесной тенью. Это был лидер влиятельной Рабочей партии, имевшей много мест в парламенте, в последнее время его имя часто звучало в прессе. Но в лицо почти никто из присутствовавших, кроме хозяина особняка, его не знал. Единственный из всех он был одет не во фрак, а в скромную шерстяную кофту без рукавов, под которой были белая рубашка и серый галстук. Кажется, фрака он не надевал еще ни разу в жизни, так как попросту не имел. На этом элитном собрании он чувствовал себя совершенно не в своей тарелке: едва войдя, он тут же попросился в уборную, где, видимо, долго проверял свой внешний вид, затем, присаживаясь в кресло, неловко споткнулся о его ножку. Сев за стол, он зачем-то несколько раз потеревил нож и вилку, переложил ближе к себе салфетки, затем, отказавшись от помощи официанта, положил себе на тарелку немного зеленого горошка и спар-

жи и налил в бокал воды. Лишь после этого он хмуро поднял взгляд из-под густых бровей, по очереди всмотревшись в лицо каждого гостя за столом, словно пытаюсь составить про себя досье на каждого из них.

Заметив чрезмерную зажатость и неловкость второго мюнхенского гостя, опытный в светских ритуалах барон Шрёдер поспешил как радушный хозяин прийти ему на выручку, предложив бокал самого изысканного красного вина. Но тот неожиданно сделал резкий, нетерпеливый жест рукой:

— Спасибо, не надо. Пива я не пью уже давно, а вино и не пил никогда. Мяса я тоже не ем, тем более красного. Как и табак, это просто яд для организма. Я буду только овощи, — он кивнул на содержимое своей тарелки.

— Что ж, тогда я дам указание шеф-повару приготовить для вас что-нибудь вегетарианское. Его жена, кстати, тоже не ест мясо, поэтому он знает рецепты многих отличных вегетарианских блюд.

Резкость ответа мюнхенца и даже сам его сухой голос и неприятный просторечный выговор то ли с южнобаварским, то ли с североавстрийским акцентом покоробили гостей, хотя никто, конечно, не подал вида. Это был человек совершенно не их круга, но с недавних пор с такими людьми сильным мира сего также надо было всерьез считаться. На этом приеме он как бы олицетворял дух германских улиц, без конца бурливших и то и дело возносивших на самый верх весьма странных личностей и лидеров. Еще вчера таким лидером толпы был бывший полуграмотный гамбургский грузчик и разнорабочий, ставший главным немецким коммунистом, — Эрнст Тельман. Сегодня этот странный вегетарианец, национал-демократ, похожий на нервного писателя, которому уже год как не платили гонораров, завтра будет или оголтелый головорез, или снова коммунист. Но с ними элите, особенно после успеха русской революции,

надо было считаться и тонко и искусно договариваться. К тому же Шрёдер давно был лично знаком с ним, в том числе не раз оказывая его партии финансовую поддержку. В этом бывшем ефрейторе Первой мировой, несмотря на неказистую внешность, таилась мощная животная сила, точнее, воплощение безудержной ярости — той самой ярости, которая наполняла всю Германию со дня ее позора в войне и растерзания странами-победительницами.

Главное блюдо задерживали, так как главные гости вечера запаздывали, но должны были прибыть с минуту на минуту.

Наконец, двери распахнулись и в зал вошли несколько человек в смокингах в сопровождении obsługi и переводчиков. Англо-американская банковская делегация должна была прилететь в Кёльн из Парижа еще рано утром, но рейс из-за погоды отменили, и они добрались в Кёльн на поезде лишь поздно вечером. Главным в ней был Норман Монтегю, уже много лет управлявший Банком Англии. Это была весьма колоритная, отчасти даже экстравагантная личность — в душе он считал себя, скорее, человеком искусства, чем бизнеса, и даже в свои шестьдесят больше походил на успешного художника или театрального режиссера: носил приталенные костюмы, небольшие круглые шляпы и белые шелковые рубашки свободного покроя с непременно бабочкой на шее. В его устах всегда была готова тонкая британская острова в любой ситуации. В роли главного английского банкира его образ, особенно в ту эпоху, был столь непривычен, что несколько лет назад в империи его даже признали «человеком года». Монтегю был «смотрящим» за всеми частными английскими банками, поставленным на этот пост банкирским домом Ротшильдов — считалось, что он исполняет свои обязанности не только профессионально, но и артистично, имея «свежий» взгляд на любую проблему. В этот вечер

он единственный в делегации представлял Британию — несколько его намного более молодых спутников были американцами. Среди них выделялись двое братьев Даллесов. Джон Даллес был главным юристом банка JP Morgan, а его светловолосый, в очках, младший брат Ален — его заместителем. Вскоре Ален Даллес сменит адвокатскую практику на дипломатическую карьеру, а спустя двадцать лет на посту директора ЦРУ станет главным идеологом «холодной войны». Кроме Даллесов Нормана Монтегю сопровождали трое относительно молодых финансистов, также из банков с Уолл-стрит, но их имена, как и лица, никому ничего не говорили. Стоит отметить лишь, что одного из них звали Прескотт Буш: спустя много лет его сын и внук будут президентами США.

В свойственной ему артистической манере Монтегю галантно, но не без доли иронии раскланялся с хозяином особняка, почти по-отечески приобнял Шахта, с которым был давно знаком, учтиво поприветствовал немецких аристократов:

— Я знаю, вы специально придумали этот туман, чтобы мы опоздали и вы успели тут без нас обо всем договориться! Ну ничего, завтра утром небо по прогнозу должно проясниться, и мы снова будем на равных!

Пожимая руку фон Папену, Монтегю тут же сбросил с себя шутовскую маску, склонил голову и сказал:

— Премьер-министр господин Макдональд в курсе нашей встречи, просил передать вам его глубочайшее почтение!

Затем он с обаятельной улыбкой обратился к неприметному человеку в шерстяной кофте, сидевшему с краю стола. Заочно они, разумеется, знали друг о друге, но виделись впервые.

— Норман Монтегю, Банк Англии, к вашим услугам!

Тот нервно поднял глаза на англичанина и тут же опустил их. Левой рукой он притронулся к подбородку, чуть потербил аккуратный короткий ус над верхней губой и, наконец, сухо отчеканил:

— Гитлер. Адольф Гитлер. Национал-социалистическая рабочая партия. Рад знакомству.

Деньги и политика

Подняв бокал, фон Папен предложил тост от принимающей стороны:

— За взаимопонимание, дружбу, выгодный бизнес и правильную химию наших отношений!

Зарубежные гости одобрительно заулыбались, над столом весело зазвенели бокалы. Последняя фраза тоста была удачной: речь шла об огромном совместном бизнесе американцев и немецких промышленников. В 1925 году шесть крупнейших химических предприятий Германии — Bayer, Hoechst, BASF и другие — объединились в суперконцерн IG Farben, на который приходилось до трети всего германского экспорта. Формально он принадлежал правительству Германии и частным промышленникам. На самом деле контрольный пакет его акций еще пару лет назад, в самый разгар разрушительной экономической депрессии, был тайно продан американской корпорации «Дюпон» и все тому же банку JP Morgan: без их кредитов концерн бы уже давно просто рухнул. Разумеется, мировая общественность об этой сделке узнала лишь десятилетия спустя.

— Наши заводы помимо обычной химии могли бы производить также и немало первоклассной военной продукции. Но мы связаны по рукам и ногам жесточайшими ограничениями в военной сфере. Могут ли германцы надеяться на их смягчение или даже полную отмену?

Монтегю, как всегда, был дипломатичен:

— Для этого разговора нужны дипломаты и представители Лиги Наций, которых сейчас здесь нет. Но я уверен, что любые полезные и разумные вещи в жизни, включая отмену искусственных барьеров, всегда могут случиться. Многое — в ваших собственных руках, господа.

Насладившись пристальным вниманием и интересом немцев, он продолжил:

— Однако, прежде чем мы предметно сможем обсуждать это, нам необходимо удостовериться, что все дела и финансовые потоки концерна находятся в надежных руках. От лица наших американских спонсоров, а также британского капитала и лично господ Ротшильдов я вношу предложение назначить главным руководителем IG Farben вашего же немецкого финансиста Макса Варбурга. Его старший брат Пол, трагически скончавшийся от пневмонии в Нью-Йорке прошлой зимой, стоял у истоков американской Федеральной резервной системы и всегда был непререкаемым авторитетом в банковском мире Нью-Йорка. Макс — тоже отличный специалист и верный продолжатель дела своего брата.

Над столом повисло напряженное молчание. Человек в шерстяной кофте зло посмотрел на Монтегю, несколько секунд собирался с духом, наконец, резким жестом сорвал с шеи салфетку и громко заговорил, почти закричав во весь голос:

— Евреи привели великую Германию к краху! Это они предали нас в конце Великой войны, когда победа над французами уже была у нас в руках! Когда я валялся в госпитале с контузией от вражеского химического снаряда, я каждое утро просыпался и ждал известие о нашей победе, а вместо этого узнал о капитуляции! До сих пор не могу поверить! Это евреи своими вечными кознями затуманили разум императора! Тысячу лет от этого мерзкого народца нет покоя Европе. Еще в тюрьме я написал об этом книгу, которую

сегодня раскупает и читает уже вся Германия! Я изгоню их из Европы, а если они будут сопротивляться, то раздавлю как крыс или насекомых — и весь доблестный, честный немецкий трудовой народ поддержит нас в этом!

У молодых американцев от этой короткой, но пламенной речи отвисла челюсть, но опытный Монтегю смог удержать себя в руках:

— Не существует «евреев вообще». Есть конкретные люди. Хорошие или плохие, честные или подлые, талантливые или никчемные. Я говорю о конкретном человеке, прекрасном специалисте, профессиональные качества которого должны по всем пунктам устраивать обе стороны.

Человек в кофе угрожающе привстал, его большие, слегка навывкате голубые глаза буквально вперились в собеседника:

— Мистер банкир, а теперь послушайте меня внимательно. Я контролирую треть парламента, и завтра же через него об истинных хозяевах IG Farben узнает весь мир. Далее, я могу сегодня же ночью вывести на улицы всех немецких городов целые армии хорошо натренированных вооруженных людей. К моему мнению вам следует очень внимательно прислушаться, если вы не хотите огромных неприятностей. Евреям не место в новой Германии, запомните это.

Хозяин поместья попытался что-то вставить в разговор, чтобы как-то сгладить его, но Монтегю жестом попросил его не вмешиваться. Он лишь вынул из кармана записную книжку.

— Герр Гитлер, при всем уважении, теперь вы послушайте меня внимательно. Я сейчас напишу записку и попрошу срочно передать ее по телеграфу. С завтрашнего дня финансирование вашей партии прекращается. Шестьсот тысяч ваших бездельников, которых вы называете штурмовыми отрядами или коричневорубашечниками, навсегда переста-

нут получать зарплату. Через вашего партнера Рема все эти люди узнают, что виноваты в этом вы лично. Он, разумеется, им с удовольствием об этом расскажет, у вас же с ним «высокие» отношения? А теперь угадайте, кого штурмовики первым заколют до смерти своими знаменитыми длинными кинжалами?

Гитлер попытался возразить, но банкир спокойно продолжил:

— Президент Гинденбург — полностью в наших руках. Из него уже песок сыплется от старости, вероятно, он скоро уйдет в мир иной, поэтому он готов подмахнуть любую бумажку, которую мы положим ему на стол по нашим каналам не позднее конца этого января. Это может быть приказ о вашем повышении, герр Гитлер, а может — и о вашем немедленном аресте. И для того, и для другого оснований, как вы понимаете, более чем достаточно. Одним словом, герр Гитлер, оставьте, пожалуйста, вашу расовую белиберду для блестящих выступлений перед толпами баранов. Они у вас прекрасно получают. Но только не здесь. Мы со своей стороны гарантируем вам полную поддержку во всем и не накладываем на вас никаких ограничений. С одним, но неперемнным условием: если вы будете во всех вопросах бизнеса, я подчеркиваю это — бизнеса, вести себя как разумный деловой человек. Итак, если больше нет возражений, считаю кандидатуру Макса Варбурга на пост главы IG Farben утвержденной.

Воцарившуюся гнетущую тишину нарушил фон Папен:

— Какие еще вопросы хотели бы обсудить наши гости? Запеченный кабан был великолепен, и я предлагаю всем выбрать что-то из местных нежнейших десертов, а также закурить сигары.

Джон Даллес заговорил от имени делегировавшего его банка:

— Господин Генри Форд просил передать, что он по-прежнему полностью поддерживает идеологию национал-социализма и с удовольствием готов продолжать взаимовыгодное сотрудничество с компанией Daimler-Benz, в том числе помогать внедрять на немецких автомобильных и, возможно, будущих военных заводах новейшие технологии конвейерной сборки. Он также просил передать теплый, дружеский привет вам лично, герр Гитлер.

Вождь НСДАП в ответ слегка кивнул. В разговор вступил финансист из Банка Нью-Йорка, принадлежавшего семье Рокфеллеров:

— Господин Рокфеллер ищет новые рынки сбыта американской нефти по всему миру. Мы не можем продавать нефть Германии напрямую, так как конгресс США заподозрит, что она будет использоваться в военных целях. Поэтому мы разрабатываем сложную цепочку поставок вам нашего топлива через нейтральные европейские страны — возможно, Швейцарию или Испанию. С учетом резко растущей потребности экономики Германии в нефти полагаю, что детали этой сделки мы с вами сможем уладить.

Ему поторопился ответить Ялмар Шахт:

— Да, разумеется. Нам это очень интересно, но, полагаю, данный вопрос можно обсудить отдельно.

В комнату принесли роскошный торт, коньяк полувековой выдержки и несколько коробок сигар.

Человек в шерстяной кофте теперь, в конце приема, уже совершенно не казался скромным, неприметным и уж тем более чьей-то тенью. Теперь его силуэт приковывал взор каждого, чем-то напоминая скорбного, чуть сгорбленного Мефистофеля из бессмертной пьесы Гёте. Маленький, до смерти обиженный судьбой человек, который мечтает теперь возвысить один народ, втоптав для этого в землю миллионы невинных людей. Возможно, ему просто был нужен

высококласный психотерапевт. Но сказать об этом вслух никто не решался.

Гитлер, которому был невыносим и этот разговор, и этот тщеславный, самоуверенный англичанин, и даже сам дым сигар, быстро окутавший комнату, молча встал из-за стола и процедил на прощание лишь короткую фразу:

— Я жду декрет Гинденбурга о назначении меня рейхсканцлером не позднее чем через месяц. Иначе все, о чем здесь говорилось, не стоит и старого дырявого пфеннига.

Зло возрождается из пепла

Банкиры ФРС сдержали свое обещание. Ведь для них это был прежде всего выгоднейший долгосрочный инвестиционный проект, который обещал окупиться в десятки, а то и сотни раз всего лишь за несколько лет.

В конце января 1933 года престарелый президент Гинденбург по «непонятным» историкам до сих пор причинам своим указом снял с должности рейхсканцлера своего старинного друга, генерала, героя Первой мировой и назначил на нее Гитлера, с которым у него были весьма сложные личные отношения.

Новый руководитель страны действовал очень быстро и решительно. Уже через месяц руками своих штурмовиков он организовал ночной поджог Рейхстага. Здесь он в точности повторил действия другого знаменитого полубезумного тирана — Нерона, использовавшего пожар Рима для масштабных гонений на христиан. Гитлер точно так же обвинил в поджоге коммунистов и утром того же дня подписал два объемных декрета (как их успели подготовить?) о «защите нации», которые мгновенно перевернули с ног на голову весь конституционный строй Германии. Они отменяли свободу слова, прессы, собраний и митингов, разрешали прослушку телефонов и цензуру почтовой переписки. Еще

через пару недель, в марте, под аплодисменты почти всего немецкого общества, которым уже вовсю манипулировал Геббельс, был принят закон о чрезвычайных полномочиях рейхсканцлера, позволявший ему предпринимать «во благо нации» любые действия, даже если они противоречат конституции и вообще любым законам страны.

В мгновение ока, всего за несколько недель Адольф Гитлер превратился из мало кому известного оппозиционера и лидера одной из многих немецких партий в абсолютного диктатора крупнейшей страны Европы.

Почему мировое банковское сообщество сделало ставку на него? Прежде всего оно было заинтересовано в быстром росте германской промышленности, в которую за предыдущие десять лет было тайно вложено столько западных капиталов. Бесконечная политическая неразбериха в смертельно надоевшей всем, и немцам в первую очередь, Веймарской республике (убогом, неполноценном образовании в сравнении с бывшей империей) была главным препятствием этому росту. На первых порах — как минимум в первые четыре года своего правления — Гитлер в глазах западного экономического сообщества проявлял себя как жесткий, последовательный руководитель, всемерно способствовавший росту промышленности и крупных концернов. В то же время проводимые им кровавые чистки и репрессии касались пока лишь тех групп населения, до которых западным банкирам не было особого дела — немецких коммунистов и соперников Гитлера внутри его собственной партии. Его риторика в отношении евреев была жесткой, но пока все ограничивалось лишь призывами им покинуть страну и ограничением ряда их гражданских прав: о тотальном уничтожении в тот момент еще не было и речи. И даже в 1938-м, когда Гитлер уже явно переступил черту, аннексировав Австрию и часть Чехословакии, американские промышленники, хотя и с

большей осторожностью, продолжали широко кредитовать его, в том числе военные, предприятия, а журнал Time безо всякой иронии признал его «человеком года».

И лишь в 1939-м и 1940-м, когда Гитлер, вопреки всем увещеваниям Запада, напал на Польшу, а затем осуществил и реваншистскую мечту своей жизни, покорив ненавистную Францию, причинившую ему лично столько физической и душевной боли в Первую мировую, Запад наконец осознал, с каким безумным, неконтролируемым и беспринципным зверем он имеет дело.

В том же 1938-м произошло мелкое событие, на которое историки будущего почти не обратили внимания. Макс Варбург был снят Гитлером с поста главы IG Farben, ставшей к тому времени ключевым элементом всей немецкой военной машины, и с позором выдворен из Германии. А между тем именно этим жестом диктатор дал понять всему западному деловому миру, что он рвет с ним всякие связи и отныне готов опираться только на собственные силы. Во время войны IG Farben в том числе производила отравляющий газ «Циклон», с помощью которого были уничтожены миллионы узников концлагерей. В 1940-м Гитлер напал на Англию — он рассчитывал поставить ее на колени одними лишь силами своих непобедимых, как считалось, люфтваффе. Однако его операция «Морской лев» с треском провалилась. Доблестные британские пилоты и силы противовоздушной обороны раз за разом заставляли немецкие эскадрильи нести тяжелые потери. Спустя несколько месяцев ежедневные налеты немцев на города Южной Англии были прекращены.

Пожалели ли основатели Федеральной резервной системы о своем выборе, о том, что так долго и упорно финансировали Гитлера? В конечном счете да. Разумеется, физически никто из воротил западного мира не пострадал. Однако в адском

котле устроенного Гитлером в его предсмертной агонии тотального уничтожения евреев Европы в газовых камерах Освенцима и других лагерей в 1943—1944 годах погибло немало дальних родственников богатейших банкиров мира. В списках жертв лагерей значатся люди с фамилиями Ротшильд, Кун, Варбург — двоюродные и троюродные отпрыски основных линий наследников великих денежных династий.

Но в то же время во многих отношениях Система, как всегда, осталась в громадном плюсе. Сразу после окончания Второй мировой войны позиции американского банковского капитала и доллара стали сильны и прочны как никогда до этого в истории. Реальные активы ФРС, раньше измерявшиеся десятками миллиардов долларов, стали составлять сотни миллиардов и даже больше.

Победители

Поздней осенью 1940 года Франк Делано Рузвельт, как и много раз до этого, встречался со своим главным экономическим советником Бернардом Барухом. За прошедшие несколько лет президент США много раз убеждался, что его рекомендации, какими бы корыстными они ни были, в конечном счете в долгосрочной перспективе всегда идут на благо Америки. Страна уже почти забыла о недавних ужасах голода и депрессии: экономика вновь росла как на дрожжах, эпоха массовой безработицы сменилась эрой нехватки трудовых ресурсов в стране, в том числе благодаря огромным военным заказам. Рынки акций тоже каждый год росли — правда, до невообразимых пиков 1929-го индексы пока еще не добрались во многом потому, что наученные горьким опытом простые американцы перестали вкладывать деньги в фондовые рынки, опасаясь нового обвала. Вместо этого они просто копили доллары на обычных банковских счетах, благо инфляция стремилась к нулю, а государство

теперь гарантировало сохранность всех их «кровных» сбережений.

В этот раз их встреча проходила не как обычно, в Белом доме, а за границей (условно, конечно) — в Канаде, на небольшом острове Кампобелло, где американский президент проводил отпуск со своей семьей. Здешние пейзажи были очень похожи на столь любимое Рузвельтом суровое, продуваемое морскими солеными ветрами, но очень живописное побережье Новой Англии — к северу от Бостона. Но, в отличие от Америки, здесь не было и близко такого же количества надоедливых репортеров и фотографов. Остров находился в знаменитой бухте Фанди, где наблюдались самые высокие в мире уровни приливов и отливов. Утром кромка океана подступала к самому причалу, а вечером воду можно было рассмотреть только в хороший морской бинокль. Ложе океана обнажалось на километры, открывая взору неровные, волнистые слои влажного темного песка, горы причудливых морских ракушек и десятки деревянных рыбацких лодок и даже небольших кораблей, безнадежно лежавших на мели. Эти виды при всей их кажущейся простоте привносили в душу состояние необыкновенного покоя и отрешенности от обычной окружающей суеты. Порой казалось, что это и есть край Земли.

Ужин в основном состоял из морепродуктов: креветок и атлантических лобстеров, к которым прилагалось изысканное белое вино, специально присланное из калифорнийской долины Напа.

— Барух, вы, как всегда, в выигрыше. С тех пор как Англия находится в состоянии военного положения, ее золото, как и золото Франции и некоторых других стран, было переправлено вам, в Форт Нокс. Более того, поговаривают, что фунт стерлингов из-за огромного бюджетного дефицита Черчилля скоро вообще придется отвязать от

золотого стандарта. Господи, кто бы мог подумать еще несколько лет назад!

— Я полагаю, что это хорошо для Америки. Пока Европа меряется амбициями, мы спокойно делаем свое дело.

— Да, но только если нам не придется вмешаться в эту войну, чему я, конечно, буду всеми силами сопротивляться.

— Вы имеете в виду отправку войск в Европу на защиту Англии? На мой взгляд, ее дела вовсе не настолько плохи.

— Я имею в виду все. Гитлер может вторгнуться в Азию. Япония, кажется, абсолютно вдохновлена его успехами: завоевала уже большую часть Китая и явно зарится на весь юг Азии. А там у нас есть немало интересов. Более того, японцы вполне могут покуситься на какие-то из наших отдаленных тихоокеанских островов или даже просто безымянные атоллы. У нас там почти нет сил, а им они были бы очень полезны как военные базы. Хотя, конечно, даже с грандиозным флотом Японии напасть на Америку с ее стороны было бы слишком нагло и безрассудно.

— Предполагаю, что японцев нам вряд ли следует бояться, хотя следить за ними нужно постоянно. И еще, господин президент: несмотря на все экономические успехи, военные расходы бюджета в последние месяцы растут еще быстрее. Думаю, что не позднее конца декабря нам придется пойти на радикальное повышение налогов с населения. Я думаю, люди поймут, надо только правильно это преподнести в средствах массовой информации.

— Повышение налогов с населения? А может, обложим как следует налогами прибыль банков? Или вообще национализируем их? Уж это народ точно примет на «ура»! Я шучу, Барух. Конечно, налоговую систему придется изменить — это происходит во время любой войны. И еще. Если Гитлер первым вторгнется в Россию, думаю, что нам придется помогать русским — не войсками, но хотя бы тем,

чего у нас более чем достаточно. Например, поставлять им нормальную одежду для войск, чтобы они не околевали, как тощий скот на морозе, как это сейчас происходит в снегах Финляндии. Возможно, также поставлять им молочные продукты питания, недорогую тушенку, имеющуюся теперь в избытке у наших канзасских фермеров, что слишком сильно обваливает внутренние оптовые цены на мясо — фермерам некоторое повышение цен из-за таких поставок будет даже полезно. Относительно помощи оружием пока говорить рано. Но нам в любом случае надо предусмотреть статью расходов на помощь странам, воюющим с Германией, в бюджете страны на следующий год.

— Если вы сможете защитить такую программу в конгрессе — а я в этом не сомневаюсь, — то, разумеется, Министерство финансов заложит эти затраты в бюджет: я лично за этим прослежу.

Закат в этот вечер был темным, туманным. Где-то вдалеке кричали чайки, слышались всплески воды, массы которой понемногу возвращались ночью к кромке побережья. Воздух был удивительно чист. Но что-то в нем чувствовалось, чего не было раньше. Ожидание грандиозных, возможно, тяжелых и драматических событий, но одновременно внушающих призрачную, пока еще непонятную, но светлую и радостную надежду.

За великой войной обязательно последует мир.

Мир, в котором Америка готовилась торжественно надеть сияющую бриллиантовую корону мира на свою голову.

Глава 8

Китайская шкатулка

Бангкок, Таиланд, наши дни

Центр Бангкока был запружен огромными толпами людей. Его картинка напоминала кадры из любимого фантастического фильма детства Джека «Бегущий по лезвию» с Харрисоном Фордом о высокотехнологическом, но крайне опасном будущем человечества в огромных городах, населенных не только людьми, но и человекоподобными роботами. Автомобили, как в том фильме, плотным потоком двигались не только по улицам, но и по автострадам, проложенным прямо над головами прохожих на высоких бетонных опорах. После футуристического, но неестественно «стерильного» Сингапура Бангкок казался живой, бурлящей смесью громких звуков и ярких цветов, приправленной острыми ароматами местной кухни из тысяч уличных забегаловок.

В аэропорту группу из трех американских студентов никто не встретил: они самостоятельно добрались в отель, откуда их должны были забрать утром. В холле отеля было настоящее столпотворение народов. За одним столиком сидела большая испанская семья — женщины громко разговаривали на кастильском наречии, произнося слова

с такой скоростью, что их диалог звучал почти как пулеметная перестрелка. За другим — расположилась группа американских телеоператоров с внушительными видеокамерами: из их разговора было понятно, что они направлялись в джунгли Таиланда снимать фильм о дикой природе. Две хорошенькие смуглые сестрички из Индии лет семи-восьми с длинными косами азартно соревновались в игре на большом экране планшета Irod новой серии, время от времени весело дергая друг друга за волосы. Интеллигентный глава семьи из Британии вслух зачитывал с экрана смартфона результаты матчей английской футбольной премьер-лиги, вызывая у двоих сыновей лет двенадцати то бурную радость, то выдох разочарования. Глобализация на нашей планете состоялась. Сколько бы ни спорили до хрипоты современные философы, хорошо это или плохо и не повлечет ли смешение культур гибель национальной самобытности, к глобализации следует относиться как к уже свершившемуся непреложному факту. Точно так же, как полвека назад человечеству пришлось принять всемирное распространение телевидения.

За полдня в Бангкоке можно успеть многое. Перекусив острой, но аппетитной тайской едой, приятели отправились в исторический район в излучине реки, чтобы осмотреть там комплекс ярко сияющих на солнце золотом королевских храмов с бесчисленными изваяниями Будды. Следующим пунктом программы был национальный турнир по тайскому боксу. Услышав об этом, Шерон скривила личико, заявив, что она против любых драк и жестокости, но все-таки согласилась пойти. Вопреки распространенному об этом спорте мнению, поединки вовсе не были чрезмерно жестокими или кровавыми: профессиональные бойцы действовали технично, умело защищаясь: наблюдать за боями, особенно за чемпионские титулы, было не менее увлекательно, чем присутствовать на

олимпийском турнире по классическому боксу. Неожиданно лучшими бойцами во многих весовых категориях оказались не тайцы, а отлично сложенные и универсально подготовленные боксеры из Бразилии. Один из них — легко выигравший чемпионский поединок в среднем весе практически голливудский красавец со светлой кожей, рыжей пиратской бородой и пронзительными светло-голубыми глазами. Обходя по традиции после боя ряды трибун с победно поднятыми руками, он попозировал Биллу, очевидно, из-за профессионального фотоаппарата, по ошибке приняв того за западного корреспондента, и затем, широко улыбаясь, заговорщически подмигнул единственной на трибуне блондинке — Шерон. Та широко улыбнулась ему в ответ, и Джека от этой маленькой невинной сценки кольнул странный приступ ревности.

Поздно вечером, проводив спутницу в отель, Джек и Билл из любопытства решили ненадолго съездить в самый злачный район тайской столицы. Хотя Таиланд — экономически одна из самых развитых стран Юго-Восточной Азии, именно в нем торговля женским телом превратилась в огромную и в некотором роде процветающую индустрию. Принято считать, что ее порождает перенаселенность страны, но на самом деле главная причина — неравномерность развития ее регионов. На фоне бурно растущего промышленного и туристического центра страны крестьяне ее отсталой горной северной части, лет сто назад бывшие весьма состоятельными благодаря выращиванию опиума и его продаже в соседний Китай, в наше время с введением строжайших запретов на наркопроизводство скатились в пучину отчаянной нищеты. Именно их дочери составляли основную часть многочисленного «живого товара» ночных улиц Бангкока и Паттайи.

В районе, который в Европе назвали бы кварталом красных фонарей, было крайне оживленно. Вдоль улочек

стояли длинные ряды миниатюрных тайских девушек — в коротеньких юбчонках или даже прямо в нижнем белье, буквально хватавших за руки проходящих мимо мужчин. Некоторые сидели нога на ногу в барах на высоких стульях за порцией коктейля, кто-то пытался играть с компаниями европейцев в бильярд, то и дело при этом теряя равновесие из-за высоких каблучков и смешно промахиваясь кием мимо шара, вызывая этим взрыв пьяного веселья. Девушки около эротических павильонов на улице сидели на стульчиках и призывно облизывали ярко накрашенные губки, делая неприличные жесты руками, завлекая гостей в «клуб». Самым странным было то, что многие девушки (столь же тоненькие, хрупкие и миниатюрные, как и все остальные) переговаривались друг с другом низкими мужскими голосами. Джек слышал про трансвеститов, но не ожидал, что молодые мужчины (видимо, после серии косметологических операций) физически могут стать настолько неотличимыми от женщин. Уже после десяти минут прогулки по ночному району Бангкока любопытство сменилось все более стойким чувством грязи и отвращения. Билл, любимым хобби которого была фотография, сделал несколько снимков и сразу же получил за это — к нему подбежала стайка девочек (или юношей, кто их знает?) и начала демонстративно шлепать его по голове своими веерами, что-то злобно выкрикивая. На часах была уже полночь — приятели с радостью, почти бегом покинули этот вертеп, взяв такси в отель.

В семь утра к гостинице подъехал автомобиль, похожий на армейский джип с крытым кузовом, большими широкими шинами и высокой подвеской. Двое тайцев, несколько не похожих на гостеприимных экскурсоводов, а скорее — на вымуштрованных армейских офицеров в штатском, к тому же едва говоривших по-английски,

произнесли вслух фамилии, после чего тщательно сверили их с паспортами. Один из них что-то сказал по-тайски по радию, услышал ответ, после чего жестами пригласил американцев занять места в кузове. Перед тем как сесть в кабину джипа, тайцы опустили над кузовом тент. Внутри оставалось достаточно светло, на полу около деревянных сидений стояла упаковка с питьевой водой, но рассмотреть дорогу было невозможно.

Поездка заняла часа полтора. Видимо, ее цель находилась где-то в дальних пригородах столицы, хотя точнее определить это было нельзя.

Джип проехал через какой-то пропускной пункт, затем еще через один. Наконец автомобиль остановился, тент над кузовом поднялся, и гостей наконец выпустили на «волю». Джек, которому все происходящее напоминало дурной фильм, но в то же время и немало интриговало, ожидал увидеть что-то вроде мрачного, закрытого военного полигона. Однако автомобиль окружала лишь широкая ухоженная поляна с белыми, желтыми и синими цветами на фоне густого тропического леса. Рядом находилось симпатичное современное трехэтажное здание, похожее на экологическую гостиницу. Вдоль здания тянулась оранжерея с изысканными орхидеями. Около входа был установлен щит с надписью «Spa Resort 731» на белом фоне. Казалось, что этот «отель» готов гостеприимно распахнуть свои двери перед туристами, желающими отдохнуть в гуще нетронутых тайских джунглей. Однако, кроме них, никого не было, а в воздухе стояла странная тишина: не было слышно даже обычного для тропического леса гомона птиц.

Водитель джипа проводил гостей внутрь здания, где их снова проверили и обыскали двое вооруженных охранников. Наконец, всех троих вежливо проводили в большой

кабинет, скорее, напоминавший гостиный зал колониальной гостиницы XIX-го века. На стенах были развешаны старинные черно-белые фотографии европейцев в светлых походных костюмах и пробковых шлемах, на некоторых снимках был изображен большой тайский город — скорее всего, Бангкок — во время Второй мировой войны, когда тайцы сражались с японскими агрессорами. Пара исторических черно-белых фотографий была явно из другой серии. На одной был вид гамбургских каналов знаменитого порта, видимо, тридцатых годов, на другой — фото берлинского бульвара Унтер ден Линден с рядами старых раскидистых лип на центральной аллее, очевидно, сделанное задолго до того, как холодной весной сорок пятого, под звуки приближающейся советской канонады, жители Берлина вырубили их для отопления своих квартир. В одной из стен был обустроен большой камин, который, правда, не был зажжен, а над главным столом зачем-то висела хорошо иллюстрированная периодическая таблица химических элементов.

Ожидание приема оказалось долгим. Наконец, в зал вошел высокий подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти с коротко подстриженными седыми волосами, в очках в тонкой оправе. Он был одет в костюм без галстука, хотя, скорее, ему бы подошел халат, но не врача, а лабораторного ученого — химика или физика. Он был приветлив, но за опоздание и не подумал извиниться: видимо, считал себя крайне занятым человеком или очень важной птицей.

— Доброе утро! Меня зовут Йоахим Шенкель. Я практикующий доктор медицины из Гамбурга, возглавляю этот Центр уже около трех лет. Искренне надеюсь, что наши методы конспирации не смутили вас? Ничего не поделать: требования к безопасности в нашем Центре — превыше всего.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

— Позвольте предложить вам чай или кофе. Впрочем, как практикующий врач, имеющий в том числе научные работы по человеческому иммунитету, настоятельно рекомендую вам начинать каждое утро с кружки свежего козьего молока. Поверьте, нет ничего лучше для профилактики гипертонии, сахарного диабета, авитаминоза и других, в том числе возрастных, заболеваний. Все четверо моих детей выпивают по две кружки каждое утро из нашего подсобного хозяйства.

Гости лишь попросили принести им по бутылочке холодной минеральной воды.

— Я понимаю, что вы удивлены и ждете рассказа о том, зачем вас пригласили сюда. Но прежде я хотел бы сам вам задать вопрос. Как давно вы знакомы со Сьюзен? Она — гениальный ученый, мы давно тесно сотрудничаем с ее лабораторией, в том числе регулярно выполняем различные ее заказы. Но это первый случай, когда она прислала сюда кого-то для ознакомления с деятельностью Центра. Это тем более необычно, так как среди вас троих лишь один биолог, — он вежливо указал рукой на Шерон, — да и то пока не окончивший университет.

Билл и Шерон посмотрели на Джека. Но тот ответил спокойно и невозмутимо:

— Мой отец представляет одного из крупнейших в мире инвесторов в области биотехнологий. У него со Сьюзен и министерством науки Сингапура подписан договор о конфиденциальности (здесь Джеку пришлось преувеличить). Но прежде чем инвестировать миллиарды в местные разработки, инвестор хочет удостовериться, что положительные результаты клинических исследований новых препаратов на людях не сфабрикованы, опыты действительно проведены.

Билл и Шерон переглянулись. Что он несет? Какие еще исследования на людях?

Разумеется, они не знали о даре Джека предвидеть в критических ситуациях события в ближайшем будущем. Тем временем Шенкель с видимым облегчением выдохнул:

— Хорошо. Нечто подобное мне вчера по скайпу объяснила и она. В таком случае в ближайшие часы я в вашем распоряжении. Вам придется оставить в этом кабинете ваши смартфоны. Видеозаписи и фото строгойше запрещены. Передвигаться мы будем на открытом электроджипе в сопровождении охраны. Центр занимает приличную территорию — это целый городок. Но если вы посмотрите на него на картах «Гугл» в Интернете, то не увидите ничего, кроме размытого изображения джунглей. Как вы, возможно, догадываетесь, у компании «Гугл» есть соглашение с правительствами многих стран мира о неразглашении местоположения и вида важных военных и стратегических объектов. Иначе «Гугл» бы давно закрыли — свои же, американские спецслужбы.

Шенкель открыл небольшую таблицу на экране. На ней значились названия известных мировых фармацевтических компаний, расположенных по номерам, по мере убывания цифр напротив них.

— Здесь данные за прошлый год, которые можно легко найти в Интернете. Это расходы ведущих компаний мира на научные медицинские исследования — в основном на поиск принципиально новых лекарств. Как вы видите, у крупнейших пяти компаний цифры колеблются от пяти до десяти миллиардов долларов в год. Общий же бюджет мировой медицины на научные исследования зашкаливает за двести миллиардов. И каждый год цифра растет. Самое печальное, что во многих областях уже очень давно нет серьезных прорывов, несмотря на все эти инвестиции, например, уже

десятки лет не могут открыть ни одного антибиотика нового поколения, тогда как сопротивляемость бактерий уже имеющимся растет не по дням, а по часам. По многим направлениям мы, медики, очевидно, проигрываем войну болезням. Но даже не это — главная проблема. Множество перспективных лекарств прекрасно работают на мушках-дрозофилах, мышах и даже крупных обезьянах. Но когда мы переходим к лечению ими больных, результаты оказываются совершенно другими, подчас — противоположными. Этап тестирования на людях всегда остро необходим. Крупные фармацевтические компании имеют подразделения, которые занимаются подбором добровольцев для опытов. Но согласно Хельсинкской конвенции за участие в подобных экспериментах добровольцам запрещено платить деньги, не считая почти символических компенсаций, конечно. Считается, что это охраняет права человека — чтобы никто не решился стать подопытной мышью только из-за крайней нужды или, скажем, непосильных долгов. Нужны добровольцы, соглашающиеся на опыты из «высоких идейных» побуждений. Понятно, что таких фанатиков — немного, набирать их в обычных условиях крайне сложно, поэтому тесты остро необходимых человечеству лекарств растягиваются на многие годы. К счастью, некоторые страны мира не присоединились к конвенции.

Немецкий доктор выключил экран, задумчиво потер глаза и после паузы продолжил:

— Да, как вы уже поняли, в нашем Центре мы испытываем перспективные препараты и новые медицинские технологии на людях. Это тоже добровольцы: ни одного человека сюда не привезли силой. Но за свою опасную работу люди у нас получают заслуженное денежное вознаграждение. Сейчас в Центре постоянно находится около шести тысяч человек, хотя желающих — гораздо больше. Представлены

буквально все основные национальности и расы. Это важно, так как иногда генотип человека оказывает решающее влияние на иммунологические реакции организма. Например, большинство азиатов плохо переносят алкоголь, среди африканцев — выше сопротивляемость плазмодию малярии, эскимосы могут прожить год, питаясь одним лишь жирным мясом и молоком, а средний индус от такой антивегетарианской диеты умрет в мучениях через три недели. Многие пациенты приезжают совсем не из-за денег: они тяжело, порой безнадежно больны, поэтому хотят хотя бы успеть пригодиться для науки и блага всего человечества.

— И сколько же эти люди получают? И почему все находится здесь, в Таиланде?

— Получают по-разному, в основном мы ориентируемся на уровень благосостояния тех стран, откуда пациенты родом. Европейцам мы платим до трехсот евро в день, славянам и индусам — двадцать-тридцать долларов в сутки, африканцы, например эфиопы, с удовольствием работают просто за еду. Общий бюджет Центра со всеми научными сотрудниками и расходами — триста миллионов долларов в год. Еще двести миллионов уходит на взятки мировой прессе, просто чтобы она молчала. Итого — полмиллиарда. Капля в море, прибыль за квартал среднего американского банка. Сравните это с бюджетом вывода лишь одного нового лекарства на рынок — полтора миллиарда долларов — и поймете, зачем все это необходимо. Таиланд — место с прекрасным климатом, легким визовым режимом, здесь повсюду море туристов. Никто ничего не заподозрит. Помните принцип Шерлока Холмса? Самое надежное место, чтобы спрятать важную вещь, — оставить ее на самом виду и лишь немного замаскировать. Впрочем, пойдете.

Джип подъехал к группе из нескольких светлых трех- и четырехэтажных зданий. Со стороны они были похожи

на современные производственные корпуса. Вход в каждый из них охраняли вооруженные люди в военной форме защитного цвета.

Войдя вслед за Шенкелем в одно из зданий, Джек невольно вздрогнул. По коридорам туда-сюда сновали медицинские сестры — в основном миниатюрные азиатки в белых халатах, которые были явно удивлены появлением незнакомых гостей. Лаборатории и палаты были обустроены по принципу застекления с односторонней видимостью — за пациентами можно было наблюдать, тогда как они никого по ту сторону застекленных стен не видели. Джек читал в детстве о том, что в XIX-м веке в Париже, в том числе на всемирных выставках, были очень популярны человеческие зоопарки — среди парка строили шалаши, в которых за ограждениями жили целые семьи привезенных из Африки туземцев, а уважаемые парижане за ними наблюдали. Он поймал себя на мысли, что здесь происходило нечто подобное. Большинство пациентов были темнокожими: многие без сил, покрытые испариной, лежали на кроватях, пара человек буквально каталась по полу, то и дело хватаясь за свои локти и плечи, которые буквально выворачивались.

— Здесь мы с помощью новейшей аппаратуры углубленно изучаем последствия от заражения малярией. У ведущих компаний на подходе несколько перспективных вакцин. К сожалению, ни одна еще не показала стопроцентной надежности. Мы вводим пациентам экспериментальные препараты, а затем в специальных барокамерах их кусают зараженные малярией комары. Многие по-прежнему заболевают. Нам важно понять, что влияет на вероятность заражения и могут ли вакцины если не предупредить, то хотя бы смягчить течение болезни. Не беспокойтесь, почти все пациенты в итоге остаются в живых, хотя у некоторых впо-

следствии развиваются неприятные побочные хронические заболевания. Их мы тоже стараемся внимательно изучать и лечить.

В следующем корпусе находились больные с различными протезами. Йоахим Шенкель, словно ненадолго позабыв об «экскурсии», напряженным тоном заговорил с кем-то из персонала.

Речь шла о какой-то девушке — врач подробно интересовался ее состоянием и затем поручил увеличить ей количество обезболивающих лекарств. Они зашли в изолятор, где эта девушка лежала одна. Она надрывно кашляла, в палате стоял тяжелый запах гниющей плоти. Внешность у нее была европейская — она была высокой и, вероятно, когда-то симпатичной брюнеткой.

— Крайне неприятный случай. Девушка из Украины, попала в тяжелую автомобильную аварию, ударилась шеей и в итоге лишилась трахеи. Обычно в таких ситуациях вместо нее вставляют железную трубку, с которой пациенту хоть и тяжело, но можно прожить много лет. Но одна из европейских компаний предложила ей впервые в истории вырастить новую трахею из ее же стволовых клеток. Навероятно перспективная технология, но пока совершенно не отработанная. Первую пару месяцев после пересадки она отлично себя чувствовала, за ней даже приуदारил несколько охранников. Но затем что-то пошло не так, трахея начала гнить, и, кажется, мы уже ничего для нее не можем сделать. Кто-то из моих коллег сказал, что лучше бы, наверное, ей было сразу погибнуть в той аварии.

Садясь в джип, доктор Шенкель словно действительно глубоко переживал происходящее с пациенткой. Следующий корпус был больше остальных — помимо больничных помещений внутри него был разбит небольшой парк, аллеи и даже теннисный корт.

— Здесь у нас ВИЧ-инфицированные пациенты. С ними, по правде говоря, проще всего. Во-первых, современная терапия уже позволяет им не только жить почти сколько угодно долго, но и вести нормальный, активный образ жизни. Кроме того, нет недостатка в желающих исследоваться в Центре. В одном Таиланде мы могли бы за полчаса бесплатно набрать тысячу инфицированных людей, которые согласны наблюдаться здесь. К сожалению, мы не можем брать только местных: нам важно понимать, как этот вирус воздействует на представителей разных народов и рас.

Зайдя в одну из лабораторий, немец буквально ошеломил своих посетителей:

— Джек, если хотите, я прямо сейчас сделаю вам лишь один укол, и вы с вероятностью девяносто восемь процентов никогда в жизни не заболите СПИДом. Даже если каждый день будете гулять по тайским борделям, не используя презервативы. Вакцина от ВИЧ уже лет десять как изобретена, и сейчас она постоянно находится у нас в работе.

— Почему же о ней ничего не известно?

— Не будьте наивны. Во-первых, фармацевтические компании США зарабатывают на средствах лечения этой болезни сто миллиардов долларов в год. Вы думаете, они торопятся отказаться от этих денег? Во-вторых, ВИЧ, по крайней мере в контролируемом масштабе распространения, заметно ограничивает нежелательный для ресурсов нашей планеты бесконтрольный рост африканского населения. Думаю, что все равно рано или поздно действующая вакцина станет достоянием общества, но пока еще этот момент не настал. Кстати, вы не задумывались, почему этим смертельным вирусом не заразился ни один известный в западном мире политик или банкир, несмотря на то что многие из них втайне ведут весьма активную и беспорядочную интимную жизнь? Подумайте на досуге.

Джек, никогда не стремившийся к хаотичным связям, поблагодарил немца, но ответил, что в такой инъекции нет необходимости.

— В раковый корпус я вас не поведу. Вероятно, вы и сами можете представить, какие кошмарные мучения испытывают там некоторые пациенты. Нет, мы никого не заражаем раковыми клетками, хотя сделать это совсем не сложно: онкологических больных, к сожалению, повсюду хватает и без этого. Некоторые безнадежные пациенты выбрасываются из окон верхних этажей, крики других порой слышны за километры. Самая страшная болезнь до сих пор, кто бы что ни говорил.

— В чем суть исследований?

— В разработке у мировых медицинских гигантов — десятки вакцин и сотни новых технологий лечения рака: например, доставка облученных частиц в капсулах прямо в опухоль, обработка ее ионами серебра, различные методы многократного усиления иммунитета для борьбы со злокачественными клетками. Кроме того, есть одна область, которая очень интересует западные спецслужбы. Речь идет о возможности переноса раковых клеток в организм через простое кожное прикосновение.

— То есть здесь разрабатывают биологическое оружие?

— Я бы не стал это так называть. Биологическое оружие — это то, что можно использовать для массового поражения населения. Здесь такой цели нет. Это просто инструмент в особо важных спецоперациях против «плохих парней». Когда нужно все сделать тихо и гарантированно четко. Например, лет десять назад для громкого политического убийства в Лондоне использовался полоний — сильнейший радиоактивный материал. Но это слишком грубый и устаревший способ, наследие ядерной эпохи «холодной войны» сорокалетней давности. Да, действует безотказно

и причиняет обреченной жертве долгие, ужасные страдания. Но проблема в том, что полоний элементарно обнаружить: и всем становится ясно как день, что это было убийство. Кроме того, по радиоактивному следу очень легко выследить убийцу и раскрыть всю спецоперацию.

— И что, такой метод использовался на практике?

— Да. Помните, как быстро и неожиданно сгорел от рака венесуэльский вождь Уго Чавес? Для Америки он был большущим бельмом на глазу. Пока его народ почти голодал, несмотря на золотой дождь из нефтедолларов, он без конца грозил Штатам, создавал коалиции, заявлял на весь мир о конце эпохи доллара. Урезонить его по-хорошему было невозможно. На одном из приемов кто-то из зарубежных дипломатов нанес на ладонь химический состав, надежно защищающий кожный покров, а сверху на нем тончайшим слоем было напылено специальное вещество. Обычное рукопожатие — и уже через три недели у Чавеса был диагностирован один из самых быстро развивающихся и трудноизлечимых видов рака.

Электроджип миновал аллею, усаженную высокими лиственными деревьями с пышными кронами, и остановился у необычного здания. Его бело-розовый фасад одновременно напоминал небольшой стадион и модный торговый центр. Между корпусами здания виднелись застекленные переходы. Шенкель, поздоровавшись с персоналом, широкими шагами направился в одну из палат. В ней лежали двое крупных, крепко сложенных мужчин с короткой прической, похожих на полицейских элитного подразделения. Казалось, они крепко спали, при этом оба подключены к капельницам и обвешаны датчиками.

— Самая интересная часть Центра, с моей точки зрения, по крайней мере. Отделение экстремальных состояний. Мы исследуем пределы возможностей человеческого орга-

низма, включая его умственные реакции. Не беспокойтесь, ничего такого из серии опытов Освенцима. Все пациенты — исключительно добровольцы. Эти два крепких молодых человека — норвежские морские пехотинцы. Вчера они по собственному желанию провели три часа в воде с температурой минус один градус. Считается, что человек может выдержать не больше сорока минут — вспомните погибших на «Титанике». Знаете, Гиммлер всерьез считал, что лучший способ отогреть замерзшего почти до смерти солдата вермахта — положить его между двумя теплыми обнаженными телами сильных, сексуальных арийских женщин. Мы смеха ради проверили этот способ — результата никакого. Этих моряков, бывших в конце эксперимента уже практически без сознания, поместили в горячую сауну, затем им в вены вкачали специальный солевой раствор. Сейчас они оба уже в полном порядке, хотя бронхит на пару дней, возможно, и заработают.

Проходя по коридору, Шенкель учтиво поздоровался с группой из нескольких человек в белых халатах. Пройдя дальше, он пояснил:

— Группа психотерапевтов из Израиля. В этой стране больше всего специалистов экстра-класса в этой области. Психологические эксперименты — важная часть деятельности Центра. Человеческий мозг — это одновременно и мощнейший компьютер во Вселенной, и хрупкая игрушка, которой ничего не стоит манипулировать. Особенно явно это можно увидеть во время экспериментов со зрительными образами. Проведите несколько косых линий между параллельными прямыми, и человек даст голову на отсечение, что эти прямые — вовсе не параллельны. Дайте человеку задание любыми способами выведать у другого человека правду, и даже самый гуманный интеллигент к концу эксперимента почти гарантированно превратится в изощренного

садиста, которому бы аплодировали в гестапо. Поразительно, насколько легко можно манипулировать любым отдельно взятым человеком.

— Вы вшиваете пациентам электронные чипы?

— По правде сказать, лично я считаю это излишним. Если человеку профессионально обработать сознание, то он и без чипа будет делать все, что вы захотите, включая самые, казалось бы, странные и дикие вещи. Посмотрите, например, на этих людей. У них сейчас свободное время до обеда.

В небольшом сквере под застекленной крышей несколько человек увлеченно сидели перед компьютерами, кажется, играя в «стрелялку». Несколько азиатов, скорее всего тайцев и китайцев, увлеченно играли друг с другом в карточную игру.

— С утра все пациенты принимают большую дозу антидепрессантов. Дальше все, что происходит с ними в течение дня, кажется им лишь веселой игрой. Кроме того, антидепрессанты почти полностью компенсируют желание общения с противоположным полом. Что касается подкожных чипов — да, здесь, разумеется, экспериментируют и с этой темой — я бы назвал ее технологией счастья будущего человека, но она совершенно засекречена.

Шенкель взглянул на часы:

— Прошу прощения. Я обещал Сьюзен уделить вам как минимум три часа. Прошло уже больше двух с половиной. Я покажу еще один модуль.

Электроджип проехал еще несколько минут по тропе, проложенной через тропический лес.

— Здесь находится отделение матери и ребенка. Сейчас очень актуальна проблема генетического изменения плода. Когда мы знаем о врожденных заболеваниях, долг медицины — улучшить геном младенца. В большинстве стран вмешательство в репродуктивный процесс запрещено. По-

трясающая глупость, если разобраться. Уже есть технологии всестороннего улучшения генома будущего ребенка. Мы можем сделать совершенной его внешность, дать ему более сильное, здоровое сердце, избавить от многих наследственных пороков.

Шенкель неожиданно обратился к Шерон:

— Вы хотели бы, чтобы ваш сын выглядел привлекательнее, чем Брэд Питт, а ваша дочь стала высокой, прекрасно сложенной блондинкой с идеальными чертами лица, за которой через девятнадцать лет будут охотиться голливудские продюсеры? Мы можем взять вашу яйцеклетку, сперму подходящего вам мужчины, затем максимально улучшить генотип получившегося эмбриона и подсадить его вам. Результат превзойдет ваши ожидания, поверьте!

Ошеломленная Шерон лишь резко отрицательно помотала головой.

На обратном пути Джек лишь спросил:

— Что будет со всеми этими людьми потом?

— О, об этом не беспокойтесь. Некоторые живут здесь со дня основания Центра, и им все нравится. Стабильный распорядок дня, хорошая еда, регулярные переводы денег их семьям. Большинство же вернутся домой и до окончания своих дней будет держать рот на замке. Мы побеспокоились и об этом: всем уезжающим вручаются документы о том, что они успешно все это время работали по их специальности в одной из стран Юго-Восточной Азии. С подлинными печатями, подписями, рекомендациями. Если необходимо, мы даже изготавливаем фотографии для соцсетей в кругу друзей, с авокадо, манго и креветками на столе, на фоне Индийского океана. Важно, чтобы люди не чувствовали себя потом выброшенными из профессии и из жизни вообще.

На прощание Шенкель пожал всем руку. Джек вспомнил рассказ о том, как через рукопожатие передают смер-

тельные болезни. Но он отогнал эту мысль: при желании с ними могли бы расправиться куда более простыми способами.

— Помните, что гостей и журналистов здесь не бывает. Все, что вы узнали, вы можете только обсудить со Сьюзен. Если же хоть что-нибудь просочится в прессу... Впрочем, вы исключительно умные люди — другими отличники МТИ не бывают. Кстати, в юности я сам серьезно думал о поступлении туда, но, к сожалению, недостаточно хорошо сдал тест по английскому. Удачи вам, молодые люди! И не забудьте о моем совете о кружке козьего молока по утрам!

Обратно ехали тем же образом: в закрытом фургоне джипа, подсакивая на неровностях гравийной дороги. Билл пытался открыть Интернет на своем смартфоне, но почти до самого Бангкока сотового покрытия не было. Шерон, кажется, была потрясена — нервно ерзала по скамейке и все порывалась о чем-то спросить, но Джек лишь приложил палец к губам — скорее всего, здесь прослушка. У него самого на душе, несмотря на то что сегодняшний день оказался одним из самых необычных в жизни, было тяжело. Какими бы высокими научными целями это ни оправдывалось, видеть сотни, даже тысячи людей в роли подопытных кроликов крайне тягостно. Наконец, джип въехал в шумный Бангкок и остановился, на этот раз не рядом с гостиницей, а в паре кварталов от нее.

Предосторожность оказалась не напрасной. В холле отеля Джека и Билла ждали несколько журналистов.

— Вы стали знаменитостями! Даже китайские правительственные газеты напечатали материал о вашей чудо-программе, которая обеспечит защиту личных данных всему человечеству. Что вы планируете делать в ближайшие дни?

Джек и Билл были совершенно не в настроении изображать из себя звезд.

— Сейчас мы планируем немного отдохнуть — завтра утром летим обратно в Сингапур.

— Позвольте пригласить вас в вип-ложу на наше знаменитое национальное шоу. Уверен, оно вам понравится.

Кто-то из журналистов всунул в руки Биллу пару приглашений. Красивая, изящная, с большими раскосыми глазами тайская журналистка задала еще один вопрос:

— Вы готовы быть богатыми и знаменитыми?

— Простите, мы немного устали. Подумаем об этом на досуге.

Вернувшись в номер, Джек ненадолго включил телевизор и принял душ. Хотелось ущипнуть себя, сказать себе, что все это — неправда и происходит с кем-то другим. Он взглянул из окна двадцать второго этажа. Бангкок, внизу казавшийся суетливым людским муравейником, отсюда выглядел как Дубай, Сингапур или другой современной мегаполис. Силуэты небоскребов заслоняли небосвод, многоуровневые развязки спроектированы не хуже, чем в Чикаго или Лос-Анджелесе. Да, Азия с начала 21-го века сделала гигантский шаг вперед. Вопрос лишь в том, в правильном ли направлении. Джек разделся, осмотрел, насколько упругими выглядят мышцы его торса, остался в целом доволен, а затем лег в постель. Надо было переварить все эти впечатления. Сон накрыл его в ту же секунду. Он оказался дома, в кампусе, рядом была Дайана. Они сидели на скамеечке в цветущем весеннем бостонском парке. Он ждал от нее ласковых слов, но любимая лишь напряженно молчала. Мимо проходили люди и затем почему-то медленно растворялись в воздухе. Нужно было сказать или сделать что-то важное, но неведомая сила удерживала, словно связывала его. На небе сгущались темные тучи, вот-вот должен был грянуть гром с сильным дождем. Он подумал, что им срочно надо найти место где-нибудь под

крышей. Но тут раздался странный, далекий, но настойчивый звук.

Будильник прозвонил в шесть вечера. Шоу начиналось в семь, надо было спешить. У дверей концертного зала стояли две необычно высокие и красивые тайские девушки в ярких нарядах. Но на самом деле девушками они не были. Это оказалось шоу трансвеститов. Поверить, что грациозные, прекрасно сложенные женщины с яркими глазами и губами, танцевавшие на сцене, на самом деле — мужчины, было практически невозможно. В вип-ложе к Биллу под села та самая красотка-журналистка, которая задала им вопрос в холле отеля. Она улыбалась, что-то рассказывала другу Джека о культуре Таиланда и буквально источала восточную гостеприимность и сексуальность.

После шоу журналистка пригласила трех друзей провести время в модном баре на верхнем этаже обзорной башни и, кажется, даже обрадовалась, когда Джек и Шерон отказались, сославшись на усталость. Билл, всегда питавший интерес к азиатским девушкам, с немного виноватым видом пожелал друзьям спокойной ночи, пообещав, что выпьет в баре не больше одной рюмки текилы.

Снова они увиделись в холле отеля в семь утра. Билл выглядел бледным, но мечтательным. Пока Шерон возилась в стороне со своим багажом, он успел перекинуться парой слов с Джеком:

— Дружище, это была лучшая ночь в моей жизни... Син (так звали тайку) — девушка моей мечты. Предложил ей полететь вместе со мной в Сингапур, но она сказала, что у нее срочное поручение в ближайшие дни, но она будет звонить мне все время... Я счастлив. Какой сумасшедший день у нас был вчера — кажется, в нашей жизни произошло что-то важное. Я не забуду эти сутки никогда.

Он вынул яркий сверток, раскрыл и показал его Джеку. Внутри находилась поразительной красоты шкатулка. Это было произведение китайских мастеров середины 19-го века, совершенно музейного качества. Старинная гравированная опиумница: в XIX-м веке, когда Британская империя посадила весь Китай на этот страшный наркотик, чтобы полностью контролировать огромную, богатую в то время серебром и золотом страну, главным поставщиком опиума в Азии служил «золотой треугольник» — район на севере Таиланда. В это же время в Китае процветало ремесло изготовления прекрасных шкатулок, из которых опиум потреблялся. Внутри она была пустой, но на вес — довольно тяжелой.

Джек внимательно посмотрел на друга:

— Оставь ее здесь, в камере хранения. Пусть Син сама тебе ее привезет.

— Это семейная реликвия Син. Она когда-то принадлежала ее прадеду. По традиции ее семьи шкатулку передают только самым близким людям. Будущим мужьям, например. Я понимаю, что ты подозреваешь, что Син заинтересовалась мной из-за миллионов, которые я когда-нибудь заработаю. Но ты даже не представляешь, как она прекрасна и чиста. Вчера в баре между нами как будто вспыхнула искра. Джек, я хочу, очень хочу как можно скорее увидеть ее снова.

Подошедшая Шерон прервала их разговор. Увидев шкатулку, кажется, догадалась, откуда она, но не подала виду.

— Я видела несколько таких на рынке. Они не так уж дорого стоили. Хорошая вещь, но вовсе не обязательно настоящая. Мне кажется, тайские мастера прекрасно научились их искусственно «старить». Иначе откуда берутся все новые изделия «полуторавековой давности»?

Билл ничего не ответил, лишь спрятал подарок поглубже на дно своего рюкзака.

В аэропорту Сингапура друзей в этот раз не встречал ни Ван Кун, ни даже кто-либо из его помощников. Пройдя паспортный контроль, Джек и Шерон миновали зеленую зону таможи. Но Билла, шедшего вслед за ними и на ходу что-то писавшего на смартфоне, невысокий вежливый чиновник попросил остановиться. Почему-то, даже не заинтересовавшись чемоданом Билла на колесиках, он сразу попросил открыть его рюкзак. Увидев шкатулку, внимательно повертел в руках. Билл с досадой шепнул:

— Наверно, подпадает под ввоз культурных ценностей. Отберут. Что я скажу Син?

Таможенник еще раз вежливо извинился, набрал чей-то номер по телефону, что-то коротко сказал. Вскоре рядом появились еще трое его коллег, один из них держал крупную овчарку в наморднике. Собака вела себя крайне тревожно, то и дело вставала на задние лапы и слегка подвывала.

— Прошу прощения, таможенные формальности. Займет всего несколько минут.

Один из пришедших таможенников острым инструментом надавил на край шкатулки. Она раскололась словно орех, и из ее стенок посыпался бело-серый порошок. Собака словно впала в бешенство от лая — ее еле удерживали на поводке. Девушка-таможенница аккуратно собрала порошок с пола на металлическое блюдо, накрыла его плотной полиэтиленовой пленкой и куда-то направилась.

Напряженная пауза длилась минут пятнадцать. Девушка вернулась с парой дюжих охранников в черной форме. С каменным выражением лица, не говоря ни слова, они подошли к Биллу, взяли его за руки и щелкнули наручниками.

Один из таможенников повернулся к Джеку и Шерон:

— Молодые люди, вы можете быть свободны, идите, пожалуйста, к выходу.

Затем он повернулся к Биллу:

— Вы обвиняетесь в попытке провоза в Сингапур трехсот граммов очищенного героина. С результатом анализа лаборатории в аэропорту можете ознакомиться. Вы имеете право на адвоката.

Немного помолчав, он добавил:

— Напоминаю вам, что по законам Сингапура за попытку провоза в страну наркотиков установлена высшая мера наказания — смертная казнь. Впрочем, вашу вину должен еще установить суд. Как правило, исключений не делается даже для граждан США. Сейчас вас препроводят в федеральную тюрьму города Сингапур. Очень сожалею.

Глава 9

Клуб друзей по интересам

*Остербек (Голландия), отель «Бильдерберг»,
28 мая 1954 года*

— **Н**икогда такого не видел. Вавилонское столпотворение. С утра не было ни минуты присесть. И что эти высокие господа у нас здесь забыли? Говорят, на вечернем поезде из столицы пожалует сам принц Бернард? — Пожилой, но все еще высокий и статный портье в слегка поношенном сером костюме-тройке, облокотившись на одну из стоек приема гостей отеля, обернулся к джентльмену, что-то писавшему на листке бумаги и помечавшему написанное галочками. Но тот, казалось, был невероятно занят, озабочен и поэтому лишь коротко кивнул в ответ.

Отель «Бильдерберг» в Остербеке — уютном, зеленом пригороде Арнема, крупного, по меркам Голландии, города у самой границы с Германией, — казался весьма солидным и представительным, хотя и без особенной роскоши. Его длинный фасад украшали флаги всех европейских стран, а внутри было несколько просторных залов для деловых конференций. Обычно в этом отеле останавливались туристы, которых привлекало обаяние самого старинного, исторического уголка Голландии. В Арнеме находилось вто-

рое по значению в мире собрание полотен гениального Ван Гога и еще несколько интересных музеев. Кроме того, город лежал на пути из Гамбурга в Брюссель, поэтому в респектабельном и безупречно спокойном отеле «Бильдерберг» с удовольствием ночевали немецкие и бельгийские бизнесмены, путешествовавшие по делам. Как это часто бывает, выбор места первой в истории встречи мировой элиты пал на этот отель почти случайно. Годом ранее такой форум, скорее всего, прошел бы в Гааге — месте бесчисленных послевоенных европейских конференций — или где-нибудь рядом с ней. Однако в Голландии прошлой весной случилось самое страшное за последние сто лет наводнение, и из-за невиданного цунами в Северном море многометровая стена воды прорвала все шлюзы. Две трети страны оказались мгновенно затоплены с тысячами жертв, что на время сделало прибрежную полосу Нидерландов слишком опасным местом в глазах европейской общественности. Арнем из всех городов Голландии находился максимально далеко от моря; кроме того, в отеле в такой тихой глубинке можно было надежнее отгородиться от нежелательных глаз многочисленных журналистов: конференция должна была пройти в обстановке почти полной секретности.

— А вы сами откуда, из какой страны?

Общительный портье не оставлял попыток разговаривать человека в немного помятом костюме, все еще что-то писавшего. Тому тоже было не меньше шестидесяти, он то и дело глухо покашливал, а его воспаленные глаза говорили о бессонной ночи или крайней усталости. На вопрос о национальности он хотел что-то ответить, но лишь махнул рукой. И в самом деле, ответить на этот вопрос было не просто. Иосиф Ретингер, координатор конференции, был польским евреем, долго жил в Англии и Штатах, был известной личностью в узких политических кругах. Во время

Второй мировой за свою бурную антифашистскую деятельность он пережил несколько серьезных покушений агентов рейха, а после войны все свои силы посвятил идее объединения стран Западной Европы. Президент США Эйзенхауэр, принц Голландии Бернард и генерал де Голль считали этого немного нервного, но невероятно деятельного человека своим личным другом, хотя прессе о нем было известно мало. Завтрашняя конференция в отеле «Бильдерберг», хотя и была организована людьми куда более влиятельными и высокопоставленными, чем он, изначально являлась именно его давней идеей, мечтой, плодом трудов всей жизни.

К ужину, блюда которого были приготовлены специально приглашенным модным парижским шеф-поваром, обладателем звёзд Мишлен, съехались уже все участники — примерно семьдесят человек. Две трети делегатов были немолодыми, консервативно одетыми людьми — известные действующие политики из разных стран Европы. Другую часть форума составляли более энергичные гости из-за океана — в основном не старше сорока лет, представлявшие крупный американский бизнес и, разумеется, ведущие банки. Бесспорным заводилой и лидером этой части публички был Дэвид Рокфеллер — младший и, возможно, самый известный из внуков великого Джона Рокфеллера. В свои сорок он все еще был похож на слегка повзрослевшего студента Лиги Плюща, часто смеявшегося, всегда готового кого-нибудь разыграть, а также первым после работы скинуть с плеч надоевший костюм и пойти куда-нибудь поразвлечься. Дэвид занимал пост одного из директоров гигантского банка Chase, а на самом деле был его полноправным владельцем. Это к нему в офис на 49-ю авеню в Нью-Йорке некоторое время назад приехал Ретингер с идеей проведения всемирной конференции. Рокфеллер-младший предложил провести ее именно в Голландии, на родине далеких пред-

ков его деда под патронажем принца Бернарда, знаменитого в то время своей открытостью и политической смелостью. Собственно, эти трое и считаются «отцами» Бильдербергского клуба. Однако если выбирать из них главного, то следует отметить, что и без Ретингера подобная идея могла прийти в то время в голову кому угодно — она буквально витала в воздухе; без принца Бернарда такой съезд с тем же успехом можно было провести в другой стране. Но вот без личного патронажа Рокфеллеров мероприятие такого масштаба было совершенно невозможным.

Следующие три дня обещали быть сложными и во многом должны были решить дальнейшую судьбу Европы. Слишком много важных, ключевых событий произошло за последнее время. Равновесие всей планеты казалось крайне шатким, власть сильных мира сего могла окончиться в любой момент — совсем как жизнь голландцев, внезапно погибших в недавнем наводнении. Надо было решить, как предотвратить надвигающийся шторм.

*Полтора месяцами раньше,
Нью-Йорк, Рокфеллер-центр, 56-й этаж,
Зал для переговоров, 12 марта 1954 года*

Рокфеллер-центр, вознесшийся почти на триста метров ввысь в самом сердце Манхэттена, напротив собора Святого Патрика и сияющих витрин магазинов Пятой авеню, к пятидесятым годам стал не только одним из самых узнаваемых символов деловой столицы мира, но также и излюбленным местом самих жителей мегаполиса. Помимо крупных частных корпораций, теперь, во времена мощного подъема экономики, считавших за честь арендовать здесь офисы и целые этажи, в здании также располагались главные благотворительные фонды страны и национальные теле- и радиовещательные агентства. У подножия здания каждую зиму

заливали огромный каток, на котором часами катались сотни желающих — в основном дети и подростки. Наконец, любой человек мог зайти внутрь здания на небольшую экскурсию, чтобы полюбоваться прекрасной лепниной в стиле ар-деко, украшавшей его широкие коридоры и лестницы.

В это погожее, теплое и уже совсем весеннее утро в *самом главном* офисе на верхнем этаже Центра должна была состояться важная деловая встреча. Такое случалось редко: трое из семи наследников великой династии, внуков Джона Рокфеллера, вместе ждали прибытия гостя из-за океана.

Тем более странно, что этот гость в тот момент не был ни видным политиком, ни знаменитым бизнесменом: с виду это был самый обычный невысокий крепкий мужчина с густыми черными усами. В отличие от большинства его родственников, в нем не было ни капли наносного аристократизма: он прошел почти всю войну в ранге офицера артиллерии британской армии. В свободное время увлекался научными экспериментами и даже после того, как возглавил крупнейший в Англии инвестиционный фонд, всегда требовал, чтобы его называли просто Эдди. Лишь на визитной карточке значилось его полное родовое имя: Эдмунд Леопольд Ротшильд. Удивительно, что представители двух богатейших семей мира, поделивших между собой едва ли не всю планету, в это утро встречались с глазу на глаз, вероятно, впервые в истории. И проходила эта встреча хоть и в офисе, но в довольно неформальной обстановке. Собственно, загодя ее никто и не планировал: Дэвид Рокфеллер лишь пару дней назад узнал, что «Эдди» как раз находится в Нью-Йорке по делам своего фонда, и тут же позвонил ему. Им надо было обсудить весьма деликатный вопрос, и хорошо, что это можно было сделать не по телефону.

Троих братьев Рокфеллеров, вместе наследовавших большую часть империи их деда, объединяло, пожалуй, лишь одно: кипучая, порой выплескивавшая через край деловая энергия и амбиции, не знавшие границ. Внешне они были совершенно не похожи, да и области их интересов тоже были разными. Но зато они неплохо дополняли друг друга. В отличие от их деда, деньги и бесконечное приращение гигантского состояния не были единственной целью их жизни двадцать четыре часа в сутки. Каждый из них старался реализовать в своей собственной любимой нише. Старший, Нельсон Рокфеллер, формально считался главой бизнеса семьи, в том числе был директором Рокфеллер-центра, но на самом деле почти все время занимался только политикой. Он почти пятнадцать лет проработает губернатором штата Нью-Йорк и даже будет баллотироваться в президенты США, но скандал, связанный с внезапным разводом и женитьбой на любовнице, заставит снять свою кандидатуру с президентской гонки, в которой, по мнению социологов, у него были хорошие шансы на победу. Нельсон всегда выглядел очень представительно, казался спокойным, а очки в толстой оправе делали его похожим на ученого или писателя. Средний брат, Лоуренс, напротив, был непоседой и вел себя очень нетрадиционно для «денежного мешка»: редко носил костюмы, страстно увлекался авиацией, испытывал новые модели самолетов и даже возглавлял национальное общество изучения «летающих тарелок». Как ни странно, при этом он имел прекрасное чутье на новые выгодные инвестиции и впоследствии основал ряд успешных компаний в сфере высоких технологий, приумножив тем самым семейное состояние. Но самым интересным из них троих все же был младший, Дэвид. Прирожденный банкир, он сделал свой Chase Manhattan Bank первым в мировой истории поистине глобальным финансовым учреждением,

протянувшим еще в далекие пятидесятые годы щупальца по всему миру: от Америки до Австралии, от Чили до Советского Союза. Одновременно больше чем полвека он беспрестанно участвовал почти во всех важнейших мировых политических событиях — воистину у него была энергия семерых человек (возможно, поэтому много позже, в старости, ему понадобилось семь пересадок сердца).

Встреча была назначена на утро пятницы, и, для того чтобы обстановка была как можно более спокойной, сотрудникам контор, занимавших два верхних этажа Центра, был предоставлен выходной. На рецепции, украшенной полотнами в модном стиле современной американской живописи и огромным аквариумом, дежурила лишь пара строгих, вышколенных секретарш.

В переговорной Лоуренс с большим интересом рассматривал обложку свежего выпуска журнала Time. На ней была фотография огромного «гриба» ядерного взрыва: Америка на далеком тихоокеанском атолле Бикини только что испытала первую в истории водородную бомбу.

— Пятнадцать мегатонн. В тысячу раз мощнее, чем в Хиросиме. Весь Нью-Йорк от этого «малыша» мгновенно стал бы просто черной зияющей воронкой.

— Жалко, что у Советов теперь тоже есть такие игрушки. Чертовы Розенберги. Правильно, что их поджарили на электрическом стуле. Передали Сталину секреты ядерной бомбы, и теперь «красные» думают, что они с нами во всем на равных.

Нельсон как обычно неторопливо расхаживал по роскошной переговорной, словно разучивая очередную речь. Общительный Дэвид тоже присоединился к разговору:

— На днях, на благотворительном вечере фонда Карнеги, я общался с одним физиком. Он сказал, что если русские доставят тайно на субмарине атомную бомбу к нам

под нос, в Гудзонов залив и взорвут ее под водой, то весь Нью-Йорк мгновенно смоем мощным цунами и никто не успеет понять, что происходит. Хорошо, что у Эйзенхауэра есть яйца и он ведет самую жесткую политику — не дает коммунистам слишком громко бряцать оружием.

Дальше разговор перешел на чисто семейные темы и продолжался вплоть до прихода гостя из Британии, прибывшего точно ко времени. Эдмунд Ротшильд был без охраны и сопровождающих, а последние два этажа взбежал по лестнице, по-мальчишески перепрыгивая через ступеньки.

После недолгих представлений разговор зашел о бизнесе. Казалось, что Эдмунд был весьма доволен ходом своих дел.

— Господа, кстати, поздравляю вас! Фондовый индекс Америки наконец-то поставил новый рекорд, побив пик 1929 года! Но на этот раз рынок точно не упадет — будет только продолжать расти! Я лично пару лет назад дал указание брокерам моего фонда покупать акции американских сталелитейных компаний, и с тех пор они взлетели в несколько раз!

Династия Ротшильдов была на сто лет старше Рокфеллеров, потому к середине XX-го века она казалась намного более запутанной и разветвленной. Существовала мощная британская ветвь наследников, вот уже более ста лет контролировавшая Банк Англии и через него — крупные английские частные банки. Затем французская ветвь: тоже связанная с банками, но все же не настолько сказочно богатая. Зато французские Ротшильды колоссальным образом влияли на политику страны, иногда почти напрямую назначая ее президентов, а также «для души» владели несколькими роскошными старинными поместьями к северу от Бордо, в которых делалось, возможно, лучшее в мире красное вино. Германская ветвь Ротшильдов была вынуждена эмигриро-

вать из страны при нацистах, но продолжала иметь интересы в ряде крупных немецких банков через своих доверенных лиц и партнеров. Прочие ветви — голландская и новая американская — имели в масштабах семьи второстепенное значение. Разумеется, помимо участия в американской Федеральной резервной системе, ставшей одним из величайших проектов Ротшильдов в истории их династии. Однако то, как на самом деле устроена сложная система взаимосвязи между ветвями семьи, было и остается самой тщательно охраняемой тайной этого банкирского дома. Эдмунд не был его главой в силу относительной молодости, но по роду его деятельности и личным интересам он представлялся самым удобным контактом для Дэвида Рокфеллера.

Предметом встречи было создание всемирного клуба, который бы направлял разобщенную политику западных стран, а также обеспечивал их защиту от опасного коммунистического блока.

— Но почему в Голландии? Такой форум можно было бы провести с куда большим размахом в Лондоне, а еще лучше, здесь, в Нью-Йорке!

Дэвид Рокфеллер, в своем стиле, хитро сощурился и ответил почти ласковым тоном:

— Эдди, как раз лишней шумихи нам и нужно избежать. Суть конференции в том, чтобы донести до влиятельных людей мира нашу с вами точку зрения и сделать это лично, без посредников. Освещения в прессе — не нужно.

Нельсон Рокфеллер поддержал брата:

— Принц Голландии — один из главных акционеров нефтяной компании Royal Dutch Shell. Она была основана при участии нашего деда, и с тех пор у нас постоянный близкий контакт с королевской семьей Нидерландов. Можете даже назвать это теплой дружбой. Принц Бернард — смелый человек. В юности по глупости вступил в СС, но

затем одумался и во время войны лично расстреливал «Юнкерсы» из зенитки, установленной на крыше королевского дворца в Амстердаме, отчаянно рискуя жизнью. После войны он многое сделал для развития его авиакомпании KLM. Принц — один из богатейших людей Европы, хотя публично об этом неизвестно: активы оформлены на доверенных людей. Он сам порекомендовал нам одно тихое место в глубине старой Голландии, где проще всего обеспечить безопасность.

— Хорошо, согласен. А что вы хотите с моей стороны?

— Мы не очень хорошо ориентируемся в том, что сейчас происходит в отдельных странах Европы. Я имею в виду, конечно, не бизнес, а политику. Нам нужен ваш список делегатов от Европы. От Америки придет около двадцати человек, представляющих деньги: банки и крупнейшие фонды. От Европы нужны люди, определяющие политику: главы парламентов, министры силовых структур, представители влиятельных семей. Всем потенциальным кандидатам мы разошлем приглашение от нашего имени. В нем не будет ничего конкретного: просто просьба приехать для откровенной беседы и обмена мнениями. Чтобы подчеркнуть неформальный, частный характер встречи, даже расходы на переезд и проживание будут целиком за счет самих участников. Мы тратим средства только на обеспечение безопасности форума, и все.

— Когда вам нужен такой список? Вы понимаете, мне нужно посоветоваться с близкими людьми.

— Разумеется. Но список нужен через две недели, не позже.

— Хорошо. Хотя и не могу гарантировать, что все, кого мы пригласим, откликнутся.

— Если кто-то не захочет, это его личное дело. Правда, тогда и мы с вами не сможем гарантировать, что после от-

каза от нашего приглашения у такого человека дела будут идти по-прежнему хорошо.

Эта шутка вызвала взрыв смеха, после которой Эдди расспросил братьев о самых интересных событиях культурной жизни Нью-Йорка на ближайшие несколько дней и получил от них исчерпывающие описания и крайне полезные рекомендации...

Пятидесятые стали золотой эпохой Америки. Ее роль в мире была в это время велика, как никогда раньше. Каждый месяц выпускались новые, все более шикарные модели автомобилей. Голливуд окончательно покорила мир своими сказками с участием великих актеров и прекраснейших кинодив, будораживших мечты миллионов мужчин во всем мире. Безработица, кризисы — казалось, что все это навсегда осталось в далеком прошлом. Другое дело — Европа. Экономический рост здесь был не менее бурным, но близость и непредсказуемость действий коммунистического лагеря, с его растущим ядерным арсеналом, словно темной пугающей тенью нависала даже над самыми, казалось бы, благополучными странами. Западная Германия ждала агрессии со стороны Восточной, Югославия в любой момент снова могла взорваться изнутри, жители Венгрии находились на пороге бунта против социалистических властей. Недавно образованный блок НАТО с участием США был призван гарантировать стабильность ситуации в Западной Европе. Но СССР после смерти Сталина решился на неожиданный шаг: направил официальную заявку на вступление в этот Североатлантический военный блок. Это его действие и стало первым пунктом повестки дня Бильдербергского клуба.

Впрочем, если бы сторонние наблюдатели были допущены в зал заседаний отеля утром 29 марта, то, вероятно, мало кто бы решил, что здесь происходит что-то необычное. Первое в истории заседание Клуба оказалось на редкость

рутинным: большинство европейских политиков не понимали, зачем они здесь, и вели себя так, словно они находятся на стандартном мероприятии, где каждое их слово протоколируется и они обязаны излагать лишь официальную точку зрения властей стран, которые они представляли.

Самое интересное, как обычно, происходило за кулисами заседаний. Только здесь во время обеденных перерывов и в курительных комнатах участники говорили действительно о том, что не давало им покоя, и то, что они действительно думали. Некоторые из делегатов, специально приглашенных для этой цели Рокфеллером-младшим, провоцировали в таких разговорах нужных собеседников на откровенность, а затем, закрывшись вечером в своем номере, строчили краткие конспекты бесед на пишущих машинках для «шефа».

Предложение русских о вступлении в НАТО делегаты отменили как полный абсурд. Хотя Сталин умер, но «холодная война» была в самом разгаре. Недавно ставший новым советским лидером Хрущев на ужине с американским послом с простой крестьянской улыбкой пообещал тому скоро «закопать Америку». Потом, правда, их дипломаты поясняли, что речь шла всего лишь о цитате из Маркса, где тот называл коммунизм могильщиком капитализма. Но ничего хорошего от Советов при новом лидере ждать явно не приходилось. Через месяц, после консультации с политическими советниками, знавшими о решении мировой элиты, президент Эйзенхауэр ответит Советскому Союзу отказом. Хотя, если бы Клуб решил иначе, а Советы были бы приняты в Альянс, кто знает, куда после этого повернула бы вся мировая история.

На второй день главным пунктом повестки была ситуация, возникшая в колониях. Дэвид Рокфеллер учел опыт неудавшегося первого дня форума: на этот раз в середине за-

седания был объявлен длинный перерыв, на время которого он пригласил нескольких избранных европейских делегатов на обед на открытом воздухе в небольшое кафе в центре Арнема.

На старой площади было весьма оживленно. Стояла жаркая, но не душная летняя погода. Яркие тюльпаны, украшавшие клумбы весь апрель, уже, к сожалению, отцвели, но их место заняли розовые душистые гвоздики, которые росли, сплетаясь цветками в красивые шары, а еще высокие пионы и оранжевые лилии. Страна цветов радовала яркими красками почти круглый год. На площади собиралась молодежь: из портативных приемников слышался хит, вышедший в ротацию музыкальных радиостанций на прошлой неделе и сразу завоевавший поклонников во всем мире. Билл Хэйли, уже немолодой американский певец кантри с забавным чубчиком на лбу, записал песню *Rock Around the Clock* — похожую на блюз, но сыгранную в невероятно быстром темпе. Подростки пытались изобразить под музыку не очень приличные танцевальные движения и громко обсуждали эту песню. Прохожие не обращали на них внимания: Голландия издавна славилась свободой нравов, часто здесь можно было увидеть и не такое. Само кафе находилось на углу площади, около самого старинного здания Арнема, называвшегося «Дом дьявола». Его портики были декорированы фигурами врага рода человеческого с бородками, копытами и рогами, а внутри здания находился популярный у туристов музей нечистой силы. Впрочем, голландцы всегда оставались, возможно, наименее суеверной нацией в мире, поэтому столики с вкусной едой у стены столь мрачного места никого не смущали.

Один из лидеров французского парламента эмоционально поблагодарил Рокфеллера за вчерашний изысканный ужин. Особенно он рассыпался комплиментами по поводу

винной карты с такими шедеврами, как «Латур» из Бордо и «Романи-Конти» из Бургундии, стойвшими целое состояние, при этом вина были подарком делегатам от организаторов. Румяная высокая хозяйка кафе помимо обильных закусок принесла горячие горшочки с тушеной говядиной и овощным пюре, свежую селедку, поданную с нарезанным луком на простых бумажных тарелках, и непременно ассорти из местных сортов твердого голландского сыра. Простая трапеза в сочетании с бочковым пивом «Хайнекен» в высоких бокалах на свежем воздухе пошла как нельзя лучше.

— Кстати, о Голландии. После войны она утратила свои богатейшие колонии на юге Азии: когда союзники освободили Индонезию от японцев, та стала независимой. Но сама Голландия от этого только выиграла, скинув с плеч огромную ношу: теперь ей не надо держать там армию чиновников, полицию, платить пособия населению. При этом основные отрасли и богатые месторождения остались под контролем голландских корпораций. Экономика Голландии все это время росла как на дрожжах, а в Индонезии, наоборот, начался хаос. И это вполне логично. Британия точно так же отпустила Индостан, и там сразу разверзся кровавый ад, от Индостана откололся Пакистан, но сами англичане вздохнули с невероятным облегчением. Колониальная система, похоже, себя изжила, и Франции надо тоже смириться с этим.

Когда речь шла о геополитике, Дэвид Рокфеллер мгновенно сбрасывал с себя обычную шутовскую маску, в его голосе звучали жесткие металлические нотки, а взгляд буквально пробуравливал собеседников. Многие даже говорили, что им становилось от этого взгляда не по себе.

— Мсье, пожалуйста, не говорите ничего о колониях! Алжир — это зияющая рана нашей великой республики. Туземцы не хотят становиться нашими партнерами, что бы

мы для них ни делали. Я был сам в Алжире в 1945-м, когда в столице начались беспорядки. Тогда погибла сотня французов, а потом мы начали ответные меры. Повстанцев искали повсюду — в городах, деревнях, в пустыне. Когда обнаруживали сопротивление, наши солдаты расстреливали всех. Бесчеловечно, но их довели до этого. Трупы боевиков, облитые бензином, приходилось сжигать на площадях, чтобы весь город видел, что ждет террористов. Я видел это своими глазами, и это снится мне до сих пор. А еще помню, как одного местного крестьянина, у которого в подполе нашли склад взрывчатки, перед расстрелом заставили самому рыть себе могилу, после чего его тело завернули в свиную шкуру. Повстанцы устраивали склады оружия рядом с мечетями, надеясь, что там оружие никто не будет искать, но мы все равно его находили. Города, которые сопротивлялись неделями, наша артиллерия в конце концов ровняла с землей вместе с мирным населением. Потом все успокоилось вроде бы. Но сейчас там опять большие волнения. Скорее всего, в ближайшие месяцы придется принять резолюцию о вводе туда полноценного контингента.

— А почему бы вам не отпустить алжирцев? Они же все равно говорят по-французски, и когда через пару лет независимости они начнут голодать и им как воздух понадобятся деньги, они на коленях приползут к вашим же парижским банкирам и будут согласны принять все условия. К тому же вам тогда не пришлось бы каждый год принимать такое количество беженцев.

— Это невозможно, потому что наше правительство состоит из идиотов. Они ничего не понимают в политике, для них страх поражения и падение популярности хуже, чем море человеческих жертв. Пока к рулю не вернется великий де Голль и не разгонит всех этих кретин, кровь в Алжире будет литься все сильнее. Парламент тоже не посмеет пойти

против мнения общества, которое в основном желает, чтобы Северная Африка оставалась французской.

Дэвид Рокфеллер вытер губы салфеткой. У него в голове уже созрел многоэтапный план. Это дело займет много времени, потребует сотни перелетов по всему миру и участия самых влиятельных людей. Зато в конце туннеля — поистине золотое сияние: триумфальное шествие освобожденных народов к независимости под аплодисменты всего мира с последующей почти бесплатной передачей их ресурсов западным, но теперь в основном американским, а не европейским, как раньше, корпорациям. Но это было дело не ближайшего времени.

В последний, третий день конференции слово от имени организаторов взял Иосиф Ретингер. Его долгая пламенная речь сводилась к тому, что европейским странам не выжить поодиночке перед лицом советской угрозы. Кроме того, границы между странами, таможенные пошлины, отдельные денежные и банковские системы — все это тормозило экономический рост Западной Европы.

— Наш континент и так мал, а теперь коммунисты откусили от него еще треть территории. Жители восточноевропейских стран будут смотреть из-за «железного занавеса» на соседей: чехи — на австрийцев, югославы — на Италию, жители Восточного Берлина — на граждан Западного. Мы победим коммунизм, только если наглядно покажем им превосходство нашего строя, экономики, демократии! Для этого надо избавиться от национальных барьеров. Соединенные Штаты Европы — моя великая мечта, и я уверен, что когда-нибудь, пусть даже после моей смерти, она сбудется!

Оратор явно рассчитывал на аплодисменты, но в зале были слышны лишь редкие покашливания. Идея казалась слишком революционной. Однако она быстро дала свои ростки. Жаркие споры о том, возможно ли хотя бы ча-

стичное объединение некоторых соседних европейских государств, не прекращались даже во время прощального ужина. Спустя два года, под впечатлением от кровавого подавления антикоммунистического восстания в Будапеште, идея о сближении стран Западной Европы уже активно обсуждалась повсюду, а еще через год был создан Общий рынок, предписывающий снятие всех таможенных барьеров в торговле между странами Западной Европы. До единого политического союза было еще далеко, но и этот шаг стал важнейшим для общеевропейского процветания.

Решения по трем главным вопросам первого заседания Бильдербергского клуба были довольно быстро реализованы. Вотум недоверия западной элиты к коммунистам вылился в дальнейшее нагнетание «холодной войны», гонку вооружений, вплоть до Карибского кризиса 1963-го, когда мир встал на грань ядерной катастрофы. Вектор на объединение Европы привел к устранению пошлин, а позже, в 1990-х, — к фактическому отказу от национальных границ, к единой валюте и общей банковской системе. К 1961 году большая часть бывших колоний, включая большинство стран Африки, стали независимыми государствами. Однако после короткого всплеска энтузиазма стало понятно, что проигравшими в этом процессе были именно колонии, оставшиеся один на один с миллионом своих проблем, которые они не могли решить. А победителями — бывшие метрополии, скинувшие с себя ответственность, но оставившие в карманах ежегодные многомиллиардные прибыли. Самим бывшим колониям, особенно в Африке, независимость принесла лишь голод, войны и тотальную коррупцию местных властей.

Вернувшись в Нью-Йорк, Дэвид Рокфеллер устроил праздничную вечеринку, для которой на один вечер был арендован весь Карнеги-холл. Новый формат оперативных ежегодных совещаний с быстрым принятием важных реше-

ний вызвал полное одобрение сильных мира сего. Заседания Клуба, за которым закрепилось название Бильдербергский, стали ежегодными. За десятилетия их формат расширился: общее количество ассоциированных членов Клуба превысило триста человек. Впрочем, подавляющее число делегатов, как правило, приглашают только для обсуждения какого-то одного, специального, вопроса, главные же решения принимаются узким составом Исполнительного комитета Клуба, включающего всего около десяти человек.

В своих мемуарах Дэвид Рокфеллер писал, что люди, считающие Бильдербергский клуб — его детище — аппаратом управления миром, вызывают у него смех, так же как и журналистские сказки о теориях заговора. А уже в следующей главе рассуждает о новом мировом порядке, наступление которого Клуб обязан резко ускорить. Очевидное противоречие этих двух тезисов один из тайных правителей мира словно и не замечает.

Что каждый год решает этот Клуб — по-прежнему строгая тайна. В семидесятых участники одной из встреч вспоминали о долгом интимном разговоре на заключительном ужине Дэвида Рокфеллера с малоизвестным тогда сенатором Джимми Картером. Через несколько месяцев Картер выставил свою кандидатуру на президентских выборах США и одержал в них уверенную победу. Это можно было бы списать на случайность, если бы на рубеже девяностых на таком же ужине «старый лис» не наставлял бы так же долго, тепло и по-отечески другого молодого политика — губернатора штата Арканзас Билла Клинтона.

Одним из пунктов совещания, прошедшего в середине 2010-х, была проблема «маленького человека» в этом мире. Что делать с миллиардами людей, обслуживающих мировую элиту, но не ощущающих на себе благ экономического прогресса? Занятые нудной работой, которую они вскоре тоже

потеряют из-за роботизации, едва дотягивающие от полочки до полочки, всегда по уши в кредитах и долгах, больше всего на свете боящиеся увольнения или выхода на пенсию, обрекающих их и вовсе на жалкое, полунищенское существование.

Что решили по этому вопросу представители мировой элиты? Собираются ли они хотя бы для вида протянуть руку помощи уходящему в пучину бедности бывшему среднему классу, предпочли оставить все как есть или задумали вообще что-то страшное?

Об этом Джеку через какое-то время предстояло узнать.

Глава 10

Побег

*Цюрих, офис юридической компании Herzog,
Lebeuf & Stein,
наши дни*

— Это дело — крайне непростое. Но мы все-таки готовы за него взяться. Нам очень поможет, если вы расскажете все по порядку, не опуская никаких важных подробностей. Даже если они носят... (здесь адвокат сделал паузу) достаточно щепетильный, личный характер. Мы подписали с вами соглашение о конфиденциальности. Для юристов, тем более здесь, в Швейцарии, соблюдение клиентской тайны — нерушимый, священный закон деловой практики. Хотите кофе? Признаться, вы неважно выглядите: вам лучше немного расслабиться и прийти в себя. — Вернер Херцог, старший партнер одной из самых уважаемых юридических фирм Цюриха, чья история насчитывала более ста лет, скрестив руки на груди, в безупречном синем двубортном костюме, сшитом на заказ, стоял посреди своего кабинета, с участием и некоторым сочувствием глядя на своего нового клиента. Им был молодой человек, сидевший в помятой футболке и потрепанных джинсах напротив него на просторном кожаном диване.

Юридическая фирма специализировалась на вопросах международного налогообложения, а также оказывала приватные услуги частным лицам: комплексную поддержку в самых запутанных деловых и даже просто жизненных ситуациях. Разумеется, такого рода ее услуги были по карману только очень состоятельным клиентам, как правило, бизнесменам международного масштаба. Компания вот уже более полувека снимала один и тот же офис — два верхних этажа просторного здания в начале Зеефельдштрассе, в самом центре Цюриха. Из ее окон было видно богато декорированное неоклассическое двухэтажное здание Оперного театра, украшенное бюстами Моцарта и Вагнера. Ниже по улице, за перекрестком, располагались офисы самых известных международных юридических фирм. Однако на здании, где располагалась Herzog, Lebeuf & Stein, никаких вывесок не было — со стороны оно было, скорее, похоже на элитный жилой дом с охраной и кнопками вызова жильцов у главного входа. Такова была политика некоторых, самых старинных швейцарских юридических контор, а также банковских домов: реклама для них была совершенно излишней. Просто так, с улицы, без тщательнейших рекомендаций, попасть в них было невозможно. Это был бизнес только для «своих людей» — разумеется, весьма состоятельных.

— О том, как вашего друга и партнера задержали в аэропорту, я уже знаю. Мои зарубежные коллеги прислали мне сегодня утром пакет документов, где в том числе указано, какой ему, по всей вероятности, планируется вынести обвинительный приговор. Пока ничего хорошего его не ждет, к сожалению. Даже несмотря на активное вмешательство канадской консульской службы, которая уже второй день делает для него все, что в их силах. Но о вашем друге поговорим позже.

Джек чувствовал себя совершенно разбитым. В голове события последних дней перемешивались, а от страха за судьбу друга к горлу иногда подступали легкие приступы тошноты.

— Честно говоря, я не знал, что делать в первые минуты. Хотелось вцепиться в Билла и сказать полицейским, что я его не отпущу, мы отправимся в следственный изолятор вместе. Но это было глупо, кроме того, я даже не успел перекинуться с ним и парой слов. Такое ощущение, что вся эта сцена с задержанием в аэропорту была спланирована заранее и разыграна как по нотам.

— Возможно. Вы и ваш партнер сейчас — весьма интересные фигуры для многих, включая правительства целого ряда стран. Однако юридически доказать это никак невозможно. Надо действовать другими методами. Но все-таки расскажите, что было потом.

— Мы с Шерон взяли такси в отель. Несколько минут она держалась спокойно, но потом, когда мы сели в машину, с ней случилась истерика. Она пошла красными пятнами, билась в конвульсиях, сидя рядом со мной на заднем сиденье, и все время говорила, что хочет как можно скорее убраться отсюда обратно домой и о том, что это она во всем виновата — ведь это она познакомила нас со Сьюзен, из-за которой мы и полетели в Таиланд. Я даже хотел вызвать ей врача, но, как только мы вышли из такси, она снова взяла себя в руки.

— Объяснимая реакция. Кому вы позвонили первому?

— Разумеется, Ван Куну. Это же он нас опекал с первого шага в Сингапуре. Его слова сразу после нашего прилета о том, что нам захочется остаться здесь навсегда, теперь, в отношении Билла, приобрели другой смысл. Я сделал ему несколько звонков — но он перезвонил мне не сразу. Сухо посочувствовал и сказал, что действия таможенных властей не входят в сферу его компетенции. Когда я начал на

него кричать, он смягчился и пообещал перезвонить позже. Около восьми вечера сообщил, что смог организовать на завтрашний вечер встречу с премьер-министром и что эта встреча может помочь Биллу. И еще он просил пока не поднимать особой шумихи. Я проверил в Интернете несколько главных сингапурских лент новостей: о задержании иностранца с наркотиками в аэропорту нигде не было вообще ни слова, хотя времени прошло достаточно, а эта новость была сенсацией и должна была быть везде, вплоть до выпуска национальных теленовостей. Но казалось, будто ничего такого и не произошло.

— В тот вечер вы еще с кем-нибудь общались?

— Позвонил моей подруге в Бостон, сказал ей, что у меня было предчувствие, что по прилете из Бангкока в аэропорту произойдет что-то нехорошее. Она ответила, что у нее было такое же предчувствие в отношении всей нашей поездки в Азию, но она все равно не стала нас отговаривать. Потом ко мне в номер зашла заплаканная Шерон, мы пропустили по бокальчику виски. Попытались разыскать координаты той самой журналистки Син, передавшей посылку, — Шерон запомнила ее фамилию на бэйджике, еще когда та пыталась взять у нас интервью в холле отеля. Оказалось, что журналистка с таким именем и фамилией в тайских новостных агентствах работает только одна: пожилая дама лет шестидесяти, которая постоянно ведет передачу о секретах тайской кухни. Молодой девушки-журналистки с похожей на ту стерву внешностью мы не нашли. Еще мы позвонили в канадское посольство. Там уже никого не было, но я нашел доступ к международной дипломатической базе данных, и мы дозвонились до посла на мобильный. Он, кажется, был навеселе, но обещал прямо с утра взяться за это дело. И также подтвердил, что крайне странно, что об этом не было ничего в вечерней прессе.

— Ну что ж, я думаю, тайская журналистка — это одна из нитей к разгадке. Ее розысками мы уже занимаемся. А кстати, что было с вашими номерами в гостинице «Марина Бэй»? Их по-прежнему оплачивали? Ведь это — почти тысяча евро в сутки, не такая уж и мелочь.

— Нас всех на следующий день по плану должны были переселить в гостевой кампус Сингапурского университета. Ребят из биологической группы переселили утром, но мой номер и почему-то также номер Шерон оказались продлены еще на два дня. Я даже не знаю, кто это решил. Наверное, Ван Кун, но мы с ним это не обсуждали. Да, еще мы тем вечером хотели зайти в номер к Биллу, взять его вещи, но на рецепции нам сказали, что его номер сейчас находится на уборке. Нам дали карточку от него только в девять вечера, мы зашли туда в присутствии двух менеджеров гостиницы, но кроме одежды Билла никаких вещей там не было, хотя я точно знаю, что там должны были остаться один или два его запасных ноутбука, которые он всегда берет с собой. Мы заявили о пропаже, но менеджеры только пожали плечами.

— Во сколько состоялась встреча с премьер-министром? И где? Вы сами туда добрались?

— Вечером следующего дня. Но до этого я был в Биополесе, виделся со Сьюзен Макдоннел.

— Она была в курсе происшедшего?

— Она сказала, что ей сообщили из Министерства образования утром. Я не думаю, что она в этом всем как-то замешана.

— Вообще-то, это именно она предложила вам слетать в Таиланд. Или вы думаете, что это просто совпадение? Знаете, двадцать лет юридической практики отучили меня верить в случайности. Хотя, впрочем, я не настаиваю на ее причастности, это лишь версия. Что она вам сказала?

— Она спросила меня, как я провел время в Таиланде.

— А в чем все-таки была цель вашей поездки туда?

— К сожалению, этого я не могу вам рассказать. Это не мой секрет. И к делу Билла это точно не относится. Я ездил в Таиланд в том числе по просьбе моего отца, узнать некоторые подробности о возможной новой крупной инвестиции его банка. Билл был со мной просто за компанию.

События следующего дня Джек помнил поминутно. Большую часть утра он провел в Интернете, общаясь со знакомыми из MIT. Происшествие с Биллом стало темой дня в университете, дело дошло до руководства, которое пообещало сделать запрос по Вашингтонской дипломатической линии. Днем он решил немного пройтись по центру города, лишь бы не торчать в отеле, а оттуда пошел пешком в Биополис. Как назло, в это время грянул тропический ливень — как всегда неожиданно. Только что была душная, стоячая жара, без единого облачка на небе. Но вдруг подул ветер, небо потемнело, а еще через пару минут столбы воды с градом буквально били прохожих по головам. Температура резко упала, дождь стоял стеной. Джек заметил, что никто даже не стал доставать зонтики: потоки воды и ветра сломали бы их в считанные секунды. Большинство людей поспешили в укрытия, а те, кто остался на улице, разулись, надели прозрачные водонепроницаемые плащи, у кого они были. На Джеке не осталось ни одной сухой нитки. Когда он появился в Биополисе, охрана осмотрела его с некоторым удивлением.

Сьюзен в своей лаборатории выглядела еще более взволнованной, чем в прошлый раз. Она снова нервно курила — но в этот раз уже не электронную сигарету. Она сразу предложила Джеку горячий кофе, и он с радостью выпил две чашки.

— Поверь, я здесь ни при чем. Наверное, кто-то просто воспользовался вашей поездкой. Вам точно так же могли бы

подбросить опиум в гостиничный номер в ваше отсутствие: результат был бы тот же. Но это было бы уж слишком грубой, топорной работой. Кстати, с внутренней части шкапулки стоит взять образцы ДНК: если тот, кто сделал в ней тайник, не протер ее затем изнутри, мы можем вычислить преступника по национальной базе данных ДНК — если этот человек был из Сингапура, конечно.

— Думаю, это скорее сделал кто-то из местных. Сюзен, мы побывали в Центре, общались с Шенкелем, и у меня остались тягостные впечатления. Но главный вопрос, конечно, в другом. Кто вообще придумал сделать такую «резервацию» с таким количеством «подопытных» людей?

— Это грандиозный проект, за которым с самого начала стояли люди, которые находятся выше любых правительств. Медицина — один из самых крупных и высокодоходных бизнесов в мире. И при этом он каждый год все быстрее растет, и конца этому росту, как ты понимаешь, не будет. Через десять-двадцать лет вся нефтяная индустрия покажется мелкой и скучной по сравнению с медициной. Те, кто имеет доступ к возможности быстрого тестирования новых лекарств на людях, всегда будут на шаг впереди конкурентов. А ты знаешь, какова цена того, чтобы зарегистрировать в FDA всего лишь одно лекарство хотя бы на месяц раньше других? Цена компании, выигравшей в такой гонке, взлетает с сотен миллионов до миллиардов долларов, а тот, кто хоть немного отстал, не стоит ничего, только убытки от зря проведенных в течение нескольких лет исследований. Я никогда не вдавалась в то, кто на самом деле те люди, которым принадлежит огромная часть пирога всех мировых богатств. Могу лишь догадываться и думаю, что медицина — не единственная область их интересов. Понимаю только, что с ними лучше вообще не иметь дела.

— Я могу подробно рассказать обо всем отцу?

— Для меня важно, чтобы инвесторы потом не устроили скандал на весь мир. Помнишь велосипедиста Лэнса Армстронга? В начале двухтысячных его, победителя бесчисленных гонок, называли гордостью Америки, за рекламные контракты с ним корпорации буквально дрались. А потом обнаружилось, что он принимает допинг. В один миг он из гордости Америки превратился в ее позор. И это несправедливо, так как очень многие спортсмены мирового уровня принимают запрещенные препараты. Лэнс попался только потому, что его подставила крупная фармацевтическая компания, с которой он отказался заключать рекламный контракт. Поверь, я знаю, о чем говорю: давно, сразу после окончания университета, я работала в команде врачей на сиднейской Олимпиаде. Была такая бегунья, Мэрион Джонс, взяла тогда все золото на коротких дистанциях. Колола себе стероидный допинг как лошадь — по несколько раз в день: мы очень боялись, что ее сердце может отказать прямо на дорожке, на глазах у всего мира. Спустя пару лет она тоже попала, и тоже по глупости: выступила на коммерческих соревнованиях в конце сезона не под эгидой национального легкоатлетического комитета. Там-то впервые и взяли ее настоящую пробу. Одним словом, и в спорте, и в фармацевтике от славы до позора — маленький шагок. Я — честный ученый, дорожу своей репутацией, она для меня важнее денег. Если общественность узнает, что моя лаборатория все эти годы ставила опыты на людях в самом крупном в мире, совершенно незаконном Центре исследований, я и мои работы навсегда попадут в черный список. Мне не разрешат больше заниматься наукой; в глазах общества мое имя встанет в ряд с какими-нибудь нацистскими «докторами». Поэтому я пока не тороплюсь регистрировать патенты в США и Европе, как бы сильно на меня ни наседали.

— Чем может помочь отец?

— Владельцы его банка JP Morgan — как раз из тех людей, о которых я говорила. Они не только знают о Центре, но и совершенно точно — одни из тех, кто «курирует» его. Я готова продать банку результаты всех моих исследований, но я хочу, чтобы этот Центр либо был закрыт, либо, наоборот, каким-то образом приобрел официальный международный статус. Это мое условие сделки.

— Хорошо, я передам это. Но сейчас меня беспокоит ситуация с Биллом. Что они собираются с ним делать? Вы можете по своим каналам как-то помочь? Вы же здесь очень известный человек.

— Понятия не имею, в моей практике не было ничего подобного. Но если я тебе понадобится, я лично и моя лаборатория — всегда в твоём распоряжении.

Джек вернулся в гостиницу, куда через какое-то время за ним заехал правительственный лимузин. Но на этот раз его не повезли ни в отель «Раффлз», ни в офис премьер-министра на главной улице города. Вместо этого автомобиль около часа ехал куда-то на север, остановившись, наконец, в унылом районе с промышленными зданиями и эстакадами старой, проржавевшей надземной железнодорожной линии. Здесь находилось здание Министерства обороны, частью которого была Служба национальной безопасности. Джека пригласили в часть здания со странной вывеской: «Агентство психологической защиты». Как он позже узнал, это подразделение было составной частью национальной концепции «Всеобщей обороны». Агентство отвечало в целом за стойкость морального духа граждан страны, их готовность мужественно переносить кризисы — от личных до национальных. Но со стороны это странное название, скорее, напоминало о тайной полиции или даже о «Министерстве правды» из бессмертного романа Ору-

элла. Встретивший его чиновник выглядел как типичный пожилой китаец неопределенного возраста. Он учтиво поинтересовался, успел ли его гость пообедать, а узнав, что нет, предложил спуститься в столовую, где им накрыли стол в отдельном уютном помещении, принесли большие тарелки острого супа с лапшой и ароматный зеленый чай. Китайский чиновник, прищурившись, некоторое время молча внимательно изучал своего визави.

— Джек, премьер-министр сейчас на важной конференции, и он попросил меня вместо него встретиться с вами. Мы очень сожалеем о том, что произошло с вашим другом. Честно говоря, я удивлен этим происшествием — в Азии даже маленькие дети отлично знают, что в самолет нельзя брать никакие предметы от малознакомых людей. — «Ну вы-то все равно на это рассчитывали», — едва не ответил ему Джек, но вовремя осекся.

— Зачем вы меня пригласили? Вы ведь прекрасно понимаете, что мой друг — не наркодилер, и это произошло либо по случайности, либо это все — подстроенная провокация.

— Что это было — решит суд, где-нибудь через пару месяцев. Сейчас все, что можно сделать, — это обеспечить вашему другу комфортное содержание и доступ к компьютерам и Сети, чтобы он мог продолжать свою работу. Кстати, он держится молодцом.

— Я не понимаю, что вам надо от меня?

Джек уже с трудом удерживал контроль над собственным голосом. Хотелось выплеснуть лапшу в лицо этого агента, чья подчеркнутая вежливость была, по сути, изощренным хамством. Тот лишь колко улыбнулся:

— Да нет же, понимаете. Вы очень хорошо все понимаете.

Джек вздохнул, вынул из нагрудного кармана ручку с логотипом MIT и небольшой блокнот.

— Мой смартфон вы попросили оставить на входе, у охраны. У меня осталось только это. Я слушаю ваши условия.

— Это не условие, зачем же так. Просто нужен ваш... жест доброй воли. Вы ведь хотите помочь другу, попавшему в беду. Нам нужно, чтобы вы уговорили мистера Хавличека поделиться с нами информацией. Нам необходимо понять, как работают эти ваши коды и пароли с длинными простыми числами. Простите, я изучал информатику в университете, но все-таки не очень хорошо в ней разбираюсь. Но вы меня, безусловно, поняли.

— Это бессмысленно. У Билла в компьютере нет кодов и паролей, и он скорее всего, не помнит их наизусть, на память. Он, конечно, может рассказать вам общий принцип, но это вряд ли поможет.

— Простите, Джек, я вас совершенно не понимаю.

— Когда мы были в Таиланде, я знал, что с Биллом что-то скоро должно произойти. Мы жили с ним в Бангкоке в одном номере. Когда я понял, что он до утра не планирует возвращаться со своего романтического свидания, я зашел в его компьютер и стер оттуда нашу программу. Естественно, несколько ее копий сохранились в надежных местах. Билл об этом, кстати, еще даже не знает. Так что вы зря его мучаете. Единственное, что он может сделать, — попытаться написать весь этот огромный код заново. Но на это уйдут многие месяцы, и к тому же для этого понадобятся квантовые компьютеры со специальным программным обеспечением. А в Сингапуре таких нет.

Чиновник мучительно напрягся, пытаясь понять, не блефует ли его собеседник.

Джек действительно отчасти блефовал: Билл, с его гениальными способностями мог бы восстановить программу не за многие месяцы, а недели за три. Если бы, конечно,

захотел. А в качестве квантового компьютера можно было бы использовать суперкомпьютер в Шанхайском университете, с которым несложно связаться отсюда с помощью «облачных» технологий. Но все остальное было правдой: он действительно стер с ноутбука Билла все коды и пароли к программе, а затем еще и отформатировал его жесткий диск специальной программой, после которой восстановить на «железе» уже ничего невозможно.

Наконец, после долгой паузы чиновник приподнялся и четко произнес:

— В таком случае нам придется задержать и вас тоже.

— На каком основании?

— Вы и ваша программа представляете угрозу национальной безопасности, и не только нашей страны. Вами также сильно интересуются спецслужбы Китая и еще нескольких государств. Конкретную статью правонарушения, я думаю, следственные органы смогут сформулировать.

Джек на угрозу внешне никак не среагировал. Он сделал паузу, щелкнул своей авторучкой и неожиданно громко произнес:

— Господа, вы все слышали и зафиксировали. Мне угрожают тут на ровном месте.

Увидев изумленный взгляд чиновника, он пояснил:

— Простите, я вас не предупредил. С того момента, как я вынул эту ручку, началась прямая трансляция нашего разговора в эфире. К нам подключились сотни студентов трех кампусов университета, две бостонские юридические фирмы, которые готовы немедленно передать материал в прессу и спецслужбы. Это будет скандал на государственном уровне. Вас, безусловно, снимут с должности: кому-то же придется за все это ответить. Впрочем, у вас есть еще несколько секунд, чтобы сказать, что все, что вы только что тут наговорили, было просто шуткой.

На конце ручки было что-то вроде украшения из стекла. Джек направил кончик на собеседника:

— Видите, здесь не только запись звука, но еще и видеокамера — самая миниатюрная, какая только бывает. Эту ручку сделали в нашем университете в прошлом году выпускники отделения микромеханики.

Джек снова немного блефовал: на самом деле трансляцию смотрел лишь десяток его приятелей из кампуса, которых он предупредил сегодня утром. Но она записывалась, и ее действительно было несложно быстро передать в любые компетентные органы или прессе.

Чиновнику словно стало душно. Он полностью «потерял лицо», успев невнятно пробормотать лишь что-то вроде благодарности за уделенное ему время. Джек встал и направился к лифту. Никто до самого выхода на улицу его не остановил, телефон также беспрекословно вернули. Самый опасный момент его плана, к счастью, окончился благополучно. Через мобильное приложение он вызвал такси и довольно скоро оказался в отеле. Теперь оставалось только добраться до аэропорта. Он забронировал билеты на ночной рейс во Франкфурт. Оттуда можно было добраться в любую точку мира в зависимости от обстоятельств. Он позвонил Шерон, предложил ей лететь тоже, но она отказалась, сославшись на работу ее биологической команды.

Все эти события Джек изложил швейцарскому адвокату, умолчав лишь о разговоре со Сьюзен.

Вернер Херцог вот уже час слушал рассказ Джека, но не мог понять, как же так могли сложиться обстоятельства и почему этот молодой человек, вопреки всему, сейчас спокойно сидит в его кабинете. Или ему необыкновенно везет, или есть что-то, чего они оба до конца не понимают.

— В отеле я спустился поужинать, во время еды долго разговаривал по зашифрованной линии с Дайаной, кото-

рая успела передать запись нашей встречи в министерстве в одну из адвокатских контор, и еще с несколькими приятелями. За соседними столиками были люди, которые, как мне показалось, старались подслушать мои разговоры. Где-то через полтора часа я вернулся в номер, был уже вечер, и я начал собираться в аэропорт. И здесь я обнаружил, что кто-то был в номере: пропал мой ноутбук и еще несколько вещей, хотя, когда я уходил на ужин, все было на месте. Вызывать управляющих было бессмысленно. Более того, я отчетливо понял, что силовики, вероятно, посоветовались, получили «добро» сверху и за мной самим должны скоро прийти. Скоро — это максимум полчаса. Я понял, что надо бежать.

— Вы считаете, что вам физически грозила опасность?

— Скорее, это была опасность оказаться тем же вечером в том же месте, что и Билл.

Джек попросил еще чашечку кофе со сливками. События того вечера снова взволновали его.

— Я не упомянул, что перед тем, как днем попрощаться со Сьюзен, я скачал на ее телефон приложение скайпа с нашей зашифрованной линией. Чтобы мы могли в будущем общаться с ней так, чтобы никто не только не мог прослушать разговор, а даже сам факт нашего звонка не фиксировался телефонной компанией: на распечатке значился бы абонент со случайным номером. Я думал, что возможность приватно общаться со Сьюзен пригодится моему отцу, но она понадобилась мне, в тот же самый день...

Сьюзен не удивилась звонку Джека и его просьбе о помощи. Она попросила десять минут и посоветовала ему покинуть гостиницу, оставив там все свои вещи. Кроме смартфона, на котором была установлена функция отключения слежения станции за номером. Он мог пользоваться телефоном, не опасаясь, что его отследят по сигналу: координаты его GPS обрезались специальной программой

на третьем знаке после запятой. Таким образом, было невозможно увидеть конкретную точку, где он находился: его местонахождение определялось расплывчатым кругом диаметром в несколько километров. Максимум, что можно было определить, даже обладая мощным арсеналом спецслужб, — лишь в каком районе города он находится. Джек знал, как сделать так, чтобы обрезать свои координаты до первого знака после запятой: чтобы круг расплылся на сотню километров. Но для этого нужно было влезть внутрь кода операционной платформы, это была задача на несколько часов работы, которых у него сейчас точно не было.

Сьюзен перезвонила довольно быстро. К этому времени Джек успел позвонить на рецепцию, заказав ужин к себе в номер через час, заодно спросив, не слишком ли сейчас много народа в бассейне на крыше. Если за ним придут в течение получаса, они решат, что тот скоро вернется в номер, и какое-то время прождут: он выиграет как минимум дополнительные четверть часа. Затем они, возможно, поднимутся наверх и будут искать его в толпе плавающих на фоне иллюминации ночного города еще минут десять. Затем они запросят видеозаписи коридоров, но и это им быстро не поможет. В огромной высотной гостинице была запутанная система из множества лифтов: отследить, кто на каком этаже зашел и вышел и через какой из десятков выходов покинул здание — еще работа на полчаса. Итого, когда Джек вышел из гостиницы через подземный этаж, пройдя через длинные ряды бутиков, у него точно было не меньше часа преимущества во времени, за которое он мог далеко уйти. Если, конечно, все это было не манией преследования. Впрочем, пропавшие вещи и ноутбук оставляли мало сомнений.

Сьюзен дала Джеку координаты своего знакомого, представителя американского фонда Black Rock. Это был

один из крупнейших и самых успешных инвестиционных фондов мира — он управлял активами, разбросанными по всей планете, на сумму более триллиона долларов. Его представитель, встречавшийся со Сьюзен накануне, снимал номер в отеле Ritz Carlton в центре города, где и надлежало останавливаться представительным бизнесменам. Впрочем, это был достаточно молодой человек, около тридцати лет, по имени Джейсон, с замашками плейбоя, окончивший Гарвардскую бизнес-школу. Благодаря отцу-миллиардеру у него был собственный самолет, на котором он, всегда в компании двух-трех красивых стюардесс, приглашенных им из стран Восточной Европы, летал в международные командировки. Когда Джек, прошедший примерно половину расстояния до центра пешком и только затем остановивший частное такси, в девять вечера появился на пороге его номера, тот как раз собирался в аэропорт. Джеку в этот вечер очень везло. После недолгого разговора у них с Джейсоном обнаружилось в Бостоне несколько общих знакомых. Кроме того, по дороге в аэропорт выяснилось, что в юности они были фанатами одних и тех же рок-групп. Рассказ Джека Джейсон воспринял с энтузиазмом — как очередное интересное приключение, пообещав тому помощь.

Терминал JetQuay для частной авиации был гордостью аэропорта Чанги. Считалось, что это лучший из такого рода терминалов в мире — с исключительным уровнем сервиса. Когда элитные пассажиры выходили из лимузинов, на входе их встречала улыбчивая сотрудница и провожала в роскошные залы ожидания. Там они могли комфортно пообщаться друг с другом, бесплатно отведать всевозможные азиатские деликатесы с изысканными винами, воспользоваться любыми средствами коммуникации, а также расслабиться с помощью массажистов.

На экране телефона Джека высветилось сообщение от Ван Куна: «Добрый вечер! Где вы? У вас все в порядке? Мы не можем с вами связаться. Пожалуйста, перезвоните мне». Джек набрал номер министра, сказав ему, что он решил прогуляться по ночному городу и до полуночи вернется в отель. На вопрос, где именно он находится, назвал адрес где-то в квартале популярных шопинг-центров. Возможно, это поможет ему выиграть еще какое-то время. Седьмым чувством Джек понял, что его уже повсюду ищут.

Главная проблема заключалась в том, что они за считанные секунды засекут скан его паспорта, как только он предъявит его для регистрации на таможне. Самолет с ним не сможет улететь: служба безопасности аэропорта мгновенно аннулирует его разрешение на взлет. Срочно нужен был какой-то другой выход.

Паспортный контроль в терминале частной авиации был организован так, чтобы пассажиры личных самолетов чувствовали себя максимально комфортно: специальный сотрудник собирал паспорта заранее, в зале отдыха, и затем возвращал их со штампами уже в момент выхода на посадку. Джейсон сдал свой паспорт, а Джек словно и не заметил этого сотрудника, так как был увлечен чем-то на экране смартфона. Вопросов это не вызвало: сотрудник решил, что это деловой партнер Джейсона — нередко бизнесмены, в силу нехватки времени, проводили важные встречи прямо в терминале перед самым отлетом. Спустя некоторое время Джейсон неторопливо прошел на посадку.

Через пару минут на смартфон поступил тайный сигнал от Джейсона. Как они и договорились, пройдя контроль, тот незаметно оставил свой паспорт на одном из столиков, так как в VIP-зале пассажиры не пересекают некую черту: чиновник просто подходит к сидящему гостю, отдает ему паспорт и желает удачного полета. Потом Джейсон по-

просил таможенника проводить его к нужному автомобилю, развозившему пассажиров к самолетам. Джейсон приотворился нетрезвым, пожаловавшись, что вечно блуждает в незнакомых аэропортах. Зал отлета был пуст, а желания элитных пассажиров для сотрудников терминала были законом. Таможенник вызвал по рации своего коллегу на подмену и с удивлением, но учтиво согласился показать дорогу странноватому американцу. Как только Джек увидел второго сотрудника таможни, он последовал за ним, незаметно взяв паспорт Джейсона со стола. Незамысловатый план был основан на том, что Джек и Джейсон были отдаленно похожи; кроме того, Джейсон был на фото в паспорте с окладистой черной бородой, которую он когда-то отрастил в стиле своих кумиров из тexasской группы ZZ Top. Но сейчас они оба были выбриты, кроме того, Джек надел кепку и тонированные очки.

Джек прошелся по залу нетвердой походкой, собрав в коробку с десятком дорогих закрытых бутылок вина для VIP-пассажиров, заодно прихватив несколько тонких хрустальных бокалов. Нетрезво улыбаясь, он протянул паспорт чиновнику, заговорщически подмигнув:

— Хочу взять с собой на борт. А то, знаете ли, такая скукота — лететь столько часов.

Таможенник, сконфузившись, заметил, что вино, предназначенное для гостей терминала, с собой брать не разрешалось. Джек удивленно посмотрел на него, недовольно ответив, что не ожидал в таком дорогом месте такой мелочности и что в следующий раз он точно полетит обычным бизнес-классом. В паспорте Джейсона было множество отметок о прилетах и вылетах из разных стран мира. Чувствуя себя виноватым, таможенник быстро шлепнул штамп на первой попавшейся чистой странице, на фото взглянул мельком, ничего подозрительного не заметив.

— Счастливого пути! Спасибо, что побывали у нас!

Дежурную фразу чиновника Джек услышал, уже выходя из зала на посадку. Первый таможенник, которого Джейсон какими-то словесными ухищрениями задержал на целых десять минут, как раз возвращался назад. Риск был очень большим: оказалось, что счет шел на секунды. Джек бы никогда не решился на такую авантюру, если бы не два обстоятельства: отсутствие другого выхода и твердое ощущение, что все должно закончиться хорошо.

Оказавшись рядом с Джейсоном в просторном мягком светло-коричневом кресле бизнес-джета, Джек вернул ему паспорт. На столике посередине салона стояли две бутылки шампанского Crystal в ведерке со льдом. Джек улыбнулся:

— Теперь в твоём паспорте лишняя отметка о вылете из Сингапура. Если прилетишь сюда еще раз, могут заметить.

— Я и так собирался делать себе новый паспорт. Выставляю тебе потом счет за него.

Молодые люди открыли шампанское. Было около полуночи. Самолет, с учетом дозаправки в Стамбуле, приземлился во Франкфурте вечером следующего дня. Оттуда Джек, поблагодарив Джейсона и предложив тому заниматься инвестиционными проектами в будущем совместно, на ночном поезде добрался до Цюриха. Адрес юридической компании ему дали коллеги по MIT, где уже собралась целая инициативная группа студентов в «поддержку Билла Хавличека».

Джек закончил рассказ и вопросительно посмотрел на Херцога:

— Как мы будем действовать дальше?

Вернер снова скрестил руки на груди, затем подошел к столу, слегка опустив голову:

— Для начала хочу вас обрадовать. Смертный приговор вашему другу точно не грозит. По сингапурским законам, а здесь главный документ — это Misuse of Drugs Act

1973 года, смертная казнь применяется лишь за ввоз более чем килограмма опиума. За провоз трехсот граммов безотягчающих обстоятельств человеку грозит максимум пожизненное заключение, с правом пересмотра приговора через пятнадцать лет. И вдобавок варварский средневековый обычай — двадцать четыре удара палкой: это невероятно больно и крайне унижительно, но не смертельно. Ваш приятель Билл будет жить — вопрос только в том, где: в тюрьме или на свободе.

Джек вздохнул с облегчением. Если самое страшное не грозило, то у них было время, чтобы как-то разрешить эту проблему. Однако юрист еще не закончил:

— Но есть и плохая новость. Спецслужбы знают, что вы здесь. Мне сегодня на электронную почту пришел запрос из ФБР. Они хотят встретиться с вами. Это не ордер на арест, но отказаться вам нельзя, иначе дальнейшее пересечение границ стран может быть для вас сильно затруднено.

— Почему они не прислали запрос мне напрямую?

— Они точно знают, что вы сейчас здесь. Им проще действовать через профессиональных юристов. Я распечатал их запрос. Вы обязаны завтра утром добровольно явиться в полицейский участок, куда к тому времени прибудут двое американских следователей из ФБР. Зачем — не знаю. Если вам понадобится на этом допросе адвокат, я — к вашим услугам.

Глава 11

Непокорный ирландец

*США, Даллас, 22 ноября 1963 года,
12 часов 31 минута 38 секунд дня*

Миновав почти весь центр города, роскошный кортеж поворачивал с улицы Хьюстон-стрит на коротенькую, угловую, почти сразу уходящую под широкий мост улицу Вязов (Элм-стрит).

— Господин президент, теперь вы точно не можете сказать, что в Далласе вас не любят. Посмотрите: весь город вас просто обожает!

Сидевшая рядом с мужем в среднем ряду сидений длинного черного президентского лимузина Нелли Коннели, жена губернатора штата Техас Джона Коннели, обернулась, обращаясь к Джону Кеннеди, 35-му президенту США, сидевшему с супругой Джеки сзади. Тот ответил ей широкой, немного простодушной и абсолютно искренней улыбкой счастливого ирландского парня. В этот момент у него и в самом деле все было как нельзя лучше. Множество его врагов в соперничающей Республиканской партии в последние месяцы были вынуждены прикусить языки, после того как предложенный Кеннеди пакет экономических и налоговых реформ был принят на «ура» частным бизнесом вопреки

критике республиканцев. Закон о гражданских свободах, впервые в истории нации гарантировавший равные права белому и черному населению США, должен был вскоре до неузнаваемости изменить положение дел в стране — в лучшую сторону, несомненно. И, конечно, Джеки... После множества семейных бурь и размолвок в последнее время она была абсолютно, полностью предана ему, горячо поддерживала каждый его шаг. Даже в эту минуту столь ослепительно прекрасная в своем очередном изысканном наряде — розовом жакете и розовой шапочке, — выписанном ею специально для этого дня из Франции, она смотрела на него влажными, горящими глазами, полными бесконечной, истинно женской любви. Джон широко улыбался — его жизнь была светла и безоблачна, как никогда.

Но именно эта его улыбка оказалась последней.

Свернув на улицу Вязов, по бокам которой толпились сотни восторженных горожан, водитель лимузина вдруг резко нажал на тормоз, что было более чем странно — останавливаться без личного указания президента по инструкции он не имел права. Кеннеди снова тепло помахал людям рукой. Через мгновение острая боль обожгла горло президента: пуля вошла в него спереди, пройдя навывлет. Он опустил голову, схватившись за горло руками. Еще через секунду над улицей разразилась настоящая канонада. Одна из пуль попала прямо в правый висок президента, превратив половину его головы в кровавое месиво. Две другие пули, видимо, случайно прошли чуть-чуть мимо, попав в плечо и бок сидевшего на сиденье впереди губернатора Техаса — тяжело, но, к счастью, не смертельно ранив его. Голова Джона, уже безжизненная, в последний раз склонилась на колени жены. Джеки в первую секунду отчаянно попыталась укрыть его своим телом от возможных новых выстрелов, затем резко встала и поползла по заднему ка-

поту лимузина, словно пытаюсь настичь невидимых убийц. Позже она говорила, что она инстинктивно бросилась собирать кусочки мозга мужа. Автомобиль снова ускорился и через пару секунд скрылся под мостом. Спустя полчаса тело Джона Кеннеди в госпитале Далласа было подвергнуто безуспешной попытке реанимации. Но расстрелянный президент США был уже мертв.

*Примерно полтора годами ранее,
Нью-Йорк, «Имперский» номер-люкс отеля Carlyle,
20 мая 1962 года, 2.30 утра*

Виды сияющего ночного Нью-Йорка с верхнего этажа одного из самых роскошных отелей города, расположенного на Мэдисон-авеню, в Верхнем Истсайде, были необыкновенно романтичны. С одной стороны, словно на ладони, лежал цветущий и благоухающий в конце мая Центральный парк, за которым вздымались величественные силуэты башен Эмпайер-Стейт и Крайслер. С другой стороны светились длинные мосты, соединяющие Манхэттен с Бруклином над темной гладью Ист-Ривер. Нью-Йорк действительно, как пел своим бархатистым баритоном любимец Америки Фрэнк Синатра, никогда не спал. В любое время ночи, до самого утра, двери его баров и клубов были широко распахнуты для посетителей, а с верхних этажей небоскребов всегда можно было видеть нескончаемую вереницу огоньков фар автомобилей вдоль длинных улиц и авеню Манхэттена.

Она как всегда была не просто прекрасна — лучезарна. Рядом с этой женщиной каждому мужчине казалось, что он теперь — властелин мира, что вся его предыдущая жизнь была лишь подготовкой к встрече с Ней, а вся последующая будет иметь смысл только при условии, что он сумеет хоть на какое-то время удержать это неземное чудо рядом с собой. Голливуд и высший свет Америки пятидесятых

знал множество роскошных женщин: прославленных актрис с идеально уложенными платиновыми волосами, длинноногих манекенщиц, приезжавших сюда ради карьеры из Европы, и просто юных соблазнительных «старлетов», вившихся стаями вокруг богатых влиятельных мужчин. Но как только Она появлялась в обществе — от национальной кинопремьеры до простой веселой дружеской компании в ночном баре, от важного светского приема до илистого рыбацкого пляжа на севере Калифорнии, по которому она прогуливалась в светлых шортах, босиком, — все остальные женщины вокруг мгновенно меркли. А взоры мужчин независимо от их возраста и семейного положения (даже если супруга была в это мгновение рядом) неотступно следовали только за Ней — Она притягивали их как магнитом, даже когда сама того не желала. Ее невероятная фигура с осиной талией и потрясающе соблазнительными женскими формами нередко тайно волновала воображение даже окружающих женщин. Ее бедра при ходьбе грациозно и плавно покачивались так, как за всю историю человечества умела делать только Она. Ее совершенное лицо с чувственными, но при этом чистыми, почти невинными чертами никогда, ни при каких обстоятельствах не выглядело самоуверенным или надменным. Напротив, его выражение всегда было мягким, светлым и даже немного детским. Казалось, что эта женщина неземной красоты в душе страдала от страшной неуверенности в себе и ежеминутно искала поддержки в окружающих. В компании Она всегда много говорила, пила дорогое шампанское из тоненьких хрустальных бокалов, которые мужчины почитали за честь подносить Ей. Звук Ее высокого заливистого детского смеха контрастировал с чувственным хриловатым полупшепотом, которым Она разговаривала обычно: и то, и другое было весьма приятно для слуха. Быть просто знакомым с этой женщиной и быть по уши,

безнадежно влюбленным в Нее для большинства мужчин означало примерно одно и то же.

Джон, или, как его звали близкие, Джек, Кеннеди влюбился в Нее, так же как и все, в ту секунду, когда впервые увидел. Он был тогда еще молодым, но подающим большие надежды сенатором, а заодно и наследником огромного состояния. Муж его родной сестры, как когда-то и отец Джона Джозеф Кеннеди, в пятидесятых был влиятельным человеком в Голливуде: устроил очередную роскошную летнюю вечеринку на своей вилле в Лос-Анджелесе. Они пришли на нее с законными супругами: Она была со своим мужем, лучшим бейсболистом мира, он — с юной Джеки, непередаваемо изящной, стильной и при этом прекрасно образованной бывшей французской журналисткой. В постели Джона к этому времени перебивало множество женщин. С его харизмой, чувством юмора и невероятно теплой улыбкой славного ирландского парня он мог покорить почти любую, знал это и никогда не испытывал робости в амурных делах. Но в тот вечер он, как мальчишка, долго не мог решиться подойти к Ней. Когда это наконец произошло, весь остальной мир мгновенно словно уплыл в какую-то даль. Они долго болтали о пустяках, громко смеялись и несколько раз подряд танцевали. Ее ревнивый муж ушел с той вечеринки раньше времени один (правда, под утро вернулся, чтобы увезти жену домой), а мудрая Джеки только улыбалась и, как всегда в таких ситуациях, делала вид, что не придает ухаживаниям мужа на стороне никакого значения. В следующий раз они встретились лишь спустя три года: Джеки в тот момент была глубоко беременна, а Она развелась с бейсболистом и вышла замуж за известного писателя, но большую часть времени жила с ним раздельно и чувствовала себя почти свободной. Их взаимной страсти теперь уже ничто не могло помешать: они встречались каждые выход-

ные в апартаментах на верхнем этаже отеля «Карлайл» в Нью-Йорке. Потом ей пришлось уехать в Англию на съемки фильма, а он — «вернулся в семью», чтобы находиться рядом с супругой после рождения их первого ребенка. Когда Джон был избран президентом в шестидесятом, Она, будучи не в себе от счастья, позвонила ему с бурными поздравлениями: запись их того нежного и страстного разговора служба безопасности потом уничтожит как «порочающую» образ первого лица страны. Ей было все равно, что Джон женат, ей было достаточно просто знать, что он думает о ней каждый день, может быть, даже каждую свободную минуту. Ей казалось, что это так, хотя он и был крайне сдержан на комплименты и любовные признания: натуре мужественного ирландца чужда сентиментальность. Как и всякая влюбленная женщина, Она, конечно же, мечтала, чтобы Джон оставил семью и принадлежал только Ей. Но разум, к счастью, подсказывал, что торопить столь своенравного и упрямого от природы мужчину не стоило. Лишь однажды за все время Она совершила непростительный поступок: позвонила в Белый дом Джеки и поинтересовалась, не находила ли та в их постели в Белом доме Ее пропавшую ночную рубашку и чулок. Это было глупостью еще и потому, что в Белом доме она никогда не была. Но что еще оставалось делать, если Джон вдруг надолго перестал звонить, а количество выпитого ею в тот очередной тоскливый вечер джина и шампанского могло свалить за смертью трех дюжих ковбоев. Джеки, естественно, была вне себя от ярости и закатила супругу грандиозный скандал. Три месяца после этого они не виделись. Надо было что-то срочно делать, пока Она не потеряла его навсегда.

В мае 1962-го популярность 35-го президента США была почти на самом пике. В честь дня его рождения был устроен роскошный концерт в огромном зале «Мэди-

сон Сквер Гарден» в Нью-Йорке, куда были приглашены пятнадцать тысяч человек: соратники по Демократической партии, банкиры, политики, бизнесмены и знаменитости всех мастей. В концертной программе значился целый сонм звезд джаза и эстрады первой величины, а конференс грандиозного мероприятия вел тот самый муж сестры Джона, на вилле которого они когда-то познакомились.

Она готовилась к этому вечеру давно: сбросила несколько впервые в жизни образовавшихся на ее обычно идеальном теле от переедания на нервной почве килограммов и заранее заказала платье, о котором мечтала всю жизнь. Его создал знаменитый парижский дизайнер, автор легендарных нарядов из фильмов богинь кино недавнего прошлого — Риты Хэйворт и Марлен Дитрих. Для Нее специально для того вечера он подготовил свое лучшее творение в жизни: роскошное, тесно облегающее фигуру платье телесного цвета с двумя тысячами мерцающих страз. В нем Она как будто бы и в самом деле сияла и при этом казалась практически обнаженной: более соблазнительную женщину трудно было себе даже вообразить. Впоследствии никто из зрителей не мог вспомнить решительно ничего из длинной программы вечера. Всем врезалось в память лишь то, как Она, как всегда опоздав, с грацией дикой кошки подошла к микрофону и решительно скинула с плеч белоснежную горностаевую накидку. Зал буквально застонал: в первую секунду всем показалось, что она — совершенно голая. Но через секунду бриллиантовые стразы под блеском софитов засверкали как тысячи маленьких звездочек, и Она спела президенту короткую песенку *Happy Birthday*. Спела так, что у всех захватило дух: в это мгновение каждый человек мужского пола на свете страстно хотел бы быть Джоном Кеннеди. Сам президент, как всегда, сохранил свое знаменитое самообладание

и, чтобы снять излишний ажиотаж и перевести все в шутку, выйдя к микрофону, с улыбкой отреагировал:

— Услышав то, КАК меня сейчас поздравили, я бы мог наконец-то навсегда уйти из политики.

Поздно ночью, ловко скрывшись от вездесущих репортеров, они ехали вместе в «их» отель в одном из его лимузинов. Она почти спала, положив голову на его плечо, ей в кои-то веки было хорошо, и она ни о чем не думала, а он рассматривал сияющие небоскребы Мэдисон-авеню и, как всегда, размышлял о десяти вещах одновременно. Мудрая Джеки, узнав, что ее соперница будет публично выступать для президента, не хотела выглядеть в глазах общества и журналистов «оскорбленной супругой» и уехала вместе с детьми на выходные за город. Он же твердо решил объяснить своей бывшей пассии, что между ними уже давно все кончено. Но сейчас... Когда эта неземная белокурая головка лежала на его плече, он вдыхал нежный аромат ее духов, а платье, потрясшее мир, в эту секунду все так же облегало ее самую соблазнительную на свете фигуру... Он мог поклясться святым Патриком, что был невероятно взволнован, влюблен так же сильно, как в самый первый вечер, и отдал бы многое, чтобы эти минуты не заканчивались.

Их номер был постоянно забронирован для Кеннеди и декорирован современной, разноцветной дизайнерской мебелью, которая кому-то могла показаться слишком вычурной, но эта яркая обстановка нравилась им обоим. Иногда Кеннеди даже использовал этот номер для деловых встреч во время своих частых визитов в Нью-Йорк: в каком-то смысле для уроженца Бостона отель «Карлайл» стал привычным домом в этом шумном мегаполисе.

На столике, как всегда, стояло ведерко с двумя бутылками ее любимого калифорнийского игристого и закуска: клубника со сливками, морские ракушки и черная икра.

Разговор оказался недолгим, поцелуи — страстными, как в их самую первую встречу. Она, уже совершенно нетрезвая, что, впрочем, в постели делало ее еще более желанной, как обычно, стонала, Джон также сгорал от страсти. Из всех женщин, побывавших в его постели, ни одна даже близко не доводила его до такого иступления. Он потом даже злился на себя. Ему казалось, что в постели она всякий раз побеждала его, лишая той психологической выдержки, которую так долго и целенаправленно возвращали в нем его предельно строгие родители. В четыре утра они стояли вместе, почти обнаженные, у окна, как влюбленные школьники, любуясь первыми лучиками восхода над Манхэттеном. Он знал, что он должен был все сказать ей. Но вряд ли было на свете что-то, чего он не хотел делать столь же сильно.

— Джек, любимый, я так скучала. Мы ведь теперь снова будем вместе, как раньше? Скажи мне!

Ее голос был похож на ласковое мурлыканье домашней кошки, но в то же время что-то внутри у него трепетало от волнения.

Джон подошел к гардеробу, чтобы надеть свежую накрахмаленную рубашку.

— Ты куда? Джеки вернется только послезавтра, у нас с тобой еще целые выходные, милый.

Джон опустил голову, помолчал, затем сухо выдавил:

— Все кончено. Мы не сможем больше видеться. Мы слишком увлеклись. Пожалуйста, больше не ищи никогда встреч со мной. Я завтра же дам указание отключить нашу телефонную линию. Если ты побеспокоишь меня или Джеки еще раз, тогда мне придется пойти на более серьезные меры.

Из ее груди раздавался громкий, хриплый стон. Казалось, что она вдруг превратилась из человека в обезумевшее раненое животное. Она схватила его за одежду, словно пытаясь не отпустить:

— Нет! Ты не можешь этого сделать! Я не буду никогда лезть в твою семью, не буду ничего делать, обещаю! Джек, не бросай меня, пожалуйста!!!

Джон оттолкнул ее, но она снова вцепилась в него, еще сильнее, пытаюсь сорвать с него одежду и невольно глубоко царапая ногтями его тело и лицо. Он снова попытался отстранить ее, но снова не получилось — оказалось, что в этом мягком, женственном теле с белоснежной бархатной кожей на самом деле таилась могучая физическая сила. Он оттолкнул ее еще раз, уже изо всех сил, она упала на кровать, взвыла и снова пыталась схватиться за него. Он отмахнулся от нее рукой, пальцами случайно задев ее губы и нос, разбив их в кровь.

Она теперь просто лежала лицом вниз, на простыне проступали красные пятна. Женщина, о которой грезил половина мужчин мира, рыдала навзрыд, как безнадежно обреченный человек, продолжая издавать хриплые стоны, задыхаясь от слез.

— Вы все бросаете меня... Моя собственная мать душила меня... Мужчины всегда только пользовались моим телом, но им на самом деле было плевать на меня!! Как я вас всех ненавижу... Ненавижу!!! Будь ты вовеки проклят!!! Слышишь? Проклят!

Ее последние слова и крики раздались в спину выходившего из номера бывшего любовника. За дверь в коридоре президента ожидал один из его самых доверенных охранников. В голосе Джона уже не было ни намека на романтическое настроение — только жесткие, стальные ноты:

— Зайди к ней и проверь, чтобы эта тупая пьяная курица не объелась таблетками. Не хватало еще, чтобы пресса раструбила потом, что она покончила с собой у меня. Отвези ее домой, но так, чтобы по дороге ее никто не увидел. Завтра доложишь. Выполнять.

Через два месяца, в августе 1962-го, ее нашли мертвой в собственном доме в Лос-Анджелесе при до сих пор до конца не выясненных, подозрительных обстоятельствах. Причиной смерти точно была передозировка снотворного, но многое указывало на то, что смертельная доза была введена ей накануне вечером кем-то внутривенно. Было ли это делом рук спецслужб? Даже если нет, то как минимум достоверно известно, что агенты ФБР постоянно следили за ней, прослушивали ее, прекрасно знали о ее суицидальных настроениях и сделали все, чтобы в тот вечер никто из ее знакомых случайно не помешал ей покончить с собой. Была ли ее смерть приказом кого-то из братьев Кеннеди? Даже если и так, то эту тайну они оба вскоре унесли вместе с собой в небытие.

*Годом позже,
резиденция «Скво Айленд», мыс Кейп-Код (Бостон),
9 августа 1963 года, 13.00 дня*

Джозеф Кеннеди, отец президента, всю жизнь оставался ирландцем до мозга костей. На исторической родине у него осталась большая родня: когда Джон посетил Ирландию в июле 1963-го в конце своего официального и последнего визита в Европу, он был приглашен в их старинное родовое поместье на берегу океана. Его троюродные братья и сестры, которых Джон никогда раньше не видел, устроили для него тогда настоящую деревенскую пирушку с блюдами из картошки, пирогами и деревенским элем. Джон ощутил прилив необыкновенной радости и даже поднял тост «за здоровье и процветание всех Кеннеди по обе стороны океана». Вероятно, это был последний тост Джона, произнесенный за столом в кругу родственников.

Перебравшись из Ирландии в Нью-Йорк и сказочно разбогатев, Джозеф Кеннеди в двадцатых годах приобрел поместье на самом выступе мыса Кейп-Код, на берегу

Атлантики, недалеко от Бостона, в самом величественном месте всего Восточного побережья США. Сначала это был лишь обычный небольшой домик на берегу океана, но Джо-зефу очень понравилось это место, и позже он скупил также несколько соседних поместий, построив огромный, роскошный особняк в позднем викторианском стиле. Это был комплекс из нескольких просторных зданий, декорированных в светло-голубых тонах, с большим бассейном, теннисным кортом и даже мини-полем для гольфа. Джон вместе с его младшими братьями Робертом и Эдвардом провел здесь все детство, окончив престижную местную среднюю школу. В этих же любимых им краях Джон начал и свою политическую карьеру: в тридцать лет от местного округа штата Массачусетс, где его все хорошо знали, он сначала был избран в нижнюю палату конгресса, затем стал сенатором. Впоследствии Джон не раз менял свои резиденции, вплоть до Белого дома, но именно мыс Кейп-Код всегда оставался для него местом, где его душе было спокойнее всего.

Последний год выдался особенно бурным и крайне тревожным. В страшный Карибский кризис прошлой осенью, после размещения советских ракет на Кубе, военные буквально впились в его горло, каждый день требуя срочно начать превентивную ядерную атаку Гаваны и Москвы. Только благодаря железной выдержке его и Роберта, а также неожиданному для многих благоразумию Хрущева мир удержался тогда на тонкой грани ада всеобщей ядерной войны. Потом была тяжелая весна, прошедшая в ежедневной, без выходных, работе: нападки республиканцев в сенате, волнения и перевороты в Латинской Америке, козни собственного ФБР с непотопаемым Гувером во главе. Он всей душой ненавидел этого человека с отвратительным жабым лицом и бесстрастными рыбьими глазами, вот уже четверть века возглавлявшего тайную полицию США и без конца прово-

рачивавшего какие-то свои темные дела. Формально он был подчиненным Кеннеди, и два года назад Джон уже порывался уволить его после встречи в Белом доме, на которой Гувер назвал положение дел в стране «катастрофическим» и при коллегах унизил Роберта, занявшего тогда пост Генерального прокурора, назвав его «зеленым новичком». Когда Джон в тот же день сообщил заместителям о намерении снять Гувера с должности, его правая рука вице-президент Линдон Джонсон и госсекретарь Дин Раск (внешне чем-то напоминавший Гувера) хором заявили, что такой ход будет главной ошибкой всего его президентства. Когда он стал настаивать, Джонсон и Раск, не стовариваясь, ответили, что в случае увольнения Гувера ситуация в стране полностью выйдет из-под контроля и они оба немедленно уйдут в отставку. Линдон Джонсон был весомой политической фигурой: выходец из Техаса, он пользовался популярностью на всем юге страны, тем самым перетягивая на сторону Кеннеди и демократов голоса нескольких традиционно республиканских штатов. Социологи уверенно утверждали, что без Джонсона он не выиграет следующие президентские выборы. Раск держал в своих руках военно-промышленный комплекс, разросшийся из-за «холодной войны» с Советами в шестидесятые до невообразимых масштабов. Когда Кеннеди что-то говорил генералам, они беспрекословно соглашались, но только если Раск поддерживал слова президента малозаметным утвердительным кивком или жестом. Лишиться сразу этих двоих из-за отставки Гувера он не мог, поэтому, при всем его ирландском упорстве, все-таки сдал назад. Что, вероятнее всего, оказалось его ошибкой.

В июле Кеннеди совершил вояж по Европе: люди повсюду встречали его с бурным восторгом, видя в нем посланца мира и живой символ будущего. Но объективно ситуация в Европе казалась чрезвычайно напряженной из-за все

обостряющегося противостояния с соцлагерем. Особенно опасной была ситуация в Берлине, где Советы, разделившие город огромной стеной, расстреливали тех, кто пытался перебежать на другую сторону, и угрожали военным захватом западной части города. В самой Америке над головой Кеннеди сгущались еще большие тучи. Могущественные боссы нефтяной и сталелитейной промышленности давно точили на него острый зуб. Нефтяники были против введенных им прозрачных конкурентных процедур при распределении новых месторождений: впервые за сто лет, со времен Рокфеллера, Кеннеди жестко потребовал навести порядок в этой отрасли. Стальные короли восстали против законов об улучшении условий труда рабочих, нормировании рабочего дня и повышении минимальной зарплаты, резко повышавших их издержки. Крайне недовольны президентом были и военные: политика разрядки и мирных переговоров с Советами на фоне пока еще явного превосходства Америки в вооружении рассматривалась ими как его позорная слабость и даже предательство национальных интересов. Военное лобби, жаждавшее все больших миллиардных заказов, видело в нем препятствие для удовлетворения своих appetitov. Иногда Джону казалось, что он каждый день ходит с закрытыми глазами по бескрайнему минному полю.

Единственное, что приносило ему истинную радость и ощущение счастливого предвкушения, — это беременность Джеки. У них уже было двое детей: трехлетний сын, во всем похожий на него, и пятилетняя дочь, уже взрослая и рассудительная. Редкие безмятежные часы, которое он проводил по воскресеньям с семьей, были теперь его главной отдушиной. Он словно чувствовал, что Джеки подарит ему в этот раз еще одного мальчика. В обычной ирландской семье того времени было не меньше семи-восьми детей, и Джон всей душой мечтал о новых наследниках.

Джеки хорошо себя чувствовала: будучи заядлой курильщицей с нормой три пачки в день, в этот раз она впервые во время беременности смогла полностью отказаться от сигарет. Последние две недели перед родами она провела на Кейп-Код, в поместье Кеннеди. Джон, несмотря на свой сверхплотный график, прилетал к ней на вертолете из Вашингтона раз в два дня, чтобы хотя бы пару часов посидеть, держась за руки с любимой женщиной, в тишине, перед вечерним океаном. Джеки почти все время молчала, отказываясь заранее обсуждать имя их ребенка, но Джон сам решил назвать мальчика Патриком — в честь святого покровителя Ирландии. Роды прошли в местном военном госпитале: 7 августа счастливый Джон весь день принимал поздравления. Однако вечером поступили тревожные новости: ребенок родился с неразвитой дыхательной системой. Чтобы он выжил, ему требовалась серия сильнодействующих инъекций в трахею в первый час жизни и кислородная камера, но ни того, ни другого в госпитале, по странному стечению обстоятельств, не оказалось. Джеки и Патрика срочно перевезли в госпиталь в Бостоне, но оказалось слишком поздно. Через сутки, несмотря на все усилия врачей, младенец скончался. Позже историки назовут эту трагедию «первым актом проклятия семьи Кеннеди». Утром девятого Джон в больнице держал бледную и все такую же молчаливую супругу за руку. Затем, чтобы хоть как-то прийти в себя от горя, вылетел на вертолете с двумя своими самыми близкими людьми — Робертом и личным помощником Дэвидом Паэурсом, с которым они близко дружили еще с юности, в поместье на кромке мыса Кейп-Код. Вечером его ждали неотложные дела в Вашингтоне: у него была всего пара часов, чтобы подышать воздухом Атлантики, собраться с силами и мыслями и начать жить дальше.

Роберт был намного — на восемь лет — младше. В детстве Джон порой задирали и разыгрывали его, но большую часть времени был заботливым старшим братом, учил непоседливого «малыша» со смешными щелями в зубах и всегда взлохмаченной рыжей челкой ловить рыбу, кидать камешки по воде и правильно держать бейсбольную битку. Пока Дэвид Пауэрс от его имени принимал звонки и соболезнования по телефону в гостиной, Джон и Роберт, сняв костюмы и оставшись в светлых рубашках, как когда-то в детстве, сидели рядом друг с другом недалеко от бассейна, у самого берега. Их отец, переехавший в старости на юг, во Флориду, подарил поместье Роберту, хотя и тот из-за большой занятости бывал здесь нечасто. Их мать Роза, несмотря на постоянные амурные похождения отца, все равно всегда была предана ему и семье (она переживет почти всех своих детей и умрет здесь, в поместье, в возрасте 104 лет). Роберт даже сейчас, занимая важный государственный пост, чувствовал себя мальчишкой, гордившимся и любившим своего мудрого старшего брата:

— Помнишь, как я разбил себе нос, когда борт нашей лодки накренился и я ударился о край причала? Больше всего мы боялись, что нам обоим влетит от мамы. Она никогда не прощала, если кто-то из нас ревел или жаловался. Не вини себя ни в чем. Джеки все так же любит тебя, она молода, у вас еще будет много детей.

И Роберт, и их младший брат Эдвард даже не скрывали, что тоже влюбились в Жаклин с первого взгляда и всю оставшуюся жизнь считали ее идеалом.

— Джек, мы не виделись с мая, только иногда общаемся по телефону. Сейчас, конечно, не лучший момент говорить о делах. Но я не знаю, когда в следующий раз появится время для меня в твоём графике... Джек, мы с тобой — в огненном кольце. Помнишь, ты сказал в конце той, лучшей

твоей речи — о начале национальной программы высадки на Луну вместо гонки вооружений, — что этой страной руководят темные силы, которые не желают ничего, кроме личного обогащения. И что ты сделаешь все, чтобы не дать им столкнуть Америку с предначертанного ей Богом пути.

Джон, сидевший, опустив голову, чуть заметно кивнул.

— Только за последний месяц, когда ты был в Европе, я трижды получил угрозы личной расправы. На одной из конференций, организованной Рокфеллерами и еще кем-то, ко мне подошел солидный банкир с Уолл-стрит и сказал без обиняков, что твой недавний указ о выпуске серебряных сертификатов Министерством финансов переполнил чашу терпения деловых кругов и они вынуждены на это реагировать. Он сказал, что этот указ расшатывает основы американской денежной системы и что ты не имел права подписывать его, не проконсультировавшись с банкирами.

— Дерьмо (Джон в частных беседах употреблял и не такие слова). Это технический документ. У нас уже давно не хватает золота, чтобы обеспечить доллары, оборот которых из-за военных растет в огромных количествах. Зато у нас много серебра, которое тоже может быть средством обеспечения. Министерство финансов планирует выпустить этих сертификатов всего-то на несколько миллиардов в этом году — капля в море. Но если эксперимент пройдет удачно, через какое-то время эмиссия денег минфином в обход Федерального резерва резко увеличится. Мы выйдем стул из-под задницы этих жирных котов с Уолл-стрит, которые указывают всем, что делать. Мне постоянно приходят просьбы о встрече с кем-то из банкиров. Но у меня есть более важные дела. Последний раз общался с банкирами на каком-то мероприятии в Нью-Йорке. Я тогда произнес речь, потом выступил кто-то из Рокфеллеров — кажется, его звали Дэвид. Я не особенно его слушал и почти сразу

отбыл в аэропорт. Наверно, они хотели что-то обсуждать со мной в кулуарах, но я даже не дал им шанса. Крысы. С тех пор как я снял с поста директора ЦРУ этого вечного интригана Даллеса, который всегда был с ними заодно, я надеялся, что они поняли, что давить на меня бесполезно. Как только окончится следующая президентская кампания, я избавлюсь от двух третей людей в моей администрации, а Гувера упеку за решетку. Бобби, я обязательно выиграю эти выборы. Через два года страна станет совершенно другой.

По мере того как он говорил, казалось, к президенту возвращались его обычная сила, решимость и энергия. Он резко выпрямился и сразу застонал от приступа боли.

— Если только спина меня не доведет. Три раза в день приходится колоть обезболивающие. Кажется, я пропустил уколы сегодня утром, и мой позвоночник уже просто горит. Дерьмо. У Дэвида должны быть шприц и ампулы.

В гостинной с видом на океан Джон совершил необходимые процедуры, как обычно, надел под рубашку свой ортопедический корсет, затем пригубил мохито со льдом и, кажется, почувствовал себя намного лучше.

— Пойдем, Бобби, вертолет уже ждет. Со мной и Джеки будет все хорошо. Не беспокойся.

Осенью Кеннеди активнее, чем прежде, продолжал политику мирных переговоров и создания общества с равными правами независимо от расы, пола и вероисповедания. В сентябре он с большим успехом выступил в ООН с речью о мирном сосуществовании двух систем и необходимости разрядки в мировой политике. Его речь нашла отклик в сердцах множества людей. В октябре он подписал с Хрущевым соглашение о запрете ядерных испытаний в атмосфере и воде. В ноябре, за две недели до гибели, дал указание подготовить всеобъемлющий закон о борьбе с бедностью, в том числе расширявший права рабочих и снова повы-

шавший минимальную зарплату. Неоднократные просьбы, переходящие в требования и ультиматумы со стороны банкиров и некоторых крупных промышленников, Кеннеди, как и прежде, как правило, игнорировал. Его президентский рейтинг, согласно опросам населения, после некоторого снижения этой весной, снова резко взмыл вверх, достигнув тех же впечатляющих значений, что были в начале его президентского срока. До следующих выборов оставался еще почти год, но уже сейчас мало кто сомневался, что молодому президенту при такой всенародной популярности удастся удержать свой пост. Его отношения с Джеки никогда еще не были такими теплыми и нежными. С того дня, как они потеряли ребенка, супруги, возможно, впервые с момента их бракосочетания, были совершенно неразлучны, во время публичных мероприятий постоянно держались за руки и то и дело обменивались нежными, неподдельно влюбленными взглядами.

В третьей декаде ноября Кеннеди пригласили выступить в Техасе. Даллас не был ни столицей, ни даже самым крупным городом штата. Но именно он был сердцем Техаса — местом, где находились главные офисы крупнейших нефтяных и сельскохозяйственных корпораций Америки. Деловой центр Далласа с причудливым сочетанием современных зеркальных небоскребов и красивых старых зданий XIX-го века, в основном в красных и коричневых тонах, был самым впечатляющим в Америке, не считая, конечно, деловых центров многомиллионных Нью-Йорка и Чикаго.

Сам визит был предложен вице-президентом Линдоном Джонсоном, уроженцем Техаса, а его организация была поручена губернатору штата Джону Коннели — довольно простому и открытому человеку. Флорида и Техас (наряду с Калифорнией, но там будущая победа Кеннеди не вызывала сомнений) — самые густонаселенные штаты Америки

с наибольшим количеством голосов выборщиков. Флорида всегда колебалась посередине между республиканцами и демократами, а Техас и вовсе был традиционной вотчиной соперников Кеннеди. Но на этот раз он не просто хотел победить на выборах хотя бы с минимальным перевесом, как это произошло в шестидесятом. Теперь ему была нужна убедительная победа, которая дала бы ему возможность объединить Америку и повести ее по пути еще более решительных реформ. Он знал, что в Техасе многие его не любили, но верил, что его приезд и неотразимое личное обаяние резко повысят его шансы на победу в этом штате.

Даже в конце ноября погода в Далласе стояла солнечная и почти по-летнему теплая. Маршрут кортежа Кеннеди проходил по главным улицам центра. Президент с супругой ехал в открытом лимузине. В городе, большинство жителей которого легально владели огнестрельным оружием, это противоречило не только всем инструкциям по безопасности высшего должностного лица Америки, но даже и простому здравому смыслу. На тротуарах президента приветствовали десятки тысяч людей, многие наблюдали за процессией из окон, поэтому проверить все возможные точки по пути кортежа было изначально невозможно. Предполагалось, что лимузин будет накрыт прозрачным пуленепробиваемым верхом. Но когда чета Кеннеди приземлилась в аэропорту, все автомобили процессии были поданы открытыми. В молодости Кеннеди был любителем погонять на спортивных кабриолетах, ему всегда нравилось ездить «с ветерком», без верха. Расчет его убийц был простым, но он сработал: церемония проезда по Далласу была спланирована по минутам, и у Кеннеди, тем более на глазах супруги и сотен людей, встречавших его в аэропорту и почти боготворивших его как непобедимого героя, не было ни времени, ни желания ждать, пока лимузин оборудуют непробива-

емой крышей. Тем более что губернатор Техаса с супругой ехали рядом, на передних сиденьях, а значит — подвергали себя такому же риску.

О плане убийства Кеннеди губернатор ничего не знал и, сам получив тяжелые ранения, спас, таким образом, свою репутацию в глазах истории.

Хотя один близкий друг пытался отговорить его от этой поездки тем утром.

*Вечером накануне,
Форт Уэрт, пригород Далласа, отель «Техас»,
21 ноября 1963 года, примерно 21.30*

Завтрашний день... Мысли крутились и сбивались в голове. Нельзя было упустить ни одной детали. И кстати, еще Коннели... его надо как-то вывести из-под удара.

Весь прошедший день для вице-президента Линдона Джонсона был сплошным кошмаром. По должности он должен был сопровождать президента на важных мероприятиях, но при этом у него была своя повестка — встречи в кулуарах, где, как правило, велись куда более жесткие переговоры. Так произошло и сегодня: с пяти утра он чувствовал себя загнанной белкой в колесе. Утром, пока Кеннеди, прилетевший на юг Техаса, в Сан-Антонио, выступал на конгрессе медиков, его главный политический конкурент Ричард Никсон дал прессе Далласа враждебное интервью, в котором назвал Кеннеди человеком, у которого нет шансов на следующих выборах, после чего журналисты чуть не разодрали Джонсона, требуя от него срочных комментариев. Днем, пока Кеннеди был на официальном обеде в Хьюстоне с тремя тысячами делегатов, ему пришлось долго общаться с Гувером по телефону, последний раз обговаривая с ним все детали завтрашнего дня. Вечером он и Кеннеди встретились в Форт Уэрте — пригороде Далласа.

са, старинной ковбойской столице Америки, а также месте, где находилась лучшая в мире база для подготовки военных снайперов. До центра Далласа отсюда было не больше часа езды на машине, но президент все равно планировал завтра утром перелететь в Даллас на самолете, как того требовал официальный протокол — даже несмотря на то, что полет длился всего минут двадцать. Согласно тому же протоколу президент и вице-президент должны летать на разных самолетах — чтобы в случае гибели одного из них в авиакатастрофе страна не осталась без руководства. Поэтому самолет с Джонсоном должен был приземлиться в Далласе утром на час раньше. Что в данной ситуации было плюсом. В этот момент его размышления были прерваны голосом строгой секретарши:

— Господин Джонсон, у вас вызов по правительственной линии.

Вице-президент кивнул. На другом конце провода был голос человека, который мог разбудить Джонсона среди ночи и заставить его прийти на встречу с ним пешком из любой точки Америки.

Это был Говард Хант, миллиардер, богатейший нефтяник Америки послевоенного времени. Говорили, что в юности он был нищим бродягой и шулером, а свою первую бензоколонку выиграл в салуне в карты. Впоследствии он стал одной из самых одиозных личностей в политике США. Расширяя свой нефтяной бизнес, он не гнушался никакими способами. К нему ходили на поклон все тexasкие политики и чиновники. В пятидесятых его влияние вышло уже далеко за рамки штата. Хант всю жизнь был близким другом Эдгара Гувера, бессменного руководителя ФБР. Нефтяной бизнес тесно сблизил его с кланом Рокфеллеров. Конкурентами в нефтянке они были лишь на бумаге: на самом деле они лоббировали и проводили нужные

законы совместно с Нельсоном Рокфеллером. Теперь Ханту уже был нужен ручной политик федерального уровня: из всех потенциальных кандидатов «на вырост» тexasский сенатор Линдон Джонсон приглянулся ему больше всего. У них было много общего — острый ум, математический склад мышления, циничный взгляд на жизнь, необремененность чрезмерной моралью. Хант потратил миллионы на предвыборную кампанию Джонсона, а когда его протеже все же уступил Кеннеди, использовал все свои связи, чтобы сделать того вторым должностным лицом страны. Но, даже подойдя столь близко к вершине власти, своей главной цели Хант не достиг: Джон Кеннеди не только так и не стал «его» человеком, но, напротив, все, что Кеннеди делал, противоречило его интересам. Хант ненавидел этого выскочку. Последней каплей стало громкое дело, инициированное лично Кеннеди, об уклонении Ханта от налогов на сотни миллионов долларов, грозившее тому пожизненным заключением. Когда тexasский нефтяной магнат впервые этой весной стал обсуждать «проблему Кеннеди» в самых высоких, элитных деловых кругах Америки, сразу нашлось множество других влиятельнейших людей, которых данная «проблема» задевала не менее остро. Его ненавидели промышленники, связанные с военно-промышленным комплексом, банкиры, встревоженные распространением серебряных сертификатов вместо долларов. И еще многие чиновники: такие, как постепенно терявший свое прежде безграничное влияние Эдгар Гувер и Аллен Даллес, уволенный Кеннеди из ЦРУ, но по-прежнему дергавший за многие ниточки в этой организации. Заговор... Нет, это даже нельзя было назвать заговором в обычном смысле этого слова. Скорее, это был монолитный консенсус американской деловой и политической элиты против Кеннеди. С ирландцем ни о чем нельзя было договориться, а его за-

облачные рейтинги почти гарантировали, что «проблема» никуда не исчезнет и в следующие четыре года...

Голос Ханта звучал в трубке, как обычно, весомо и при этом несколько вальяжно:

— Линдон, дружок, как дела? Ты же не забудешь сегодня пожелать начальнику доброй ночи? Кстати, не беспокойся: нас с тобой никто не слушает. Это личная линия Гувера. Я в Далласе, но связь идет через его кабинет в Вашингтоне. Самого Эдгара, правда, там нет — он сказал, что устал за эти дни и хочет пораньше лечь спать. Как настроение у влюбленной четы? Все по плану?

— Да, завтра в десять тридцать они приземлятся. Я прилечу раньше. Четверо наших людей из службы безопасности уже получили все инструкции. Лимузин будет без крыши. По прогнозу, рано утром пройдет дождь, но к полудню будет солнечно. Водитель притормозит по сигналу. Мотоциклы и машины сзади будут ехать на максимальном расстоянии. Меня беспокоит только этот парень. Что, если его не окажется в библиотеке в нужное время? У нас есть запасной план?

— Ты же знаешь, я все еще лучший в стране игрок в покер. А значит, у нас есть план при любом развитии событий. Стрелков будет несколько, с разных сторон. Их будут координировать. Этого психа, Освальда, вызвали в библиотеку за час до встречи. Он дорожит своей службой, поэтому, скорее всего, не опоздает. Если же накануне перепьет и проспит, его притащат туда за шиворот.

— Мне очень жаль, что все так получается. Точно нет другого выхода?

— Его пытались предупредить по-хорошему уже много раз. Терпение исчерпано. Я надеюсь, ты завтра не побежишь закрывать его грудь?

— Нет. Но это может сделать Коннели. Ты же знаешь, мы дружим с ним семьями, и он честный человек, мухи не обидит.

— Это его проблемы. Мы же планировали, что с Кеннеди должен поехать в одной машине другой парень — глава сената штата. Терпеть не могу этого мерзавца, убили бы заодно двух куропаток одним залпом. Но этот олух Коннели сам полез на рожон — сказал, что не поехать в родном штате рядом с президентом будет для него непростительно. Пусть пеняет на себя. Может, его и пронесет, хотя вряд ли, конечно.

Хант, видимо, собирался сделать этим вечером еще несколько звонков.

— Дружок, сладких снов. Помнишь, тогда, в Остине, когда мы с тобой только познакомились, после заседания в Капитолии я сказал тебе, что когда-нибудь сделаю тебя президентом. Этот день настал — завтра вечером ты примешь присягу. И не мучь себя сомнениями. Никто не виноват. Думай сейчас лучше о том, как тебе управлять этой страной дальше. Спокойной ночи, Линдон.

Утром в Далласе, до прилета президента, Джонсон все-таки успел еще раз сказать Коннели, чтобы тот не садился в лимузин Кеннеди, и эти слова даже слышали окружающие, что впоследствии было обнародовано. Но губернатор снова его не послушался.

Показательный расстрел Джона Кеннеди на Эльм-стрит был успешно совершен в намеченной, идеально просматривавшейся точке между зданием библиотеки и мостом, чему не помешало даже неожиданно большое количество скопившихся рядом на тротуаре людей. Водитель должен был просто притормозить лимузин, но он сделал даже больше: на какое-то мгновение остановился. Сигнал к действию подал агент ФБР, стоявший на краю тротуара и державший в ру-

ках огромный зонт (весьма нелепый для солнечной погоды). Как только лимузин поравнялся с ним, он резко опустил зонт вниз. Первый же выстрел попал в цель — один из трех бывших агентов ЦРУ, рекомендованных Даллесом и стоявших за небольшой перегородкой на травянистом склоне со стороны моста по ходу движения кортежа, насквозь прострелил спереди горло Кеннеди. Тот поднял руки, словно пытаясь что-то поправить на своей шее. Второй выстрел сзади, из окна библиотеки, где, по будущей версии, якобы прятался Освальд, а на самом деле находились еще двое агентов, прошел в миллиметрах от головы Кеннеди и ранил сидевшего впереди губернатора. Самым страшным оказался третий выстрел — его снова сделал один из агентов на травянистом холме: пуля угодила точно в правую часть головы президента, отбросив ее назад и буквально разнеся полголовы в клочья. Мозги Кеннеди обрызгали не только Джеки, но и весь салон лимузина, и даже долетели до мотоциклистов кортежа. Еще три выстрела с разных точек прозвучали тогда, когда на тротуаре среди прохожих уже началась жуткая паника, а водитель лимузина снова резко нажал на газ. Поэтому выстрелы оказались неточными — одна пуля вторично ранила губернатора (который все-таки чудом выжил), вторая зацепила руку уже практически мертвого президента, третья — прошла мимо (ее позже нашли и также приписали Освальду). Ни одна из пуль, по счастливой случайности, не задела ни Джеки, ни жену Коннели.

Официальная и единственная до сих пор версия убийства Джона Кеннеди, представленная Америке и всему миру так называемой комиссией Уоренна, которой фактически руководили Линдон Джонсон и Эдгар Гувер (а самым активным ее членом был Аллен Даллес), звучит следующим образом. Попробуйте рассказать ее в детском саду и посмотрите на реакцию детей.

Убийца-одиночка, ненавидящий Кеннеди и психически неменяемый Ли Харви Освальд (которого знаящие его люди характеризовали как человека, не интересовавшегося политикой), за час до убийства *незаметно от нескольких десятков видевших его людей* среди бела дня пронес в библиотеку новейшую снайперскую винтовку (длиной более метра), которую непонятно откуда взял. Затем он обустроил на шестом этаже «снайперскую точку», забаррикадировав угловое окно сотней пустых картонных ящиков (и снова незаметно от всех). Когда президентский кортеж выехал на улицу Вязов (здание библиотеки находится ровно зади места убийства), Освальд произвел из винтовки три удивительнейших выстрела. Очевидно, распавшись на части и развернувшись в полете как бумеранги, эти три его пули нанесли *семь* пулевых ранений президенту и губернатору, причем все пули, по сложно объяснимой причине, вошли в их тела с правой стороны и спереди. Ни одна из пуль не вошла в тело Кеннеди ровно зади — то есть по единственной возможной с точки, откуда якобы стрелял Освальд, траектории.

Ворвавшиеся в здание библиотеки полицейские задержали Освальда уже через девяносто секунд после убийства, когда он на кухне второго этажа спокойно сидел на стуле и пил из бутылочки кока-колу, которую, видимо, недавно вынул из холодильника. По версии следствия, Освальд (внимание — *ровно за полторы минуты!*), произведя три выстрела из окна на шестом этаже, тщательно протер всю винтовку, чтобы удалить отпечатки своих пальцев, разобрал баррикаду из картонных коробок, пересек весь (довольно большой) шестой этаж, спрятал винтовку на дне ящика в противоположном углу, затем пересек весь этаж обратно, спустился по единственной в здании лестнице с шестого этажа на второй, привел себя в порядок, восстановил дыхание и сел прохлад-

даться кока-колой. Вероятно, даже покойный Гарри Гудини вряд ли смог бы проверить такой фокус. Поднимавшиеся через минуту после убийства по той же лестнице две уважаемые сотрудницы библиотеки в ходе следствия поклялись на Библии, что не слышали внутри здания никакого шума и что мимо них никто вниз по лестнице не пробежал. Однако их свидетельства отнесли к числу второстепенных по важности, и они не повлияли на выводы комиссии.

Вот такая версия убийства Кеннеди содержится во всех официальных учебниках истории.

Очевидно, что опровергнуть эту версию без труда мог бы сам Освальд. Но ему не дали это сделать. На следующий день, когда Освальда вели из камеры на допрос, прямо перед объективами телекамер в полицейском участке Далласа к Освальду подошел человек и убил его выстрелом в упор. Человека звали Джек Руби — он был весьма мутной личностью, владельцем стриптиз-клуба, имел многочисленные связи с мафией. В ходе следствия Руби, которому явно грозил электрический стул, заявил, что даст сенсационные показания, но только при условии, что его переведут куда угодно из тюрьмы Далласа и разрешат открыто выступить перед конгрессом. Его просьба следствием была почему-то отклонена. Спустя пару недель после этого Руби нашли мертвым в его камере. Все концы теперь были окончательно и надежно спрятаны в воду.

К слову, Освальд и Руби были не единственными жертвами спецоперации по заметанию следов. Вскоре после убийства Кеннеди странным образом умерли еще ряд важных свидетелей: полицейский, задержавший и первым допросивший Освальда, погиб на следующий день якобы из-за случайного выстрела в самого себя. Таксист, подвозивший Освальда к библиотеке, который мог засвидетельствовать, что у того не было с собой оружия, погиб через несколь-

ко дней в автокатастрофе. В течение нескольких следующих лет список «случайно погибших» людей, прямо связанных с делом Кеннеди, вырос в общей сложности до тридцати (!) человек.

Убийство Кеннеди, в отличие от многих других эпохальных событий истории, не было напрямую организовано Федеральной резервной системой. Однако Система, безусловно, как минимум была соучастником этого преступления. И, что было куда более важно и сложно осуществимо, ее владельцы руками федеральных спецслужб и высших правительственных чиновников, несмотря на вопиющие нестыковки официальной версии и последовавшую вереницу загадочных убийств, сумели скрыть правду о нем, избавившись от почти всех «опасных» свидетелей. Никто из истинных организаторов «убийства века» так и не был уличен и наказан.

Во всем этом деле произошла лишь одна погрешность — как обычно, мелкая, непредсказуемая случайность, которую некоторые все же называют «рука судьбы». На кортеж президента собиралась посмотреть чета пожилых супругов по фамилии Запрудер. Но утром женщина почувствовала себя плохо, и ее муж решил снять для нее проезд кортежа Кеннеди на хорошую по тем временам кинокамеру, заняв для этого идеальную точку на травянистом холме. В фильме Запрудера все происшедшее запечатлено практически идеально. Это пленка, по чистой случайности «вовремя» не изъятая спецслужбами, была обнародована, пролив много света на тайны самого загадочного убийства XX-го века.

Глава 12

Выхода нет

*Швейцария, Цюрих,
наши дни*

Помещение для допроса напоминало те серые, тесные, с голыми стенами комнаты, которые так часто показывают в голливудском кино и в которых любой не связанный с пенитенциарной системой человек, оказавшись впервые, всегда чувствует себя крайне неуютно.

Накануне Вернер посоветовал Джеку срочно покинуть Швейцарию. Вызов на допрос агентами ФБР гражданина США за границей согласно уставу этой организации мог быть сделан только при наличии обоснованных подозрений в совершении им тяжких преступлений. Ничего такого за Джеком точно не значилось, к тому же он не получал никаких вызовов на допрос лично. Он мог отказаться и уехать, но сам решил, что это могут счесть за косвенное признание какой-то вины. Кроме того, была вероятность, что Бюро занималось собственным расследованием происшествия с Биллом и могло как-то помочь ему.

Джека пригласили в полицейский участок кантона Цюрих, находившийся всего в паре кварталов от центра. На входе к нему обратились по-немецки (английский язык мест-

ные полицейские почти не знали), и только помощь Вернера помогла быстро уладить формальности. Затем Джек, по известной только ему причине, попросил Вернера остаться снаружи и не участвовать в допросе.

Агентов было двое: один из них был долговязым, лысым, лет сорока, с бесстрастными водянистыми глазами. Второй — намного моложе, невысокий брюнет атлетического сложения, похожий на мексиканца. Сев за стол, они сразу вынули блокноты и включили диктофон. Джек невольно улыбнулся про себя — когда имеешь дело с государственными служащими, кажется, что последние двадцать лет технологического прогресса прошли совершенно мимо них. Взгляд лысого агента был холодным и напряженным, тогда как «мексиканец», напротив, изучал Джека с интересом и некоторой симпатией. «Мы будем играть не в хорошего и плохого полицейского, а в плохого и очень плохого» — почему-то вспомнилась ему старая шутка. Кто-то из местных полицейских принес старшему агенту ароматный горячий кофе, но никому больше его не предложили. Агенты представились по фамилиям и званиям.

— Спасибо, что пришли без опоздания. Мы с коллегой входим в Группу быстрого реагирования в Бюро. Наше подразделение создано относительно недавно. Оно предназначено для разрешения кризисных ситуаций, особенно связанных с угрозами терроризма. Мы здесь, чтобы задать вам несколько вопросов, не терпящих отлагательства.

Джек, естественно, поинтересовался юридическим статусом данной встречи.

— Пока давайте назовем это просто беседой. Правительство США и Агентство национальной безопасности крайне озабочены ростом угрозы терроризма во всем мире. Вы ведь из Бостона? Тогда, я уверен, вы прекрасно помните о страшном теракте, который произошел на глазах всего

мира во время Бостонского марафона несколько лет назад. Тогда из-за взрывов погибло несколько человек и еще сотни людей были серьезно ранены. А как выяснилось в результате расследования, взрывы были делом рук всего-навсего пары фанатичных, неумелых подростков. Угрозы, которые представляют террористические организации, — несопоставимо страшнее.

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Прямое, к сожалению. Правительство США подозревает вас в контактах с высокопоставленными членами крупнейшей террористической организации.

Далее он повернулся к Джеку, обратившись к нему по фамилии:

— Для начала нас интересуют детали вашей встречи с Хаилом Аль Мишари в Абу-Даби в декабре прошлого года. Мы знаем, что вы общались с ним почти час. О чем шла речь?

Джек был несказанно удивлен. Только сейчас он понял, что агентов почему-то интересовала его поездка в Арабские Эмираты с Дайаной на неделю между Рождеством и Новым годом.

Собственно, никакой деловой подоплеки в той поездке не было — это было самое типичное романтическое путешествие влюбленной пары. Все обстоятельства той недели Джек помнил совершенно отчетливо. Где-то в середине декабря он предложил любимой слетать вместе в Европу, в Альпы, чтобы покататься на горных лыжах, а затем вечерами пить горячий глинтвейн, смотреть на бархатные хлопья снега за окном и мечтать о том, как сложится их будущая семейная жизнь. Но в Дайане текла южная, испано-латино-американская кровь, и она сказала, что никогда не стояла на лыжах, терпеть не может холод и поэтому хотела бы улететь из заснеженного Бостона куда-нибудь в лето. Идея

рождественской поездки в Эмираты родилась у них тогда спонтанно. Они провели прекрасный предрождественский уик-энд в Нью-Йорке, затем отправились в аэропорт Кеннеди и лишь там решили, куда лететь дальше. Прямой рейс в Дубай длился тринадцать часов, но сервис эмиратских авиалиний был настолько безупречен, что они даже и не заметили, как очутились в мегаполисе на другом конце света.

Дубай мгновенно сразил влюбленных видом упиравшейся в заоблачную высь башни Бурдж Калифа высотой восемьсот пятьдесят метров. Одним из самых ярких детских воспоминаний Джека были здания Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке, которые он, к счастью, успел увидеть (он приезжал туда с родителями — тоже под Новый год, 31 декабря, когда сказочные башни-близнецы светились в честь праздника как два огромных бенгальских огня). Но этот недавно построенный почти километровый «монстр» Дубая по высоте был почти как те нью-йоркские близнецы, но только поставленные друг на друга. С большого расстояния из-за своей непомерной высоты Бурдж Калифа казалась тоненькой иголкой, хотя на самом деле ее фундамент был огромным по диаметру, и все дело было лишь в зрительных пропорциях. У подножия башни били ввысь огромные фонтаны, вокруг которых после заката собирались толпы людей.

Джек специально не бронировал отель, зная, что их выбор там широк как ни в каком другом городе мира. Джек хотел, чтобы гостиницу выбрала Дайана: у его любимой был безупречный вкус, на который всегда можно было положиться. Он лишь заказал столик для ужина в самом знаменитом отеле Азии «Бурдж-аль-Араб», известном как гостиница-парус, расположенном на берегу, вернее, даже на островке, омываемом теплыми водами Персидского залива. «Бурдж-аль-Араб» часто называли единственной в мире гостиницей с семью звездами: хотя это было и не так (звезд

не бывает больше пяти), но такое представление соответствовало уровню ее роскоши. Снаружи гостиница-парус, еще и ярко светившаяся вечером разными оттенками голубого цвета, была и вправду великолепна: ничуть не хуже, чем на многочисленных фотографиях. Джек был уверен, что они останутся здесь, и мысленно был готов выделить для этого весьма немалый бюджет. Однако в ту минуту, когда они вошли внутрь этого золотого арабского шатра, он понял, что Дайана вряд ли выберет его. Интерьер гостиницы был при всем его немыслимом богатстве и роскоши безвкусен: все было слишком ярким, кричащим и аляповатым, начиная от толстых ковров на полу рецепции ядовитого красно-желтого цвета и заканчивая оформлением лифтов — настолько щедро позолоченных, что казалось, будто их стены полностью обшиты золотом высшей пробы. Это производило почти такое же впечатление, что и холлы казино Лас-Вегаса, поражая объемом потраченных на оформление средств, но не имея никакого отношения к искусству высокого дизайна. Впрочем, сам ужин нисколько не разочаровал: выбор морепродуктов оказался столь богат и разнообразен, что ему могли бы позавидовать даже лучшие прибрежные рестораны Бостона, при этом цены в меню, как ни странно, оказались умеренными. Почти всю прибыль ресторан отеля-паруса делал на заказе постояльцами коллекционных вин, цены которых начинались от полутора тысяч евро за бутылку, но далеко не все гости заведения их заказывали. Здесь было очень спокойно и уютно: помещение ресторана освещали лишь свечи, поэтому в нем царил романтический красноватый полумрак. Дайана выбрала угловой столик у прозрачной стены, за которой были видны только темные вечерние воды залива, а вдали можно было рассмотреть множество огоньков стоящих на рейде кораблей. Дайана, обожавшая морепродукты, уплетала уже второго лобстера,

запивая его свежим апельсиновым соком. Джек любовался ее яркими, глубокими темно-кариими глазами, в которых плясали маленькие отблески пламени свечей. Хотелось сказать ей что-то важное, может быть, даже самое важное в жизни. Но то самое предощущение будущего почему-то всеми силами сдерживало его. Ближайший год будет сложным, сначала надо пережить его, а уже потом думать о семье и детях.

— Хочешь, забронируем номер здесь?

Дайана улыбнулась и как будто что-то начала подсчитывать в уме:

— Сколько это будет стоить?

— На три дня — думаю, что-то около восьми тысяч долларов. Дорого, но я специально откладывал деньги для нашей новогодней поездки. Хотел сделать нам обоим приятное.

— А если мы поселимся в обычном отеле, те же три дня будут стоить долларов пятьсот? На семь с половиной тысяч меньше?

— Да, наверное

— Спасибо, милый. Здесь красиво. Но только когда смотришь из окна. У меня есть идея лучше.

Дайана взяла смартфон Джека, на котором в этот момент был открыт доступ к его банковскому счету.

— Я тебе это никогда не рассказывала. Три года назад я была в Индии с родителями. Мы побывали тогда в хосписе в Дели, видели детей, которые борются с раком. Многие из них были обречены, хотя, конечно, и не подозревали об этом. Такие милые, трогательные, даже без волос. Смеются, бегают по коридорам, играют во что-то. Все время, которые мы были там, меня просто душили слезы. Потом я узнала о фонде, который помогает таким раковым детским хосписам во всем мире, особенно в бедных странах, и стала тайком переводить туда половину денег, которые отец посылал мне каждый месяц на жизнь в университете. Пожалуйста,

любимый, сделай мне настоящий, самый лучший на свете рождественский подарок! Ну его к черту, этот Парус, давай поселимся в каком угодно отеле, а половину от сэкономленных тысяч прямо сейчас переведем в этот фонд, на благотворительность.

— Хорошо.

Дайана набрала номер какого-то счета и сделала перевод. Через пару минут по скайпу раздался звонок. Сотрудница фонда поблагодарила за крупное пожертвование, рассказав заодно о том, как прибавилось у них работы после того, как в страны Южной Европы хлынул поток беженцев из Сирии.

После ужина они гуляли вдоль берега залива, и Джек чувствовал, что Дайана именно в этот момент ждала, всем сердцем надеясь услышать предложение руки и сердца.

Через пару дней они съездили в Абу-Даби. Столица Эмиратов начала преобразаться, обрастая районами современных небоскребов, намного позже, чем Дубай. Однако теперь ее власти навёрстывали упущенное с необыкновенной скоростью. Сравнительно недавно здесь была построена мечеть шейха Зайда, эмира города и всей страны. Эта мечеть стала одним из новых архитектурных чудес мира — почти что современным Тадж-Махалом. Огромная, целиком из белого мрамора, внутри ее полы были устланы самыми роскошными и изысканными в мире восточными коврами, сотканными вручную. Ее потолки — украшены люстрами, сгибающимися от тяжести тысяч драгоценных камней. Это было настоящее чудо. Дайана, как и все женщины, для входа в мечеть надела длинный черный хиджаб. Как ни странно, это почти полностью закрытое одеяние, столь непривычное для западной женщины, только подчеркнуло ее красоту: талию, гибкий стан, а ее темные испанские глаза сверкали ярче всех драгоценностей этой мечети. Джек сфотографи-

ровал Дайану, сидящую на шикарном ковре изумрудного цвета, в котором ноги утопали по щиколотку: это ее фото потом долго стояло на заставке ее страниц в социальных сетях, набрав там тысячи «лайков» и сотни восхищенных комментариев.

В другом популярнейшем месте Абу-Даби — трассе «Формулы-1» — Джек арендовал на несколько часов спортивный Porsche 911 Turbo S, который по гоночным качествам превосходил все модели «Феррари» и «Ламборгини». Когда-то, в совсем уж раннем детстве, Джек мечтал стать автогонщиком, по утрам в воскресенье смотрел трансляции формульных автогонок из Европы. Хотя после гибели Айртона Сенны этот спорт стал другим — не столь ярким, более предсказуемым, порой лишенным настоящего противостояния личностей, характеров. В восемь лет отец записал Джека в секцию картинга, но через какое-то время он сам перестал посещать занятия, так как редко становился первым в заездах, а другие места его не очень интересовали. В тот день в Абу-Даби Джек гонял по кругу, забыв от восторга обо всем на свете, несколько раз едва избежав столкновений с другими машинами и еще один раз, на крутом вираже, чудом не зацепив крылом отбойник. Все закончилось тем не менее благополучно, Джеку вручили сертификат с указанием времени его быстрого круга, которое оказалось весьма достойным для непрофессионала. Джек тогда размышлял как мальчишка: «Когда-нибудь, когда стану богатым, куплю такую машину и буду каждые выходные гонять на ней по какому-нибудь автодрому».

Дайана словно читала эти его мысли и только улыбалась, когда они сидели после гонок в ложе с видом на автодром, потягивая освежающий сок со льдом. Наступал вечер, пора было возвращаться в Дубай, но уезжать не хотелось: в самой атмосфере автодрома мирового уровня с десятка-

ми проносившихся мимо великолепных спортивных машин с ревущими на высоких оборотах двигателями было что-то необыкновенно притягательное. И именно в эту минуту произошла встреча, которая интересовала сейчас агентов национальной безопасности.

— Добрый день. Я не помешаю вам? Джек?

Человек в традиционной белой арабской одежде с гутрой на голове — платком, опоясанным жгутом, который носят почти все местные мужчины, — выглядел приветливо и интеллигентно. На вид ему было лет тридцать, с небольшой модной трехдневной небритостью, высокий, с умными карими глазами, говоривший по-английски лишь с едва заметным акцентом.

Незнакомец почтительно представился и, сев по приглашению Джека к ним за стол, первым делом протянул свою визитку, на которой имя его организации было оттеснено золотыми буквами. Джек также успел заметить на запястье араба часы с крупным темно-синим циферблатом — это были хорошо узнаваемые часы марки *Ulysse Nardine*, поклонниками которых считались яхтсмены и путешественники, а их стоимость начиналась от десяти тысяч долларов. Обычно эти часы выбирали люди с широким кругом личных интересов, может быть, еще и поэтому Джек почти сразу проникся определенным доверием к собеседнику.

— Я представляю интересы суверенного фонда *Abu Dhabi Investment Authority*, основанного для инвестиционных целей правительством Абу-Даби. Как вы, возможно, знаете, этот фонд входит в пятерку крупнейших государственных инвестиционных фондов в мире. Сейчас мы особенно активно ищем объекты для инвестирования — не только на Востоке, но и во всем мире, в США — особенно. Американские технологии и изобретения по-прежнему задают тон, причем в последние годы даже сильнее, чем раньше.

Нас интересуют новейшие телекоммуникационные и цифровые технологии. По оценкам наших аналитиков, половина всего роста рынка в последние годы произошла благодаря только этим технологиям. Простите, я не слишком злоупотребляю вашим временем?

Последняя фраза была явно адресована Дайане, которая вот уже пару минут смотрела в окно. Но Джек лишь кивнул арабу.

— Как правило, инвестиции нашего фонда в один отдельно взятый проект или компанию составляют не меньше миллиарда долларов. По нашим наблюдениям, крупный бизнес в развитых странах растет намного быстрее, чем средний. Помимо компаний мы также постоянно ищем по всему миру самых талантливых изобретателей в сфере цифровых технологий. Одним словом, мы предлагаем вам сотрудничество.

— Но пока у меня нет своей компании, куда можно было бы инвестировать средства. Тем более миллиард.

— Разумеется. Однако вы и еще несколько выпускников вашего факультета находитесь в фокусе нашего внимания, если можно так сказать. У нас действует программа стипендий для самых талантливых выпускников мира. Весьма приличная, поверьте. Эту стипендию вы можете получать потом еще до трех лет после окончания университета, пока не достигните определенного уровня личного дохода.

— Как же мне придется ее отрабатывать?

— Собственно, ничего сверхбременительного вам делать не нужно. Условий лишь два: каждый месяц вы будете присылать в фонд отчет о ваших исследованиях, а если вы станете учредителем какой-то компании, то фонду автоматически отойдет пять процентов стоимости вашего бизнеса. Это тоже вполне в ваших интересах: партнерство с нами — большой плюс для любого предпринимателя, который пла-

нирует серьезно развивать свой бизнес в Восточном полушарии.

— Спасибо. Ваше предложение несколько неожиданно. Мне необходимо обдумать его.

— Конечно. И еще одна вещь. В нашем фонде каждый инвестиционный директор ведет кластер клиентов самостоятельно. Поэтому в случае вопросов вы должны контактировать только со мной лично. На самом деле я не так много времени провожу здесь, в Эмиратах. В основном дела в Лондоне, Шанхае и Гонконге. Кроме того, у моего отца есть хорошая яхта, и я часто работаю прямо на ней. Вы с вашей очаровательной спутницей, кстати, могли бы провести на этой яхте как-нибудь в будущем незабываемый романтический отпуск. Джек, все зависит от вас.

Время близилось к половине седьмого вечера, после скоротечного южного заката стало уже почти совсем темно. Джек и Дайана этим же вечером должны были отправиться в ночное сафари по пустыне из Дубая, поэтому им надо было торопиться обратно.

— Если вы спешите, могу предоставить вам мой лимузин. На нем вы домчитесь до Дубая на полчаса быстрее. Водитель сможет превышать скорость, так как его за это не оштрафуют. На моем автомобиле — номера серии, принадлежащей королевской семье.

Джек вежливо поблагодарил собеседника, но, естественно, отказался.

По возвращении домой он об эмиратском фонде так ничего больше и не слышал. Через какое-то время он написал письмо вежливости на электронный адрес, указанный в тисненной золотом визитке, но его сообщение осталось без ответа. Ради интереса он зашел на сайт фонда, но там были указаны имена лишь членов его правления, в числе которых имя, указанное на визитке, не значилось. Все это

он вкратце изложил сидевшим напротив него агентам, не упустив ни одной детали.

Высокий агент, протерев лоб платком, вытащил какое-то старомодное бумажное досье.

— Скажите, вы действительно считаете, что вам удалось этим рассказом обвести нас вокруг пальца? У вас сохранилась визитка этого человека? И узнаете ли вы его на этих снимках?

У Джека с детства была почти абсолютная фотографическая память на лица людей. Да, это был тот самый человек.

— И вы хотите сказать, что вы о нем ничего не знаете? Из правды в этом рассказе — только то, что он действительно из богатой семьи и владеет яхтой — даже двумя. Но к фонду в Эмиратах он не имеет никакого отношения. Как я уже сказал, его фамилия Аль Мишари и он даже не гражданин Эмиратов. У него паспорт Саудовской Аравии, но на самом деле он уроженец Катара и даже является дальним отпрыском местной королевской семьи. Он — один из главных финансистов той самой «Аль-Каиды». Один из немногих, кто вхож в ближайший круг Аймана аз-Завахири, нынешнего лидера «Аль-Каиды», наследника Бен Ладена.

— Мне он показался очень интеллигентным и вполне компетентным.

— Не сомневаюсь. Джек, сотрудники Бюро вместе с ЦРУ следили за ним всю ту неделю, которую он провел тогда в Эмиратах. Ваш с ним разговор зафиксирован на видео камерой наблюдения ресторана автодрома.

— Хорошо. И что вы от меня хотите?

— У нас есть серьезные основания считать, что ваши контакты с катарским связным на этом не закончились. По нашим данным, высшие круги «Аль-Каиды» в последнее время бросили почти все свои финансовые ресурсы для создания системы обмена информацией между ее членами

через всемирную сеть, которая не могла бы быть вскрыта спецслужбами. Очевидно, что ваша новая программа — это именно то, что им сейчас нужно больше всего, чтобы стать неуловимыми. Поэтому, даже если вы им еще не раскрыли ваши коды, они в любой момент могут вас поймать и силой заставить это сделать. И в национальных интересах, и для вашей же собственной, личной безопасности мы вынуждены задержать вас.

В разговор, наконец, вступил и второй агент, похожий на латиноамериканца:

— Джек, могу только добавить, что если бы вы в тот вечер согласились сесть в лимузин Аль Мишари с вашей подругой, то вас повезли бы вовсе не в гостиницу, а в какое-то совершенно другое место. Вас в два счета там вынудили бы сдать всю информацию, а затем, скорее всего, убили.

— Постойте, но тогда у меня еще не было законченного кода. Наша с Биллом работа была тогда в самом разгаре. Ваша версия не сходится.

— Ну, а им-то откуда было знать? Кроме того, вы сами сказали, что он предлагал вам сотрудничество и финансирование на три года вперед.

Джек неожиданно резко встал:

— Господа, простите, я не понимаю цели этой беседы. Кроме того, не забывайте, что мы находимся на территории другого и к тому же нейтрального государства. Разговор окончен.

Он решительно направился к двери, но она оказалась заперта снаружи. К нему подошел высокий агент с мрачным видом:

— Джек, не забывайте, что вы пока еще гражданин США и подчиняетесь их законам. По уставу ФБР подозрение в причастности к терроризму — это статья, по которой агентство имеет право арестовывать и даже ликвидировать

собственных граждан за границей в особых случаях, даже если это против местных законов и решений властей. И эта статья сейчас применима к вам. Мне необходимо надеть на вас наручники, и, пожалуйста, не вынуждайте меня применять меры физического воздействия.

Джек хотел что-то ответить, но не успел. Он ощутил резкую боль где-то в районе лопаток — второй агент, подойдя сзади, воспользовался мощным электрическим шоком. Сознание Джека на секунду сузилось до маленькой точки перед самым носом, а затем его тело словно стало чужим и резко обмякло.

Кровать, на которой Джек пришел в себя, была жесткой и неровной. Кроме того, он, видимо, довольно много времени провел в одном положении — какие-то части его тела занемели, и он их почти не чувствовал. В камере стоял полумрак, на соседней койке никого не было. Он попробовал подняться, но в эту же секунду его сознание объял ужас — оказалось, что его плечи крепко привязаны к бокам кровати, и в таком положении он почти не мог даже пошевелиться. Он попробовал позвать на помощь, но звук его голоса, который еще со времен его увлечения в юности рок-музыкой мог быть при желании очень мощным, сейчас оказался слышен только ему самому. У него почти не было сил, а стены камеры были покрыты звукоизоляционным материалом. Он закрыл глаза, и очень скоро его сознание снова отключилось.

Это был не сон, тревожное забытье. Перед его взором сначала замелькали ослепительно-яркие красные картинки — что-то среднее между диснеевскими мультфильмами, которые он так часто смотрел в детстве, и фильмами ужасов. Потом картинки исчезли, и он оказался в жаркой аризонской пустыне, вид которой также напоминал и панораму поверхности Марса: одна из подобных картинок, присланных

американским марсоходом, в детстве несколько лет служила заставкой экрана на его компьютере. Ему виделось, что он тяжело ступает по поверхности Красной планеты, словно пытаясь скрыться от неведомых преследователей. По мере того как солнце поднималось все выше, небо заволакивали облака из мелкой красной пыли, отчего становилось еще тревожнее. Затем Джек вдруг почувствовал острую жажду. Он вспомнил, что на Марсе есть вода, но только в виде небольших ледяных шапок на его полюсах, и вдруг испугался, что не успеет добраться до них до того момента, когда силы совсем оставят его. Он облизал пересохшие губы и сквозь сон попросил у кого-то воды. Еще через какое-то время вода вдруг разом обрушилась на него с такой страшной силой, словно он угодил под Ниагарский водопад. Воды было столько, что он задышался, едва не тонул в ней.

Джек резко открыл глаза. Картинка в полутьме расплавалась и почти не фокусировалась. Над ним стоял человек с мощным торсом, который держал в руках пустое ведро, водой из которого он только что окатил лицо Джека.

— Или ты сделаешь, что от тебя хотят, или мы продолжим водные процедуры. Но учти, что ты их можешь не пережить.

С этими словами человек окатил лицо Джека водой из полного ведра еще дважды подряд. В принципе, смертельно опасным это действие не было: чтобы не захлебнуться, было достаточно лишь на какое-то время задержать дыхание. Однако вовсе не случайно «водные процедуры» были одним из самых эффективных методов дознаний еще во времена Гувера. Мозг и тело даже самого устойчивого человека в таком положении охватывает сильнейшая неконтролируемая истерика — в голове все мутится и естество человека вопит о том, что он находится на волоске от смерти. Но мысли Джека были наполнены такой мощной ненавистью к своему

мучителю, что она уравнивала силы, и он лишь молча раз за разом судорожно отплевывал воду, доверху наполнявшую его нос, рот и уши. После седьмого или восьмого ведра палач приостановил экзекуцию и вышел из камеры, видимо, за дальнейшими указаниями. Джек снова изо всех сил прочистил нос и тут же, окончательно утратив силы, снова потерял сознание, но теперь в его голове уже не было никаких картинок.

В следующий раз Джек пришел в себя, лежа на кровати в частной клинике. Он понятия не имел, сколько прошло времени — ему казалось, что целая вечность, а допрос происходил в какой-то прошлой жизни. От его руки тянулась трубка к капельнице, он ощущал сильную слабость, но в остальном, кажется, его дела были не так уж плохи. Ему сильно хотелось есть: желудок казался совсем пустым. Он позвал кого-нибудь из персонала клиники, но никто не откликнулся. Прошло еще минут двадцать, за окном светило яркое утреннее солнце, и его желание понять, где он находится и что произошло, а также голод стали нестерпимыми. Джек встал с кровати, взял в свободную руку стойку с капельницей, так как отсоединять ее от вены самому было опасно, и прямо с ней вышел в коридор. В этот момент высокая привлекательная медсестра как раз несла ему на подносе завтрак — некрепкий чай с молоком и пару булочек с клубничным джемом. При виде Джека с капельницей в руке она вскрикнула от удивления, попросила его немедленно вернуться в кровать, после чего отсоединила трубку и пожелала ему приятного аппетита. На вопрос, что произошло, лишь пожала плечами и быстро удалилась.

Еще через час пришел Вернер. Первым делом он протянул Джеку оставленный им смартфон, а затем искренне улыбнулся, увидев, что его клиент не только полностью

цел, но и находится в неплохом расположении духа после завтрака.

— Не волнуйтесь, я уже успел сообщить вашим друзьям в Бостоне, что все в порядке.

— Так что же произошло?

— Вас не было довольно долго, и ко второй половине дня я начал серьезно тревожиться. Когда я вернулся в офис, в Америке уже начался рабочий день, и я попросил коллег-юристов проверить имена агентов, которые вас вызвали. Собственно, я просто хотел уточнить, из какого они подразделения, — от этого в том числе зависел план моих действий. Но ответ мне пришел более интересный: оказывается, что сотрудники с такими именами в базе ФБР вообще не числятся.

— То есть это были мошенники?

— Вряд ли. Иначе как бы они организовали допрос прямо в Главном полицейском управлении Цюриха. Поверьте, для этого нужно иметь не только подлинные бумаги, но и прикрытие на самом верху. Думаю, что они действительно представляют какие-то спецслужбы, но не ФБР, либо имеют в нем особо засекреченный статус. На самом деле эта история, возможно, самая странная за всю мою практику, хотя я столько всего повидал, занимаясь самыми щепетильными делами сильных мира сего.

— Как я оказался здесь, в больнице?

— Честно говоря, не знаю. Когда я повторно обратился в полицейский участок вечером, мне сказали, что вы у них были, почувствовали себя плохо и они вызвали для вас «Скорую помощь». Вы оказались здесь, в клинике, согласно ее записи, в бессознательном состоянии около часа ночи, что в полиции мне никак не прокомментировали. Также они ничего не сказали о том, где сейчас находятся эти двое якобы агентов ФБР. Игнорируя мои вопросы, они явно

нарушают закон, что для Швейцарии — огромная редкость. Я мог бы в два счета привести начальника полиции в суд и потребовать полного отчета. Но они молчат — значит, риск повестки в суд их совершенно не пугает.

— Да, черт возьми, что происходит? Эти двое меня допрашивали, потом пытали, а теперь это нельзя даже доказать? Вернер, что мне сейчас нужно сделать?

— Бежать со всех ног. Чем скорее, тем лучше. О том, как это сделать, я с помощью моих коллег, а также ваших друзей в Бостоне уже позаботился.

Вернер протянул пакет с новой одеждой.

— Переодевайтесь. Мы уходим отсюда прямо сейчас.

Глава 13

Доллар, золото, чёрное золото и Молок

*Частная резиденция «Богемская роща»,
Калифорния, США,
10 июля 1971 года*

— Вам понравится. Очень понравится. Главное — просто отдыхайте и не воспринимайте ничего всерьез. Все это — просто игра, развлечение солидных джентльменов, которым хочется хоть где-то немного подурочиться, а главное, отдохнуть от своих скучных душных офисов, стопок бумаг и сварливых жен. Считайте, что вам снова пятнадцать лет и вы — просто бойскаут, живущий в палатке в лагере на природе.

Алекс Джонс кивнул. Он лишь недавно вошел в ближний круг доверенных людей губернатора Калифорнии. Ему еще не было сорока, он происходил из уважаемой семьи с англо-шотландскими корнями — его дед был деканом факультета права в английском Кембридже, а сам Алекс вырос в Америке и закончил Йель, став финансистом. Он работал в банках на Уолл-стрит, обретя уже к тридцати годам солидное состояние, а затем принял предложение перейти на госслужбу, чтобы стать главным казначеем правительства

штата Калифорния. Учитывая, что на «Золотой штат» приходилась одна десятая всех денег государства, Алекс переехал в новый офис в Сакраменто с радостью, понимая, что это — шанс всей его жизни поучаствовать в по-настоящему большой игре. Его прямым боссом был сам губернатор штата, который отлично разбирался во всех политических нюансах (или, возможно, блистательно делал вид, что разбирался), но только не в финансовых вопросах. Бюджет штата из года в год приходилось сводить с большим дефицитом: чтобы покрыть убытки, штат выпускал все новые миллиардные облигации под гарантии крупнейших банков. С этим была связана постоянная головная боль чиновников штата, и только губернатора дефицит, казалось, почти не волновал. Алексу приходилось справляться со всем самому — и теперь его босс, довольный его работой и знающий о его амбициях, решил поощрить его, впервые представив в члены самого элитного клуба, куда и не мечтали попасть многие президенты крупнейших корпораций. Это было что-то вроде «тайного братства» высшей политической и финансовой элиты Америки. Сам губернатор состоял в этом клубе уже десять лет и был одним из самых уважаемых его участников.

— Да, и еще, мой друг. Ведите себя спокойно, что бы ни происходило. Например, может случиться, что вам приспичит и вы посреди ночи выберетесь на воздух, чтобы оросить какое-нибудь из этих восхитительных красных деревьев. Возможно, что в этот момент вы случайно столкнетесь с президентом США, занятым ровно тем же самым. Не смущайте его и не смущайтесь сами. Это настоящий мужской клуб, и здесь нет никаких условностей.

Алекс, сидевший на заднем черном кожаном сиденье лимузина рядом с боссом, взглянул на него с восхищением. Губернатору Калифорнии недавно исполнилось шестьдесят — почти преклонный возраст, но каким же стройным,

моложавым, мужественным и энергичным был этот человек! Он ни на секунду ни в какой ситуации не терял абсолютной уверенности в себе, в его всегда идеально уложенной причёске до сих пор почти не было седины, а неотразимый взгляд и фирменная белозубая голливудская улыбка по-прежнему сводили с ума девушек и женщин всех возрастов. Этот человек, казалось, был словно из другого мира, где нет невыполнимых задач и в любом деле гарантирован успех. Ему действительно незачем было разбираться в финансах.

— Господин Рейган, не беспокойтесь. Мы с супругой каждое лето путешествуем по диким местам. В прошлом году в Йеллоустоуне жили в палатке в лесу, в горах, и как-то утром к нам пожаловал молодой медведь гризли. Мы сидели у костра, завтракали кофе с круассанами, и он, наверное, учуял запах. К счастью, он не был голоден и через пару минут убежал в чащу. Не думаю, что какое-нибудь важное лицо Клуба в лесу заставит меня испугаться сильнее, чем тогда.

Рональд Рейган заразительно рассмеялся — точно так же, как он это несколько раз делал этим утром на брифинге с журналистами. Те задавали ему острые, неудобные вопросы: например, о серьезных студенческих политических волнениях, все не утихавших в университете Беркли, или о бедственном состоянии систем водоснабжения штата, из-за которого в районе Лос-Анджелеса в июне возникла грандиозная засуха, уничтожившая большую часть урожая и отпугнувшая туристов. Но Рейгана ничто не могло вывести из себя: он отшучивался либо говорил банальные вещи, но с таким актерским выражением, что возразить ему было невозможно.

После брифинга, в обеденный перерыв, Алекс решил прогуляться по улицам Сан-Франциско. В семьдесят первом это был город с поистине волшебной атмосферой. В районе Хайт-Эшбери, в парке недалеко от моста «Золотые ворота», круглые сутки можно было видеть сотни хиппи:

длинноволосых парней, певших и брэнчавших на гитарах, и симпатичных улыбчивых девушек — босоногих и обязательно с красными или желтыми цветами в волосах. Жаркий июльский воздух был наполнен пряным ароматом цветения южных растений, а из динамиков в соседнем кафе громко доносился бунтарский голос Джона Леннона: *Some together* — одна из последних песен недавно распавшейся великой ливерпульской четверки. В глубине души Алексу хотелось снять с себя тесный костюм и галстук, став хотя бы на час таким же, как эта беззаботная молодежь, порождение счастливых шестидесятых. Но он, конечно, не мог этого сделать и тут же напомнил себе, что вечером сбудется то, о чем он еще недавно даже и не мечтал.

Из центра Сан-Франциско к Богемской роще вело узкое, однополосное шоссе: примерно полтора часа езды прямо на север. Дорога буквально утопала в зелени, а воздух, казалось, можно было пить как сладкий медовый нектар. На календаре была суббота, после очередной трудной рабочей недели, да еще и в преддверии такого восхитительного отпуска, под ровный шум кондиционера в салоне Алексу захотелось расслабиться и закрыть глаза. Но в этот момент лимузин вдруг резко затормозил. Несколько протестующих людей с плакатами неожиданно выскочили прямо на дорогу, перекрыв ее и едва не попав под колеса мотоциклов, возглавлявших кортеж. На одном из плакатов было жирно выведено от руки фломастерами разных цветов в стиле хиппи «Власть — народу» с круглым знаком Мира, на другом — «Пауки, прочь из Роши! Верните нам секвойи!». Применять силу было ни в коем случае нельзя: информация о том, что глава штата разогнал мирных демонстрантов, взорвала бы прессу. К счастью, ситуация разрешилась мирно: самая активная из протестующих — женщина лет тридцати, в очках, с растрепанными волосами нагнулась к окну лимузина

и, узнав пассажира, явно смутилась, а затем неожиданно приветливо помахала ему рукой. Губернатор ответил ей тем же, и вскоре кортеж продолжил свой путь. Через несколько минут они уже подъезжали к городку Монте-Рио, закрытому для простых смертных, за которым начинались владения Клуба. Губернатор снова заулыбался:

— Только посмотрите, какие здесь забавные названия. Небольшая речка, которую мы сейчас пересечем, называется Русская, а эта улица — Московская. Когда-то давно, лет сто назад, эти места принадлежали русским эмигрантам. Потом их выкупил калифорнийский театральный меценат, желавший, чтобы в этом раю могли свободно отдыхать бедные художники и актеры. Собственно, а кто такие мы, политики? Те же актеры, только роль у нас каждый день разная.

— Странно, что все эти названия не переименовали в эпоху охоты на ведьм в пятидесятых. Тогда ведь все, что в Америке напоминало о коммунизме, предавалось анафеме.

— Молодой человек, вы не поверите, но даже меня, образцового христианского консерватора, обвиняли в симпатии к коммунистам, когда я вступился за знакомого профессора в Стэнфорде, которому чуть не дали пожизненное только за то, что он когда-то бывал в России. А во время выборов мне припомнили критику законов Кеннеди — правильных, но слишком поспешных — и обвинили в расизме. Но все эти дурацкие «-измы», поверьте, долго не протянут. Человек, отдельно взятый человек — вот что, в конце концов, встанет во главу всего.

Лимузин вновь затормозил: на этот раз у шлагбаума, над которым висел указатель въезда в Богемскую рощу. Перед шлагбаумом стояли две дорогие спортивные машины, видимо, подъехавшие несколькими минутами ранее. В водителе одной из них Алекс неожиданно узнал известного журналиста из газеты «Нью-Йорк таймс», когда-то бравше-

го у него интервью о делах Уолл-стрит. Разумеется, в Клубе существовал режим полного неразглашения информации, а отдельные журналисты могли быть его членами строго как частные лица. Алекс только сейчас обратил внимание на то, как серьезно была организована охрана мероприятия. Помимо частной службы безопасности Клуба въезд в него охраняли десятки, а может быть, сотни вооруженных полицейских и еще какие-то очень внимательные люди в штатском. Миновав первые ворота, лимузин подвергся тщательной проверке еще дважды, причем полицейские обыскали салон и багажник губернаторского лимузина так, как будто это была обычная частная машина. Запрещалось провозить фотоаппараты и диктофоны, не говоря уже о видеоаппаратуре; разрешалось иметь с собой только сменные личные вещи, блокноты и несколько книг. Над территорией резиденции время от времени пролетали полицейские вертолеты. Казалось, что люди собирались здесь не для летнего отдыха, а на сверхсекретное военное совещание.

— Согласно правилам любой новый член должен пройти долгое, как минимум трехчасовое собеседование с представителем службы безопасности. Даже на исповеди вам не приходится признаваться в стольких ваших тайных грехах, как на этом допросе с пристрастием. Но по моей личной просьбе, в виде исключения, сегодня вас пропустили без этой процедуры. Иначе вы бы не увидели главное событие вечера.

Территория частного заповедника «Богемская роща» представляла собой восхитительный, красивейший лес секвойи площадью в тринадцать квадратных километров, включавший также живописные горные склоны, реку и искусственное озеро в самом сердце Рощи. Секвойи — самые прекрасные и величественные деревья на свете, с огромными красными стволами, обширнейшими кронами; верхушки самых старых деревьев, возрастом больше тысячи лет,

вздвигались более чем на сто метров над землей. Эти уникальные зеленые исполины источали нежнейший хвойный аромат на много километров вокруг. Если какой-то шпион вдруг захотел бы сделать подробную аэро съемку Роши с высоты, то он бы просто ничего не увидел, кроме густейшего зеленого моря листвы. Эта естественная изоляция от посторонних глаз с высоты была еще одним важным достоинством резиденции.

По территории Роши лимузин двигался медленно и осторожно: однополосное шоссе стало еще более узким, асфальт то и дело перемежался с гравием, а сама дорога, скорее напоминавшая теперь тропу для велосипедистов, прихотливой змейкой извивалась в промежутках между группами секвой — так, чтобы природное богатство резиденции оставалось нетронутым.

Сразу после въезда висел необычный дорожный знак — широкая деревянная стрелка, указывающая направление. Станным в ней было то, что посередине стрелки было изображение человеческого черепа с пустыми глазницами и дьявольскими рожками. Алекс сразу вспомнил, что в его родном Йельском университете существовало элитное, полутайное «Братство черепа и костей», хотя сам он в нем не состоял и даже точно не знал, чем оно занимается. Изображение было очень похоже на эмблему того общества. Следующее, что Алекс разглядел по пути, — нечто вроде старомодной театральной афиши с надписью «Метаморфозы».

— Древнеримская комедия. Ее будут ставить здесь через неделю. Меня, как бывшего актера, просили быть ее постановщиком, но я отказался — хочу хоть в отпуске ни за что не отвечать и ничем не командовать. Кстати, мой друг, хотите попробовать себя на сцене? В этой пьесе много ролей, а так как клуб мужской, то можно взять себе, например, роль женщины. Это будет очень весело. Кроме того,

это возвращение к самим истокам театра, ведь в Древней Греции на сцене тоже играли только мужчины. Не робейте, здесь вас никто ни за что не осудит.

Больше ничего особенного на территории парка, кажется, не было. Названия некоторых аллей отдавали детской простотой (например, «Тропа счастья»). Алекс рассмотрел несколько площадок для паркинга, частично заполненных автомобилями, указатели на кампусы и даже простенький деревенский магазин с продуктами и летней одеждой. Никакой роскоши, скорее, наоборот — подчеркнутый аскетизм, даже немного странный для главного места отдыха высшей элиты. Алекс был даже слегка разочарован, но, естественно, не подал вида.

Солнце все еще стояло высоко, но дневная жара уже спала. Листья секвой наполняли воздух приятной предвечерней влажностью, расслабляя все органы человеческих чувств и одновременно создавая волшебную атмосферу предвкушения чего-то необыкновенного.

Кроме узкой центральной дороги, остальные дорожки парка были пешеходными. Некоторые из них уходили довольно круто вверх, зрительно теряясь в зеленых зарослях. Лимузин притормозил у одной из таких аллей.

— Мой друг, здесь наши пути расходятся. Мой домик находится в секции Мандалай — это что-то вроде Дирекции клуба. Мой домик — по соседству с коттеджем, принадлежащим Рокфеллерам. Там будет жить Нельсон, глава семейного бизнеса, мой старый друг. Президента ждем завтра к полудню. К сожалению, он пропустит вечернее представление. Но он, честно говоря, не большой поклонник этого шоу. Я постараюсь представить вас Ричарду Никсону на днях, когда мы будем обсуждать вопросы государственных финансов. Да, в этот раз придется нарушить кодекс Клуба и обсудить их здесь — ситуация требует. Кто-нибудь

из персонала покажет вам дорогу к вашей комнате. До встречи, Алекс.

Путь пешком до кампуса занял четверть часа. Собственно, это были не палатки, как у диких туристов, а приличные деревянные домики, некоторые — двухэтажные, с длинными панорамными балконами. Сходство с жизнью бойскаутов создавали разве что спартанские условия и стесненность: каждый домик были разделен на несколько крошечных комнат, без туалета и душа. Правда, был и небольшой, уютный общий зал, в котором стояли мягкие кресла, столики для еды, полки для книг, камин. Здесь отдыхающие наслаждались дорогими сигарами и коньяком, без журналистов и прочих посторонних ушей обсуждая накипевшие вопросы. В каждом кампусе, или секции (всего их в Роще было ровно десять), было также собственное небольшое кафе, место для барбекю и просто зеленые лужайки для отдыха. На ужин участники, как правило, собирались в центральной части Рощи, где можно вдоволь пообщаться с коллегами из других кампусов.

Алекс решил прогуляться, и первое, что он увидел, были два солидных джентльмена, мирно беседовавших, стоя между деревьями со спущенными брюками. Видимо, они только что справили небольшую нужду. Увидев Алекса, один из них приветливо махнул ему рукой:

— Не стесняйся. Здесь это называется Приветствием. Ты, наверно, тоже перетерпел в дороге, сейчас можно расслабиться. Знакомиться с соседями в первый день в Роще в такой обстановке считается хорошим тоном. Кого нам здесь стыдиться?

Они обменялись визитками. На карточках, выпущенных специально для Клуба, значились только имена его членов, без должностей. Оба новых знакомых Алекса были мужчинами лет 45—50, один крупный банкир из Чикаго, другой —

заместитель губернатора штата Нью-Мексико по социальным вопросам, и оба они явно были в Роще не новичками.

В своей комнате Алекс обнаружил большой запечатанный пакет. Помимо мелочей вроде памятки постояльцу и мелкой, почти неразборчивой карты Богемской рощи (с пометками «лично», «строго конфиденциально») в пакете был странный наряд — длинная черная мантия до пола, с широкими рукавами и белым капюшоном, напоминающая рясу средневекового монаха. В памятке говорилось, что эту одежду требуется надеть на вечернюю церемонию открытия сезона. Алекс примерил одежду. Она оказалась вполне ему по размеру, но свое отражение в зеркале он почти не узнал: ему показалось, что на него смотрит другой, практически незнакомый человек.

В холле у небольшого камина стоял невысокий лысоватый мужчина, похожий на федерального судью. Он нетерпеливо теребил в руках пакет с чем-то вроде гербария из зеленых листьев. Увидев озадаченный взгляд Алекса, он только ухмыльнулся:

— Не-ет. Конечно, это не «трава». Хотя курить ее в Роще никто не запрещает, но это даже как-то не солидно. Мы уже давно не студенты. Это такое тонизирующее растение. Вся Восточная Африка и Аравия употребляют его каждый день, жуя после обеда. Снимает усталость и боль, придает энергии. Попробуйте. Сегодня нам всем придется весь вечер стоять на ногах, так что — пригодится.

Алекс взял горсть листьев в рот, с отвращением ощутил их горечь и почти сразу выплюнул. Через несколько минут ощутил легкое, но неприятное головокружение, которое, к счастью, быстро прошло.

Солнце начало клониться к горизонту, но было еще светло. Из домиков кампуса стекались люди, одетые в черные рясы. Алексу показалось, что все они и он в том числе

собираются в какой-то Крестовый поход. Некоторые держали в руках самодельные, пока не зажженные факелы. Самым удивительным было выражение лиц. Никаких улыбок и шуток, казалось, что все происходящее — невероятно серьезно. Люди, еще сегодня утром воплощавшие верх цивилизованности, сидевшие в дорогих костюмах в директорских офисах на верхних этажах небоскребов, сейчас были похожи на разгоряченных средневековых инквизиторов. Кто-то, высоко подняв в руке уже полупустую бутылку виски, вдруг обернулся к остальным и заорал утробным хриплым голосом:

— Мы сожжем эту тварь!

— Мы сожжем его! Да! — подхватили десятки луженых, излишне возбужденных глоток. Кто-то из мужчин резко приподнял подол своей мантии, под которой не было одежды, продемонстрировав свой голый зад. В ответ раздался смех и одобрительные крики. Вечеринка начиналась.

Сотни фигур в мрачных темных балахонах энергично двигались с разных сторон в самый центр Богемской рощи — к Пруду совы. Это был небольшой искусственный водоем продолговатой формы. На противоположном берегу пруда возвышалось главное строение Рощи, ее символ, которое даже называли божеством. И это действительно было божество, но, разумеется, не христианское, а языческое, восходящее корнями к ханаанской цивилизации и древнему Вавилону. Статуя гигантской Совы, высотой в 12 метров, стояла над прудом на постаменте, а к нему вели несколько рядов ступеней. По обеим сторонам Совы были установлены ровные ряды железных крестов, примерно в человеческий рост. Под ступенями, прямо перед статуей, вырыто углубление. Люди в черных рясах останавливались на противоположной от идола стороне пруда, образуя длинные, плотные ряды. Они были крайне возбуждены. Кто-то истошно кричал, словно разогреваясь перед сражением, по рядам из рук

в руки передавались бутылки с горячительными напитками и еще какой-то темной жидкостью, разлитой в обычные пластиковые бутылки без наклеек. На подходе к пруду Алекс заметил в толпе знакомое лицо — того самого высокопоставленного репортера «Таймз», встреченного днем при въезде в парк. Тот тоже его узнал. Вдвоем они протиснулись в первый ряд, стоя у самой воды. Человек за спиной Алекса беспрерывно бормотал нечто похожее на древнееврейские молитвы, перемежая непонятные слова заунывным песнопением. «Скоро начнется светопреставление. Их сатанинские величества, наверно, уже готовы», — произнес репортер.

Жертвоприношение

На Калифорнию спустилась темная южная ночь. Церемония, вот уже сто лет с небольшими вариациями проводившаяся в Клубе каждый год в первый день летнего сезона, началась ровно в десять. Церемония официально называлась *Cremation of Care* — Сожжение забот.

Все пространство над прудом и вокруг него вдруг содрогнулось от громких, почти оглушительных звуков, мощно лившихся из невидимых динамиков. Сначала это был отрывок из симфонии Вагнера, который затем перешел в низкие, давящие на ушные перепонки зловещие органные аккорды. Раздался взрыв: одновременно воспламенились, видимо под действием пиротехники, все металлические кресты на том берегу, образовав по обе стороны от Совы длинные искрящиеся коридоры, отбрасывающие снопы желтых искр высоко в небо. Из толпы раздались новые, еще более иступленные вопли восторга.

К противоположному берегу пруда начали одна за другой приставать лодки, а в каждой из них находилось по несколько людей в нарядах священников, держащих в руках большие, ярко горящие факелы. Когда «священников» на

том берегу стало не меньше двадцати, они выстроились в ряды перед изваянием. Только сейчас Алекс заметил, что вокруг статуи Сова было навалено что-то вроде охапок хвороста или другого горючего материала. Рысы священников — красного, желтого и черного цвета — ярко выделялись на фоне темно-серого каменного постамента.

Последней к берегу пристала лодка с главным жрецом, тоже с факелом, в рясе белоснежного цвета. Священники почтительно расступились, и он подошел к ступеням, над которыми возвышался идол. Вновь заиграла музыка, ее звуки были протяжными, леденящими, без определенной темы. Из динамиков раздался голос, но с той стороны пруда было трудно понять, говорит ли это сам верховный жрец в микрофон или кто-то за него. Голос звучал низко, зловеще и с большим пафосом:

— Мы собрались здесь, чтобы освободить себя! Сбросить шагреновую кожу бранных земных забот, раскрыть наши души. Я взываю к духам земли, я взываю к силам огня!

Музыка резко прервалась, на мгновенье воцарилась звенящая тишина, которую вновь прорезал голос жреца:

— Я посылаю вам огонь! Пусть он очистит все! Это вечное пламя примет жертву и освободит нас!

В небо взвился сноп света, напоминающий фейерверк, но вместо того, чтобы растаять высоко в воздухе разноцветными искрами, волна красноватого огня обрушилась вниз, опалив каменную совиную голову и воспламенив хворост, которым было обложено ее основание. Верховный жрец опустил свой горящий факел, и через мгновенье широкий столп огня вырвался снизу, из жертвенной ямы. Теперь уже вся 12-метровая Сова была объята пламенем.

Толпа притихла, ожидая кульминации. Четверо жрецов в красных одеяниях вытащили из лодки и поднесли к пылающему основанию Сова фигуру младенца, лежащего на

спине с приподнятыми вверх согнутыми ручками, только неестественно большого размера. Human effigy — человеческое изваяние. Так называлась жертва, которая должна была сгореть в очистительном пламени.

Грудь Алекса пронзила острая боль. Он совершенно отчетливо понял, что именно напоминал ему этот обряд. В языческом древнем Карфагене до разрушения его римлянами на центральной площади напротив главного храма стояла огромная статуя божества Молока (или Молоха, как его называли в более ранних, шумерских книгах). Медный идол высотой более десяти метров походил на сидящего человека с рогатой головой Быка (Сова также считалась одним из воплощений Молока). Его руки были вытянуты перед собой. В обычное время жители Карфагена обходили страшного идола стороной, отправляя ежедневные языческие обряды в храме напротив. И лишь в самых крайних случаях, когда городу грозила страшная опасность (например, во время многомесячной засухи, обрекавшей большую часть жителей на голодную смерть, или при вражеской осаде, когда силы агрессоров кратно превосходили количество оборонявших городские стены), по общему решению жителей Карфагена проводился ритуал жертвоприношения жестокому, но всеильному идолу. Ему надо принести пищу. И тогда на рассвете все пространство под Молоком превращалось в пылающий костер. Его протянутые вперед руки сначала становились красными от жара, затем почти белыми. Перед идолом стояла очередь из детей, как правило, мальчиков восьми-тринадцати лет, в черных саванах, с плотными мешками на головах, чтобы они ни о чем не догадывались до последней секунды. Это не были дети рабов или бедняков, напротив — Молоку следовало принести в жертву самых достойных отпрысков города: детей богачей, политиков, военачальников.

Двое жрецов брали очередного ребенка в зашитом саване и бросали его в руки Молока, через которые он падал в огненную яму. Церемония могла продолжаться часами, до тех пор, пока идол не насытится вдоволь. Этот момент определял верховный жрец по звуку, издаваемому жертвенным огнем. И не было в истории Карфагена случая, когда этот страшный ритуал не приносил бы городу то, о чем молили богов его жители. Засуха почти мгновенно сменялась многодневными обильными дождями, на неприятельскую армию обрушивалась моровая язва. Молок, насытившись, столетиями спасал Карфаген. Лишь однажды в истории, когда грозное римское войско Сципиона Африканского стояло у древних ворот, его жители, несмотря на всю опасность, отказались отдать жрецам своих детей на мучительную смерть. На следующий день Карфаген пал, а римляне, уставшие от столетий Пунических войн, излили всю свою ярость, сровняв город с землей, казнили или продали всех его жителей в рабство, а затем щедро посыпали его почву солью, чтобы на ней еще много лет не взошел ни один стебель. Молок остался голодным, и вся многовековая богатейшая карфагенская цивилизация, культура, язык навечно ушли в небытие.

Музыка снова стихла, настала торжественная пауза. Жрецы подняли фигуру огромного младенца, замерев на мгновение. Вероятно, эта фигура была сделана из тяжелого материала: священники в рясах перемещали ее с большим трудом. Алекс подумал, что внутри кокона, изображающего младенца, по размерам как раз мог уместиться взрослый живой человек. Алекс напряг свое идеально острое от природы зрение и мог поклясться: на какой-то миг из кокона вдруг поднялась вверх чья-то рука, кажется, с темной кожей. Впрочем, на таком расстоянии в дрожащем блеске языков пламени это могло быть лишь его разыгравшееся воображе-

ние. Жрецы наклонили фигуру и бросили ее в пылающую жертвенную яму. И снова Алекс отчетливо услышал что-то страшное — истощный человеческий крик, но это мог быть и крик кого-нибудь из окружающей толпы, который к тому же тут же заглушили новые аккорды органной музыки. Из динамиков вновь донесся голос жреца, но на этот раз он не говорил, а разразился надрывным, безумным хохотом. Пламя теперь уже полностью объяло огромную каменную Сову, ряды крестов по обе стороны от нее горели, с треском выстреливая в воздух снопы искр, жрецы с факелами стояли спиной к пруду, лицом к горящему идолу. Голос вновь заговорил:

— Мы теперь свободны! Да пребудет с нами счастливое лето, без забот и тягостей!

Толпа на этой стороне пруда взревела от восторга. Репортер повернул голову к Алексу и с изумленными глазами проговорил: «Ты видел это? Это было по-чумовому восхитительно!!!» Некоторые из окружающих начали иступленно обниматься, казалось, что собравшиеся мужчины были готовы кататься по земле от восторга. Дух демонов после обряда, которому бы позавидовали и самые убежденные сатанисты мира, поклонники древнего культа Люцифера, кажется, вселился в души собравшихся. Алекс был воспитан в строгих католических традициях: его родители никогда даже не садились за стол, не помолившись перед трапезой. Он повторял про себя слова губернатора о том, что все это — лишь игра, что здесь ничто не следует принимать всерьез. Но в его ушах все еще стояли странные крики с той стороны пруда, он был почти уверен, хотя и не мог за это полностью поручиться, что перед ним и вправду предали мучительной смерти живого человека. Или это была невероятно искусная постановка. Жрец снова заговорил: он рассматривал пепел сожженной

фигуры и по нему предсказывал, что это лето пройдет для собравшихся членов Клуба исключительно хорошо. Но эти слова Алекс уже слышал словно в тумане. Больше всего ему хотелось сбежать отсюда, тайком поймать на ночном шоссе автомобиль и уехать домой. Но он понимал, что лучше даже не пытаться это сделать. До его домика отсюда было не больше двух километров. Выбравшись из толпы, он поплелся спать, дав себе слово никому в жизни не рассказывать о том, что он видел.

На следующее утро светило яркое солнце. Вчерашний обряд казался лишь дурным сном. Алекс заметил, что под дверью комнаты просунута тонкая папка. В ней он с удивлением обнаружил сценарий пьесы «Метаморфозы, или Золотой осел», написанной во втором веке древнеримским писателем-сатириком Апулеем. В повести описывалась история юноши, случайно превращенного его любимой в осла, который, пройдя в облики вьючного животного через много стран и немыслимые приключения, в финале вновь становится человеком. В повесть также вошли несколько независимых новелл, одной из которых была знаменитая история Амура и Психеи. Реплики возлюбленной римского бога любви были очеркнуты и выделены фломастером. По спине Алекса скатился холодный пот. По всей видимости, играть Психею предстояло ему.

Хотелось есть. Слегка ошеломленный, он вышел на лужайку. Где-то высоко, в ветвях секвой, раздавались мелодичные трели птиц. Рядом с входом двое мужчин играли в пинг-понг, причем оба были раздеты до нижнего белья. Чуть дальше, в тени, в гамаке лежал пузатый лысоватый тип, похожий на сенатора с большим стажем. Он читал газету и был при этом совершенно голым. Алекс присел за столик под навесом, и перед ним появился официант, держа поднос с легким завтраком. Впрочем, на еду Алекс не сразу обратил

внимание. Официант был молодым, высоким, загорелым, атлетического сложения. Он был в одних шортах, в обоих ушах висели серьги, но главное, что его глаза были густо подведены тушью.

Один из мужчин, игравших в настольный теннис, вдруг резко окликнул официанта:

— Эй, Чэд, ты чего такой серьезный? Снимай шорты, здесь так не принято. Хочу внимательно полюбоваться тобой сзади. Тебе платят такие деньги вовсе не за то, чтобы ты тарелки разносил. Нам всем уже давно пора хорошо повеселиться.

Алекс не хотел слышать и видеть продолжение этого разговора. Взяв в руку стаканчик с соком и сценарий, он медленно пошел вверх по тропинке. Через некоторое время он нагнал еще двоих мужчин. Они шли тоже почти обнаженные, время от времени поглаживая друг друга по спине и плечам. Как ни странно, их разговор был при этом вполне серьезным — о перспективах слияния двух крупных американских авиакомпаний.

К счастью, далеко не все члены Клуба предавались плотским утехам. В самом центре Роши находился большой амфитеатр наподобие древнегреческого, правда, его сиденья были не каменными, а вполне обычными, расположенными сверху вниз на пологом склоне холма. Всю первую неделю «богемских каникул» почти с утра до вечера здесь проходили интересные мероприятия, например, в одиннадцать утра мог выступать директор ЦРУ с докладом о главных внешних угрозах, в час дня министр социального развития рассказывал о ситуации с безработицей. После обеда темы бизнеса и политики, как правило, сменяло искусство, которым и был изначально знаменит Богемский клуб. В три часа мог выступать знаменитый джазмен, в пять — известный голливудский актер, а вечером, в семь, — национальный балет. В редких случаях в выступлениях участвовали

женщины, но они были обязаны в тот же день покинуть пределы Роши.

Тем временем в элитном кампусе Мандалай отдохавшим там вершителям судеб мира в этом году было не до развлечений. На кону стояла вся дальнейшая судьба Америки, ее финансовая система, находящаяся в эту самую минуту на волоске от краха.

Позолотенный доллар

Обменный курс доллара на золото, установленный еще Франклином Рузвельтом во времена депрессии, действовал до сих пор. Мир и экономика с тех пор изменились до неузнаваемости: старинные винтовые самолеты уступили место гиперзвуковым истребителям, человек изобрел водородную бомбу, высадился на Луну и провел первые успешные пересадки сердца. Объем экономики США и количество долларов в обращении выросли за прошедшие сорок лет во много раз. В конце Второй мировой войны в городке Бреттон-Вудс (конечно же, в США) прошла важнейшая для судеб мира конференция, в которой приняли участие страны-победительницы, представленные их лучшими финансовыми умами. На этой конференции был учрежден Международный валютный фонд (МВФ), отвечавший за будущую финансовую и экономическую стабильность во всем мире. Но главным итогом той встречи стало всеобщее признание доллара главной мировой валютой (с чем согласилась даже делегация СССР).

Доллар был привязан по твердому курсу к определенному золотому содержанию. Все остальные денежные валюты мира теперь котировались только к доллару через систему обменных курсов. Поначалу эта система работала бесперебойно: огромные запасы золота в Форт-Ноксе были наилучшим обеспечением американской валюты, и доверие

к доллару в мире довольно долго оставалось почти безграничным. Следующие двадцать лет после окончания войны мировая экономика росла в расчете на душу населения самыми быстрыми темпами за всю историю человечества. Никогда еще не было такой разницы в благосостоянии и уверенности в завтрашнем дне у отцов и детей, как в те годы. Родители, чья молодость пришлось на кризисные тридцатые и военные сороковые, привыкли работать с раннего утра и допоздна, считая счастьем уже хотя бы обеспеченный сытный семейный ужин каждый вечер и крышу над головой. Но их дети, выросшие в пятидесятых и переживавшие расцвет молодости в шестидесятые, просто не понимали такой убогой, с их точки зрения, жизни, бросившись с головой в современную музыку, путешествия, философию, рок-фестивали и многое другое. Как это уже не раз бывало, многим казалось, что вот теперь наконец настала золотая эпоха человечества и дальше все будет только лучше.

И как всегда, как раз в момент наивысшей эйфории на небе вдруг стали собираться свинцовые тучи. Убийство Кеннеди, война во Вьетнаме стали лишь первыми тревожными звонками. Довольно долго экономика США держалась на высоте благодаря большому запасу прочности. Но все когда-то заканчивается. В 1968-м, во время циклического спада и заодно на фоне пятого года безумной войны во Вьетнаме, инфляция доллара, еще с двадцатых годов ни разу не превышавшая два процента в год, вдруг скакнула до шести процентов, а дефицит бюджетов страны всех уровней вырос до невиданных масштабов.

То, что доллар теперь качается, как колосс на глиняных ногах, было понятно уже давно. Рыночная цена золота намного превысила официальный курс обмена. Но американцы хитрили до последнего: не отказываясь от официального курса, они разрешали иностранцам менять доллары на золо-

то по низкому курсу лишь в одном месте: в тесном подвале нью-йоркского отделения Федеральной резервной системы. Золото там надо было заказывать за много месяцев вперед, а лимит выдачи желтого металла в день был ничтожно мал. Эта нехитрая уловка, защищающая золотой запас страны, могла работать еще десятилетиями. Но тут в игру вступил самый смелый и решительный человек в Западной Европе — президент Французской Республики Шарль де Голль. Он лично привез в Нью-Йорк огромный корабль, доверху набитый зелеными купюрами, и потребовал у президента США Ричарда Никсона немедленно обменять все эти доллары на три тысячи тонн золота. Ошеломленный Никсон пригрозил Франции исключением из НАТО, на что де Голль ответил, что он не возражает против этого. По неофициальным каналам де Голлю прозрачно намекнули, что на американской земле его может ждать судьба братьев Кеннеди, но бесстрашный партизан Второй мировой лишь усмехнулся. Выхода не было: через неделю Франция получила свое золото. Все шлязы, таким образом, оказались открыты: вскоре в ФРС за золотом обратились немцы, за ними — все остальные. К лету 1971-го золотой запас США катастрофически сократился: с двадцати двух до восьми тысяч тонн. Министерство финансов прогнозировало, что уже к концу года золота в Америке практически не останется.

Ко вторнику к отдыхающим в Богемской роще присоединились лидеры Республиканской партии, в том числе сам президент Никсон. По натуре довольно странный, резкий, непредсказуемый, вечно кем-то обозленный или чем-то обеспокоенный, он в то же время пользовался репутацией человека с твердыми принципами и был скромен в быту. Никсон родился в бедной семье, все детство и юность, помимо учебы, вкалывал на самых неблагодарных работах, чтобы принести домой лишний кусок хлеба. Страстью всей его

жизни была юриспруденция: он проявлял к ней такие способности, что после школы с блеском сдал экзамены в Гарвард. Но мечта всей его жизни не сбылась: у его родителей не оказалось денег оплачивать учебу, и он остался работать дома, на ферме, помогая своим братьям. Позже он все-таки стал успешным юристом, а вернувшись после героической службы в армии во время войны, начал политическую карьеру, стал сенатором от штата Калифорния, пройдя затем все ступени до кресла в Белом доме. Ричард Никсон уже бывал в Богемской роще, ненавидел обряд сожжения чучела и вообще чувствовал себя в этом месте крайне неудобно, подозревая, что за ним здесь либо следят, либо хотят как-то использовать. Но в этот раз не приехать сюда он не мог: слишком многое стояло на кону.

Для таких случаев на уютной лужайке в самой элитной части Богемского клуба, которая называлась «Гнездо совы», в тени крон относительно невысоких молодых деревьев, у берега реки расставляли простые деревянные стулья и столы. Властители мира сидели за ними, одетые в легкие летние рубашки, их угощали простой фермерской едой, с домашним пивом или молодым игристым вином из находящейся по соседству долины Напа. Если бы кто-то, не зная политиков в лицо, случайно увидел эти посиделки, то решил бы, что семья фермеров пригласила соседей на летний деревенский пикник. В этой подчеркнута лишенной роскоши обстановке основатели Клуба намеренно создавали атмосферу, в которой психологически легко обсуждать даже самые сложные и деликатные проблемы.

Было около четырех дня пополудни, погода стояла солнечная, безветренная и нежаркая. Губернатор Калифорнии Рейган, как обычно, был душой компании — рассказывал смешные и порой не совсем приличные истории из своей прошлой голливудской жизни. Госсекретарь, правая рука Никсона, еще

довольно молодой Генри Киссинджер, немного похожий на хорька в толстых очках, но при этом весьма живой и остроумный, рассказывал истории о своих частых визитах за границу. Нельсон Рокфеллер, не только богач, но и видный деятель Республиканской партии, на правах фактического хозяина резиденции старался даже в мелочах быть учтивым и гостеприимным. На встрече также присутствовали двое ученых из Университета Беркли, вовлеченные в текущие ядерные проекты, и, конечно, несколько крупных финансистов и сенаторов — всего около пятнадцати человек. Разумеется, все остальные из примерно тысячи отдыхающих в Богемском клубе людей ни об этой встрече, ни о разговоре не имели и понятия.

— Больше всего меня беспокоит даже не золото как таковое. Мне страшно представить, как громко завопят от счастья коммунисты, узнав, что Форт-Нокс уже на две трети пуст. — Директор ЦРУ Ричард Хелмс, который позже оказался в центре Уотергейтского скандала, приведшего к отставке Никсона, был хорошо известен нелюбовью к Советам.

Нельсон Рокфеллер, единственный даже здесь одетый в привычный костюм-тройку, стоял в своей любимой позе, скрестив руки на груди и глядя вдаль:

— Система бы не разрушилась, если бы не этот солдафон — лягушатник в высокой фуражке. Но сукин сын де Голль получил-таки по заслугам. По своим каналам мы всячески распалили студентов Сорбонны во время революционных волнений в Париже 1968-го. Затем слили компромат на генерала, опорочили его перед французской армией. Это была настоящая охота за его головой, ради которой не было жалко никаких средств... В итоге старик, конечно, не выдержал, с позором ушел в отставку, а еще через год скончался в одиночестве от инфаркта. После де Голля президентом стал Жорж Помпиду, много лет до этого работавший личным помощником в банке нашего главного партнера во

Франции Ги де Ротшильда. Помпиду сразу же подписал все нужные Америке соглашения о свободной торговле. Теперь между Францией и США — настоящая дружба и полное взаимопонимание. Никто — вообще никто — и никогда не может диктовать Америке свои условия. Пора бы миру уже, наконец, усвоить эту простую вещь.

Министром финансов США в правительстве Никсона был Джон Коннели — тот самый бывший губернатор штата Техас, сидевший в одном лимузине с Кеннеди и тяжело раненный в момент его убийства. Собственно, финансового образования у него практически не было. Но ему полностью доверяли (редчайший случай!) и демократы, и республиканцы. Кроме того, в его подчинении была хорошая молодая команда выходцев из лучших университетов. Джон Коннели проявлял крайнюю озабоченность:

— Я не представляю, что было бы с долларом и экономикой без золотого обеспечения. Бумага сама по себе ведь не стоит ничего. Только золото — вот настоящий, вечный эквивалент стоимости. Сейчас на золотую монету можно купить в булочной ровно столько же хлеба, сколько и во времена Юлия Цезаря. В Великую депрессию люди умирали от голода, но хранили в подполе золотые слитки, чтобы хотя бы прокормить детей, когда денег уже совсем не останется. Золото — мерило всего, без него начнется хаос, и я не знаю, чем это может закончиться.

Повисшую мрачную паузу снова прервал Рокфеллер:

— Зачем скорбеть о том, последствий чего мы даже не знаем. Я общался с другими акционерами ФРС. Они все желают сохранить остатки золота в Системе и ради этого готовы пустить доллар в свободное плавание. Посудите сами. Доллар как главная мировая валюта стоит слишком дорого, и наши конкуренты всю пользу получают этим. Еще не так давно позиции «Дженерал моторз» в мировом автостроении были незыбле-

мы. А теперь японцы, пользуясь низким курсом иены, просто завалили американский рынок дешевыми и вполне качественными автомобилями. Еще несколько лет, и фабрики Детройта придется закрывать: по таким ценам наши машины станут никому не нужны. А возьмите металлургов. Американских рабочих увольняют десятками тысяч только потому, что сталь, произведенная в Европе за немецкие марки, почти вдвое дешевле, чем наша. За отказ от Бреттон-Вудских соглашений Америке ничего не будет. Зато курс доллара наверняка упадет, и тогда наш экспорт снова будет востребован. Сохраним золото и поможем экономике: уьем двух зайцев сразу. Нужна только политическая воля, и все сразу встанет на свои места.

Президент Никсон, задумчиво пивший слабоалкогольный напиток из высокого стакана за дубовым столом, скривил свою обычную болезненную гримасу. После долгой паузы он внезапно с силой ударил кулаком по столу:

— God damn it! Почему я, как навозный жук, вечно обречен выгрести чужое дерьмо??? Кеннеди ввел армию во Вьетнам; Джонсон раздул небольшой конфликт в огромную войну. А виноват теперь во всем я — и должен, подтеревшись от позора, непонятно как выводить войска домой. Эйзенхауэр развязал с Советами гонку ядерных вооружений, и мы, и они накопили тысячи атомных бомб, а теперь я должен лететь в Москву на поклон к Брежневу, чтобы договариваться с ним о прекращении этого безумия. Военный комплекс задолго до меня заставил правительство печатать несметные горы не обеспеченных ничем долларовых бумажек. А теперь мне, краснея, под улюлюканье всего мира, нужно объявлять о том, что Америка отказывается от золотого стандарта! Да черт побери!

Нельсон Рокфеллер тихими, неслышными шагами подошел к президенту и мягко положил руку ему на плечо:

---

¹ Проклятье! (англ.)

— Ричард, вы посланы Америке самим Богом. Мы не можем допустить, чтобы у нас не осталось золота.

— Кто-нибудь может мне сказать, что будет потом? Чем тогда вообще будет обеспечен доллар?

— Мы обсуждали это с банками, управляющими резервной Системой. Апокалипсиса не будет. Доллар по-прежнему будет обеспечен всем экономическим могуществом Соединенных Штатов. Золото на самом деле — всего лишь обычный товар. Таких товаров — тысячи. Желтый металл нельзя есть, им нельзя укрыться от зноя или дождя, он мягкий, поэтому из него нельзя ничего построить. Золото — это миф. Та же самая нефть несравнимо более важна и полезна.

— А что станет с ценами?

— Через какое-то время они вырастут. Но рынку все равно потребуется определенный срок, чтобы разобраться в том, что происходит. Скажем, до конца этого года, чтобы избежать паники, можно ввести указ о запрете повышения внутренних цен на продукты питания и все виды сыра.

Ричард Никсон опустил голову, что-то напряженно обдумывая. Наконец, в тишине, которую нарушал только гомон птиц в кронах деревьев, он произнес:

— Я хочу, чтобы мы все подписали бумагу. Она останется у меня, и даю слово, что я никогда не предаю ее обществу. Вы все — слышите, все до единого, должны расписаться в том, что вы лично поддерживаете отказ от привязки доллара к золоту. Без этой бумаги я даже и пальцем не пошевелю. Начнем с министра финансов.

В течение следующего часа все присутствующие поставили свои подписи и комментарии на тайный проект резолюции. Не было никого, кто был бы против этого. Печать на этот документ, включавший несколько листов, поставил Нельсон Рокфеллер. На печати был выгравирован символ Богемского клуба: силуэт совы с заглавными буквами «В» и

«С» по бокам. Ричард Никсон положил документ в папку, которая была с ним с начала этой встречи.

Одно из величайших событий в финансовой истории мира свершилось. Начиная с финикийской цивилизации почти три тысячи лет назад ни одна денежная система в крупных странах мира не обходилась без привязки к определенному содержанию золота. Летом 1971 года этот бастион впервые пал, и теперь уже навсегда. Федеральная резервная система получила возможность печатать доллары в любом количестве, сколько ей заблагорассудится.

Президент Никсон объявил об отказе США от золотого стандарта менее чем через месяц: в августе 1971-го. Реакция мира не заставила себя ждать. Рыночный курс доллара к фунту, марке и франку существенно снизился и затем продолжал падать еще несколько лет. В 1973-м арабские страны объявили бойкот Америке в связи с ее поддержкой Израиля, в результате которого цены на нефть в долларах за несколько месяцев взлетели почти в десять раз. Последовавший экономический шок в западных странах повлек длительный кризис в мировой экономике, который продолжался до начала 1980-х годов. Эпоха хиппи, всеобщего счастья и процветания сменилась галопирующей инфляцией, высокой безработицей и всеобщей неуверенностью в завтрашнем дне. Конец золотого стандарта стал и концом золотой эпохи шестидесятых. Хотя летом 1971-го обо всех этих печальных последствиях догадывались лишь немногие. В выигрыше от глобальных экономических передряг остались, как всегда, крупнейшие банки. Дэвид Рокфеллер-младший с восторгом описывает в своей книге, как в результате нефтяного кризиса правительства многих стран мира выстроились в очередь на поклон к нему лично и к его «Чейз Манхэттен банку», чтобы получить кредиты даже под очень высокие проценты, без которых эти страны могли обанкротиться за считанные

дни. Еще никогда до этого Федеральная резервная система не была настолько могущественной.

За сорок лет **до** 1971 года цена золота почти не изменилась. За **следующие** сорок лет цена золота в долларах вырастет — ни много ни мало — в пятьдесят раз. Спираль вечной инфляции была запущена, и она уже никогда не остановится...

В субботу в Богемском клубе должна была состояться премьера многочасовой самодеятельной пьесы, которая обычно была гвоздем сезона летнего отдыха. С утра к Алексу Джонсу пришли стилисты и костюмеры — примерить костюмы Психеи, всеми силами стремившейся на свидание к Амuru. Ближе к полудню Алексу аккуратно побрили волосы на ногах и руках, очертили глаза яркой подводкой. На кожу лица нанесли толстый слой белого тонального крема, а поверх короткой прически надели шикарный парик с длинными блондинистыми волосами. По дороге к амфитеатру почти каждый второй встречный мужчина осыпал Алекса комплиментами, а кое-кто даже норовил ущипнуть его за зад или чмокнуть в щеку. От природы Алекс был стройным и худощавым, а мужественные черты его лица превратились в милое женское личико с помощью искусного макияжа.

Спектакль начинался в шесть вечера, а его постановка была режиссирована профессионально и с большим размахом, с участием более чем полусотни актеров из числа отдыхающих. Пьеса Апулея «Метаморфозы» составлена из десяти книг: новелла об Амуре и Психее шла посередине, в пятой книге. Каждую фразу Психеи-Алекса по сценарию толпа зрителей принимала с одобрением. Благочестивая красавица Психея, разлученная с любимым, выполнила все приказы его матери, самой Венеры, обратив гнев свекрови в милость, и в финальной сцене должна была слиться в экстазе с Амуром на брачном ложе, объяснившись ему в страстной любви. Роль Амuru играл бывший окружной

судья какого-то штата, с усами и огромным пивным животом, весивший под полтора центнера.

Вместо объятий и поцелуев по сценарию Алекс Джонс внезапно схватил микрофон и громко прокричал, проклиная собравшуюся толпу, назвав ее «шайкой безумных сатанистов». Быстро сойдя со сцены, он направился пешком в свой кампус. Толпа расступилась. В комнате в домике он умылся, собрал свои вещи и открыл дверь, чтобы направиться куда угодно прочь из этого вертепа. Свет в дверном проеме загородили две фигуры дюжих полицейских. Судя по их каменным лицам, они были даже не намерены задавать Алексу какие-либо вопросы.

В понедельник, 25 июля, через две недели после сожжения идола, работа в Капитолии Сакраменто вернулась в обычное русло. Сотрудники казначейства возвращались из отпусков: опрятные, загоревшие офисные клерки в рубашках с короткими рукавами кокетничали с улыбчивыми секретаршами в облегающих светлых платьях; на кухне хлопотал отполированный кофейник; в большом зале финансового отдела с огромными кипами бумаг снова слышался веселый, ритмичный стук клавиш пишущих машинок и арифмометров. На представителя службы персонала администрации штата поначалу никто не даже не обратил внимания, поэтому он громко попросил тишины, постучав чайной ложкой о чью-то большую кофейную кружку:

— Коллеги, прошу минуту вашего внимания. Позвольте мне представить вам нового руководителя Казначейской службы штата Калифорния. Хочу пожелать ему всяческих успехов в его новой, чрезвычайно ответственной должности.

Глава 14

Праздник, который иногда с тобой

Франция, Париж, наши дни

В этом городе Джек оказался впервые в жизни. Он много читал о нем и прекрасно его представлял. Крыши Парижа нередко снились ему в детстве под чарующие звуки старых волшебных мелодий Франсиса Лея и Мишеля Леграна, пластинки которых романтическая мама иногда ставила ему вечером перед сном, когда он был еще совсем маленьким. Но оказаться здесь когда-нибудь он хотел при совсем иных обстоятельствах: не скрываясь от непонятных преследователей.

Впрочем, сейчас, в сентябре, сразу после сухого жаркого лета город влюбленных был прекрасен, как ни в какое другое время года. Джек приехал сюда один. Первые три дня, отложив работу, он, зачарованный, просто бродил по его улицам — побывал, наверно, в сотне мест: в музеях импрессионистов, в кабаре; гулял по Монмартру, поднялся на ту самую башню, которая, как считали парижане сто лет назад, безнадежно испортила исторический облик их города. Но самым удивительным в Париже был воздух: казалось, что его наполняли полузабытые, наивные детские мечты. Пер-

вая любовь, первый поцелуй, первый бокал шампанского, выпускной вечер... А французская кухня... Здесь царил такой культ еды и вина, какой и не снился даже помешанной на потреблении Америке, хотя на улицах крайне редко можно было увидеть полных, рыхлых людей. Французы могли по три-четыре часа просто сидеть за ужином в каком-нибудь уютном ресторане, обсуждая сразу все на свете, съедая горы еды и выпивая несколько бутылок вина, а затем как ни в чем не бывало бодрыми и почти трезвыми встать из-за стола, словно после легкого завтрака. Французские устрицы казались Джеку более утонченными и по-настоящему похожими на солоноватый вкус моря, чем привычные американские; легкие, с идеальным ровным фруктовым ароматом вина Бордо и Эльзаса выигрывали конкуренцию у калифорнийских. В первый же вечер Джек решил, что он хотел бы приезжать в этот поразительный город не реже чем раз в один или два года. И еще он удивился тому, как уютно ему гулять вечером по Елисейским Полям — совершенно одному, под раскидистыми кронами высоких каштанов, мимо сияющих разноцветных витрин, под аккомпанемент вечернего бриза и мелодичного гомона прохожих. Цель прогулки — ярко освещенная Триумфальная арка — была видна за километры. Тёплым сентябрьским вечером совершенно серьезно казалось, что это и есть тот самый центр мира, к которому притягивается все на свете — если не в реальности, то хотя бы в сокровенных мечтах.

В Латинском квартале на следующий день он пообедал в брассерии с двумя студентами из Сорбонны. После революционных событий 1968-го этот огромный старейший университет был разделен на тринадцать более мелких, разбросанных по всему Парижу. Знакомые Джека учились в отделении университета, расположенном на юге столицы и специализировавшемся на точных науках. Когда-то давно

это был самый отдаленный и наименее престижный из всех «осколков» Сорбонны, но в последние годы, когда спрос на программистов, физиков и биологов превысил потребность в выпускниках гуманитарных факультетов, этот институт неожиданно взлетел на первое место в национальных рейтингах. Один из его знакомых студентов-программистов был французом, другой — выходцем из Алжира или Марокко. Джек хорошо помнил обоих по их никам на хакерском сайте в Интернете, в онлайн-дискуссиях на котором он не раз проводил целые ночи на первом и втором курсах — до того, как его с головой поглотила реальная работа. Разговор получился пространным, Джек отметил про себя лишь то, что его восторг от первого знакомства с Парижем его собеседники, прожившие всю жизнь в этом городе, абсолютно не разделяли.

— Все эти красивые фасады уже через пару месяцев кажутся одинаковыми. А в остальном город — реально так себе. Безумные налоги, а с собственным бизнесом шага нельзя ступить, не столкнувшись с армией бездельников-чиновников. А коммунальные службы! Пройдись по какой-нибудь темной улочке Латинского квартала ночью, в самом центре Парижа, и ты наткнешься на целые полчища наглых серых крыс. На что только уходят наши налоги? Как только закончим универ, скорее всего, сразу свалим отсюда — в Ирландию или к вам, в Силиконовую долину.

Оба его знакомых съели по дешевому бургеру с колодой, не оставив ни цента чаевых. По их потрепанным кожаным курткам было понятно, что ходить по восхитительным столичным ресторанам обычным французским студентам было не по карману.

«Что я делаю в Париже?» Этот вопрос Джек то и дело задавал себе. Приехать и отсидеться здесь хотя бы неделю ему посоветовал Вернер еще в то утро, когда он спешно по-

кинул Цюрих. Джек приехал сюда поездом, и для этого не требовалось ни визы, ни даже паспорта. Билет ему купила Миранда по его просьбе по Интернету на чужое имя, в который раз выручив его. При заселении в гостиницу он предъявил водительские права какого-то молодого англичанина, врученные ему Вернером, — это была одна из услуг его фирмы, причем права были совершенно подлинные, что при необходимости можно было проверить по любой международной базе данных, лишь со слегка подправленной фотографией, на которую из-за ее миниатюрного размера, впрочем, и так никто бы не обратил внимания. Его смартфон и компьютер были надежно защищены его же собственной программой. Таким простым, но вполне действенным способом Джек мог на какое-то время ускользнуть от спецслужб в любом месте шенгенской зоны Европы. Вернер настоятельно рекомендовал Францию, так как это была едва ли не единственная страна, где у ФБР не было никакой возможности действовать, не вызвав резкого недовольства местных властей, полиции и спецслужб. Франция по-прежнему относилась ревниво к американскому влиянию и очень ценила свою независимость от Вашингтона. Правда, Джек вовсе не был уверен, что его преследователи были действительно из Бюро. Он понимал также, что не позже чем через несколько дней на его след все равно выйдут и ему придется скрыться где-нибудь еще. Но пока он удивительно, может быть, даже несколько легкомысленно, внутренне расслабился. Париж так очаровал его, что он даже и не пытался этому сопротивляться.

Во французской столице у него было и еще одно важное дело. Дней десять назад, в Сингапуре, ему пришло сообщение от Мэри-Джейн — бывшей девушки Дона, его близкого друга и партнера, тело которого так трагично и неожиданно было найдено мертвым в его квартире в Бо-

стоне. Мэри-Джейн все еще тяжело переживала происшедшее и написала Джеку о том, что решила на какое-то время уехать подальше, в Европу, и обосновалась здесь: ее родители арендовали для нее большую старинную квартиру в центре, недалеко от площади Согласия.

Джек и Мэри-Джейн договорились встретиться в ресторане «Эпикур», в километре от Елисейских Полей, около парижского музея парфюмерии. Родители подруги Дона были богаты — им принадлежали несколько деловых медиаизданий на северо-востоке США, а сама Мэри-Джейн с детства часто бывала в Париже и Милане. Она была стройной, очень худенькой (возможно, даже хорошо знакомой с анорексией) брюнеткой с чуть острыми, но довольно милыми чертами лица. В Париже ей нравилось водить дружбу с известными и не очень моделями, вращаться в их обществе, гордилась их комментариями на своей страничке в Instagram с сотней тысяч подписчиков. В сущности, если бы не ее бесконечные претензии на то, что мужчина обязан обеспечивать ее во всем только по высшему разряду, она была бы довольно приятной девушкой. Ресторан, где они обедали, вполне соответствовал ее вкусам: имел две или три мишленовские звезды. Правда, его интерьер показался Джеку безвкусным: одинаковые столики и стулья белого цвета, пышные розовые занавески и огромные букеты роз в белых антикварных кувшинах у стен. Впрочем, кухня и вина, как во всех дорогих парижских заведениях, были безупречными. Фирменным блюдом шеф-повара было неповторимое печенье-безе с начинкой из черного трюфеля, артишока с обжаренным пармезаном. Белое бургундское вино стоимостью сто пятьдесят евро за бутылку идеально подчеркивало его вкус. Мэри-Джейн (или Дженни, как ее звали друзья) была здесь не в первый раз: вечером, летом, столики при-

ходилось бронировать за неделю, но во время обеда ресторан был свободен и почти пуст.

— Джек, мы с тобой даже не виделись с тех пор, как это произошло. Собственно, ты ведь даже и не знаешь ничего. Никто не знает на самом деле. Я пришла в тот вечер домой, а Дон лежал в луже рвоты, рядом с ним было несколько пустых бутылок из-под виски, и он уже не дышал. Я была в шоке, кричала, потом позвонила в полицию. Эта версия, что он упился до смерти, — бред какой-то. Да, честно говоря, в последние недели он каждый вечер пропускал в соседнем баре две-три рюмки текилы, может быть, даже больше. Но такого с ним не могло произойти, это точно.

— Да, последнее время мы почти с ним не виделись, хотя он продолжал работать над программой. Что у вас там происходило? Честно говоря, я думал, что он переживает из-за ваших отношений.

— Кем ты меня себе представляешь? Повернутой только на деньгах капризной сукой? Дон и правда всегда боялся, что я уйду от него. Зная мою любовь к машинам, подарил мне гоночный «Ауди R8». Я только и успевала его заправлять, а также оплачивать штрафы за превышение скорости. Но мне Дон всегда был интереснее как человек, чем все другие мои ухажеры. Весь последний месяц до его смерти я была очень занята — открыла с подругой салон-бар по уходу за бровями и кожей. Дон порывался инвестировать несколько сот тысяч долларов в этот мой проект, а я только удивлялась: откуда у него, вечно экономящего на всем, вообще могут быть такие деньги. Он очень много времени проводил с компьютерами. У нас была целая отдельная комната: там было с десяток дорогих компов, которые он то и дело менял на новые, еще более дорогие. Они почти все время зачем-то работали: иногда так сильно жужжали

ночью, что я подолгу не могла заснуть. Он тебе об этом ничего не рассказывал?

— Нет, он вообще мало что рассказывал из того, что не относилось к нашему проекту. Был закрытый человек, но на него всегда можно было полностью положиться.

— Потом начали происходить еще более странные вещи. Однажды, вернувшись вечером из салона, когда Дон был в баре, я чуть не упала в обморок. Вся наша огромная квартира была буквально перевернута вверх дном. При этом на самой двери не было никаких следов взлома. Еще более странно, что все ящики наших двух письменных столов были вытряхнуты на пол, их точно тщательно обыскивали, буквально листок за листком, но все мои платиновые кредитные карты и, главное, драгоценности они не взяли — даже не открыли коробочки с ними. Кажется, они искали какие-то бумаги или документы, но все осталось на месте, не считая двух старых ноутбуков Дона. Когда он вернулся из бара, то побледнел, а затем вдруг громко засмеялся. Он назвал грабителей идиотами и сказал, что мы не будем звонить в полицию. Кстати, через неделю, когда Дона нашли мертвым, я рассказала полицейским об этом, но они только записали это в протокол и развели руками. Никаких чужих отпечатков пальцев на наших вещах и мебели криминалисты не обнаружили. На следующий день я уехала из всего этого кошмара.

Руки Дженни во время рассказа то и дело нервно подрагивали, а зрачки расширились от ужаса.

Слава богу, что она действительно любила Дона, подумал Джек.

— Кстати, я слышала, что Билла задержали в Сингапуре. Что вообще происходит??? Бедняга. Ты теперь один за всех в твоем проекте. Что собираешься делать?

— Программа практически готова. Кажется, завладеть ею хотят половина правительств и бог знает кто

еще. Меня преследуют, но я пока странным образом каждый раз выхожу сухим из воды. Я должен вернуться в Штаты и там закончить наше общее дело: опубликовать наш код.

— Опубликовать открыто, просто так? Но тогда ты ведь ничего на нем не заработаешь?

— Да нет, за доходы от этого проекта я даже не беспокоюсь. Любой человек на свете теперь будет свободен от слежки. Личные данные людей останутся неприкосновенными. Это — самое важное. А что касается коммерческого успеха — я оформлю патент, упакую код в целую линейку сложных программных продуктов для разных категорий пользователей. Если я смогу закончить этот проект, то моя компания точно станет единорогом.

— Кем-кем?

— Единорогом. Так в среде инвесторов называют новые компании, акции которых в течение двух-трех лет после основания с нуля стоят на бирже не меньше миллиарда долларов. Куш серьезный.

Дженни рассмеялась:

— А-а... Теперь понятно. На днях одна моя подруга, модель Victoria's secret, шведская блондинка с голубыми глазами и длиннющими ногами, написала в своем Instagram, что она все еще свободна и ждет своего принца с единорогом. А я-то, дура, подумала, что она каких-то детских сказок на ночь читалась. Кстати, может, как раз ты ей подойдешь? Шучу, я знаю, что ты не любишь пустоголовых ходячих вешалок. Хотя Миранда Керр, например, недавно вышла за парня, очень похожего на тебя, и все у них хорошо... Ты уже сделал Дайане предложение?

— Нет. Я точно знаю, что у нас с ней когда-нибудь будет семья, но это произойдет не в этом году и даже не в следующем.

— Не обижайся, но со стороны это выглядит так, что ты просто сам еще не решил до конца, нужно ли вам быть вместе. Кстати, какие у тебя планы на вечер?

— Несколько дней я еще пробуду в Париже. Пока планов на сегодня у меня нет.

— Ну, вот и отличненько. Сегодня в семь — показ новой коллекции белья Intimissimi. Будем с тобой сидеть прямо на местах перед подиумом. Может, присмотришь себе какую-нибудь красотку, чтобы не киснуть в Париже одному. Шучу. Я знаю, что ты серьезный молодой человек.

Официант принес десерт. Джек хотел предупредить Дженни, что прямо сейчас лучше бы ей было придвинуться ближе к столу или вообще на минутку встать из-за него. Но он ничего не сказал, а через несколько секунд горячий кофе из фарфоровой чашки, внезапно соскользнувшей со слишком сильно наклонившегося посеребренного подноса, весь оказался на платье Дженни. К счастью, кофе в чашке было немного, и она не обожглась. Официант, который запросто мог одним лишь таким проступком лишит заведение одной из его мишленовских звезд, спешно извинялся, но девушка, от души отругав его на хорошем французском, не стала раздувать скандал.

На показе, хотя это мероприятие и было поставлено с размахом, Джеку вначале было невыносимо скучно. Дженни без умолку болтала — сказала, что именно с рекламы этой марки когда-то началась головокружительная карьера русской модели Ирины Шейк. У Дженни было три приглашенных на это шоу, но третье место пока пустовало: его Дженни приберегла для своей подруги из Восточной Европы — успешной парижской модели, которая также работала и дизайнером, стараясь раскрутить свой собственный бренд женской одежды. В главном шоу Intimissimi этого года участвовал десяток девушек и несколько мускулистых темноко-

жих парней. Ни одно из лиц или имен не показалось Джеку знакомым; модели белья казались ему одинаковыми. Когда в самый разгар шоу на подиуме установили высокий стриптизный шест, вокруг которого одна из девушек-моделей начала неприлично виться, словно в дешевом клубе для холостяков, он уже окончательно пожалел, что потратил время на это представление. От скуки он повернул голову в сторону темных рядов зала и в этот момент увидел в проходе нечто необычайное.

Сначала это была просто высокая тонкая фигура, которая словно плыла в их сторону. Затем, уже совсем вблизи, фигура превратилась в девушку поразительной, почти неземной красоты. Она была одета в облегающее короткое синее платье, на голове высокая прическа из тщательно уложенных вверх мягких волос каштанового цвета. Более совершенной, точеной, как у статуи Венеры из Лувра, женской фигуры он ни разу не видел за всю свою жизнь. Несколько секунд Джек, как замороженный, просто наблюдал за этим чудом, словно прибывшим с другой планеты. Незнакомка безразлично прошла мимо них, но затем вернулась и, увидев Дженни, ослепительно и слегка смущенно улыбнулась, обняла ее, сев на свободное место рядом. Только сейчас Джек понял, что это и была та самая подруга-модель, опоздавшая на представление, которую они уже перестали ждать. Конечно, в его положении надо было держаться подальше от новых, тем более случайных знакомств. Но он не мог с собой ничего поделать — в его душе оглушительно играли торжественные фанфары, а голова сладко кружилась, словно после целой бутылки игристого вина. Шоу закончилось через час, они вышли втроем на улицу, весело и непринужденно болтая. Бархатное небо над Парижем к этому времени стемнело и покрылось звездами. Это был идеальный вечер для романтической прогулки по городу любви.

Девушку-модель звали Виктория Даманок, она была из Белоруссии, но уже несколько лет жила в Париже и работала на его лучших подиумах, а также снималась для самых престижных журналов. Джек всегда с любым человеком мог найти при желании общую тему для разговора. Виктория, к счастью, почти свободно говорила на нескольких языках, включая английский. Как и почти все модели, она не блистала интеллектом, но была совершенно не заносчивой, улыбчивой и имела отличное чувство юмора. Джек иногда был влюбчивым, но настолько сильно, легко и быстро его не очаровывала еще ни одна другая девушка в его жизни. В конце вечера, когда они втроем ели свежайшие устрицы из Аркашона в баре под открытым небом, он отдавал себе отчет в том, что не сможет не увидеть хотя бы еще раз эти необыкновенные загадочные, чуть раскосые, огромные сиене-зеленые глаза. Когда Дженни отлучилась в дамскую комнату, он попросил у Викки номер ее телефона. Но та лишь задумчиво посмотрела на него из-под длинных ресниц, словно не услышав его вопроса. Уже за полночь он отвез девушек по домам на первом подвернувшемся грязноватом такси. Виктория жила довольно далеко от центра, на улице с русским названием Санкт-Петербургская, вблизи Монмартра, где ее модельное агентство снимало ей квартиру. Джек пожал ее руку с невероятно длинными изящными пальцами. Он продолжал улыбаться и даже дружески слегка приобнял ее на прощание, но при мысли, что он ее может больше никогда не увидеть, его сердце словно больно сдавил железный обруч. По пути в отель он вынул из кармана смартфон и чуть не закричал от радости. Викки только что добавила его в друзья на Фэйсбуке и сразу же прислала ему личным сообщением свой телефон. Вернувшись в отель, Джек, как юноша, долго не мог уснуть. Париж и вправду был городом любви.

На следующий день у нее не было съемок, и она сразу согласилась то ли пообедать, то ли поужинать около пяти часов вечера в одном из лучших в городе ресторанов морепродуктов. Их вкусы в еде и, как оказалось по ходу беседы, во многом другом почти идеально подходили друг другу. Между ними стояло огромное блюдо с устрицами, лобстерами, морскими ракушками, крабами и гребешками в несколько уровней. При своей фантастически изящной фигуре Виктория уплетала все это великолепие с такой скоростью, что Джек за ней просто не успевал. Видимо, они очень органично смотрелись вместе как пара: соседи с соседнего столика — интеллигентные французские супруги средних лет — сами предложили сделать их совместное фото, а уходя, неожиданно снова подошли к их столику и пожелали им счастья. С момента их знакомства не прошло еще даже суток, но Джеку было с ней так необыкновенно комфортно, словно они уже были почти родными. Он не мог насмотреться в ее смеющиеся сине-зеленые глаза, наслушаться высокого мелодичного голоса: весь волшебный облик этой девушки словно полностью обволакивал его, приносил ощущение наслаждения каждой минутой их общения. Ему казалось, что они не просидели в ресторане и часа, как за окном вдруг резко стемнело — оказалось, что их ужин длился уже четвертый час. У Джека не было, казалось бы, естественного в такой ситуации страстного желания как можно скорее затащить эту девушку в постель. Как раз наоборот, он мечтал растянуть это ощущение сладостного предвкушения, жаждал романтики больше, чем обычной физической близости.

Они пробыли вместе еще несколько дней, и Джеку все время казалось, что он находится в сказочном сне, который, к счастью, все никак не заканчивается. Он свозил ее в великолепный Версаль, искренне удивившись, что за

несколько лет жизни в Париже она ни разу в нем не была. В садах Версаля, в их дальней части, где вокруг нет людей, произошел их первый поцелуй. На следующий день он прочел ей целую лекцию об истории импрессионизма в музее мадам Д'Орсе, и Виктория слушала и смотрела на него как зачарованная, после этого в ласковых лучах заходящего солнца они поднялись на Эйфелеву башню, любуясь городом мечты у перил верхней платформы в обнимку, а затем отлично провели вечер, сидя на лучших местах на шоу в знаменитом кабаре «Лидо». На следующий день у нее были важные съемки, и они не виделись до самого вечера: это время показалось Джеку почти вечностью. Днем ему позвонила встревоженная его долгим молчанием Дайана, и он поговорил с ней как всегда тепло и нежно как ни в чем не бывало. Чувства Джека к этим двум прекрасным девушкам загадочным образом нисколько не мешали друг другу.

Вечером Джек получил смс, в которой был адрес места, где проходили съемки. Виктория с двумя другими девушками — француженкой и кореянской — снималась в рекламе для всемирной презентации новой модели смартфонов Samsung. Фотосессия проходила на открытом воздухе, на мосту, на закате, на фоне сияющей огнями Эйфелевой башни. Вокруг моделей была большая съемочная группа — фотографы, постановщики, осветители. Джека удивило, насколько непросто процесс съемок такого уровня, буквально физически изматывающий для моделей. В течение трех часов девушек просили снова и снова сделать несколько шагов на высоченных каблуках, а затем они замирали в разных позах. Кажется, было сделано не меньше сотни дублей. В какой-то момент Виктория, стоявшая в центре, от усталости томно положила голову на плечо француженке, а кореянка заботливо обняла ее за плечо с другой стороны: в конце концов,

именно этот кадр, получившийся случайно, из-за его естественности и непринужденности был отобран среди сотен других и позже растиражирован по всему миру. Джек вызвал на этот раз в качестве такси роскошный представительский «Мерседес», на котором они съездили на ужин. Вконец уставшая Викки чуть не заснула прямо за столом. Потом она попросила Джека довести ее домой и, выходя из машины, сама пригласила его к себе. У нее в баре оказалась бутылка шампанского Crystal, а одна из двух комнат была заставлена корзинами с цветами от многочисленных поклонников. Она села к нему на колени и с гордостью показала свое портфолио: тонкую книжку с лучшими снимками за ее карьеру, которое ее агентство рассылает потенциальным клиентам перед пробами. Потом они вместе легли в кровать, и она показалась Джеку такой бледной, что он даже в какой-то момент всерьез решил не беспокоить ее и просто мирно заснуть рядом. Ситуацию спасло шампанское: после двух-трех бокалов Викки наконец-то ожила, и искра страсти между ними разгорелась по-настоящему, почти на всю ночь.

Но уже следующим утром сказка окончилась так же быстро, как и началась.

Викки, проснувшись, посмотрела на Джека мутными, почти бессмысленными глазами так, словно впервые его увидела. У нее явно болела голова, ее взгляд был жестким, а в голосе звучало лишь недовольство и стальные нотки:

— Что ты здесь делаешь? Я же просила вчера отвезти меня домой и оставить в покое!

Джек с изумлением посмотрел на нее, даже не зная, что ответить. Виктория встала с постели и начала быстро одеваться:

— Слушай, мы с тобой встречаемся уже несколько дней, а я от тебя до сих пор так ничего еще не получи-

ла. Так нельзя. Ты хоть представляешь, сколько стоят мои эскорт-услуги за каждый день, даже без интима? Тебе Дженни не говорила?

Джек смотрел на нее совершенно растерянно. Он ожидал любого продолжения, но только не такого.

— А чего ты хотел? Ты скоро уедешь, у тебя есть девушка дома, ты мне сам об этом рассказал за ужином. Ты — очень приятный парень, но зачем еще, кроме денег, ты мне нужен? Ну, подумай сам, ты же умный?

Она с тревогой посмотрела на часы.

— Извини, ко мне скоро зайдет подруга, и она ни в коем случае не должна тебя здесь видеть. Если хочешь встретиться со мной в отеле сегодня вечером, если я буду свободна сегодня, я пришлю, сколько тебе это будет стоить. Обычно я беру несколько тысяч евро за встречу, но тебе сделаю большую скидку за то, что ты такой симпатичный и позитивный. Это все, что я могу для тебя сделать. А теперь, пожалуйста, уходи.

— Но ведь этой ночью ты была душой и телом со мной абсолютно искренне? Что на тебя нашло?

— Не помню. Шампанское. Я плохо переношу алкоголь, даже от небольшого количества мой мозг отключается. Радуйся, что удачно воспользовался моментом. А теперь уходи, пожалуйста, правда...

Более по-дурачки Джек давно себя не чувствовал.

— У тебя есть хотя бы кофе?

Викки, уже словно и не замечающая его присутствия, полностью поглощенная чем-то в своем айфоне, кивнула, махнув рукой в сторону кухни.

Странно, но Джек даже после такой откровенной, искренней измены не чувствовал себя виноватым перед Дайаной. Это не он, это город, завлекающий почти каждого в свои манящие сети. Об этом написано столько ли-

тературной классики еще в 19-м веке. Кофе отдавал прогорклостью. Вид из окна кухни был самым прозаическим: старые потрепанные дома напротив, витрины дешевых закусовых — у небогатых людей во Франции фастфуд был не менее популярен, чем в Америке, и ничем не лучше по качеству.

Он вспомнил, как когда-то давно, в детстве, захлеб читал Хемингуэя, который тоже был влюблен в Париж золотой эры и называл его «Праздник, который всегда с тобой». Хемингуэй ведь тоже в конце концов разочаровался в городе, как в пустой сверкающей мишуре, и навсегда уехал на Кубу. Так что Джек был в достойной компании. Кроме того, у него вдруг возникло щемящее чувство, словно он находится в ловушке, из которой нет выхода. Он уже знал, что произойдет через несколько минут. Интересно, эту ловушку организовала Викки или его просто выследили вчера с ней каким-то образом. Впрочем, это было уже не очень-то и важно.

Он последний раз взглянул на Викторию. Она по-прежнему не отрывалась от экрана телефона, но почувствовала его взгляд.

— Не переживай. Мне было с тобой хорошо. Но пойми же меня, пожалуйста: у тебя своя жизнь, у меня — своя.

Джек ничего не ответил, оставил на столе две купюры по пятьсот евро и затем закрыл за собой дверь. В подъезде вниз вела старинная скрипучая лестница из темного дерева — пожалуй, самая примечательная деталь во всем этом доме. На первом этаже у входа Джека ждали двое людей в костюмах, явно американцев, с проводками в ушах. Один из них вынул из заднего кармана удостоверение ФБР.

Джек даже не произнес ни слова, а просто протянул руки, ожидая, что сейчас щелкнут наручники. Но предчув-

ствии в этот раз не сбылось (такое тоже бывало, но не чаще, чем один раз на десять или даже на сто случаев).

Агенты назвали его вежливо, по фамилии, один из них почтительно склонил голову:

— У нас секретное предписание правительства США. У нас информация, что за вами активно охотятся несколько преступных организаций и это дело государственной важности. Поверьте, если бы не мы, вы бы даже не дожили до сегодняшнего вечера. Нам поручено обеспечить вашу безопасность, чтобы вы сегодня же сели на рейс в Нью-Йорк и вернулись домой, в Америку. Будьте добры, следуйте за нами. Уверяю, что это полностью в ваших интересах.

Глава 15

Замки из песка

*Эр-Рияд, Саудовская Аравия,
10 февраля 1985 года*

Первая, утренняя, молитва окончилась менее часа назад. Для любого жителя Аравии Фаджр — предрассветный намаз — был не только неукоснительной религиозной обязанностью, но также и самыми приятными минутами дня. В пустыне суточные перепады температуры особенно велики: за ночь песок охлаждается, и зимой под утро на нем даже иногда выпадает роса. После омовения молитва совершается в ближайшей мечети, но иногда и дома — до тех пор, пока солнечный диск не покажется полностью из-за горизонта. Обычно после молитвы женщины около шатров готовят своим мужьям сладкий ароматный чай. Только в это время можно по-настоящему расслабиться телом и душой и спокойно, без суеты, распланировать дела еще одного наступившего дня.

Именно в этот час стройная кавалькада из двадцати самых роскошных представительских автомобилей мира неспешно выстроилась перед входом в Каср-Аль-Хукм — дворец правительства Саудовской Аравии. За ними прибыл и огромный позолоченный «Роллс-Ройс», сделанный на

заказ для короля Фахда — большого любителя роскоши. Бывало, что правительство ожидало сиятельного монарха часами, а иногда он и вовсе не являлся на запланированные заседания — ведь его власть была ничем не ограничена, кроме внутренней самодисциплины. Но только не в этот день, когда на кону стояла судьба всего королевства.

Дети Аль Сауда

Море песка вокруг было похоже на огромный, бескрайний океан. Только коренные бедуины — железные люди, как называли их британцы, — могли долгими часами выносить испепеляющую жару, ступая по такому раскаленному песку, что на нем в иные дни можно было испечь пару куриных яиц. Чтобы солнце не сожгло кожу, люди пустыни издревле облачались в одежду из самой легкой белой материи, отталкивающую его смертоносные лучи, но пропускающую каждое живительное дуновение ветра, оставив лишь узкую щель для глаз. Взгляд бедуина мог быть таким же испепеляющим, как аравийское солнце — если дело касалось чести его самого или его семьи, хотя в обыденной жизни эти люди, как правило, были невероятно спокойны и выдержанны.

Бескрайнюю аравийскую пустыню защищала от остального мира сама природа — горная гряда на севере и море с трех других сторон. Но главным непроходимым редутом для чужаков всегда оставались нечеловечески тяжелые условия для выживания: возможно, самый непереносимый климат на всей планете. Хотя Аравия не всегда была независимой — ею какое-то время владели персы, турки-османы, британцы, — но никогда завоеватели не могли изменить ничего в жизни, традициях и обычаях этих загадочных обитателей пустыни.

Все бедуины Аравии принадлежали примерно к двум сотням семейных кланов, каждый из которых насчитывал,

как правило, несколько столетий, так как поодиночке выжить было практически невозможно. Два самых могущественных клана Аравии на протяжении многих поколений вели беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть, чтобы править великой пустыней. Клан Рашидов с персидскими корнями славился несметным богатством, хитростью, умением вести интриги в изощренном византийском стиле. Клан Саудов, берущий начало из самого сердца раскаленных песков, почитался как бесстрашные, благородные, хотя порой и жестокие воины пустыни. Решающая схватка между ними произошла на рубеже XIX-го и XX-го веков. Глава клана Рашидов пригласил Аль Сауда, молодого, но уже мудрого воина, в свой огромный, расшитый драгоценностями шатер как дорогого гостя и при всех преподнес чашку его любимого травяного чая. Отказываться от угощения, по незыблемым обычаям, было нельзя, но у Сауда внезапно дрогнула его обычно железная рука, и он случайно расплескал чай на пол. Позже это назовут волею Всевышнего: напиток был отравлен, и Сауды объявили Рашидам войну до последнего члена клана. Когда дело касалось оружия, Саудам не было равных в пустыне. В итоге Рашиды, прихватив свои богатства, навсегда бежали из Аравии. Абдул-Азиз Аль Сауд стал первым официальным королем страны и правил почти полвека, превратив ее за это время из беднейшей страны планеты в один из самых процветающих уголков мира. Аль Сауд, проведший всю молодость в бесконечных военных походах и не читавший ни одной книги, кроме Корана, в зрелости стал удивительно прогрессивен и открыт новым веяниям: ввел обязательное образование для всех мужчин, основал первую на Востоке авиалинию, охотно пользовался западными техническими изобретениями. Король Аравии также обладал тонким политическим чутьем — уже в старости, на исходе Второй мировой войны, он разбил на один день свой

любимый шатер прямо на борту американского авианосца, подписав с Рузвельтом договор о монополии Америки на использование недавно открытых нефтяных месторождений страны, захлопнув дверь перед самым носом нелюбимых им англичан и русских. Нефтяные запасы Аравии (которую после его смерти назвали Саудовской) оказались поистине несметными. Американско-арабская компания Saudi-Aramco (поначалу американская, но позже полностью выкупленная королевской семьей) могла каждый год с момента ее основания добывать больше нефти, чем в состоянии употребить весь мир, вместе взятый. Ее запасов хватило бы, чтобы обеспечивать черным золотом всю нашу планету сотню лет. Но если нефти на рынке было бы слишком много, то ее цена упала бы до мизерных значений. Поэтому главной государственной задачей монархии было регулировать мировой рынок нефти, увеличивая либо снижая уровень добычи как собственной, так и стран — членов ОПЕК, организации крупнейших экспортеров нефти.

Азиз Аль Сауд был не только бесстрашным воином, но и любящим, заботливым мужчиной для своих жен и наложниц. У него было больше тридцати детей — и это еще очень скромно для человека его положения в то время. Некоторые из последующих королей (все — его сыновья или племянники) имели более ста детей. Всего через одно-два поколения семья Саудитов насчитывала несколько тысяч человек — и каждый из них имел свою долю от золотого нефтяного пирога и был весьма богат. Пожалуй, самой яркой личностью из всех наследников основателя династии оказался король Фейсал, третий сын Аль Сауда. Еще при жизни отца он был его правой рукой, участником опасных военных походов; позже стал искусным дипломатом. Однако его путь к трону оказался тернистым: после смерти отца его братья из зависти объединились против него, и лишь после

неудачного правления одного из них, в середине шестидесятых, престол наконец-то перешел к Фейсалу. Он сразу взялся за дело с неумемной энергией: резко нарастил нефтедобычу, вернул Аравии звание лидера арабского мира, а после второй подряд неудачной войны арабской коалиции с Израилем, в октябре 1973-го, осмелился на поистине беспрецедентный шаг: временно остановил весь экспорт нефти из Саудовской Аравии. Цена нефти сразу взметнулась с трех до двадцати долларов за баррель (фантастических для того времени), спровоцировав глобальный энергетический кризис, перешедший в глубокий кризис всей мировой экономики. Но королевству в пустыне он пошел только на пользу: менее чем через год саудовская нефть вернулась на рынки, но цена на нее при этом не опустилась: к этому времени мир полностью изменил отношение к черному золоту, осознав его ценность и невозможность никакими другими источниками энергии. Полученные многомиллиардные сверхприбыли король Фейсал не проматывал, купаясь в роскоши, как сделали бы многие его родственники, а вкладывал в развитие страны: строил в пустыне новые города, закупал оборудование, а также был самым крупным в мире благотворителем. Его смерть оказалась нелепой и трагичной, разразившись как гром среди ясного неба. Один из его племянников, вернувшийся с учебы в Америке, на одном из приемов подошел поцеловать любимого дядю, затем вынул пистолет и трижды выстрелил ему в голову. Последними словами Фейсала была просьба пощадить племянника, но его все равно обезглавили, хотя формально — не за убийство, а за то, что в его доме нашли целый склад наркотиков. В начале 1980-х страну возглавил новый король — Фахд, очередной по старшинству наследник Аль Сауда — и к тому же еще и первый на престоле сын от его главной, любимой жены. По характеру Фахд был вовсе не столь бесстрашен и благороден, как его

предшественники: скорее, это был человек хоть и блестяще образованный, но предельно закрытый и постоянно во всем сомневающийся. К тому же он имел навязчивую, почти болезненную страсть к роскоши. Легенды о золотой сантехнике саудовских шейхов во многом берут начало именно в его правление. Парадоксально, но как раз в эпоху Фахда ситуация вокруг нефти и королевства в целом к праздности в роскоши вовсе не располагала — наоборот, она оказалась самой сложной и опасной с начала правления семьи Саудов, и причин тому было множество.

Февраль в Саудовской Аравии — наименее жаркий, но вовсе не самый комфортный месяц в году. В феврале по всей Аравии особенно жестоко дуют острые, колючие ветры, несущие по пустыне несметное количество песка. Каждый бедуин с детства знает, какой страшной бывает песчаная буря. Песка в этих суховеях столько, что невозможно разглядеть даже свою вытянутую руку, а сила ветра способна сбить с ног, оглушить, ослепить самого сильного коня или верблюда. Каждый бедуин знал и то, что, если такая буря застает его посреди пустыни, от нее есть лишь одно спасение: лечь на песок, закрыв ладонями лицо и уши, и время от времени отряхиваться, чтобы над тобой не выросла новая песчаная дюна. Чтобы выжить, надо было ждать — минуты, часы, а порой и дни. Горячий нрав бедуина всегда удивительно уживался с его умением ждать — иногда без воды и еды приходилось лежать на песке двое-трое суток, пока буря не стихала. Помимо этой напасти в конце зимы внешние агрессоры были наиболее активны, полагая, что в это нежаркое время захватить пустыню легче всего. Февраль для Аравии был тревожным месяцем.

Эр-Рияд, означающий по-арабски «сады», в Средние века и в самом деле был крупным оазисом, лежавшим в сердце аравийской пустыни. Столетиями через него про-

ходили главные караванные пути полуострова, а также находились самые оживленные рынки. Аль Сауд сделал Эр-Рияд столицей, но до его смерти тот оставался все таким же небольшим средневековым восточным торговым городом. Все изменилось при его наследниках: сюда перенесли министерства и офисы крупных компаний, за которыми потянулись и люди. Всего за одно поколение население столицы выросло почти в двадцать раз, достигнув к середине восьмидесятых отметки в три миллиона человек. Такой наплыв не мог не сказаться на природе — довольно быстро некогда великий оазис превратился в обычную пустыню с редкими островками засыхающих пальм, но в современном мире — с небоскребами, водопроводом и кондиционерами — это уже не имело никакого значения. Весь Старый город в Эр-Рияде словно был отстроен в тон желто-серой пустыне — его старинные крепости, дворцы и музеи, впрочем, так же как и новые многоэтажки, были возведены из камня желтого цвета. Место резиденции королевской семьи около Эр-Рияда не раз менялось, каждый раз оставаясь тайной за семью печатями: весь периметр резиденций монархов был окружен кольцами охраны как минимум за километр, а в XXI-м веке их фото из космоса на картах Google были намеренно стерты. Зато было более чем хорошо известно здание, где вот уже полтора века заседало саудовское правительство, — в особо торжественных случаях в него пускали даже западных журналистов. Это был грандиозный замок пустыни, с башнями из массивного желтого камня — бывшая крепость Каср-Аль-Хукм.

Прибывшие на совещание с королем министры и особо приближенные персоны (почти все — Саудиты) приветствовали сиятельного короля Фахда, почтительно склонив голову. Делегация вошла во дворец через королевские ворота с северной стороны. Первый внутренний двор с бассей-

ном был как всегда окружен церемониальной охраной — высокими мужчинами в белых одеждах и платках в красную клетку, со старинными кинжалами на поясах. При виде короля они выполнили несколько движений, похожих на танцевальные, и застыли в позе покорности, как того требовал этикет. Дальше вел длинный коридор с высоким потолком, по обеим сторонам увешанный большими коврами старинной ручной работы, который переходил в следующий двор, с мраморными колоннами и хрустальными люстрами. Одна из дверей вела в обязательную в любом здании Аравии роскошную комнату для молитв. Посреди нее стояла изящная купель, куда по тонкому извилистому желобу стекала чистейшая родниковая вода — это было место для омовения монарха перед намазом. Другой небольшой зал назывался комнатой коронаций — именно здесь в присутствии всего нескольких человек, в мистической атмосфере, проводилась строго закрытая церемония передачи королевской власти. Наконец, сразу за третьим роскошным прямоугольным залом находился королевский меджлис — комната, где монарх, сидя по бедуинской традиции на полу, выслушивал министров и принимал важные государственные решения. Так было и в этот раз — король Фахд, обожавший все западное и современное, в глазах своих подданных, наоборот, во всем подчеркнуто старался выглядеть ревнивым хранителем саудовских традиций. Предметом чрезвычайного заседания правительства был предстоявший визит короля в Вашингтон на встречу с президентом США в Белом доме.

По обе стороны от монарха восседали два его самых близких друга и соратника. Одним был принц Мохаммед бин Абдулла, его двоюродный брат, благородных кровей, но не претендовавший на трон, в том числе поэтому пользовавшийся особым доверием Фахда. Другой — большая редкость в элите — и вовсе не был Саудом, хотя его клан, по-

жалуй, самый доверенный и приближенный к королевскому. Этот человек был талантливым бизнесменом, владел главной строительной компанией страны, которая без конкурса получала государственные подряды почти на все — от роскошных дворцов Саудитов до возведения нефтеперегонных заводов, офисных небоскребов, школ и больниц. Конечно, львиная доля прибыли возвращалась монарху. Если бы эта компания была публичной, то ее владелец, долларовый миллиардер, занимал бы весьма высокое место в мировом списке Форбс. Но дела корпорации велись строго приватно, ее отчетность никогда и нигде не публиковалась, поэтому фамилия Салема бен Ладена остальному миру ровным счетом ни о чем не говорила.

Король Фахд предложил выслушать доклад Ахмеда Ямани — министра нефтяной промышленности, любимца короля Фейсала, назначившего его на этот высокий пост, когда тому было всего тридцать. Ямани был умен, решителен, выглядел представительно, был всегда одет в сшитые на заказ костюмы: его подчеркнутый западный лоск импонировал Фахду. Ямани говорил тихим голосом, но настолько веско, что даже короли редко перебивали его. Его любимой поговоркой было «если вы думаете только о настоящем, значит, вы — в большой беде». Король Фейсал при жизни наградил его сказочным состоянием, и лишь немногие запомнили странный факт, что застрелившего короля племянника привел на тот злополучный прием именно Ямани. Отчет министра был как всегда емким, заняв не больше десяти минут. Ситуация и так ясна. Цикл рекордно высоких цен на нефть окончился в 1982 году. Развитые страны к этому моменту успешно внедрили энергосберегающие технологии, а большинство их граждан пересели на малолитражные автомобили. С другой стороны, многие страны, ранее не игравшие роли на нефтяном рынке, показали бурный рост добычи.

В результате нефти в мире вдруг снова стало слишком много. Саудовская Аравия ответила на это единственным, чем могла, — снизила добычу. Вместо семи миллионов баррелей в день она теперь добывала меньше двух. Это позволило еще три года поддерживать цены, но главные барыши с рынка теперь снимали другие производители нефти — прежде всего Советский Союз, с его все более отсталой, неэффективной экономикой и дряхлеющими руководителями. За счет высоких цен на нефть, державшихся искусственно благодаря снижению добычи Саудовской Аравии, Советы по-прежнему могли производить тысячи новых танков и ракет. Если бы дело продолжалось так еще пару лет, то Саудитам для поддержания цен пришлось бы совсем прекратить добычу нефти, что было бы, разумеется, полным нонсенсом. Свой доклад Ямани закончил кратким резюме:

— Штаты будут требовать от вас, великий Хранитель двух святынь, увеличить добычу нефти, чтобы обрушить цены. Это будет настоящий удар под дых Советам. Они его заслужили.

Король Фахд в ответ резко вспылал:

— А какой нам-то от этого прок? Бюджет королевства и так в последние годы трещит по швам. Народ вот-вот начнет проявлять недовольство. Это же элементарная арифметика. Допустим, мы увеличим добычу вдвое, это вызовет панику, и цена упадет в три раза. Таким образом, наши суммарные доходы уменьшатся еще сильнее! Американцы как всегда заставляют плясать всех под их музыку, а остальные при этом терпят убытки!

— Мы не знаем пока точно, насколько упадет цена. Если даже она снизится в разы, то, скорее всего, ненадолго. Через год-два рынок нащупает новую точку равновесия. За это время лишние новые производители сойдут со сцены, и рычаги власти над рынком нефти снова будут в наших руках.

— Надо все еще раз хорошо обдумать. Мы можем своими руками срубить сук, на котором все держится. Это особенно опасно сейчас, когда враги находятся у нашего порога.

Тему нефти, с которой всегда начинались заседания правительства, сменила международная политика. Даже Израиль, ненавистный многим арабам, никогда не вызывал в Аравии такой беспредельной ярости, как шиитский Иран, главный противник Саудитов в мусульманском мире.

— В Ираке дела идут совсем плохо. Иран вот-вот захватит Басру, а с ней и порты, и месторождения, и нефтяные терминалы. Я буду говорить с Рейганом о том, чтобы они наконец остановили этих распоясавшихся головорезов. Если персы захватят Ирак, то следующей целью аятоллы будем мы. Хомейни ничто не остановит.

Доклад министра о внешнеполитической ситуации в основном концентрировался на ситуации в Афганистане. Братья по вере из этой горной страны пятый год вели тяжелую, неравную борьбу с невероятно мощной Советской армией. Казалось бы, немотивированная агрессия Советов в отношении этой страны во многом объяснялась личными чувствами Леонида Брежнева. В ходе переворота и гражданской войны был убит близкий друг Брежнева, глава народной партии Афганистана М. Тараки. Изначально войска были введены для решения точечной задачи — взятия штурмом дворца его убийцы Амина, провозгласившего себя новым правителем страны. Задача была выполнена советским спецназом образцово быстро и эффективно: считавшийся неприступной крепостью дворец, охраняемый сотнями боевиков, был захвачен всего за сорок минут, а Амин — ликвидирован. Почему Советская армия осталась в Афганистане и после этого — один из главных открытых вопросов новейшей истории. Советы вошли во вкус и остались для

того, чтобы поддерживать дружественный им режим, который не принимался афганским народом и рухнул в конце восьмидесятых сразу после вывода Советской армии. Оккупация продлилась десять долгих, бессмысленных лет. Советский режим нес тяжелые потери: финансовые и военные, но больше всего пострадала его «миролюбивая» репутация в глазах всего мира. Отряды исламских «борцов за веру» — моджахедов-шахидов — поначалу состояли только из афганских партизан, а их нападения на советские гарнизоны были подобны редким комариным укусам. Все изменилось в 1983-м, когда президент Рейган с помпой принял лидеров афганского сопротивления в Белом доме. Уже в следующем году боевики получили новейшее оружие, а их ряды пополнили добровольцы из всех арабских стран, после чего вся страна оцетинилась укрепрайонами моджахедов, а советские потери выросли на порядок. К февралю 1985-го стало ясно, что скорый вывод советских войск из Афганистана неизбежен. Король Фахд, воспринимавший события в этой стране как личную трагедию и жертвовавший сотни миллионов долларов на поддержку сопротивления, ясно понимал в то же время, что, если Америка прекратит поставки оружия, ситуация в войне сразу развернется в сторону Советов.

— Салем, друг мой, скажи, ты по-прежнему следишь, чтобы наши деньги шли в Афганистане по назначению?

Бен Ладен ответил своему королю легким поклоном головы:

— Ваше величество, можете не сомневаться в этом. Как только американцы стали поставлять нашим братьям оружие через Исламабад, пакистанцы пытались оставить часть его у себя, считая это своей справедливой наградой за то укрытие, которое они дают моджахедам. Как вы знаете, в Пакистане с начала войны находится мой племянник

Усама, который после смерти брата стал мне как сын. Горжусь им всей душой перед Всевышним! Он мог бы купаться в роскоши и золоте, а вместо этого живет в грязи пакистанских лагерей, зимой спит почти на льду под открытым небом! Я рекомендовал американским военным послам вести дела с Пакистаном только через Усаму, и с этого момента все оружие стало без задержки поступать нашим братьям. Скоро они победят неверных, освободят святую землю своих предков! Иншалла!

Специальный мальчик разнес на подносе ароматный травяной чай. Время подходило к полудню, и по всему дворцу громко разносился шум вентиляторов — в сочетании с естественной циркуляцией воздуха через сотни микроскопических дырочек в стенах этого хватало, чтобы даже в полуденный зной в залах царила приятная прохлада. Король Фахд улыбнулся своему другу в ответ. Он больше не сомневался, что его визит в Вашингтон не будет напрасным.
— Иншалла!

*Рим, Италия,
Мальтийский дворец на виа Кондотти,
примерно тремя годами ранее*

Через небольшое окошко в стене дворца в самом центре Рима было видно сразу три государства. Если смотреть через него прямо, можно насладиться видом грандиозного, самого большого на Земле купола собора Святого Петра в Ватикане. Слева и справа проходила оживленная улочка старого центра Вечного города, по которой туда-сюда постоянно сновали туристы, и она, естественно, принадлежала Италии. Третьим государством было само это великолепное здание XVII-го века, хотя об этом факте знали немногие. Точнее — это было известно лишь избранным. Оно не было признано ООН — только потому, что в этом не было

ровно никакой необходимости. Гораздо более важным было то, чтобы подданные этого государства признавали ООН и не возражали против существования такой организации.

Орден госпитальеров, он же орден мальтийских рыцарей, был основан почти тысячу лет назад, сразу после завоевания крестоносцами Иерусалима. Его целью была забота о неимущих, больных или раненых христианах-паломниках, совершавших паломничество к Гробу Господню. Позже этот орден стал военно-рыцарским и был призван защищать Святую землю. Тогда же римский папа признал полный суверенитет ордена от любых государств и даже церкви, и этот статус с тех пор никогда не был отменен. В XX-м веке подданными ордена числилось около десяти тысяч человек со всего мира. Каждый из них мог легко отказаться от основного гражданства и перестать платить налоги, но большинство все же предпочитало этого не делать, чтобы избежать лишней огласки. Госпитальеры владели дворцами в странах Южной Европы, у них даже была собственная валюта, хотя, разумеется, главная цель их ордена была совсем иной. В ордене всю тысячу лет существовала строгая иерархия: его граждане разделялись на членов третьего, второго и первого класса, причем каждый класс также делился на подкатегории. Члены первого класса носили титул Рыцарей Справедливости, или Признанных Рыцарей. Присвоение этого титула было торжественным событием, которое сопровождалось средневековым ритуалом. Меч Признанного Рыцаря даровал сам Великий магистр ордена, избравшийся, как и римский папа, пожизненно. Ритуал проходил в старинном рыцарском зале дворца на виа Кондотти при свете огромных свечей. Присутствующие были одеты в длинные черные мантии с белым, похожим на звезду мальтийским крестом на груди.

В этот июньский вечер в Признанные Рыцари был посвящен американец, состоявший в ордене уже более двадцати лет. Со стороны обряд в этот раз смотрелся немного комично, ибо внешне этот человек являлся полной противоположностью книжного образа прекрасного, стройного и мужественного средневекового рыцаря. Он был уже довольно пожилым, полным, страдал одышкой, а его седая голова стремительно лысела. Водянистые, почти рыбьи глаза за толстыми стеклами очков в дешевой пластмассовой оправе делали его облик слегка неприятным. Но что-то в нем было такое, что не позволяло смотреть на него снисходительно. В каждом его резком неловком движении ощущалась серьезная, почти маниакальная решительность. Этого человека звали Уильям Кейси, он руководил кампанией республиканцев по выдвижению Рейгана в президенты США, а после успешных выборов назначен директором ЦРУ. Большая часть высшей американской элиты тайно входила в старинные масонские организации, но впервые в истории чиновник США такого ранга стал, по сути, официальной правой рукой главы великого тайного ордена.

После окончания церемонии Великий магистр Анжело де Колонья, возможно, самый известный и уважаемый в современной истории госпитальеров, пригласил американца для важного разговора. Собеседники сидели в высоких позолоченных креслах у камина, огонь в котором непрерывно горел уже сто пятьдесят лет. Магистр, пожилой итальянец, высокий, стройного телосложения, с пронзительными голубыми глазами, некоторое время хранил молчание:

— Христианские добродетели вечны. Добро, терпение, покаяние... Если бы все американцы были католиками, как вы, мой друг, а не протестантами, то, возможно, мир развивался бы не столь стремительно, но в нем было бы куда больше чистоты и умиротворенности... Но я пригласил вас

поговорить сегодня, разумеется, не об этом. У нас с вами теперь общий главный враг. Раньше это был только ваш враг, Церковь в политике предпочитала занимать нейтральную позицию. Но теперь все иначе. Чаша терпения человеческого переполнилась.

Уильям Кейси кивнул. По этой теме у него не было ни малейших возражений. После очередной паузы магистр продолжил:

— На днях я был в Ватикане, у моего нового прекрасного друга из Польши. Кто бы мог подумать, что этот человек, провинциальный епископ из Кракова Кароль Войтыла, никому не известный, бог весть как избранный понтификом, первый неитальянец на Святом престоле почти за пятьсот лет, окажется такой глубокой, яркой личностью, прирожденным лидером, влившим новые силы в нашу великую Церковь! Он глубоко озабочен событиями в его родной Польше. Там против Советов восстали рабочие, простые люди, самая основа их же собственной системы и идеологии. Но Брежнев поступил с ними так же, как ранее с беспартийными венграми, чехами, восточными немцами. Не пошел ни на какие уступки или переговоры, ввел чрезвычайное военное положение. Почти все поляки ненавидят социализм Москвы, но военные в случае дальнейших выступлений готовы пойти на все, вплоть до того, чтобы утопить улицы Варшавы в крови, как это уже сделал Гитлер. Одним словом, советская колониальная система в Восточной Европе больше не имеет права существовать. Она должна исчезнуть не позднее чем через пять, максимум десять лет. Для этого нам всем нужно наконец объединить наши усилия.

Директор ЦРУ снова кивнул:

— Великий магистр, лично я не сомневаюсь, что мы добьемся успеха. Кстати, в судьбе моего босса и римского папы теперь много общего. Этой весной, почти одновре-

менно, они пережили страшные покушения на их жизнь. В обоих случаях в них стреляли, они оба потеряли так много крови, что врачи-реаниматоры, учитывая их преклонный возраст, сомневались, что их вообще удастся спасти. И тем не менее оба не только выжили, но и чудесно быстро оправились от ранений, одновременно став еще более почитаемыми своей паствой.

— Да, это так. Разумеется, это промысел Божий, который защищает нас, как и весь мир, от темных сил. Наш орден всячески поддерживает и даже во многом обеспечивает контакты между президентом США и папой. Они уже давно переписываются друг с другом, а в следующем году состоится их встреча. Надеюсь, что на ней они объявят всемирный Крестовый поход против коммунизма. А вы, Уильям, не забывайте, что на церемонии посвящения поклялись в том, что мощь вашего ведомства отныне будет направлена на свержение безбожного строя в России. Держите меня в курсе основных событий, и особенно если вам нужна будет помощь от меня.

Тьма накрыла Вечный город на семи холмах. Опустели Форум и Колизей, хотя туристы все еще толпились у фонтана Треви, весело бросая в него монетки, и поднимались по высоким ступеням барочной Испанской лестницы. Светящиеся кварталы летнего, оживленного вечернего Рима были еще более восхитительны, чем днем, в испепеляющую жару. Никто не догадывался, что именно здесь, в этот день, маятник всей истории XX-го века стал раскачиваться в обратную сторону.

Уильям Кейси возглавлял ЦРУ до окончания второго президентского срока Рейгана. О его энергии и решительности в этом ведомстве даже спустя многие годы ходили легенды. За восемь лет его почти не видели сидящим в кресле в кабинете. Его главным офисом был «Локхид Старлифтер», американ-

ский военно-транспортный самолет, на котором Кейси без усталости, порой по несколько суток почти без сна перемещался по всему миру, лично присутствуя во всех горячих точках планеты, но особенно часто — на Ближнем Востоке, в Саудовской Аравии и Пакистане. Вклад этого человека в крушение коммунизма в восьмидесятых невозможно переоценить.

*Вашингтон, округ Лэнгли,
США, главный офис ЦРУ,
октябрь 1983 года*

«Карфаген должен быть разрушен». Эту фразу сенатор Марк Порций Катон, ветеран Второй пунической войны, повторял как заклинание десятки лет подряд в каждом своем публичном выступлении. «Коммунизм — зло. Советский режим, угрожающий всему свободному миру, должен пасть». Примерно эти слова 40-й президент США Рональд Рейган повторял во время любой политической дискуссии, даже с ближайшими соратниками и подчиненными, которые слышали это уже множество раз, причем еще задолго до того, как в 1983-м, после сбитого корейского «Боинга», Рейган публично, на весь мир назвал Советский Союз «Империей зла».

Перед Рейганом, сидевшим за массивным дубовым столом в довольно тесном кабинете в большом по площади, но внешне очень неброском здании ЦРУ на Вашингтон-Паркуэй, лежала тонкая голубая папка. В ней была подборка секретных отчетов по теме, которую он адресовал силовым министрам своего правительства и советникам. Президент как никогда внимательно ознакомился с представленными отчетами и пригласил их авторов обсудить эти донесения в доверительной личной беседе. Официальные мероприятия в Белом доме почти всегда строго протоколировались, но здесь, в Агентстве, абсолютно все встречи проводились в формате *off the record* — не для записи.

Прежде всего президента интересовал экономический доклад. Его подготовил Пол Волкер, авторитетнейший банкир Нью-Йорка, председатель Федеральной резервной системы. Перед ним стояла задача оценить уровень резервов Советского Союза в случае начала полномасштабной «войны на истощение». В президентской администрации был целый штат аналитиков, постоянно следивших за финансовыми потоками во внешних операциях СССР. Но Рейган хотел, чтобы свое мнение высказал лучший экономист в стране, а может быть, на текущий момент и в мире. Тем более что его взгляд был свежим и непредвзятым. Из всех присутствующих ему единственному по роду деятельности было в целом почти безразлично, что происходит по ту сторону «железного занавеса». Пол Волкер, худощавый, стройный, двухметрового роста, с пронизательным и в то же время добрым взглядом из-под очков, не так давно проделал блестящую работу по выводу американской экономики из затяжного кризиса. Он поднял учетную ставку резервной Системы в конце 1970-х до рекордных в истории значений. Это было похоже на отчаянный маневр пилота-аса, после которого управляемый им самолет мог либо сразу разбиться вдребезги, либо совершить в воздухе немисливо красивую фигуру. Сверхвысокая ставка Системы могла мгновенно парализовать всю американскую промышленность, сделав кредиты для нее слишком дорогими. Но произошло другое — казначейские облигации правительства с таким высоким и при этом надежным процентом начали поспешно скупать чуть ли не все страны мира, вплоть до нищих африканских диктаторских режимов. Огромный приток иностранных денег в США стал той живительной силой, которая всего за какую-то пару лет чудесно преобразила их экономику. Пол Волкер отчаянно рисковал, но оказался прав даже больше, чем на сто процентов.

— Пол, спасибо, что вы лично уделили моей просьбе столько вашего времени и так внимательно изучили все материалы ЦРУ по данному вопросу. Итак, что вы думаете о советской экономике?

Глава ФРС слегка откашлялся и затем как-то задорно посмотрел на президента. Кажется, они друг другу очень импонировали.

— Господин Рейган, я не совсем понял ваш вопрос. Я, честно говоря, не увидел в тех цифрах, что мне дали по СССР, такой вещи, как экономика. Скорее, это нелепый театр абсурда. Этот «колосс» стоит даже не на глиняных ногах, он балансирует на носочках, как канатоходец. Судите сами. Ровно половина национального продукта приходится на военно-промышленный комплекс или тесно связанные с ним производства. Реальная средняя зарплата, по покупательной способности, в пять раз ниже средней американской. Страна напичкана заводами, но то, что они производят, трудно даже назвать полезной продукцией. Они, скорее, разрушают стоимость, чем создают ее. Советы не могут продать на Запад практически ничего из своей сколько-нибудь технологичной продукции, и дело не в торговых барьерах, а в том, что она здесь просто неконкурентоспособна. Почти весь доход СССР в твердой валюте приносит продажа нефти. Но и здесь их возможности ограничены. Нефть Сибири — вязкая, высокосернистая, добывать ее в разы дороже, чем на Ближнем Востоке. К тому же они должны снабжать нефтью страны социализма почти бесплатно. Резко увеличить добычу они не могут: их оборудование отстает от западного лет на двадцать. Весь доход Советского Союза от экспорта в валюте в прошлом году составил всего около тридцати миллиардов долларов. У нас одна только «Дженерал моторз» продает за год автомобилей на сорок миллиардов. То есть только наши заводы в Детройте приносят большой доход в реальном вы-

ражении, чем вся советская «экономика»! Далее, из-за чудовищно неэффективного сельского хозяйства Советам на немалую часть этой выручки приходится покупать у нас же пшеницу, умоляя нас не снижать объемы этих поставок! На все остальное у них денег почти не остается. Они не могут позволить себе закупать на Западе современное дорогое оборудование, поэтому их заводы обречены и дальше выпускать все такой же мусор. У обычных людей нет никакой мотивации к предпринимательству. Скорее всего, Советы уже сейчас стоят на пороге огромного дефицита потребительских товаров. А еще Советский Союз уже третий год подряд активно, хотя и держит это в глубокой тайне, распродает свой золотой запас, чтобы хоть как-то свести концы с концами. По нашим расчетам, такими темпами все золото у них закончится максимум через восемь лет. Если бы Советский Союз был биржевым активом, я на все свои деньги стал бы играть на резкое понижение его рыночного курса в ближайшем будущем.

— Насколько сильно Союз чувствителен к колебаниям цены на нефть?

— Катастрофически чувствителен. Снижение цены на доллар за баррель — минус миллиард долларов доходов. Снизьте цену на десять долларов за баррель, для этой страны настанут поистине темные времена. Разумеется, Советы в этом случае пойдут искать заемные деньги на мировых рынках. Мой близкий друг и партнер Дэвид Рокфеллер обычно выступает посредником в таких контактах. Но если будет решено объединить наши силы в борьбе с коммунизмом, то тот же Дэвид, я уверен, сделает так, что Советы не получат от западных банков в долг ни цента, что бы они для этого ни делали.

— То есть Советы попросту обанкротятся?

— Один серьезный шанс, козырь в рукаве, у них все-таки есть. Россия очень богата природным газом и уже на-

чала строить газопровод в Западную Германию. Если он будет запущен, то за газ они станут получать от Европы не меньше денег, чем за нефть. Но для такого сложного трубопровода их промышленность не в состоянии производить трубы нужного диаметра, и их закупают на Западе. Если мы заморозим такие поставки, трубопровод не будет достроен.

— Спасибо большое, Пол. Лично меня, как и всех нас, такое положение дел очень обнадеживает.

Следующим докладчиком был министр обороны Каспер Уайнбергер. И внешне, и по результатам работы он всегда был образцовым чиновником. Почти всю карьеру проработал в Министерстве финансов, прославившись там своей скупостью и беспощадным обрезанием бюджетов всего и вся. Но заняв кресло министра обороны, он, наоборот, добился беспрецедентного, почти двукратного увеличения бюджета Пентагона. Рейган ценил этого целеустремленного, исполнительного человека еще и за то, что тот, как и он сам, всей душой ненавидел коммунизм как явление. Советская пресса описывала Уайнбергера как исчадие ада, хотя на самом деле в жизни он всегда был абсолютно спокоен и даже несколько флегматичен.

— По данным наших агентов в Москве, программа Стратегической оборонной инициативы, или звездных войн, вызвала там шок, переходящий в смертельный страх. Высшие военачальники, вплоть до генсека, ночами просыпаются в холодном поту, представляя, как американские спутники сбивают лазерами все русские ядерные ракеты сразу же после их пуска. Мы сами еще до конца не знаем, насколько эффективным может быть данное оружие. Пока энергии в космосе для таких мощных лазеров у нас нет. Но наука на глазах творит чудеса. И главное, что Советы точно не знают, где мы находимся, и воспринимают СОИ как неотвратимость, понимая также, что у них самих точно не хва-

тит денег и технологий для аналогичной программы. Они безнадежно отстают от нас и бесятся от бессилия.

Збигнев Бжезинский, советник по международной политике, с почти змеиным лицом доложил о ситуации в его некогда родной Польше. Там просоветский диктатор Ярузельский на штыках армии и полиции с огромным трудом удерживал свою власть только благодаря всесторонней помощи Москвы. Почти все население поддерживало движение «Солидарность». Рейган лично почти ежедневно следил за развитием ситуации.

— Польша станет первой огромной брешью в падающем коммунизме. Я чувствую, что само Провидение отводит ей такую важную роль. Мы продолжим ей помогать всеми средствами — от финансирования сопротивления до патрулирования ее границ со стороны Северного моря нашими истребителями. Если Советы поведут в Польшу танки, чтобы давить ими людей, мы узнаем об этом сразу и найдем способ остановить их. Мы защитим поляков, даю слово.

По итогам этого исторического совещания был принят план NSDD, текст которого строго засекречен до сих пор. Тем не менее его основная суть никогда не скрывалась — это был план всесторонней борьбы против всемирного коммунизма. Впервые за десятилетия колосс зашатался, и теперь надо было его лишь сильно толкнуть извне. Для этого была нужна Саудовская Аравия.

*Вашингтон, Белый дом,
12 февраля 1985 года*

Каждый выезд за границу саудовских монархов в глазах остального мира был чем-то вроде эталона показательной роскоши. Разумеется, визит не отказывавшего себе никогда и ни в чем короля Фахда в столь любимую им Америку не был

исключением. Его делегация заняла все номера самого дорогого отеля Вашингтона, но даже их не хватило. Причем эти номера специально перед визитом короля были переделаны, их дополнили дорогими предметами обстановки, иногда музейного качества, чтобы лучше соответствовать вкусам саудовских принцев и министров. Прибыв в Вашингтон, король Саудовской Аравии в тот же вечер дал великолепный обед на шестьсот персон, куда были приглашены не только все представители политической элиты США, но и руководители крупных корпораций, а также известные журналисты. Меню приема состояло из нескольких сотен блюд, были приглашены известные шеф-повары из столицы французской кухни — Лиона, и это меню не разочаровало ни одного даже самого придирчивого гурмана.

Рональд Рейган, будучи превосходным актером и любивший «на своем поле» играть роль радушного хозяина, обычно избегал тактики давления на собеседника во время переговоров. Эту неблагодарную работу брали на себя его министры во время встреч со своими визави, проходивших параллельно. Тем более что монарх Саудовской Аравии уже явно принял решение пойти навстречу американским геополитическим интересам и лишь как мудрый восточный человек собирался выторговать себе за это наилучшие условия.

Король знал, что рядом с границей его страны, на юге Аравийского полуострова, в Йемене, прямо сейчас всюду проходили подготовку боевики, планировавшие свергнуть династию Саудов с престола. Король знал, что иранские военные самолеты уже получили приказ аятоллы бомбить саудовские нефтяные танкеры в Персидском заливе. И йеменцев, и иранцев могли остановить только Штаты. Он также знал о том, что единственный шанс моджахедов выстоять в Афганистане под напором намного превосходящей

Советской армии в том, чтобы как можно скорее получить новейшее американское чудо-оружие — переносной зенитный комплекс «Стингер». Из этой небольшой трубы, весом всего в несколько килограммов, мог стрелять любой, даже необученный человек, и все равно ракеты с уникальной системой самонаведения с убийственной точностью поражали самолеты и вертолеты противника. Король Фахд также отдавал себе отчет в том, что накопленные суверенными саудовскими фондами миллиарды нефтедолларов надо было не хранить в кубышке, где их бы постепенно «съела» растущая инфляция, а инвестировать в компании растущей американской экономики, обещающие высокие барыши, для чего было необходимо срочное снятие барьеров, ограничивающих приток арабских денег.

Саудовский монарх совершенно открыто, почти с детской непосредственностью озвучил Рейгану все свои желания (или требования), в конце концов добившись радушной улыбки хозяина и согласия, хоть и с серьезными оговорками, по всем пунктам. Эта была одна из тех сделок, после которых обе стороны чувствуют себя беспорными победителями.

Разумеется, рост нефтедобычи в Саудовской Аравии произошел не сразу — ведь монарху нужно было еще и сохранить свое лицо перед всем, и особенно арабским, миром. Прошло почти полгода с тех пор, как в августе 1985-го, когда новый и относительно молодой советский лидер Михаил Горбачев заявил на весь мир о политике перестройки и модернизации страны, Советский Союз получил невосполнимый в той ситуации «удар в спину». В течение всего трех месяцев Саудовская Аравия «внезапно» нарастила объем добычи своей нефти в пять раз, после чего цены на нее рухнули с тридцати пяти до двенадцати долларов за баррель. Многолетний приток нефтедолларов в социалистические

страны почти иссяк, и деградация их экономик приняла, как показало будущее, уже необратимый характер. Афганские моджахеды получили первые «Стингеры» через год. Советские войска стали терять так много авиации, что им пришлось отказаться от контроля над всеми горными районами страны, а еще через три года — бесславно уйти из Афганистана. В том же 1989 году рухнула Берлинская стена. Не только в Польше, как планировали в ЦРУ, но и во всех остальных странах Восточной Европы коммунистические режимы сошли со сцены бескровно и в одночасье. В 1991 году произошел и распад самого СССР. Замок на песке, возможно самый грандиозный в истории, рассыпался словно карточный домик.

На карте мира теперь не осталось буквально ни одного важного места, которое осталось бы вне контроля со стороны американской финансовой элиты. Власть Федеральной резервной системы и ее сателлитов впервые в истории стала поистине всемирной и абсолютно ничем не ограниченной.

Наступила новая эра человечества.

Глава 16

Длинная вьющаяся лента

*Форд Мид, штат Мэриленд, США,
офис Агентства национальной безопасности,
наши дни*

Агенты, сопровождавшие Джека в аэропорт Шарля де Голля, старались держаться дружелюбно — в автомобиле предложили ему баночку кока-колы, а также вручили билет бизнес-класса в Вашингтон. Но до самой посадки они не отходили от него ни на шаг. По прилете в столицу они втроем быстро прошли таможду через отдельное помещение, миновав бесконечную очередь к окошкам, а затем проводили Джека в оплаченный номер отеля «Хилтон». Оттуда он позвонил своему отцу, надеясь, что тот приедет повидаться с ним, но отец оказался в командировке. Тревожное чувство одиночества снедало Джека весь вечер.

Утром та же служебная машина доставила Джека на встречу, из-за которой он и оказался в Вашингтоне. Дорога была относительно недолгой — офис интересовавшей им организации хоть и располагался в соседнем штате, но, как и все важные правительственные органы, находился в пределах доступности от столицы: километров сорок езды на север, недалеко от Балтимора. Балтимор в детстве был

одним из самых любимых мест Джека, вызывавшим всякий раз радостные, положительные эмоции — он не раз проводил здесь отличные выходные с родителями. Помимо делового центра с небоскребами вся историческая часть города, казалось, до сих пор жила в XIX-м веке: со старинной набережной с сохранившимися здесь парусными и паровыми кораблями, ковбойскими салунами и особенной романтической атмосферой. Но до старого центра Балтимора в этот раз они не доехали, свернув с хайвэя в его пригород Форд Мид, который выглядел скучно — с однотипными, невысокими домами, множеством парковок и вывесок дешевых заведений быстрого питания. Однако над всей этой серостью возвышалось огромное здание, производящее на редкость зловещее впечатление.

Центральный офис Агентства национальной безопасности был тяжеловесным многоэтажным сооружением из черного непрозрачного стекла, с широким прямоугольным фасадом. Людям с развитым воображением он казался похожим на замок злого волшебника. Правда, в сказках такие замки обычно находятся на вершине голой, неприступной скалы, окруженной непроходимым лесом, а этот офис возвышался над центром обычного городка. Нельзя сказать, что первое впечатление об этом учреждении обманчиво — напротив, оно было весьма близким к истине. Во всей системе государственных органов США не было ни одного ведомства, которое могло бы сравниться с АНБ по уровню окружающей его тотальной секретности. Даже такие всемирно известные организации, как ЦРУ, ФБР или НАСА, все-таки были до некоторой степени открытыми, с понятными обществу целями, законными методами и инструментами достижения этих целей, а также с правом доступа для всех желающих к рассекреченной части их архивов.

Ничего подобного нельзя было сказать об АНБ. Его аббревиатура (NSA — National Security Agency) также почти всерьез расшифровывалась как Never Say Anything (Никогда ничего не говори) и даже No Such Agency (Нет такого агентства). Не только открыто обсуждать в обществе, но даже и просто произносить вслух его название в Америке было попросту не принято. АНБ традиционно являлось не только самым законспирированным, но также и наиболее щедро финансируемым органом национальной безопасности — лишь открытая, утверждаемая конгрессом часть его бюджета составляла десять миллиардов в год, больше, чем бюджеты ЦРУ и ФБР, но поговаривали, что эта сумма — лишь верхушка айсберга. Количество сотрудников ведомства всегда держалось в тайне. Известно лишь, что оно измеряется десятками тысяч агентов, дислоцированных во множестве точек Америки и мира. По закону им было запрещено говорить кому-либо о том, где они работают, помимо того, что они — госслужащие США. На АНБ работали самые разные люди — от целой армии тайно завербованных молодых, одаренных компьютерных гиков, до пожилых генералов, не смысливших в программировании, но точно знавших, кто главные враги Америки, и умевших ставить масштабные стратегические задачи. АНБ играло ключевую роль в разведке и координации действий армии и силовых ведомств США во всех военных конфликтах, в которые страна-гегемон была вовлечена после Второй мировой войны, — от Вьетнама до Афганистана и Ирака. Под его наблюдением и контролем находились буквально все стратегические средства телекоммуникаций в мире — от собственных военных до гражданских, расположенных на территории потенциальных и реальных противников. Особый размах деятельность Агентства приобрела с началом XXI-го века. После принятия «Патриотического акта» при Джордже Буше-младшем оно

стало делать совершенно законно то, что десятилетиями до этого делало нелегально: прослушивало телефоны и следило за миллионами простых американцев. За рубежом АНБ в обход всех международных законов получало информацию о звонках и электронных письмах главных лидеров иностранных государств. Сбежавший в Россию сотрудник этого ведомства Сноуден потряс мировую общественность раскрытием многих подобных фактов, хотя для мало-мальски сведущих экспертов в области разведки ничто из признаний перебежчика не было неожиданным.

Вблизи черный прямоугольник офиса АНБ не выглядел такой неприступной крепостью, каким его можно было бы себе вообразить. На автостоянке перед ним наряду с местами для сотрудников ведомства находился общественный паркинг. Около главного входа Агентства толпилась шумная группа старшеклассников, приехавших сюда на экскурсию. Водитель проводил Джека к другому, служебному входу, где его уже ждала высокая стройная сотрудница в деловом костюме с юбкой чуть выше колен. Она посмотрела на Джека, одетого в мятые джинсы и летнюю рубашку, купленную им на распродаже в Париже, с едва заметной надменной и иронической улыбкой. Впрочем, когда он, пройдя тщательную проверку документов и металлоискатель, подошел ближе, ее лицо вытянулось в безупречную, профессионально поставленную улыбку. Радостным голосом и подчеркнуто вежливо она обратилась к Джеку по фамилии, сообщив, что полковник Уорти ждет его в своем офисе на двадцать восьмом этаже. Джек провел в гостевой комнате не меньше получаса, хотя других посетителей там не было. Это был старый психологический прием, чтобы приглашенный не чувствовал себя слишком важной персоной.

Полковник Уорти был человеком с военной выправкой, лет сорока пяти, молодежавый, с редеющими светлыми волоса-

ми, одетый в форму. Его кабинет был традиционно уставлен американскими флажками, семейными фотографиями и еще какими-то дипломами на стенах. Посреди стола лежала черная кожаная ковбойская шляпа с надписью «Аль Капоне» — не очень уместная для серьезного офиса. На стене висела фотография, на которой хозяин кабинета в штатском стоял около огромных радиоантенн где-то в пустыне.

Полковник сердечно, с широкой улыбкой пожал Джеку руку, предложив сесть на мягкий диван, перед которым находился низкий стол с вазой, полной соблазнительных спелых фруктов.

— Добро пожаловать. Много о вас слышал. Простите, что нам пришлось прервать ваш отдых в Париже. Обстоятельства, не терпящие отлагательств. Вы наверняка знаете или слышали о нашем ведомстве? Возможно, даже что-то пугающее, из области теорий заговора? Что поделать, общество любит нагнетать страх вокруг всего засекреченного. Люди всерьез верят, что мы здесь круглые сутки строим коварные планы по тайному захвату мира, уничтожаем людей тысячами, не моргнув глазом, и, возможно, даже едим невинных младенцев из стран третьего мира на завтрак. Делите всю эту ахинею на десять как минимум. Поверьте, все намного, намного прозаичнее. Мы просто делаем свою непростую работу, честно защищая национальные интересы и обеспечивая процветание и само будущее нашей великой страны. Кроме того, мы еще и связаны по рукам и ногам тоннами бюрократических предписаний. Недели не проходит, чтобы против кого-нибудь из наших сотрудников не завели внутреннее расследование о превышении служебных полномочий — почти всегда высосанное из пальца. Впрочем, это далеко не главное. Моральное удовлетворение сотрудников от работы в ведомстве — вот наша главная гордость. Они полностью реализуют себя профессиональ-

но, находятся на пике развития мировых телекоммуникационных технологий, глубоко вовлечены в такие масштабные проекты, о которых обычные люди, работающие в гражданском бизнесе, не могут даже и мечтать. И конечно, мы внимательно следим за выпускниками лучших учебных заведений страны. Вы — один из них.

Сделав паузу, полковник внимательно взгляделся в лицо Джека, попытавшись понять его первую реакцию, но, не увидев никаких эмоций, продолжил:

— Наши эксперты — высокого мнения об уровне ваших разработок. Эксперты именно в той сфере, которая нас интересует особенно: криптография, коммуникации. Я, конечно, понимаю, что зарплаты в госсекторе — это совсем не то, что может увлечь такого молодого, амбициозного человека, как вы. И все же я хотел бы предложить вам должность в нашем ведомстве. Очень высокую — вы можете стать заместителем руководителя департамента криптографической защиты АНБ. В вашем ведении будет находиться более трех тысяч подчиненных. Поверьте, эта работа увлечет вас полностью. При этом вы можете оставаться бенефициаром своей коммерческой компании. Закон это прямо не запрещает, достаточно лишь, чтобы официально дела вашей компании вели не вы лично, а кто-то из ваших доверенных лиц. Таким образом, вы одновременно можете быть и полезным Родине человеком с огромными возможностями и оставаться богатым предпринимателем, совладельцем частной компании в сфере высоких технологий.

— Простите, ваше предложение очень лестно. Но я никогда не планировал работать в государственном секторе и тем более в сфере национальной безопасности. Кроме того, я не вполне понимаю, как можно доверить управление моей совершенно новой, еще даже толком не построенной компанией доверенному лицу.

— Ну что вы, как раз это — не проблема.

— Что вы имеете в виду?

— Вы можете работать на нас, а управлять вашей компанией будет Билл Хавличек, ваш старый друг и партнер. Он сейчас находится в тюрьме Сингапура, ожидая приговор за тяжкое преступление — контрабанду наркотиков. Это очень непросто, но мы можем ему помочь. Если вы присоединитесь к нам, то не пройдет и месяца, как Билл окажется на родине. В противном случае он вернется домой лишь в весьма почтенном возрасте, да и то при условии, что сможет прожить все эти годы в тяжелом сингапурском климате. Вы же там были и представляете, что такое местная тюрьма — без кондиционеров, с жестокими сокамерниками, азиатскими уголовниками. Только вы можете повлиять на его судьбу.

«Предложение, от которого нельзя отказаться». Джеку больше всего захотелось взять в руку что-то тяжелое и ударить этим предметом вышколенного полковника по голове. Методы, которыми тот пользовался, были более мерзкими и бесстыдными, чем нож в руках уличного вымогателя.

— Мой партнер ни в чем не виноват. Правосудие будет на его стороне. Кроме того, он американский гражданин, и отстаивать его интересы — законная обязанность правительства.

— Вообще-то он — гражданин Канады, в Америке у него пока еще только грин-карта. И потом все равно в делах, касающихся наркотиков, официальные дипломатические каналы бессильны. Здесь может сработать только неофициальное взаимодействие на уровне спецслужб.

Возможно, будь эти слова сказаны с иным выражением, Джек бы и заколебался. Но светловолосый полковник смотрел на него, как на крысу, загнанную в угол. Его глаза светились чувством полного, безоговорочного превосходства. И именно это делало сделку невозможной.

— Я действительно польщен вашим предложением. Работать на американское правительство было бы честью. Но сейчас у меня свой бизнес-проект, на котором мне требуется сосредоточить все мои силы и время. Я могу идти?

Глаза его собеседника в первый миг выразили удивление, а затем приобрели холодный, стальной оттенок. Тон голоса из дружелюбного стал резким и открыто угрожающим:

— Вы можете идти, но за вашу безопасность я бы теперь не поручился. Неужели вы не понимаете, что у вас нет выбора? За вами охотятся две террористические организации, а по нашим данным, к ним скоро присоединятся и другие. Кроме того, ваш код представляет прямую угрозу целому направлению деятельности АНБ. А значит, и всей национальной безопасности.

— Есть Конституция США. Вы не можете запретить мне делать то, что не противоречит законам.

— Джек, мы и так с вами обходимся пока крайне деликатно. Но вы уже подошли слишком близко к краю. Мы будем и дальше следить за каждым вашим действием. Мы легко можем заблокировать ваши банковские счета. Если этого будет мало, ограничим ваши возможности выезда за границу. Будете упорствовать дальше — лишим вас гражданства. Я уполномочен дать вам время на размышление — максимум три недели. И мой совет: не стройте из себя спасителя мира. Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг, Ларри Пейдж — все они, оказавшись каждый в свое время в ситуации, похожей на вашу, быстро принимали разумное решение, согласившись сотрудничать с нами. Операционная система Apple, оболочка Windows Microsoft, любые страницы и информация в Facebook, технологии и архивы поиска Google — все находится под нашим полным контролем и может в любой момент быть использовано в интересах национальной безопасности. Именно поэтому эти люди

остались во главе своих компаний, став в итоге мировыми лидерами. Иначе их имена уже давно бы ничего не значили. Впрочем, читать лекции и учить вас уму-разуму — не моя обязанность. Если вы откажетесь от сотрудничества, вам придется пообщаться с другими нашими специалистами. Наш разговор окончен. Моя референт даст вам мои координаты. Буду ждать ваш ответ. И не тяните время.

Джек поднялся, чтобы уйти.

— Пойдите. Мне надо дать указание выпустить вас из здания. Это гораздо сложнее, чем зайти в него. И запомните — три недели. Это очень щедро. Большинству людей, не согласных с нами, мы не даем и трех секунд на размышление.

— Кому подчиняется ваше ведомство? Сомневаюсь, что приказ о преследовании меня исходит лично от президента.

— Лично я подчиняюсь напрямую генералу Роджерсу, директору АНБ. Он рапортует министру обороны. Разумеется, у Агентства — почти неограниченные полномочия во всем, что касается кибербезопасности. О большем вы сможете узнать, только проработав у нас определенное время.

— Предложение о работе с дулом у виска. Мне кажется, выйдя в отставку, вы сможете отлично консультировать компании по найму персонала высшего звена. Шучу. Спасибо, я подумаю.

Кровь в жилах Джека кипела и отдавала отчетливым стуком в висках. Но дипломатичное окончание этой беседы было необходимо. Уйдя мирно, он дарил своим врагам надежду, что все разрешится благополучно, и таким образом выигрывал драгоценное время. В лифте та же высокая секретарь-референт смотрела на Джека все так же учтиво и холодно. Он подумал о том, что в его компании у него не будет должности референта. Разумеется, будет человек, принимающий звонки, заботящийся о доставке кофе в офис, заказывающий авиабилеты. Но вот таких вышколенных про-

вожатых для гостей ему не надо — само их присутствие создает искусственную дистанцию между посетителем и организацией, в которую он пришел по делу.

Такси Uber часа за полтора, учитывая вечерние пробки, доставило Джека на вокзал Вашингтона. Он собирался сесть на поезд до Бостона, но затем передумал и арендовал автомобиль. На северо-востоке США сентябрь был самым живописным временем года. Летняя жара и сухость медленно сменялись приятной влажной прохладой, а листва в густых лесах понемногу окрашивалась в ярко-желтый цвет с красными оттенками. Это было самое поэтичное время, оно нравилось Джеку с раннего детства. В лагерях бойскаутов вечерами горели костры, косяки птиц направлялись на юг, куда то в направлении Коста-Рики и Карибских островов. В этом последнем цветении деревьев перед ноябрьским листопадом не было ничего печального — напротив, природа словно торжественно одевалась в свой самый обворожительный наряд, принося драгоценную дань сотворившим ее высшим силам и заранее предвкушая будущее весеннее цветение. Джек помнил, как в детстве с родителями и родственниками они устраивали в это время года в выходные восхитительные пикники на природе, с романтической музыкой, лившейся из кассетных магнитофонов, с разговорами о спорте и загадках природы, играли в бридж, в котором юный Джек, несмотря на сложность этой игры, благодаря логике то и дело выигрывал у взрослых, получая заслуженные комплименты.

В кампусе MIT в Бостоне он оказался около одиннадцати вечера и, конечно, первым делом позвонил Дайане. Она не обладала таким же, как у него, даром предвидения, поэтому звонок Джека разбудил ее, но тут же привел в радостное возбуждение.

Следующие несколько дней они были неразлучны. Только когда Дайана была рядом, Джек полностью, по-

настоящему ощущал, что он находится дома. Это чувство было особенно дорого ему еще и потому, что его родители на его памяти обычно плохо ладили, а затем и развелись. Самое удивительное заключалось в том, что этот самый дом мог находиться где угодно — от тесной комнатухи кампуса университета до номера отеля, где они останавливались на ночь, в любой точке мира. Рядом с ней Джек всегда чувствовал себя спокойно и защищенно. Порой это даже слишком его расслабляло — он откладывал важные дела не из-за лени, а лишь потому, что рядом с этой горячей девушкой испанских кровей, обволакивавшей его вулканической, искренней, почти беспредельной любовью, отражаясь в ее блестящих, темных, понимающих глазах, любые срочные дела вдруг начинали казаться вовсе не такими уж и неотложными и уж совершенно точно — не вопросом жизни и смерти. Его друзья Билл и Дон часто говорили Дайане комплименты, но в то же время сетовали на то, что Джек в одиночку мог бы свернуть еще большие горы.

Дайана уже получила диплом и начала работать в одной из бостонских компаний, хотя и не совсем по своей специальности — в сфере цифрового маркетинга. В ее обязанности входило привлечение максимальной аудитории для сайта и рекламных акций работодателя за минимальные средства. Джек не был в восторге от этой ее работы, но зато был доволен, что его любимая нашла применение своим компетенциям на рынке быстро, без особого труда, и главное, это не потребовало ее переезда из Бостона. Дайана по своему менталитету не была похожа на большинство выпускниц американских университетов и сама, без колебаний, ставила семейную жизнь, личные отношения с единственным мужчиной по приоритету на уровень выше карьерных амбиций. Ей нравилось, когда ее хвалило начальство, гордилась, успешно выполнив сложные поручения по работе. Но

еще гораздо больше она любила, когда Джек с аппетитом уплетал приготовленную ею на ужин паэлью с креветками или сочную, с розовой сердцевиной, хорошо прожаренную аргентинскую говядину. А самым любимым моментом всей ее жизни были минуты, когда ее голова просто лежала на правом плече Джека после того, как они провели вдвоем очередной сказочный, романтический вечер. Именно на правом — его левое плечо, более твердое и жилистое, ей нравилось не так сильно.

Дайана сняла небольшую квартиру с одной спальней на зеленой окраине Бостона, где каждое утро она пробегала две-три мили. К приезду Джека она обставила квартиру мебелью — недорогой, из шведской компании ИКЕА, но обстановка получилась очень уютной. Она даже оплатила круглосуточный спортивный интернет-канал в формате Ultra HD, чтобы Джек в свободное время мог вдоволь смотреть любимые спортивные трансляции.

— Помнишь, когда мы только начинали встречаться, ты писал мне e-мейлы по два или три раза в день. А за весь последний месяц я получила от тебя лишь два письма и несколько смс. Даже звонил ты мне раз в три-четыре дня. Я беспокоюсь за тебя. Мне плохо, когда я одна.

— Не обижайся. Мне почему-то кажется сейчас, что чем реже я тебе звоню, тем меньше тебя подвергаю опасности.

Дайана хотела сказать, чтобы Джек согласился на все условия, которые ему предъявили, может быть, даже отдал бесплатно этот чертов код, из-за которого погиб Дон и сидит в тюрьме Билл, а ее любимый подвергается ежедневной опасности. Ей нужен был только он, живой и невредимый. Мужчины — дураки, конечно. Думают, что только заработанные миллионы делают их успешными, состоявшимися, желанными. А на самом деле женщину привлекает совсем не это. Умный взгляд, нежный жест, теплый, искренний знак

внимания. А на вершине — то самое чувство, которое еще никто — ни утонченные средневековые восточные поэты, ни собирающие толпы фанатов рок-музыканты в своих балладах, — никто за всю историю человечества так и не смог полностью и правильно описать словами. Чувство, когда все вокруг делится на две половинки — одну огромную: твой единственный, неповторимый человек, и другую — тоже по-своему интересную, но совсем маленькую, — весь остальной мир. Рождение такого чувства, как и явление любого волшебства, происходит внезапно, само собой и совершенно не зависит от того, богат, успешен, признан ли окружающими объект твоей любви. Мужчины и вправду думают, что нам так уж сильно нужны их богатства и статус.

Но сказать всего этого она не могла. Мужчину надо поддерживать в его начинаниях, стремлениях, какими бы рискованными они ни казались. Иначе в нем что-то надломится. Мужчина должен решить свою судьбу сам. Так повелось испокон веков.

Они пробыли вместе три дня, почти не выходя из ее квартирki, часто глядя на желто-зеленую листву парка из окон, держась за руки. Когда наступил понедельник, Джек появился, наконец, в кампусе, вызвав восторг своих знакомых. Некоторые, защитив диплом, уже съехали из своих комнат, другие, как Джек, оставшиеся учиться в магистратуре, ощущали себя мудрыми наставниками молодежи, только поступившей в университет. В коридоре ему встретилась Миранда — он сердечно поблагодарил ее за помощь, которую она оказывала ему все это время. Миранда лишь улыбнулась своей умной, тонкой восточной улыбкой. Конечно, он пригласит ее в свою компанию одной из первых. Таких людей в жизни нельзя терять. Тем более что она была отличным специалистом в сфере телекоммуникаций. Еще утром у него было чувство, что увидеться именно с ней ему необ-

ходимо обязательно. Выслушав его рассказ о приключениях в Сингапуре, она вдруг словно вспомнила о чем-то.

— У меня остался для тебя конверт. Дон зачем-то передал его мне. Сказал, если с ним что-то случится, отдать его тебе. Честно говоря, во всей этой кутерьме совсем позабыла.

— Странно. Он мог послать мне сообщение, которое бы никто не прочитал, кроме меня.

— Возможно, он не хотел, чтобы ты это получил при его жизни. Может быть, это что-то очень ценное для него.

В своей комнате Миранда открыла кодом небольшой сейф, протянув ему тонкий светлый конверт, который казался почти пустым. Джек вскрыл его в своей комнате — в нем оказался маленький, почти плоский железный ключ, на котором стоял номер. Джек понял, что это ключ от банковской ячейки. Зачем он был нужен и, главное — в каком банке находилась ячейка, оставалось совершенно неизвестным. Но это была загадка, которую он обязан распутать.

Он позвонил Дженни. К счастью, накануне она тоже вернулась из Парижа. Он приехал к ней, в ее салон ухода за бровями. Салон находился в самом престижном месте города, аренда помещения, вероятно, стоила здесь целое состояние. На рекламных плакатах салона была сама Дженни — кажется, ее снимал кто-то из лучших парижских фотографов: можно было подумать, что это снимки известной модели. Брови Дженни, похожие на тонкие, изящные нити, чуть-чуть дорисованные карандашом, и вправду могли служить лучшей рекламой ее заведению. Однако пока клиентов было немного — по всей вероятности, салон еще не достиг точки безубыточности.

Дженни, с опухшими глазами после перелета, была явно не в духе.

— Ко мне сегодня приходили из налоговой. Говорят, что у меня недоплата налога с продаж и городского нало-

га. Странно, я же вроде все подавала вовремя. И это еще называется поддержкой малого предпринимательства! Эти чертовы фискалы готовы задушить любой бизнес еще до того, как он вырастет во что-либо толковое. Извини, я рада тебя видеть, просто тут все это. Как тебе Париж? Ты так быстро уехал. Виктория сказала, что ты отличный парень, что она не хотела тебя обидеть, и жалела, что у вас все так как-то неловко закончилось. Еще она сказала, что после твоего отъезда у нее в жизни и в душе возникла странная пустота. Никогда не слышала от нее таких романтических признаний. Кстати, ты с ней остался в друзьях на Facebook? Она тебе ничего потом не писала?

— Дженни, ради бога. Я отписался от ее страницы в тот же день. Честно говоря, даже неловко вспоминать обо всем этом. Ты можешь со мной пообедать? Надо кое-что обсудить.

О ключе и банковской ячейке Дженни не знала абсолютно ничего. Дон о них даже не упоминал.

— Честно говоря, странно, что он имел какие-то дела с банком. Мне казалось, что, кроме своих жужжащих компьютеров и еще меня иногда, ему вообще было мало что интересно.

— Ну, может, кто-то еще что-нибудь знает?

— Сомневаюсь. Хотя у него был один знакомый, Дон звонил ему каждый раз, когда заказывал такси. Дон был дальтоником, и у него не было водительских прав. А этот парень возил его по цене даже ниже, чем Uber. Я найду его телефон.

Невысокий парнишка в кожаной куртке, с подростковыми прыщами на лице, подъехал на своем стареньком Ford Firebird через четверть часа. Джек вызвал его, притворившись клиентом, и по пути попытался его разговорить. Тот долго делал вид, что не помнит, кто такой Дон, но ког-

да Джек протянул ему стодолларовую купюру, его память вдруг резко прояснилась.

— Я не знаю точно, ни в какой банк я его ни разу не подвозил. Два или три раза ждал его на перекрестке в центре делового квартала. Один раз ждать пришлось часа полтора. Это все, что я могу вспомнить.

Эта информация мало чем могла помочь, но все-таки это было лучше, чем ничего. В радиусе пятисот метров от указанного места находилось четыре банка. Частные депозитарии были в трех из них. В двух из них Джек без труда в течение часа подписал договоры на открытие ячейки на месяц, заплатив за это небольшие суммы. К сожалению, ключи, которые он получил там, были не такими, как ключ Дона. В третьем банке свободных ячеек не было. Действуя на грани фола, Джек довольно натурально изобразил из себя рассеянного клиента, показав ключ Дона, и спросил, не перепутал ли он его с каким-то другим. Служащий депозитария подтвердил, что это ключ от одной из их ячеек, но, чтобы открыть ее, требовалось удостоверение личности. Джек извинился, ответив, что свои водительские права и договор на аренду ячейки он забыл дома, но обязательно принесет в следующий раз. К счастью, имя, на которое была оформлена ячейка, тоже было мужским, а на фотографию в личном досье клиента клерк не взглянул, так как Джек сразу ушел, а за дверью уже ждали другие клиенты.

Поддела было сделано.

Вернувшись в кампус, Джек набрал по скайпу Вернера. Швейцарский юрист его звонком совершенно не был удивлен. Джек рассказал ему о последних событиях. Разумеется, Вернер вполне мог быть частью системы, работавшей против него. Но приходилось рисковать, так как особого выбора и времени у него не было.

— Мне необходимо как можно быстрее зарегистрировать компанию за пределами американской юрисдикции. Счет идет на дни.

Вернер посоветовал в качестве самой удобной юрисдикции швейцарский кантон Цуг. Именно там, в зоне с льготным налогообложением и льготами для иностранцев, были зарегистрированы многие новые компании в сфере криптографии, а также различные бизнесы, связанные с выпуском и обращением криптовалют. Название Freedom Choice, которое Джек и его партнеры использовали в Америке, в кантоне оказалось уже кем-то занято, причем всего несколько дней назад, анонимными учредителями. Пришлось продлить его до Freedom Choice Earth. Звучало напыщенно, но при этом вполне соответствовало сути.

— Как будут распределены акционерные доли?

В американской компании ему и Биллу принадлежало по сорок процентов, а Дону — двадцать. Но никакой деятельности она пока не вела, еще даже не были внесены формальные взносы в уставный капитал. Теперь Дон был мертв, а Билл... был далеко.

— Я и Билл Хавличек, по пятьдесят процентов... То есть нет. У меня — пятьдесят один процент, у Билла — сорок девять. На случай, если какие-то решения или важные документы нужно будет оформлять контролирующим акционером.

Разумеется, дело было не только и даже не столько в этом. Джек заочно отдал Биллу половину их компании и ее возможной огромной будущей стоимости. То есть почти половину...

Оставался еще вопрос с ячейкой. Вернер и его компания специализировались не только на классических юридических услугах, но и (что было как бы подводной частью айсберга — не афишируемой, но самой прибыльной частью

бизнеса) на нестандартном разрешении различных щекотливых ситуаций клиентов. Он попросил два дня на то, чтобы попытаться что-либо разузнать.

Вернер перезвонил даже раньше. Номер ячейки действительно был забронирован Доном в банке, где Джек побывал накануне. Так как у Дона не было детей, а с Дженни они не были официально женаты, права на содержимое ячейки переходили его родителям. Те уже много лет жили на Гавайях, занимаясь там конным хозяйством для прогулок туристов верхом на фоне вулканов, вдоль живописнейшей кромки океана. На похороны сына они не приезжали, о ячейке, по всей видимости, пока не имели ни малейшего понятия (что в этой ситуации было на руку), а сам процесс оформления наследства был еще не завершен. В качестве решения проблемы Вернер предложил оформить фиктивную доверенность на Джека от Дона задним числом, заверенную его подручным нотариусом в Швейцарии. Это было подлогом, преступлением, нарушением всех существующих законов и приличий, но иного способа выполнить последнюю волю Дона не было. Доверенность была доставлена сервисом DHL из Цюриха уже через три дня. Эта услуга стоила Джеку один процент в его компании, которая была оформлена теперь лично на Вернера. Джек подсчитал, что если вся стоимость бизнеса когда-нибудь достигнет миллиарда, то получится, что эта бумага обошлась ему в десять миллионов. Однако пока она еще не стоила ничего, и он был благодарен своему международному юристу за эту услугу.

Конец недели выдался теплым и солнечным, а выходные обещали быть идеальными для семейного выезда на природу и барбекю. В такие недели по пятницам у большинства мелких клерков душа буквально поет от счастья, в конце рабочего дня они считают минуты, отделяющие их от сла-

достной двухдневной свободы от оупляющей, рупинной офисной работы. Именно в это время решать с ними любые дела проще всего. Джек специально пришел в депозитарий за двадцать минут до его закрытия в пятницу. Подходя к банку, он прислушался к собственным ощущениям. Чувства колющей, тревожной опасности, так часто посещавшего его в последнее время, на этот раз не было. Джек надел студенческую куртку с логотипом МТИ на карманах, взял потрепанную сумку с учебниками, слегка взъерошил себе волосы — чтобы сойти за безобидного рассеянного студента. Он также позвонил в депозитарий заранее, услышав на том конце женский голос, — все складывалось хорошо: он не хотел, чтобы его увидел тот же служащий, что и несколько дней назад. Все сработало, как он рассчитывал, — с доступом к ячейке Дона по доверенности не возникло никаких проблем. Он возвращался в машину, сжимая рукой в кармане брюк содержимое ячейки. В ячейке находилась простая маленькая белая флешка, и больше ничего. Джека отделяла пара шагов от угла улицы, за которым был припаркован автомобиль, когда он вдруг почувствовал сильный шум в ушах и легкое головокружение. Чувство опасности было острым как бритва — ему вдруг захотелось бежать со всех ног. Развернувшись, он обошел здание банка с задней стороны, затем еще обогнул сквер и как можно незаметнее перешел улицу на приличном расстоянии от места, где стояла его машина. Рядом с ней крутились трое парней, лица которых издали он не мог рассмотреть. Один из них был в рэперской шапочке, весь в наколках, другой темнокожий. Третий то и дело поглядывал на часы, постоянно озираясь. Джек быстрым шагом пошел по другой улице. Он не хотел возвращаться ни в кампус, ни тем более к Дайане, чтобы не подвергать никого риску. Он позвонил любимой, попросив ее срочно приехать в хорошо известное ей кафе, где они

когда-то часто встречались, захватив его ноутбук. На флешке оказался всего-навсего один файл — название какой-то старой модели компьютера McBook Pro с номером, затем имя папки «Последние релизы фильмов», длинный пароль к ней, и больше ничего. Дайана вздохнула:

— Ну не может же быть, что Дон просто хотел подшутить над кем-то. Надо искать этот компьютер.

Еще через час они были у Дженни в ее салоне, которая лишь покачала головой:

— Самые дорогие его компьютеры я отдала в компьютерный центр университета, еще два или три пожертвовала фонду поддержки одаренных афроамериканских подростков. Дон говорил, что в старости будет заниматься благотворительностью, вот я и решила, что он бы это одобрил. Один, самый старенький, отдала его другу. Помнишь того парня из Кении, с юридического факультета Гарварда? Высокого, худого, как плеть, в очках. Дон иногда зависал с ним в баре. Больше никаких компьютеров, кроме моего собственного ноутбука, в квартире не осталось.

— Дженни, пожалуйста, вспомни конкретно этот компьютер. Куда он делся?

— Да не помню. Они для меня — все одинаковые. Это же не брендовые сумочки.

Джек показал ей изображение такого же компьютера в Интернете. Дженни его некоторое время рассматривала, но затем вспомнила:

— А, этот. Да он вообще не стоял в той комнате. Дон называл его старой школой — кажется, купил его еще на первом курсе, до нашего знакомства. С черным корпусом и яблоком Apple на крышке. Да, это он. Дон держал его где-то в кладовке, под кипой старых компакт-дисков, несколько раз я видела, как он вынимал его — кажется, чтобы просто пощелкать по клавишам и поиграть в старые

компьютерные игрушки. А потом он всегда опять зарывал его под кучей дисков.

— Где этот ноутбук?

— Как раз его я и отдала кенийцу. Подумала, что будет лучше, если его любимый компьютер уйдет его другу. Тем более все равно старая модель, в компьютерном центре ее бы не взяли.

— Что за кениец? У тебя остались его координаты?

— Думаю, его можно легко найти через справочник факультета — его зовут Доменик Кейно. Он точно учился на юридическом. Дон шутил, что это второй Барак Обама. У Обамы отец был кенийцем, а мама — белой американкой, и он тоже закончил юридический Гарварда. У этого Доменика — наоборот, мама — кенийка, из племени масаев. А отец, кажется, шотландец. Но он был абсолютно темнокожий. И к тому же любил покурить «травку» и играл регги на гитаре. Не понимаю, что он делал в Гарварде, хотя парень вроде толковый. Я даже хотела написать о нем статью для сайта и газеты «Бостон Глоуб», именно обыграв параллели его биографии с Обамой. Но потом, после того что случилось с Доном, стало уже не до этого.

Следующий день был субботой, но Джек уже к полудню знал все о Доменике Кейно. Тот поступил в университет в основном благодаря протекции правительства Кении, имевшего неформальную квоту в лучших вузах страны. Его учеба шла ни шатко ни валко, и совсем недавно Доменик неожиданно уехал из Бостона, оповестив декана факультета о том, что его жизненные интересы изменились и он передумал становиться юристом. Джек попробовал дозвониться до Доменика по телефону, отправил ему сообщение по электронной почте, но никакой обратной связи не последовало. Все, что оставалось, — это его адрес в Найроби, столице Кении. Билет из Нью-Йорка в Найроби турецкими авиали-

ниями через Стамбул стоил всего тысячу долларов. Кения была комфортной для американцев англоязычной страной, куда они летали, чтобы посетить великолепные национальные парки с дикими животными, а Найроби, деловой центр которого в последние десятилетия оброс современными стеклянными небоскребами, был фактически столицей всей Восточной Африки. Дайана хотела лететь вместе с ним, но Джек, предчувствуя, что поездка может оказаться непростой, решил лететь один.

Он еще никогда не был на Черном континенте и, видя из иллюминатора самолета необъятные просторы саванн, с большими озерами и отдельными участками густого тропического леса, с трепетом предвкушал знакомство с родиной человечества. Всего лет двадцать-тридцать назад Кения была беспокойным местом. В те времена здесь, как нигде, бушевал вирус иммунодефицита, убивая сотни тысяч людей, затем разразилась война между властными группировками: самое обычное дело для Африки, но не для Кении, долго остававшейся одной из самых спокойных и благополучных стран континента благодаря столетнему английскому протекторату. Если бы Джек прилетел в Найроби в те времена вечерним рейсом, ему пришлось бы ночевать в аэропорту, пока утром не окончился комендантский час. К счастью, все это было в прошлом. Теперь экономика Кении стабильно росла, а криминальная и эпидемиологическая ситуации стали одними из лучших в Африке. Американцу или европейцу можно было гулять по приличным кварталам Найроби в любое время. А приятнее всего было то, что английский язык в Кении был государственным — в отличие от почти всех других стран Африки.

Переночевав в гостинице, Джек утром отправился по адресу, который ему дали в университете. Таксист привез его в респектабельный двухэтажный дом в богатом приго-

роде Найроби, окруженный, как и все соседние дома, высоким забором с колючей проволокой. На вызов по домофону долго никто не отвечал, пока дверь не открыла пожилая домработница невысокого роста, которая едва говорила по-английски. Она была явно не кенийкой и смогла с трудом объяснить, что господин Кейно уехал куда-то далеко. Больше ничего из нее выудить не удалось.

Нить к загадке ключа Дона оказалась длиннее, чем можно было подумать вначале. В гостинице он вошел в Facebook, без труда найдя там страницу Доменика. Фотография на его аватарке была забавной — детская картинка из мультфильма, а заставку страницы украшала восхитительная фотография восхода солнца над Килиманджаро, очевидно, снятая им самим с северной, кенийской стороны главной горы Африки. Склоны Килиманджаро были покрыты контрастной, ярко-зеленой растительностью, а на ее вершине лежала величественная снежная шапка, ставшая, правда, в последние годы меньше, чем раньше, из-за глобального потепления. На фоне горы на фото позировал стройный, худощавый туземец с копьем, очевидно, из народности масаи, а также пара жирафов, которые нежно касались друг друга шеями, почти переплетаясь ими. Личных снимков Доменика на его странице было немного, но вполне достаточно, чтобы хорошо представить себе его внешность. У большинства студентов МТИ в соцсетях насчитывалось несколько тысяч друзей или подписчиков, но у Доменика друзей было лишь около двухсот, что даже несколько облегчало задачу. Большинство подписчиков страницы были американцами, но также нашлись и кенийцы. Судя по всему, Доменик серьезно увлекался этнографией — на доступной части его страницы, помимо музыки, больше всего было постов со ссылками на статьи о проблемах коренных народов Африки, а также контакты благотворительных организаций, помогающих им.

Было похоже, что Доменик давно не заходил в Интернет — последнюю пару недель по крайней мере. Его друзья в этот период дважды поместили его в каких-то случайных событиях, эти ссылки были вверху его страницы, но он на них никак не отреагировал — не стер их, но и не лайкнул, и не прокомментировал — скорее всего, просто не видел.

Джек разослал письма с просьбой о срочной помощи в поиске Доменика его кенийским друзьям. В течение часа пришло четыре ответа: в трех говорилось, что они ничем не могут помочь. Единственным полезным оказалось письмо, автор которого назвал себя двоюродным кузеном Доменика (в Африке это могло означать любую степень родства, вплоть до полного отсутствия такового). Он написал, что Доменик уехал на изучение какого-то далекого племени на севере Кении, и посоветовал обратиться к его *hot chic*, как он выразился, — подружке, работавшей в ночном клубе, правда, лишь примерно описав, где этот клуб находится («недалеко от гостиницы «Хилтон Найроби Сентер», в одном или двух переулках»). Подружку звали Кристин, и она была менеджером клуба. Джек в ответ предложил заняться ее поисками вместе вечером, но автор сообщения ответил, что был бы рад, но сожалеет, так как сегодня — *extremely busy* (очень занят). Джек прислал шутовское изображение стодолларовой купюры. Ответ не заставил себя ждать. Триста, чувак, и ни цента меньше, если тебе это так уж сильно надо, и то только потому, что ты для этого из Америки прилетел. На рецепции гостиницы, где они встретились вечером, он ожидал увидеть подростка, но вместо этого к портье обратился высокий солидный темнокожий мужчина в плаще. Они вместе взяли такси, проехали с десятков кварталов делового центра с небоскребами, свет в окнах которых уже не горел, — в деловых центрах Америки высотки све-

тятся куда дальше, отметил про себя Джек. Наконец они вышли из машины посреди длинной, широкой, но совсем пустынной улицы. Заведение, которое они искали, было стриптиз-клубом, но, к счастью, не борделем, а вполне «солидным» местом — с яркими светящимися вывесками и тремя внушительными охранниками у входа в костюмах, которые досмотрели их столь тщательно, как будто они входили на борт самолета.

В американских стрип-барах на первом курсе колледжа ему с приятелями приходилось бывать. В них были довольно строгие правила — за каждый танец нужно оставлять подошедшей к столику девушке приличные чаевые, но самое главное — к танцовщицам строжайше запрещено прикасаться. Ко всем, кто в азарте хоть на секунду нарушал это незыблемое правило, подходили вышибалы и очень неделикатно выпроваживали из клуба, вплоть до вызова полиции. Выглядело все это предельно фальшиво, поэтому Джек, несмотря на то что у него тогда еще не было постоянной девушки, быстро потерял всякий интерес к таким заведениям. Но в стриптиз-клубе Найроби все было намного фривольнее. Он с его спутником занял столик, ближний к сцене, на которой был установлен шест. В течение часа на нее выходили темнокожие девушки, плотного, но при этом «сочного» телосложения. То, что они исполняли, было совсем не похоже на стриптиз в Америке. Подойдя к шесту, вместо танца они становились в соблазнительную позу и начинали трясти своей задней частью так, что на ней рельефно выделялась сетка из сотни мельчайших мышц. Каждое такое выступление, с небольшими вариациями, продолжалось несколько минут. В первый раз такой танец показался странным, но когда это же самое движение виртуозно повторила третья или четвертая темнокожая девушка криду, у Джека откуда-то, словно из глубин подсознания, а может быть, из

древних африканских генов, рецессивно присутствующих в каждом живущем человеке, вдруг поднялось как цунами и буквально изверглось в мозг чувство такого сексуального желания, что над ним было сложно возобладать. Джек отвернулся от сцены, заказав себе и своему спутнику пива. Как раз в этот момент на сцене появилась девушка, не похожая на тех, кто выступал до сих пор. Она была высокая, и у нее была потрясающая фигура — ничуть не хуже, чем у молодой Наоми Кэмпбелл в клипах девяностых. Она не стала трясти своими прелестями, а с ненарочитой, какой-то неиспорченной, чистой природной грацией сделала серию пластичных, плавных движений вокруг шеста. Джек не мог отвести взгляд от красоты ее телосложения, а когда свет софитов, наконец, как следует упал и на ее лицо, оно тоже оказалось необыкновенно привлекательным, очень юным, с тонкими скулами и блестящими черными, как у газели, глазами. Как только танец окончился, Джек подал девушке знак рукой — он очень захотел, чтобы эта красотка станцевала ему приват-танец. Его спутник, также затаивший дыхание и замерший с бокалом пива в руке, без слов явно одобрял его выбор.

Она взяла Джека за руку и повела в какую-то комнату, в которой музыка из основного зала была едва слышна. В центре комнаты стояла широкая мягкая тахта с высоким балдахинном и царил интимный полумрак. Девушка села ему на колени и несколько минут танцевала, постоянно прикасаясь к его телу. Ее фигура, словно вырезанная из драгоценного черного дерева, двигалась идеально в такт музыке, а ее глаза ни на секунду не переставали смотреть прямо в его глаза. Она взяла ладони его рук в свои и провела кончиками его пальцев по возбужденным соскам своей груди. Пожалуй, ничего более эротичного в жизни Джек еще не чувствовал. Он знал, что время приватного танца заканчивается и он

с ней уже больше никогда не увидится. И все-таки, без всякой цели, попросил номер ее телефона. Музыка стихла, влажные глаза газели, слегка затуманившиеся во время танца, теперь внимательно вгляделись в лицо Джека. Девушка улыбнулась: «You are very nice...» Объяснила, что им запрещено давать гостям свой номер, но если Джек даст ей свой телефон, то утром она ему обязательно позвонит, придет в отель, и потом они «весь день будут заниматься любовью». Было это правдой или нет, но Джек подумал, что такого сильного женского соблазна он не испытывал еще ни разу за всю свою жизнь. Но ответил ей что-то уклончиво, в этот момент заглянул охранник, напомнив, что время приват-танца закончилось.

Джек со спутником сидели в клубе еще какое-то время, пока не появилась Кристин. К удивлению, она оказалась белой, хотя и кенийкой по паспорту — ее родители были иммигрантами из Британии, имевшими в Кении собственную кофейную плантацию. Кристин была невысокой пышногрудой энергичной брюнеткой и говорила с почти оксфордским акцентом. С Домеником они встречались уже давно. Сейчас он находился на самом севере страны, в месте, где саванна переходила в пустыню, почти на границе с Эфиопией. Доменик узнал о племени северных масаев, обитавших в засушливой зоне, страдавших от голода из-за неурожая, загрузил свой джип доверху продуктами питания из местного супермаркета и отправился в эту деревню. От Найроби на джипе по гравийным дорогам туда нужно было добираться два дня в хорошую погоду и минимум три, если дороге в некоторых местах размывало. На связь он с тех пор не выходил, так как в этом районе даже не было сотового покрытия. Впрочем, в таких случаях Доменик всегда брал с собой спутниковый телефон, номер которого Кристин любезно продиктовала.

Утром, во время их разговора, самым сложным было объяснить, зачем он отправился через полмира ради какого-то старого ноутбука. Голос Доменика звучал удивленно и настороженно. Джеку пришлось сказать, что он отдыхает в Кении и Танзании ради сафари по национальным паркам Масаи-Мара и Серенгети, где всего за неделю до этого можно было увидеть одно из самых грандиозных представлений живой природы в мире — «великую миграцию». Многомиллионные стада антилоп переходят через реку, чтобы добраться в конце засухи до зеленых пастбищ. Возле реки, прямо на склоне холма, их поджидают изголодавшиеся хищники — львы, леопарды, гиены. Но главная опасность таится в мутной воде, где свою добычу с нетерпением ждут полчища крокодилов. В разгар великой миграции можно сделать самые драматичные фотографии живой природы Африки, когда вода в реке становится красной от крови множества антилоп, причем особенно самых молодых, неопытных особей. И все же более девяноста девяти процентов популяции антилоп спасается, так как переходят через реку быстро и огромным стадом, что оказывается более чем достаточным для выживания их вида в целом.

Интерес к компьютеру Дона Джек объяснил наличием в нем программы для их проекта, которую Дон, по трагической случайности, не успел заархивировать на сервере. Доменик подтвердил, что ноутбук у него, а также дал совет — не пытаться добраться к нему по почти непроходимому бездорожью, а прилететь на самолете.

Рейс местных авиалиний летал каждый день. Небольшой самолет мест на тридцать напоминал старую сельскохозяйственную технику для опыления полей, летавшую на малой высоте, а лопасти его винтов казались частично проржавевшими. Салон был почти пустой, но когда это корыто с крыльями мягко приземлилось на короткую, пыльную по-

лосу на расчищенном от кустарников куске земли, Джек обратил внимание, что в обратную сторону на том же маленьком аэродроме без здания аэровокзала выстроилась длинная очередь желающих добраться в столицу — казалось, что мест в самолете для всех них не хватит. Некоторые женщины — яркой внешности, в несуразно цветастой одежде, соответствовавшей их представлениям о моде и стиле, стройные, как и большинство молодых кениек, имели огромные, на взгляд западного человека, почти безобразные дыры в ушах — в них была вырезана примерно половина от всей мочки уха. Еще у одной женщины, уже в солидном возрасте, на ее длинную, вытянутую, как у жирафа, шею было нанизано несколько широких медных обручей — вероятно, она принадлежала к народности мурси, с юга Эфиопии.

Деревня масаев, куда уехал Доменик, находилась всего километрах в двадцати от аэродрома. GPS в смартфоне Джека принимал сигнал спутников, и у него даже мелькнула мысль пройти путь пешком — часа четыре бодрой ходьбы по проселочной колее, не больше. У него с собой был рюкзак с водой и снеками, на ногах — удобные трекинговые ботинки. На всякий случай он спросил об этом служащего аэродрома, пожилого темнокожего абиссинца. Тот сначала посмотрел на странного белого с удивлением, а затем засмеялся, обнажив свои редкие, желтоватые зубы. На английском он говорил быстро, но с акцентом и делая много ошибок.

— Белый мистер хочет шутить. Идти пешком — да, да, это хорошо. Станете вкусным обедом для льва, он сейчас, во время засухи, как раз сильно хочет есть. Да-да, если льва — это хорошо, потому что эти мерзкие гиены будут грызть вас намного медленнее и больнее...

На рынке местной деревушки, подкрепившись парой больших сладких плодов манго, Джек нашел водителя ржавого внедорожника, который запросил за поездку четыреста

долларов, понимая, что у белого американца такие деньги явно водятся, а другого выхода у него нет. Не без труда сбив цену до трехсот, Джек сел в кабину с потемневшей обивкой, пахнувшей потом и чесноком. Дорога была ужасной, но зато водитель оказался общительным, всю дорогу охотно делясь секретами психологии отношений с африканскими женщинами. Джек из вежливости слушал и кивал, в какой-то момент обратив внимание на двух необычных мух, все это время спокойно летавших по салону. Они были чуть удлиненными и совершенно прозрачными.

— Мухи цеце. Вообще-то их много на юге, а здесь они появляются редко — только в это время года.

Водитель притормозил и придавил обеих мух пальцами о стекло. Джек знал, что укусы мух цеце вызывали фатальную сонную болезнь, в прошлом уносившую в Африке миллионы человеческих жизней каждый год.

— Бояться не надо. Сейчас эти мухи не опасны, как были когда-то. У моего прадеда от них вымерла целая деревня. Люди сначала переставали спать, затем становились злыми, ругались и дрались друг с другом, а потом шли домой, ложились и засыпали на неделю. Когда их пытались будить, они просили их не трогать и спали дальше. Потом в какой-то момент у них начиналась лихорадка, и еще через день они умирали. Но сейчас таких случаев в деревнях почти не бывает. Куда хуже, чем эти мухи, комары, малярия. У меня от нее недавно умер маленький племянник. Я сам болел малярией в детстве и чуть не умер. Потом я еще переболел ею пять раз. Но каждый раз было все легче. Когда я болел ею в последний раз, этой весной, я был в поле и даже не прекратил работать, только на ночь принял таблетку хинина. Осторожно!!!

Водитель резко ударил по тормозам. Джека, слегка задремавшего под мерный рассказ водителя на переднем сиде-

нье, резко трянуло, и он, не пристегнутый, ударился лбом о лобовое стекло — к счастью, не сильно.

— Бегемот. Эти черные туши всегда неожиданно перебегают дорогу. И они вообще не боятся машин. Нам повезло, что мы разминулись с этой тварью. Опаснее бегемота зверя нет.

— А как же львы, леопарды?

— Львы нападают на людей, только если они голодны или ранены. А если человек — это воин-масай, в красной одежде, высокий, с копьем в руках, — то лев унесется прочь от одного его вида, как до смерти испуганная домашняя кошка. Леопард — ночной зверь. Днем спит в тени, в листве, на дереве. Этот зверь еще благороднее и привередливее, чем лев. Человеком он просто побрезгует. А бегемот — самое злое животное. Затапчет любое животное размером меньше него самого только ради забавы.

— А слоны?

— Слон — это самое умное животное. Они — как люди, даже хоронят своих. Слонов надо уважать, и тогда они тебя не тронут.

Средняя скорость движения по разбитой грунтовке, то и дело превращавшейся в бездорожье, была очень низкой, но часа через два они все-таки достигли нужной деревни. Она была небольшой — всего тридцать или сорок низких круглых хижин, а посреди — некое подобие центральной площади. Рядом с ней находился огороженный загон, в котором лежали или сидели штук десять коров, тощих, как скелеты. Джек заметил вдали нескольких высоких худых мужчин в красной одежде. Около костра сидели две юные, но уже вполне созревшие девушки, одетые только в некое подобие юбки, скорее напоминавшей набедренную повязку. Груды были маленькими, но упругими на вид, в их сильно проколотых ушах висели целые гроздья разноцветных

сережек, а руки и плечи частично покрывали татуировки. При приближении Джека громко залаяли собаки. Подойдя к мужчине, сидевшему недалеко от девушек (про себя отметив, что в этой стране даже коренные жители, к счастью, говорят по-английски), Джек сказал, что ищет Доменика из Найроби. Мужчина едва поднял голову — так, словно белые американцы только и делают, что ниоткуда появляются в этой дикой глуши, — и махнул рукой в сторону одной из хижин на краю деревни, почти скрытой за деревьями, у самого гребня небольшого холма. Джек направился туда и вскоре почувствовал, что кто-то крепко схватил его за руку. Это был невысокий подросток с коротким ежиком волос на голове и резко выступающими костями плечевых суставов. Он держал в руках плетеные побрякушки. Когда Джек покачал головой и мягко отстранил его, тот, с трудом выговаривая английские слова, стал тыкать в него чем-то. Это был большой зуб-резец льва на нитке.

— Двадцать долларов, маса. Всего двадцать. Это приносить большую удачу охотнику.

Джек отдал банкноту мальчику, положив сувенир в карман, но уже через минуту пожалел об этом. Только что пустынная, тихая улочка между хижинами вдруг наполнилась кричащими, атакующими его мальчиками, тыкающими в него предметами для продажи. Их было человек шесть, через минуту стало больше десяти. В конце концов Джеку пришлось уже кричать на них во весь голос, чтобы они оставили его в покое.

На шум вышли несколько взрослых, и одним из них был Доменик, которого Джек узнал по городской рубашке, полурасстегнутой, с обвязанными вокруг тела краями, и очкам в толстой оправе. Тот тоже понял, кто перед ним.

— Эй, здорово, брат. С приездом. Я попрошу, чтобы тебя встретили как подобает.

По древнему обычаю масаев, всех дорогих гостей деревни, уставших с дороги, которым надо было восстановить силы, угощали деликатесом: приводили самую крупную корову, надрезали ей яремную вену на шее и подставляли чашу. Она наполнялась горячей булькающей кровью животного буквально за несколько секунд, после чего рану на шее коровы заклеивали чем-то похожим на кусок жевательной смолы и отводили ее обратно в стойло. Сама корова при этой процедуре ни на миг не теряла свой спокойный, даже сонный вид. Джек смог лишь пригубить этот кровавый напиток, кивнул в благодарность, после чего передал чашу кому-то из подростков, который проглотил ее содержимое несколькими жадными глотками. В хижине его угостили суховатыми, почти безвкусными мучными лепешками, которые он запил теплым молоком.

— Дела здесь идут не очень хорошо, брат. Засуха — самая сильная за последние лет пятнадцать. Если бы не еда, которую я привез, самые маленькие дети уже начали бы умирать от голода. Местные ждут дождя уже больше недели, но он все не начинается.

— Доменик, я приехал за компьютером Дона, о котором мы говорили по телефону. Он у тебя? Мне можно его взять?

— Да без проблем, бро. Он валяется где-то на дне моего багажника. Правда, этим утром я одолжил мой джип до завтрашнего дня одному из местных, которому надо было срочно отвезти ребенка с лихорадкой в больницу. Он вернется завтра утром. Тебе придется подождать. В деревне есть несколько пустых хижин — охотники ушли на много дней в саванну, чтобы добыть хоть какое-то мясо для детей и женщин. Выбирай для ночлега любую.

Солнце еще не зашло за горизонт, но ноги Джека после нелегкого дня уже подкашивались от усталости, и он поплелся в первое попавшее жилище, стоявшее прямо под

кроной раскидистого зонтичного дерева. Внутри хижины было темно, немного сыро, стоял неприятный затхлый запах, но зато кровать была широкой и довольно мягкой. Джек не раздеваясь лег на нее, закрыв глаза. События последних дней, словно фильм на сильно ускоренной перемотке, пронеслись перед его взором. Они были похожи на длинную, темную, вьющуюся ленту, которая все еще не распуталась до конца. Тревожный вопрос — а вдруг в этой злосчастной папке на компьютере завтра не окажется ровным счетом ничего интересного, — словно повис в воздухе, оставаясь без ответа.

Джек уже почти уснул, но что-то не давало ему отключиться, как бы сильно его организм к этому ни стремился. Внезапно он услышал где-то в дальнем углу хижины громкий, ясный и потому весьма странный шорох, после чего последовал звук, напоминающий то ли свист, то ли шипение мяча, из которого резко вышел воздух. Джек насторожился. Было почти ничего не видно. Он включил фонарик, встроенный в смартфон, к счастью, еще не до конца разряженный. На мгновение показалось, что та темная лента, о которой он думал, лежа с закрытыми глазами, теперь вдруг материализовалась и шевелилась в углу. Разница заключалась в том, что эта лента, которую он теперь видел более отчетливо, была не черной, а серо-темно-голубой и слегка блестящей и уж точно не тонкой, а весьма массивной. Джек вскочил с кровати. Лента метнулась в сторону дверного проема, часть ее выпрямилась вверх, встав в атакующую стойку высотой в полметра. Темные глаза адской рептилии поблескивали, не мигая, в свете фонарика телефона, раздвоенное жало словно ощупывало или пробовало на вкус воздух. Снова раздалось шипение — на этот раз уже куда более громкое и устрашающее. Джек в детстве читал о змеях и понял, что перед ним была самая страшная змея

Африки — черная мамба. Яд от ее укуса оказывал мощное паралитическое действие, и без быстрой инъекции антидота человек неминуемо умирал от него в страшных судорогах в течение двух часов. Помимо очень токсичного яда, характерного и для многих других африканских змей, черная мамба, в отличие от остальных, была еще и крупной, сильной змеей, обладая агрессивным темпераментом, нередко нападала на людей, ничем ей не угрожающих. Джек понял, что через секунду змея сделает выпад в его сторону. Он вскочил на кровати на ноги и отпрыгнул вбок. Черная смерть сжалась в пружину и буквально выстрелила своим телом туда, где Джек находился менее секунды назад. Он поднял голову и увидел, что вдоль потолка хижины проходит толстая деревянная балка, а на стене под потолком есть небольшое окно. Он подпрыгнул, схватившись за балку руками, подтянулся на ней и, с трудом дотянувшись до окна, стал громко звать на помощь. Змея продолжала делать один за другим все более остервенелые выпады над опустевшей кроватью — она обладала слабым зрением, но зато имела превосходное обоняние, реагируя не на его движения, а на запах пота Джека, успевший слегка пропитать одеяло. На крики Джека прибежали двое масаев, вооруженных длинными деревянными пиками. Открыв дверь и увидев змею, один из них стал сильно бить своей палкой змею по хвосту, оставаясь на приличном расстоянии от нее, чтобы отвлечь ее. Когда мамба развернулась и рывком выползла из дверного проема хижины, второй масай стал изо всех сил бить ее концом своего длинного шеста по голове. Борьба длилась некоторое время, огромная змея шипела, извивалась и пыталась укусить палку, но в итоге осела, затихла, став похожей на неподвижный широкий, запутавшийся в траве, садовый шланг. Змеиное мясо считалось у аборигенов деликатесом, но сам образ черной мамбы был овеян таким

ужасом, что масаи, не думая, сложили ее труп на кусок брезента и унесли за пределы деревни.

Эту ночь Джек, по его собственному желанию, спал на открытом воздухе, сидя, кляня носом и время от времени просыпаясь, рядом с костром, внутри круга, который коренные жители Африки очерчивают вокруг места ночлега и который, как считается, отпугивает змей. Снова заснуть в обычной хижине в эту ночь он не мог.

Тревоги Джека развеялись на следующее утро. Джип Доменика вернулся в деревню в целостности и сохранности, а ребенок, которого возили в больницу, выглядел хоть и ослабевшим от недоедания, но уже вполне здоровым: его вчерашний приступ лихорадки, к счастью, не был связан с малярией.

Черный ноутбук McPro сильно пах бензином и был влажным — на кочке по дороге открылся и вылился прямо на него запасной баллон с водой, лежавший в том же багажнике. Но повреждения компьютера не выглядели уж очень серьезными. Около полудня, попрощавшись с жителями деревни и особенно тепло поблагодарив тех масаев, которые спасли ему жизнь накануне, Джек снова ехал через саванну по ухабам и бездорожью, на этот раз с Домеником.

— Ты знаешь, вчера вечером ко мне зашел вождь племени. Представляешь, он предложил провести обряд поклонения дождю с твоим участием! Это шаман надоумил его. Сказал, что если Великий Дух, сотворивший землю, ветер, воду и огонь, так долго не слышит их молитв о дожде, то этот белый наверняка послан племени его духами-защитниками, чтобы Великий Дух услышал его молитву. Но, ты знаешь, этот обряд мог растянуться на несколько дней, и к тому же, если бы он не принес результата, еще неизвестно, как эти парни на нас бы посмотрели. Поэтому я вежливо отказался, но в качестве компенсации подарил вождю ты-

сячу долларов, только тогда он нехотя согласился отпустить тебя. Нет, не беспокойся. Отдашь мне потом, когда встретимся в Бостоне. Я постараюсь проследить, чтобы эти деньги пошли на покупку лекарств для деревни.

— Когда ты собираешься вернуться в университет?

— В следующем году. Надеюсь, что меня восстановят. Просто в какой-то момент я подумал, что жизнь людей куда важнее всех этих американских юридических тонкостей, которые там изучают.

— Спасибо тебе. И кстати, скажи вождю, что я покладую и принесу в деревню дождь. Скажи, что я знаю для этого очень сильную молитву, которой меня научили мои далекие белые предки, я буду читать ее всю эту ночь, а когда они проснутся завтра, с небес потекут реки воды.

— Шутишь?

— Абсолютно серьезно. Скажи ему обязательно, что мои предки тоже умели общаться с Великими Духами, как и их шаман, и что они меня обязательно услышат.

Они прибывали в район аэродрома — скоро самолет, прилетевший из Найроби, должен был отправиться обратно. Джек показал приятелю экран своего смартфона, который на подъезде к городку поймал слабый, но устойчивый сигнал сотовой связи. На всемирной карте погоды на сайте Weather.com, которая только что обновилась, на всем севере Кении на следующий день значились штормовые дожди.

В Найроби, в отеле, промокший ноутбук, несмотря ни на какие ухищрения, не хотел включаться. В конце концов, потеряв терпение, Джек развинтил его корпус, вынул оттуда жесткий диск, вставил его в переносное устройство и подключил к своему компьютеру. К счастью, жесткий диск ноутбука Дона был не поврежден. Несколькими кликами Джек нашел нужную папку и, сгорая от волнения, ввел пароль, который содержался на флешке из банковской ячейки.

Содержимое папки открылось. Там был простой файл в формате Word. В нем были только два очень длинных, двадцатизначных набора символов, которые включали в себя латинские буквы, цифры и всевозможные подстрочные значки. Очевидно, это снова были какие-то пароли. Но от чего на этот раз?

Джек встал с кресла и походил взад-вперед по комнате. До истечения срока, который ему дали в самой таинственной спецслужбе мира, оставалось всего одиннадцать дней.

Он обязан был срочно что-то придумать, чтобы спасти себя, а заодно и остальной мир.

Глава 17

Соединённые Штаты планеты

*Вашингтон, 8 июня 1991 года,
12.30 пополудни*

Америка соскучилась по военным парадам. Последняя Большая война, в которой она открыто участвовала, окончилась за восемнадцать лет до этого — эвакуацией последнего оставшегося к тому времени в Сайгоне, столице Южного Вьетнама, небольшого воинского контингента. Окончательному выводу армии США из Вьетнама предшествовали прощальные рождественские ковровые бомбардировки Ханоя и других северовьетнамских городов. И хотя многие американские военнослужащие проявили в той войне поразительное мужество и верность воинскому долгу, итоги той кампании совершенно точно не располагали к победным шествиям.

Теперь изменилось абсолютно все. Америке больше не нужно было противостоять коммунизму во всех частях планеты. «Холодная война», длившаяся сорок пять лет со дня знаменитой фултонской речи Черчилля, произнесенной британским лидером на американской земле, только что закончилась. США одержали в ней блистательную, безоговорочную победу. Советский Союз еще существовал, но находил-

ся в последней стадии своего полного и уже неотвратимого разложения. Берлинская стена, главный символ той «холодной войны», была в щепки сметена народом, устремившимся к западным идеалам и к западному же изобилию; скоро ее мелкие обломки стали продаваться с рук как редкий сувенир. Всего за несколько лет до этого Советская держава казалась грозным рычащим медведем, соперничавшим с Западом на равных, а в военном отношении, возможно, даже превосходившим его. А теперь одним из главных вопросов на повестке дня в Вашингтоне и в Брюсселе были масштабы бесплатной гуманитарной помощи России — базовых продуктов питания, чтобы в ее крупных городах на фоне паралича советской экономики не начался полномасштабный голод. Столь быстрая и даже внешне легкая победа была достигнута не с помощью ядерных боеголовок, о паритете количества которых так заботились всю «холодную войну» советские генсеки и члены Политбюро, и не посредством программы «звездных войн» Пентагона, которую они так боялись, хотя программы на самом деле даже никогда не существовало. Берлинская стена была сметена потому, что по ту ее сторону светились витрины великолепных супермаркетов, полки которых ломились от любых продуктов и самых модных и желанных потребительских товаров; потому что *там* можно было говорить что угодно — выступать на центральной площади с пикетами против власти, а у полиции, по Конституции, не было права не только упечь протестующего за решетку, а даже и прикоснуться к нему. Стена рухнула потому, что обещания «земного рая» по эту ее сторону обернулись репрессиями, бессмысленной работой за копеечное жалованье, безнадежной серостью быта, а главное — ложью, сплошной, всепроникающей ложью, от которой любому сохраняющему достоинство человеку было тяжело просто дышать. Вполне вероятно, что идея

коммунизма как таковая в умах людей не умерла. В ней по-прежнему оставалось много заманчивого. Но путь к достижению такого уровня развития общества в далеком заоблачном будущем теперь представлялся во всем мире совсем другим и точно — не советским.

В этот жаркий субботний июньский день в Вашингтоне вдоль обочины проспекта Конституции собралась огромная толпа — более восьмисот тысяч человек. Люди аплодировали, размахивая небольшими звездно-полосатыми флажками, участникам большого парада, который не разочаровал никого. Все звезды, имена которых чаще всего мелькали в американской прессе в последние месяцы, были здесь. Боевые машины пехоты «Брэдли», вертолеты «Апачи», танки «Абрамс» и специальный гость торжества — подвижные ракетные установки Patriot, спасшие столицу Израиля и Саудовской Аравии от иракских обстрелов советскими ракетами «Скад». Морские пехотинцы в парадной белой форме, десантники в камуфляже казались лишь придатком к этому впечатляющему строю новейшей военной техники. В войнах будущего, полностью автоматизированных, вероятнее всего, живая сила на полях сражений будет не нужна совсем. Парадом командовал генерал Шварцкопф, герой кампании, почти идеально составивший и воплотивший стратегический план операции «Буря в пустыне», а принимал парад президент Джордж Буш-старший, в свои 67 лет все еще казавшийся необыкновенно стройным и моложавым. Все руководство страны, и особенно министр обороны Дик Чейни, грузный седой мужчина в очках, в рубашке с короткими рукавами, наблюдало за парадом с таким выражением лиц, словно ими только что была одержана победа в одной из самых великих войн. На самом деле Война в заливе была самой короткой из крупных военных кампаний в истории, продлившись лишь чуть более месяца, а решающая, назем-

ная фаза операции заняла всего 100 часов. Войска Саддама Хусейна, оккупировавшие Кувейт, сдались и покинули территорию суверенной страны даже быстрее, чем на то рассчитывало командование армии США. Но это была хоть и скоротечная, но вовсе не игрушечная война: при неблагоприятном развитии она вполне могла обернуться вторым ужасом Вьетнама, который бы серьезно пошатнул только что завоеванные победные позиции Запада в «холодной войне». Но этого не произошло. Преимущество США над обычными советскими вооружениями на текущий момент стало очевидным всему миру за одну-единственную ночь.

Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, видимо, даже не осознавая, какой мощной и единой будет ответная реакция «мягкотелого», с его точки зрения, Запада. Испытывая тяжелые экономические проблемы после многолетней изматывающей и оказавшейся в итоге совершенно бесплодной войны с Ираном, а также из-за резкого снижения мировых цен на нефть, он ввел армию в маленькую страну, лежащую между Ираком и Персидским заливом, имевшую огромные запасы нефти и, что не менее важно, стабильный политический режим, под смехотворным предлогом, что Кувейт якобы ворует иракскую нефть, буря на границе наклонные скважины. После захвата страны, осуществленного за одну ночь в августе девяностого, иракские солдаты много недель занимались мародерством, обчищая кувейтские магазины и насилая женщин. Мировое сообщество резко осудило вторжение уже на следующий день. Создание широкой международной коалиции во главе с США заняло несколько месяцев. Боевые действия начались в январе девяносто первого: тысяча самолетов коалиции, включая «невидимки» «Стелс F-117», больше месяца днем и ночью бомбили объекты по всей территории Ирака: коммуникации, склады оружия, аэродромы и командные пункты. Однако реальный эффект воздушных

атак, к тому же не затрагивавших стратегические гражданские цели, помимо психологического воздействия на солдат противника, был невелик: нанести серьезный урон самой крупной и боеспособной на тот момент армии Азии одними бомбардировками было невозможно. Как и в любой войне в истории, все решала наземная операция. Саддам сосредоточил на оборонительных позициях вокруг столицы Кувейта, а также в пустыне более тысячи советских танков «Т-72», которые отлично себя зарекомендовали в ходе ирано-иракской войны: только благодаря им этот конфликт, в котором общий военный перевес был на стороне Ирана, Ираку в конце удалось-таки свести «вничью», сохранив свою территорию. Многие эксперты предсказывали, что наступление коалиции в тяжелейших условиях (пустыня с постоянными песчаными бурями и зыбкими, высокими, местами не проходимыми для техники барханами) быстро захлебнется, конфликт затянется надолго, превратившись в настоящий ад для американской армии. Даже самые отчаянные оптимисты говорили о том, что операция в лучшем случае займет несколько недель. Однако исход всей этой войны был, по сути, решен в ходе одной атаки в течение всего нескольких часов. И это было почти чудо.

*Граница Ирака и Саудовской Аравии,
26 февраля 1991 года, 23.30*

Ночь обещала быть спокойной. Двести танков «Т-72» были надежно вкопаны в песок — так, что над поверхностью пустыни были видны лишь их башни с пушками. Всего около двадцати танков оставались мобильными, охраняя периметр лучшей иракской танковой дивизии, для того чтобы вражеские разведывательные отряды не застали обороняющихся врасплох. Место дислокации танков было выбрано на основании опыта войны с иранцами — оно защищено

горным склоном от наступающего потенциального противника и мало заметно с воздуха. Именно атак американских тяжелых бомбардировщиков командование дивизии опасалось больше всего. Днем по секретному каналу связи была передана информация о том, что войска коалиции высадились в Саудовской Аравии, в ста пятидесяти километрах от иракской границы. С учетом того, что противник не имел точных сведений о расположении дивизии, а также того, что с самого утра весь день над пустыней бушевала сильная песчаная буря, в которой ничего не видно на расстоянии свыше ста метров, было ясно, что в таких условиях, в крайне тяжелой, абсолютно незнакомой местности, никто не решился бы начать марш вслепую. Сколько раз в ходе ирано-иракской войны танки, несмотря на их максимальную скорость шестьдесят-семьдесят километров в час по асфальту, намертво увязали в непролазных барханах, не в состоянии преодолеть и тридцати километров по пустыне за сутки. Нередко случалось также, что танки теряли связь и попросту не могли точно определить место, где они находятся, в итоге становясь легкой жертвой противника. Наступление американцев на Ирак могло начаться не раньше чем через двое суток. С приходом темноты буря и ветер улеглись, и танкисты, приоткрыв люки, наконец смогли отдохнуть от дневной жары, ведь советские танки без кондиционеров нагревались под палящим даже в конце зимы солнцем аравийской пустыни до состояния раскаленной консервной банки. Остатки пылевой завесы продолжали скрывать ночное небо: обычно оно напоминает в пустыне сказочный, яркий звездный шатер, но в эту ночь звезд не было видно вообще. Некоторые танкисты вышли из своих машин, чтобы хотя бы пару часов вздремнуть рядом на земле, разложив коврик на свежем воздухе. До битвы, ожидавшейся через два дня, надо было набраться сил. Если бы кто-то из древних полковод-

цев мог обозреть эту картину, он испытал бы что-то вроде благоговения и даже зависти: огромный участок пустыни, ощетилившийся длинными пушками вкопанных в песок железных машин смерти, защищенный широкими и длинными, простиравшимися до горизонта минными полями на склоне горы, и над всем этим царила абсолютная, удивительно спокойная ночная тишина.

Башня первого танка взорвалась словно петарда во время новогодних гуляний — с неописуемым грохотом и ярким светом разлетелась на мелкие части, образовав столб пыли и искр высотой в несколько метров. Лобовая броня танка «Т-72», почти неуязвимая в иранскую войну, превратилась в тысячи горячих обломков металла. Такое страшное поражение могло быть только от авиабомбы, и головы разом проснувшихся, отчаянно кричащих солдат пытались что-то высмотреть в небе, но оно было совершенно темным. В течение минуты еще шесть адских выстрелов, раздававшихся словно ниоткуда, уничтожили почти все танки, охранявшие первый ряд внешнего периметра, вместе с их экипажами. Иракские войска охватила неописуемая паника. Казалось, что их атакуют силы свыше, не от мира сего. Новая серия залпов, раздавшихся еще через пару минут, уничтожила все оставшиеся на поверхности иракские танки, двигатели которых даже не успели завести. Где-то вдалеке наконец раздался лязг танковых гусениц.

Подразделение, состоящее из примерно ста пятидесяти новейших танков «M1A1 «Абрамс», специально для Войны в Заливе усиленных дальнобойными немецкими пушками, вело прицельный огонь по иракским позициям с самой вершины холма, находясь в полной темноте на расстоянии двух с половиной километров. Почти мгновенная переброска тяжелой бронетехники к намеченной цели в труднопроходимой местности оказалась возможной благодаря неизвестной

до этого в мире спутниковой системе навигации GPS, исправно работавшей даже в самую сильную песчаную бурю. Наносить точнейшие удары с такого расстояния в кромешной тьме позволяли новейшие ночные тепловизоры, распознававшие цели-объекты по следу тепла, исходящего от них. Наконец, даже если бы танки коалиции каким-то образом были обнаружены противником, им бы совершенно ничто не угрожало — дальнобойность пушек советских «Т-72» не превышала полутора километров. К тому же и сами снаряды были особенными — с наконечниками из обедненного урана, благодаря его уникальной плотности и твердости не просто проделывавшие отверстия в броне танков противника, а буквально разносившие самые толстые листы железа в металлические щепки. Не дожидаясь, когда противник придет в себя, танки «Абрамс» на максимальной скорости ринулись вниз по склону. То один, то другой танк коалиции время от времени подрывался на минах, которые болезненно встряхивали его экипаж, но благодаря специально защищенным гусеницам и днищу даже не замедляли скорости его движения. Преодолев минные поля без потерь, американские танки ворвались в гущу сил противника. Некоторые из вкопанных танков успели произвести выстрелы, но их старые снаряды отскакивали от брони наступавших танков, не причиняя тем ущерба. К трем часам ночи все было кончено. Потрясенные, оглушенные иракские солдаты образовали длинный ряд с поднятыми вверх руками. Большая часть всей техники иракской дивизии была уничтожена. Потери иракцев в живой силе в этой битве исчислялись несколькими сотнями человек. У американцев были серьезно повреждены четыре танка, но, как и все остальные, они оставались на ходу. Погиб один военнослужащий коалиции: в ходе боя он потерял ориентировку, высунулся из люка, и ему в голову угодил осколок снаряда другого американского танка.

Ни один танкист, находившийся в танке, не был даже ранен. Последняя великая битва новейшего американского и (пусть и несколько устаревшего к тому времени) советского оружия закончилась так, что ни у кого в мире больше не осталось сомнений в том, что и в военном смысле паритета между этими двумя державами больше нет. Разумеется, Война в Заливе в эту ночь не закончилась. Армии коалиции пришлось еще трое суток штурмовать столицу Кувейта, зажав в итоге отступающую армию Саддама в тиски с двух сторон, выпустив ее домой только под гарантии иракского диктатора, что интервенция в Кувейт окончена навсегда. В войне погибло более сорока тысяч иракских солдат и сто пятьдесят военнослужащих коалиции: соотношение потерь — двести пятьдесят к одному. Еще удивительнее был баланс потерь техники: на полтысячи подбитых иракских танков пришелся всего один вышедший из строя американский. По этим цифрам казалось, что на средневековых людей напали почти неуязвимые инопланетяне.

*Нью-Йорк, 31 августа 1991 года,
20.30, зал приемов в Карнеги-холл*

В этот вечер на сцене блистало целое созвездие джазовых звезд первой величины. Гениальный пианист Чик Кория восхищал гостей искрометными импровизациями в стиле латиноамериканского джаза; обладатель бесчисленных Грэмми темнокожий виртуоз Херби Хэнкок со своим ансамблем представлял новый альбом в стиле современного блюза. Любимец публики, непередаваемо обаятельный Эль Джерро, который, кажется, мог даже лучше, чем просто идеально, спеть любую джазовую композицию, вызывал взрывы аплодисментов камерной аудитории, заставлявшей его снова и снова выходить на бис. Этот субботний вечер был организован и спонсирован Рокфеллеровским центром, и приглашения на

него получили некоторые из высших американских чиновников, а также верхушка финансовой элиты страны.

Дэвид Рокфеллер о чем-то долго разговаривал с Аланом Гринспеном, стоя в глубине зрительного зала с бокалом шампанского в руках. Даже внешне эти двое людей были чем-то неуловимо похожи: оба — невысокого роста, зрелых лет, в чуть старомодных серых костюмах. Но самое большое сходство заключалось в их взгляде. Было в их глазах то, что слегка отпугивало даже вышколенных официантов в белой униформе с бабочками на шее, которые старались наведываться в эту часть зала реже, чем в другие. Взгляд акулы на неосторожного серфингиста — пожалуй, наиболее подходящее сравнение. Алан Гринспен был преемником Пола Волкера на посту председателя Федеральной резервной системы. Хотя он занимал эту должность к этому моменту всего лишь четыре года, он успел стать самым авторитетным финансовым гуру страны, как, собственно, и полагается в его должности. Почти сразу после того, как он возглавил Систему, случился «черный понедельник» — одно из самых загадочных до сих пор событий за всю историю Нью-Йоркской фондовой биржи.

Американская экономика после очередной фазы бурного роста, происшедшего благодаря резкому снижению налогов в период правления Рейгана, входила в стадию стагнации, но очень мягкую и, по общим прогнозам, непродолжительную. Начинаясь неделя в золотую октябрьскую осень восемьдесят седьмого не принесла никаких новостей и обещала быть спокойной. Однако, как только в понедельник торги открылись, стало происходить что-то совершенно непонятное: котировки всех акций не просто снижались: они камнем, безостановочно летели вниз. По итогам одного-единственного торгового дня национальный биржевый индекс упал на 23%, то есть ни с того ни с сего превратилась в дым четверть стоимости американской экономи-

ки, ее «потери» составили полтора триллиона долларов. Это было похоже на начало новой Великой депрессии, но уже на следующий день и всю оставшуюся неделю торги шли ровно, как ни в чем не бывало, а еще через два года индекс роста вернулся к своим прежним значениям. Что же произошло в тот странный понедельник и кто стоял за этим, так и осталось тайной: правительство поручило ФРС разобраться с этим, но в итоге получило от Системы лишь формальную отписку. Героем этой истории стал Алан Гринспен, уверенно заявивший прессе на той неделе, что у ФРС все под контролем и новая депрессия Америке не грозит. Система предоставила неограниченные кредиты под минимальную процентную ставку синдикату из нескольких крупнейших банков Нью-Йорка, которые быстро скупили самые лакомые из резко и без причины подешевевших акций ведущих национальных компаний. Дальновидные рыночные аналитики предрекали, что Алан Гринспен, провернувший столь блестящую операцию, принесшую Системе триллионы новых долларов, теперь останется на посту ее руководителя пожизненно. Хотя это оказалось и не так, но Гринспен в итоге находился у руля ФРС почти двадцать лет — беспрецедентный срок в новейшей истории, и даже после отставки оставался одним из самых влиятельных лиц в американской финансовой системе, участником Бильдербергского клуба.

Темы разговора двух уважаемых джентльменов постоянно менялись: от обсуждения только что окончившегося победой демократических сил августовского путча в России, что, вероятно, теперь уже навсегда вбило осиновый кол в могилу бывшего главного геополитического соперника, до взрывоопасной ситуации в Африке, в которой, несмотря на бесконечные транши западных кредитов и непрекращающийся поток гуманитарной помощи, общая ситуация стано-

вилась все хуже. Вскоре к их компании присоединились Дик Чейни и Генри Киссинджер, с некоторым опозданием прибывшие на уик-энд из Вашингтона. Все четверо были близко знакомы друг с другом, и хотя Киссинджер к этому времени давно отошел от активной политической деятельности, занимаясь в основном написанием мемуаров и лоббированием отдельных крупных коммерческих проектов, во всей Америке трудно было найти человека, столь же глубоко погруженного во все сегодняшние политические хитросплетения.

Киссинджер, дипломат от Бога и чрезвычайно общительный человек, предложил всем четверым поднять тост за «Конец истории». Под этой фразой, модной в элите Америки в то время, понимался, разумеется, не апокалипсис и не конец человечества вообще. Речь шла о том, что сейчас, на глазах нового поколения, сверхуспешного по сравнению со всеми предыдущими, закрывалась старая страница истории мира, пронизанного неопределенностью и страхом перед всевозможными катаклизмами — финансовыми, экологическими, и особенно страхом перед всеобщей ядерной войной. Теперь, когда противовеса Америке в мире не осталось, открывалась новая страница — вся планета должна была играть по американским правилам, которые, надо признать, как и во времена доминирования Римской империи, несли всем прочим народам мира скорее благо, чем зло: новые технологии, а также прозрачные, понятные и признаваемые всеми правила игры, приводившие к устойчивому экономическому росту. Америка в 1991-м была похожа на покорителя великих новых земель, с большим трудом и полным напряжением сил преодолевшего тяжелую пересеченную местность (период «холодной войны») и теперь, наконец, стоявшего на дороге из желтого кирпича, идеально ровной и без единого препятствия ведущей к сияющим, заоблачным вершинам. Советский Союз лежал в руинах.

Европа изо всех сил стремилась объединиться, и в этом процессе мудрая рука Вашингтона была едва ли не ведущей силой, примирявшей вечно соперничающих Германию и Францию, не говоря уже о почти неограниченном влиянии на Британию, говорящую во всех смыслах со Штатами на одном языке. Япония, еще недавно заявлявшая о себе как о главном мировом экономическом конкуренте США, прямо сейчас переживала страшный финансовый кризис, ее хозяйство и банки были почти парализованы и зависели от кредитов ФРС, как от кислородной подушки в палате умирающего. Китай, вставший на путь радикальных экономических реформ, был идеальным местом для переноса туда производств дешевых, трудоемких товаров, которые китайские рабочие, трудившиеся на местных фабриках по двенадцать часов в день всего за несколько долларов в месяц, были готовы производить для Америки почти бесплатно и в неограниченном количестве. Африка была не способна управлять даже сама собой и поэтому на многие годы вперед оставалась лишь источником дешевого сырья.

— Что у нас на повестке после Кувейта? Наша армия стала слишком хороша, чтобы бездействовать. Может быть, сожжем что-нибудь бестолковое в Африке?

Алан Гринспен, несмотря на свое исключительно финансовое образование, бесспорно, был человеком широких взглядов, а также, в отсутствие прессы, всегда выражался кратко и цинично:

— Все зависит от того, сколько правительство выделит нашим крупнейшим корпорациям. Мы можем производить куда больше новых бомбардировщиков, самолетов-шпионов, но конгресс зажимает мой бюджет на следующий год. Я хотел бы дать пинка под зад этим отморозкам из Сомали, а если те вдруг начнут вести себя хорошо, то может быть, высадиться в Судане или Мозамбике. Давно

пора задать этой катящейся ко всем чертям Африке хорошую порку.

Дик Чейни, министр обороны, был выходцем из Техаса и никогда не стеснялся в выражениях. Дэвид Рокфеллер, напротив, старался держаться даже в компании в доску своих людей интеллигентно:

— Для дальнейшего роста необходимо продвигать технологические изменения. Только они своей отдачей как следует наполнят бюджет, в том числе и Пентагона. И у нас для этого есть все возможности. Силиконовая долина уже произвела на свет несколько молодых миллиардеров. Со своей стороны мы их пестуем, иногда помогаем сохранять монопольное положение на рынке, чтобы их бизнес продолжал расти, а не испытывал давление зарубежных конкурентов. Но это только начало. Через двадцать лет мир благодаря новым кремниевым технологиям изменится до неузнаваемости. Задача Америки — держать весь этот процесс под своим контролем.

— Компьютеры? И как же вы этим ушлым ребятам помогаете?

— Всеми способами. Несколько лет назад лично я владел крупным пакетом акций компании Apple. Там была сложная ситуация из-за ее основателя Стивена Джобса. Очень одаренный парень, но непредсказуемый, взбалмошный. В какой-то момент акции компании после бурного роста упали почти до нуля. Я не мог этого допустить и поставил правление уволить Джобса. Эта была война, которая могла бы войти в учебники, если бы все ее детали не были столь конфиденциальными. Джобса уволили, у компании продолжились трудные времена, но она потихоньку стала выкарабкиваться. И у нее по-прежнему самая перспективная в мире операционная система. Уверен, мы еще увидим ее новый, подлинный расцвет. А еще новый руководитель

IBM недавно хотел расторгнуть долгосрочный контракт с компанией «Майкрософт», чтобы перейти на какую-то европейскую самописную операционную систему с открытым кодом, бесплатную. Мы сделали так, что его пригласили в органы безопасности, где ему доходчиво объяснили последствия такого предательства национальных интересов и для концерна, и для него лично. Контракт с «Майкрософт» теперь продлен сразу на пять лет вперед. Некоторые наши партнеры, знавшие о той щекотливой ситуации, вложились в подешевевшие тогда акции «Майкрософт» и теперь точно не прогадают.

Чуть позже, уже сидя за банкетным столом, Алан Гринспен обратился к Чичу Кория, который, как и другие звезды джазового концерта, был приглашен к торжественному ужину:

— Блистательно! Особенно смена тональности в последней композиции с ми-минор на до-мажор, с переходом на ритмический размер $2/4$. Это было неожиданно и просто восхитительно.

Пианист, всегда скромный на публике, взглянул на главного банкира Америки с удивлением.

— Да-да. Мы с вами играли в одном ансамбле, правда, в разное время. В студенчестве я играл на саксофоне в группе великого Стэна Гетца. Вы с ним тоже записали альбом, но спустя много лет. Не поверите, но больше всего в жизни я горжусь не тем, что возглавляю Центральный банк, а тем, что в молодости побывал на прослушивании у самого Майлса Дэвиса, который сказал, что я умею играть джаз. Правда, в группу свою так и не взял — слишком высокой была конкуренция. Я тогда расстроился и окончательно решил посвятить себя экономике и финансам. Много лет не брал в руки сакс, но когда я слушал вас сегодня, невольно в уме перебирал пальцами его клавиши.

И все же главный разговор этого вечера состоялся в конце, поздно, когда многочисленные гости почти разъехались. Рокфеллер и Алан Гринспен отдыхали в отдельной, «сигарной» комнате. Они общались приватно довольно часто, но именно в этот момент обсудили то, что определит путь развития американской, а с ней — и мировой финансовой системы на десятилетие вперед.

Миловидная официантка принесла коробку кубинских сигар пятьдесят седьмого года. В элите США считалось особым шиком курить сигары «докастровской» эпохи, когда Куба еще была фактически американской колонией. Говорили, что в те времена девушки, скручивавшие на фабриках сигары из лучших сортов табака, еще не забывали мыть перед рабочей сменой руки. На столике на серебряном подносе стоял Hennessy Paradis — изысканный купаж из примерно пятидесятилетних коньячных спиртов дома Hennessy с глубокими, бархатистыми фруктовыми тонами. Собеседники не были курильщиками, так как ни о чем так тщательно не заботились, как о собственном здоровье, но для коллекционных сигар иногда все же делали исключение.

— Правильно распорядиться победой бывает гораздо труднее, чем победить. Конечно, концом истории здесь и не пахнет. Всего лишь временный триумф, не более того. Но ближайшие несколько лет однозначно будут нашими. Системе постоянно нужен приток новых ресурсов. Мы должны контролировать все, что растет, и делать так, чтобы этот рост как можно дольше не останавливался. Алан, что лично вы планируете для этого делать в рамках ваших полномочий?

— Все возможное. Проблема лишь в том, что американские биржевые индексы и так находятся на историческом максимуме, и жилье прибавляет в стоимости стабильно уже несколько лет. А любой трейдер знает, что деревья не растут до небес. Доу — Джонс пробил уровень три тысячи и,

по мнению аналитиков, сильно переоценен. Многие ожидают очередной обвал через пару-тройку лет.

— Бросьте. Обвалов не должно быть. Не мне вас учить. Нужна правильная учетная ставка, и, конечно, надо как можно активнее продавать гособлигации. Грядут совершенно новые времена. Старые динозавры вроде магазинов Уоллмарт исчерпали свои резервы роста. Через десять лет в список самых дорогих компаний Америки будут входить некоторые из тех, которые сейчас еще даже не созданы. Сейчас идеальная геополитическая ситуация для безостановочного роста рынка. Забудьте о рассуждениях, что он якобы переоценен. Вливайте в него все топливо, которое только можете, придумывайте что угодно, ваша задача — чтобы рынок рос. Сегодня пятьсот крупнейших компаний Америки стоят семь триллионов долларов? Пустяки, разговор ни о чем. Завтра или в крайнем случае послезавтра они должны стоить двадцать, тридцать триллионов. Алан, вы хорошо делали вашу работу до сих пор. Не подведите синдикат. На вас лично сделаны серьезные ставки. Вы даже сможете лично, первым из председателей в истории, рассчитывать на небольшую долю в Системе — я говорю о небольших долях процента, конечно. Но вы понимаете, что речь идет о миллиардах.

Алан Гринспен промолчал, опустив голову. Но в ней проносилась в этот момент буря мыслей.

— А кстати, что с Ситибанком? Наши коллеги, кажется, слишком увлеклись кредитованием отсталых стран мира через валютный фонд. Мой «Чейз Манхэттен» занимается этим уже десятки лет, но мы сами держим контакт с правительствами стран-должников и знаем обо всех их потенциальных проблемах загодя. А они подошли к этому сложнейшему бизнесу как новички. В этом году им придется списать на убытки миллиарды безнадежных долгов стран третьего мира. По правде говоря, Ситибанк стоит на грани банкрот-

ства. ФРС собирается спасти его? Если Citigroup рухнет, то о росте рынка придется надолго забыть.

— Да, конечно. Уже в ближайшие недели банк получит два миллиарда долларов помощи от саудовского принца. Они же мечтали получить доступ к нашему рынку. И потом, за освобождение Кувейта надо платить. Можно назвать это подарком от семьи Саудов, сделанным от чистого сердца.

— Совершенно верно. Любая война должна окупаться. И пожалуйста, помните то, что мы говорили о Силиконовой долине. Сейчас она находится на пороге взрывного роста. Мы живем в мире информации, и ее с каждым годом будет все больше. А еще через какое-то время весь мир станет одним большим сгустком информации. Тот, кто владеет ею, владеет всем, не забывайте.

Был второй час ночи. Наступало воскресное утро первого сентября. Немолодые джентльмены попрощались, обменявшись приветами супругам.

Девяностые — удивительная эпоха, ознаменовавшаяся невероятным прогрессом в технологиях, прежде всего информационных, — по-настоящему только что начались.

*Нью-Йорк, Мэдисон-авеню,
офис J.P. Morgan Bank,
сентябрь 1994 года*

Блайт была в это утро вне себя от ярости. Все валилось из рук. Она впервые в жизни опоздала утром на поезд, на котором ездил на работу из Нью-Джерси, где все еще снимала квартиру с двумя спальнями в обычном блочном доме, хотя вскоре должна была переехать в роскошную квартиру с окнами на западную часть Центрального парка в центре Манхэттена, к своему жениху. Ее избранник работал трейдером в том же банке, что и она. Мысль о том, что скоро до работы ей можно будет добираться минут за пятнадцать

пешком, заставила ее немного успокоиться. Блайт была хороша собой — стройная кареглазая блондинка, всегда дорого и стильно одета, — однако мужчины часто относились к ней с опаской. Возможно, дело было в ее подчеркнутом британском выговоре, из-за которого она многим казалась высокомерной, а может, их отпугивала ее слишком быстрая и успешная карьера. Уже в восемнадцать она стала работать каждое лето в банках в Лондонском Сити, в двадцать один — с отличием окончила Кэмбридж. Сейчас ей было всего лишь двадцать пять — возраст, когда многие ее сверстники еще только обдумывают то, чем они хотят заниматься в жизни. Блайт уже занимала высокую должность руководителя отдела кредитных инструментов в самом престижном нью-йоркском инвестиционном банке — J.P. Morgan. Блайт с детства точно знала, к чему стремиться в жизни, никогда не останавливалась и не разменивалась на мелочи. Она уже зарабатывала несколько сот тысяч в год, но это были вовсе не те деньги, которыми можно было гордиться, в ее представлении о мире. Она хотела получать ежегодные миллионные бонусы, а для этого нужно было неустанно двигаться вверх. Переехав в «Большое яблоко» из родного Кентербери, уютного древнего городка на юге Англии, она сняла скромную квартиру в Нью-Джерси. Во-первых, потому, что дорогое жилье на Манхэттене для такой девушки, как она, должен был бы, разумеется, оплачивать состоятельный мужчина, которого еще не было, а во-вторых, по выходным ей нравилось заниматься конным спортом на свежем воздухе за городом. В это утро ей предстояла важная встреча, от которой зависел ее годовой бонус и, может быть, даже дальнейшее повышение. Но именно это утро, как назло, не задалось. Проснувшись, она с ужасом вспомнила, что белую блузку, которую собиралась надеть к деловой, до колен, темно-синей юбке, она забыла взять из прачечной в выходные,

новые туфли оказались тесными и растирали ноги, а новенькая и явно тормознутая латиноамериканская девушка из забегаловки между ее домом и станцией наземного метро так долго готовила ей кофе, что она, хоть и выпила его на ходу, обжигаясь, все же пропустила свой поезд и теперь могла опоздать на утреннюю встречу с руководством на целых полчаса.

К счастью, ее руководитель перенес встречу, так как у него был срочный конференц-звонок с новым офисом J.P. Morgan в Дубае, где рабочий день в это время уже заканчивался. Впрочем, в ведущих инвестиционных банках понятия рабочего дня практически не было. Нормой считалась работа по четырнадцать-шестнадцать часов в день. Уход домой в десять вечера в пик делового сезона выглядел наглым вызовом всему коллективу — обычно при закрытии крупных сделок мало кто покидал свое рабочее место раньше двух ночи, а также отпрашивался, только при наличии веских причин, на воскресенье, при этом, конечно же, все гордились своей безграничной преданностью работодателю. Мир инвестиционного банкинга, с одной стороны, приносил большие зарплаты и совсем уж умопомрачительные бонусы в случае успеха, но в то же время был жесткой, бескомпромиссной ежедневной борьбой за выживание.

Проблема, которой занимался отдел Блайт день и ночь в последнее время, на первый взгляд, не имела решения. Весной банк выдал кредит на пять миллиардов долларов крупнейшей нефтяной компании Exxon. Сделка выглядела совершенно рутинной, и мало кто обратил внимание, что формально заемщиком в ней выступила не головная компания, а одно из ее небольших, добывающих нефть, дочерних обществ. Летом суд неожиданно вынес решение, вчинив огромный экологический иск за разлив нефти из танкера на Аляске именно этой дочерней компании, сделав ее фак-

тически банкротом. Отделу Блайт было поручено придумать схему возврата средств банку, да еще и с наименьшими затратами.

Начальник Блайт, вице-президент банка, лысоватый, в очках мужчина лет пятидесяти, разглядывал страницы меморандума к встрече, который Блайт переслала ему по электронной почте поздно вечером накануне.

— Честно говоря, мисс, вы меня снова удивили, но на этот раз — весьма неприятно. Весь этот ваш отчет — чистой воды детский лепет. Кажется, что вы новичок в банковском деле и не разбираетесь не только в юридических тонкостях, но даже и в элементарных финансовых терминах. Возможно, вы просто не знали, о чем писать. Я крайне разочарован.

— Простите, если отчет мне не удался. Я готова попробовать объяснить все на словах.

— У вас пять минут, не больше. У меня сегодня тонны гораздо более важных встреч.

— Я обращалась в головную компанию Еххон. Но они сказали, что за долги своих «дочек» они не отвечают, и это действительно прописано в нашем кредитном договоре. Я обратилась к ведущим юридическим компаниям Нью-Йорка, но в них мне ответили, что дело — почти безнадежное. Но ведь штрафы за экологию, разливы нефти — это не только проблема Еххон. Я пообщалась с Европейским банком реконструкции и развития. Они сказали, что тоже занимаются этим же вопросом и абсолютно уверены в том, что «дочка» Еххон с помощью их целевого финансирования успешно устранит последствия аварии, выплатит штраф и после всего этого останется на плаву. Я тогда предложила им выкупить наш кредит, но у них нет под это утвержденного бюджета. Тогда я предложила им выступить для нас гарантом под этот кредит за вознаграждение. К сожалению,

нию, юридически это невозможно: страховки на такие суммы могут выдавать только крупнейшие в мире страховые компании. И тогда я предложила купить у нас инструмент CDS под этот долг.

— Что такое CDS? Никогда не слышал о таком.

— Кредитный дефолтный своп. Ну, это я так его назвала. По сути, это гарантия за заемщика, которую можно продать или купить. В случае банкротства (дефолта) заемщика тот, кто выпустил эту гарантию, не обязательно должен платить за него сам. Он может, заплатив лишь часть, передать это обязательство другой заинтересованной стороне, например страховой компании (то есть сделать своп) или должникам банкротства, или просто продать на открытом финансовом рынке и так далее. При этом весь этот круг не подпадает ни под какие регулятивные требования, банкам не нужно по закону создавать для таких операций дополнительные резервы капитала. Мои контакты из Европейского банка заинтересовались и даже предложили продать нашему банку такую страховку всего за двадцать миллионов долларов. Это ведь меньше, чем полпроцента от суммы кредита, а мы теперь будем полностью защищены, вернем полную сумму в любом случае.

Начальник посмотрел на Блайт куда с большим интересом:

— Все еще кажется детской выдумкой. Традиции банковского оборота не меняются за один день, поверьте. Но мне тоже нужно поговорить с нашими юристами. По крайней мере, какая-то надежда. Можете идти, Блайт. Желаю продуктивной рабочей недели.

Юристы J.P. Morgan подтвердили, что выпуск, купля и продажа такого финансового инструмента, как CDS, не противоречат никаким нормам финансового законодательства. Следующие три года Блайт в банке занималась исклю-

чительно выпуском собственных CDS либо торговлей на рынке чужими. В 28 лет она стала самым молодым управляющим директором (вторая ступень после главного управляющего) банка за всю историю нью-йоркского J.P. Morgan.

Но даже Блайт не знала о том, что уже менее чем через год вопросу выпуска и обращения CDS на мировых финансовых рынках было посвящено специальное, внеочередное совещание директоров Федеральной резервной системы. Глава ФРС Алан Гринспен публично назвал CDS «изумительным инструментом управления рисками». Каждый год объем мировой торговли такими страховками рос в несколько раз. К 2007 году мировой рынок оборота кредитных дефолтных свопов превысил 60 триллионов долларов, с большим отрывом став самым обращаемым в истории производным финансовым инструментом. В 2008 году, в разгар ипотечного кризиса, по многим CDS наступил дефолт, сделав их продавцов неплатежеспособными, многократно усугубив общую плачевную в тот момент ситуацию. В прессе эксперты называли CDS «страшным финансовым оружием массового поражения». Впрочем, как и любое другое новейшее оружие, оно сделало Америку еще могущественнее, а неуловимых владельцев ФРС — богатыми, как еще никогда ранее в истории.

*Пало-Альто, Калифорния,
кампус Стэнфордского университета,
апрель 1995 года*

— Я не могу найти ничего в этой чертовой мешанине. Где последние результаты «мартовского безумия»?

— Ты имеешь в виду финальную серию чемпионата по студенческому баскетболу?

— Ну да, я поставил двадцать баксов на команду университета UCLA — наших, калифорнийцев. Ты не знаешь,

как закончился финал? Я летал в Висконсин к родителям и пропустил трансляцию.

— Дэйв, ну спроси кого-нибудь в кампусе или найди LA Times за прошлую неделю. Может быть, в каком-нибудь мелком супермаркете в нее еще что-нибудь заворачивают.

— Да, полдня как дурак ходить искать? А на кой черт тогда вообще эта штука?

На экране старенького компьютера мелькали странички новой электронной сети, к которой несколько месяцев назад подключили все компьютеры кампуса.

— Я сам не понимаю, никакого толка от всей этой ерунды. Сотни каких-то случайных дурацких страниц, по разным темам. Каждая загружается по минуте, и никогда не знаешь, что там выскочит. Может, статья какого-то журналиста о запрете абортов, или новость о неурожае из-за засухи в Иордании, или университетский материал по физике. Бывают похабные картинки, но такие серые и размытые, что куда лучше купить завернутый в темную обложку «Пентхаус» в магазине.

— И вообще ничего про спорт?

— Ну, может, и есть что-то, но нужно часа два искать по всем этим ссылкам. Реально влом этим заниматься. Лучше спрошу у кого-нибудь из парней. Там еще осталась пицца, которую мы заказали с утра? Так хочется пожрать, а денег до стипендии почти не осталось, блин.

До середины девяностых Интернет был крайне далек от того, каким он стал в двухтысячные. Первой децентрализованной Сетью в истории (Сетью, где информация хранится не на жестком диске главного компьютера, а распределена по нескольким узлам, находящимся далеко друг от друга и соединенным телефонным кабелем) был американский военный проект APRА еще в далеком 1969 году. Его целью было сохранение информации и связи в случае ядерной атаки Советского Союза: например, если бы центральную ком-

пьютерную базу в Пентагоне уничтожили ядерным взрывом, ту же информацию можно было бы получить из тайного хранилища данных где-нибудь в тихом Канзасе. Проект был строго засекречен, но в восьмидесятые к похожей идее пришли и крупнейшие мировые, в первую очередь европейские, университеты. Многие научные работы с приложениями содержали сотни, а порой и тысячи бумажных страниц, которые было крайне неудобно каждый раз пересылать друг другу обычной почтой. Отцом публичного Интернета стал британский ученый Тим Бернерс-Ли, истинный гений, хотя и слегка недооцененный историей. Именно он в 1989-м придумал понятие и структуру веб-страницы (сайта), разработал принципиально новые программы — протоколы передачи данных и визуального отображения информации (в том числе «гипертекст», содержащий выделенные цветом слова, на которые можно кликать мышкой, переходя на другую страницу), используемые (разумеется, с доработками) во Всемирной сети и по сей день. Возможно, если бы британец запатентовал свое великое изобретение, именно он бы стал самым богатым человеком в мире. Но о коммерческом применении своего детища он тогда даже и не думал — для него это был исключительно научный инструмент. Он же дал ему название World Wide Web — Всемирная паутина. Это было очень дальновидно, так как в тот момент к ней мог подключаться лишь крайне узкий круг пользователей всего из нескольких европейских стран.

Студенты Стэнфорда Дэйв и Джерри были не первыми, кто заметил, что обычному пользователю ориентироваться в Сети не то чтобы трудно, а чаще всего совершенно бесполезно. Однако именно они были первыми, кто решил сам что-то изменить в ней. Первый в истории Интернета, написанный ими буквально на коленке алгоритм поиска запрошенных данных получился еще сырым, любительским. Это

уже был поиск по ключевому слову, но страницы, которые он выдавал, шли в случайном порядке (поэтому действительно нужные могли оказаться слишком далеко), содержали массу ошибок, а также не были защищены от ежеминутно всплывающей рекламы. Но это все равно стало прорывом. Каждый день их поисковым алгоритмом пользовалось все больше людей. Вскоре они основали компанию Yahoo, ставшую главным, почти легендарным поисковиком конца девяностых, то есть именно в то время, когда весь мир начал активно подключаться к Сети. Yahoo быстро получила щедрое финансирование, а еще через пару лет стоимость компании уже оценивалась в миллиарды долларов. Это был старт настоящей гонки вложений денег в интернет-компании. На рынке быстро надулся огромный пузырь, с треском лопнувший в 2001 году. После этого бренд Yahoo в основном ушел в прошлое, его место занял Google, создавший несравнимо более мощный и совершенный поисковик, не имеющий себе равных до сих пор. Но настоящую революцию в Интернете все же совершили два почти нищих студента, которые слишком долго не могли найти результат баскетбольного матча.

И разумеется, все компании, сформировавшие сегодняшний Интернет, возникли в США, Калифорнии, Кремниевой долине. Система бы ни за что не допустила, чтобы триллионы долларов инвесторов всего мира вливались в компании, находящиеся где-то далеко за границей — там, где ее влияние хоть и сильно, но все же не абсолютно.

*Белград, Югославия,
24 марта 1999 года*

Война в Югославии, продолжавшаяся все девяностые годы, была уже почти закончена. Хотя войной в привычном смысле этот странный конфликт в самом сердце спокойной и благополучной Европы, на Балканах — месте с потряса-

ющей природой и невысказанным количеством культурных памятников, — назвать было трудно. Скорее, он походил на тлеющий бикфордов шнур, то казавшийся почти погасшим, то вдруг вспыхивавший вновь с громким треском и снопом искр. Но к концу девяностых все спорные вопросы на Балканах были уже практически разрешены. Разделились навсегда главные державы бывшей Югославии: Сербия, Хорватия и Босния; получили заодно независимость маленькие Словения, Черногория и Македония. Все были уже почти счастливы, понемногу зализывая военные раны, — оставался лишь один нерешенный локальный вопрос.

Косово, крошечная область на юге Сербии, заселенная большей частью этническими албанцами, также требовала независимости. Казалось, что это уже слишком, ведь этот клочок земли был мал и слишком отстал экономически, к тому же там же жило немало этнических сербов. Действия партизан Косово были похожи на тактику террористов — они убивали мирных сербов только за их национальность, и президент Сербии Милошевич решил бороться с ними так, как весь мир борется с терроризмом: военной силовой операцией против повстанцев. Правда, и действия сербов, уничтожавших на своем пути малейшее сопротивление, тоже не отвечали международным законам. И все же у Сербии, вероятно, было больше оснований бороться за свою целостность, чем у партизан Косово — за независимость. К марту девяносто девятого вооруженный конфликт в Косово был исчерпан: сербская армия силой восстановила на этой территории порядок и мирную жизнь.

Старинный Белград, столица Сербии, который за свою тысячелетнюю историю завоеватели разрушали примерно сорок раз, спал мирным сном. Газеты писали о напряженной политической обстановке и даже ультиматумах Америки, но мало кто беспокоился всерьез. Американские самолеты, до

этого бомбившие склады с оружием Саддама в безлюдной пустыне или базы подготовки террористов в Пакистане, почти никто не ожидал увидеть в небе Югославии, посреди густонаселенной Европы. На этот раз у США не было мандата ООН, а страна-мишень не представляла уже никакой угрозы ни для соседей, ни даже для мирных жителей Косово. И разумеется, в ней не было ни намека на запрещенное химическое или биологическое оружие. При этом количество тяжелых бомбардировщиков и самолетов-невидимок, задействованных в кампании против нее, было примерно таким же, как и в ходе кувейтской «Бури в пустыне». Такие уважаемые в мире страны, как Австрия и Швейцария, категорически запретили использовать их территорию в качестве плацдарма войск НАТО ввиду отсутствия мандата ООН.

В старинном соборе Святого Саввы в центре Белграда, с полукруглым византийским фасадом, как ни в чем не бывало велись православные службы, в магазинчиках на улице Князя Милоша, как всегда, с утра продавали теплый и, возможно, самый вкусный в Европе хлеб, а у большой старинной крепости, на месте слияния рек Савы и величественного Дуная, гуляли дети и влюбленные.

На головы ни в чем не повинных белградцев посыпались бомбы и ракеты. Главными целями НАТО в городе были правительственные объекты и коммуникации, но разрушениям также подверглись и жилые районы, школы, больницы. Белградский телецентр был превращен крылатой ракетой «Томагавк» в груды обломков среди бела дня, когда в нем работал целый штат журналистов. Всего по Белграду было нанесено свыше двухсот авиаударов, в которых погибли сотни людей.

В самой Америке кампания НАТО в Югославии была преподнесена как борьба за свободу и жизни. Если кто-то и критиковал ее, то только за то, что большие затраты на

нее могли ударить по бюджету страны. В целом же она вызвала очередной прилив патриотического энтузиазма и внутреннего ощущения собственной национальной исключительности.

Импичмент Билла Клинтона за скандал о сексуальных домогательствах был отклонен конгрессом. Введение наличного евро как единой континентальной валюты оказалось отложено на два года. Биржевые индексы в Нью-Йорке почти каждый день росли словно на дрожжах.

Шесть дней спустя.

*Нью-Йорк, Уолл-стрит,
30 марта 1999 года*

С одной стороны, в этот день на торгах Нью-Йоркской фондовой биржи не произошло никаких особенных, бурных событий — ни резких взлетов, ни обвалов акций. Индекс Доу — Джонса к концу дневных торгов вырос в очередной раз примерно на два процента: хороший показатель для одного торгового дня, но вполне рядовой в фазе очередного циклического рыночного подъема.

И вместе с тем этот день был совершенно экстраординарным, навечно войдя в богатую историю Уолл-стрит. Впервые в истории США значение индекса Доу — Джонса превысило магическую отметку 10 000 пунктов. Биржевые трейдеры, как и математики, влюблены в цифры. Каким бы символическим ни был сам по себе факт преодоления этим техническим сборным индексом отметки пятизначного числа, для многих трейдеров этот факт имел огромное значение, а дата стала одной из самых памятных во всей их жизни.

За восемь лет, со времени операции «Буря в пустыне», рынок акций американских компаний вырос в три с половиной раза — немыслимый рост для развитой, зрелой страны. Все факторы девяностых сложились в один, сделав это

возможным: и огромный приток денег иностранных инвесторов со всего мира, впечатленных блистательной победой Америки в Кувейте в сочетании с крахом коммунизма; сумасшедший взлет бизнеса инвестиционных банков, достигнутый благодаря торговле новыми финансовыми инструментами (такими, как кредитные дефолтные свопы), бурный рост с нуля интернет-компаний, быстро осваивавших ранее неведомую территорию. И на десерт, как небольшая вишенка на торте, кампания в Югославии, продемонстрировавшая наглядно, что все живут теперь в однополярном мире, в котором у страны-гегемона нет и не может быть соперников.

Звон колокола означал конец торгов в этот день. Весь огромный по площади зал биржи на Уолл-стрит наполнился долгой оглушительной овацией собравшихся трейдеров. В воздух полетели кусочки бумаг, как в старые добрые времена. В президиуме биржи ее руководитель вместе с мэром Нью-Йорка Руди Джулиани со счастливой улыбкой приветствовал всеобщее ликование, выпустив в воздух несколько черных голубей. Банкет с шампанским и черной икрой, роскошный, каких давно не видела главная биржа планеты, продлился глубоко за полночь.

Америка в конце ее «золотого десятилетия», на стыке тысячелетий, достигла абсолютной вершины своего экономического, политического и военного могущества. Ее пределом в этот момент были только небо и звезды.

Глава 18

День Мёртвых

Мехико (Мексика), наши дни

Адский шум за окнами гостиницы все нарастал. От него было просто некуда деться.

Джек, кажется, уже в сотый раз за вечер взглянул на часы. В его распоряжении, до полуночи, оставалось всего три часа. После этого его жизнь могла стать пустой и бессмысленной. Да и имел ли он право вообще теперь жить?

Вернувшись из Африки, он полностью погрузился в текущие дела. Надо было выбросить из головы разговор с полковником АНБ, который с каждым днем все больше казался ему чем-то нереальным — чего не могло, да и не должно было быть. В любом случае он не обладал никаким опытом взаимодействия со спецслужбами, а тем более противостояния им. Он не был Джеймсом Бондом, ни разу в жизни не применял на практике свой опыт в боевых искусствах и стрельбе из пистолета, которыми в юности несколько лет занимался в вашингтонском колледже. Все, что у него было, — это уникальная программа, а также дар предвидения, правда проявляющийся спонтанно. На этот дар нельзя было полностью рассчитывать как на инструмент, который не подведет в любой ситуации.

День за днем он продолжал упорно работать над проектом, в душе надеясь, что ситуация с ультиматумом как-то разрешится сама собой. Он проводил бесконечные часы на всевозможных хакерских форумах в Интернете, пытаясь определить, не появилось ли за последнее время в мире что-то похожее на их код. К счастью, ничего такого он не обнаружил: программа по-прежнему была единственной в своем роде. Регистрируясь в сообществах под разными именами, участвуя в дискуссиях на главные темы современных информационных технологий, он старался выяснить, какое мнение сложилось в этих сообществах о его собственной истории и компании Freedom Choice. Оказалось, что многие о ней слышали, но кто-то считал «городской легендой» или журналистской «уткой», которых в наше время, в эпоху свободного, но почти бесконтрольного Интернета, постоянно рождается больше, чем когда-либо. Другие, особенно программисты из бостонских университетов, знавшие Джека лично или через общих знакомых, полагали, что этот проект мог бы перевернуть все будущее мировых коммуникаций, но в реальности этого не произойдет потому, что слишком влиятельные силы будут стоять на его пути. К сожалению, события последних недель показывали, что в такой точке зрения было много рационального. Но опускать руки Джек не собирался.

Он взглянул на фотографию на экране, которая его всегда немного веселила и одновременно подбадривала. Это был коллективный снимок сотрудников компании Microsoft, сделанный в конце семидесятых, когда компания только возникла, а ее учредители были даже моложе, чем он сейчас. До судьбоносного контракта с ИВМ, сделавшего эту маленькую группу программистов мировыми монополистами в области создания операционных систем, оставалось еще несколько лет. С картинки смотрел юный, не слишком опрятный, не-

ряшливо-длинноволосый Билл Гейтс, в круглых очках, с задорной улыбкой проказника-студента; Пол Аллен в расшитой сердечками наполовину расстегнутой рубашке, с патлами и мутноватым взглядом, словно он только вчера сидел на траве у сцены на фестивале в Вудстоке, закидываясь галлюциногенами, в обнимку с красотками в бикини с цветами в волосах. Остальные парни были с длинными бородами в стиле группы ZZ Top, а какая-то девушка — толстенькая, в больших очках и тоже лохматая — напоминала легендарную, но рано покинувшую этот мир наркотическую королеву блюза Дженис Джоплин. Более смешную, нелепую компанию людей с точки зрения сегодняшнего дня трудно было даже вообразить. Подпись под этой фотографией гласила: «А вы бы инвестировали в эту компанию?» Собственно, тогда никто и не инвестировал, в какие-то времена ребята почти голодали, перебиваясь холодными гамбургерами, сидя ночами в машинных компьютерных залах, так как днем время для работы на них было слишком дорогим. А уже спустя двадцать лет все те из них, кто не сдался, вошли в число богатейших людей мира. Сам Билл Гейтс — Джека всегда восхищала личность этого человека — и сегодня возглавляя список богатейших людей планеты.

Джек взглянул на себя в зеркало. Да, пусть тоже наполовину мальчишка, но все же куда более серьезный и ответственный, чем та развеселая компания на фотографии. Правда, и время стало другим. Более технологически развитым, но в то же время и совершенно непредсказуемым. Биржевые котировки компаний — технологических гигантов вдруг взлетали до небес и так же неожиданно резко падали, словно температура больного во время тропической лихорадки. Никто не понимал, откуда поднимается одна огромная волна, и в какой момент, а главное, из-за чего резко опускается другая. Кажется, что всей этой стихии

ей — хаотическим перемещением по миру десятков триллионов долларов: из сырья в облигации, оттуда — в акции, опционы, фьючерсы, а затем обратно в наличность, но уже в гораздо большем, с наращенной прибылью объеме — не могла не управлять огромная невидимая рука, сообразно неведомым, известным и понятным только ей одной правилам. Большинство трейдеров мира, миллионы маленьких игроков пытаются изучить, понять логику действий этой загадочной, почти вселенской силы, предугадывать их, чтобы делать на этом большие деньги. Однако всякий раз, когда какой-то мелкий игрок вдруг быстро обогащался и начинал разглагольствовать о том, что он понял нечто сакральное, а именно *то, как работает Система*, открыл волшебную формулу успеха игры на биржах, как через некоторое, обычно недолгое время оказывалось, что на очередной крупной сделке он разом потерял все или почти все свое состояние. Обыгрывать Систему все время не получается ни у кого. Авторы самых популярных в мире книг-руководств по игре на бирже все до единого — разорившиеся трейдеры. Разумеется, были и есть редчайшие исключения — например, всемирно известный «Оракул из Омахи» гениальный Уоррен Баффет, за пятьдесят лет биржевой торговли почти не знавший неудач и увеличивший за это время свое состояние с пятидесяти тысяч до ста миллиардов долларов. Но таких примеров так мало, что своей редкостью они только подтверждают общее правило. Даже в периоды стабильности, когда биржевые индексы годами плавно и устойчиво растут, большинство игроков теряют чувство реальности и инстинкт естественной осторожности, залезают в огромные кредиты (веря, что уж теперь-то рынки будут расти до небес) и при малейшей просадке индексов вниз мгновенно теряют все. Великая Система всегда работала бесперебойно, и очередная порция денег из скромного кармана еще одно-

го маленького человека, возомнившего себя «новым Баффетом», в миллиардный раз в истории неизбежно перетекала в бездонные хранилища акул мировой финансовой системы. Казино выигрывает всегда — это правило с веками не только не изменилось, но даже стало еще более незыблемым.

Размышления Джека прервал упрямый звонок Вернера по скайпу. Новая компания Джека, зарегистрированная в Швейцарии, прошла наконец все необходимые контрольные процедуры (на что ушло почти сто тысяч долларов оплаты часов дорогих квалифицированных юристов). Джек был ее главным владельцем. В отличие от американского юридического лица, деятельность компании теперь могла быть совершенно конфиденциальной и к тому же подпадала под самый льготный режим налогообложения. Вместе с оригиналами апостилированных нотариусом учредительных документов Джек также получил от Вернера бутылку отменного шампанского с двумя баночками иранской черной икры. Швейцарские юристы и банкиры всегда умели жить стильно и со вкусом. Джек поставил этот подарок в холодильник, дав себе зарок отпраздновать успех не раньше, чем Билл вернется домой, а продажи их компании составят хотя бы несколько миллионов долларов. Его желания были не заоблачными, но даже и они казались сейчас почти фантастикой.

Следующим шагом было необходимо получить патент на изобретение, а затем разработать линейку продуктов на его основе. Получение патентов было делом небыстрым: патентное бюро в каждом случае должно удостовериться в двух ключевых качествах патентуемого продукта — его новизне (отсутствии близких зарегистрированных аналогов, причем не только в этой стране) и его *неочевидности*. Второй критерий означал, что никто не имеет права запатентовать, скажем, способ заварки чая с помощью

ситечка или закрытия дверного замка ключом. В случае с заявкой Джека этот критерий, к счастью, не казался проблемой — его программа, созданная с привлечением квантовых технологий, разумеется, была не очевидной. Однако проверка новизны была крайне непростым делом: главной загвоздкой здесь было сравнение с базой данных патентного бюро Китая, где новые технологии шифрования информации появлялись и получали патентную защиту едва ли не каждый день, и при этом все материалы по ним существовали только на китайском языке — перевод всей этой необъятной массы материалов требовал от экспертов больших усилий и времени. В патентном бюро в Вашингтоне Джека все же заверили, что патент им, скорее всего, будет получен в срок от девяти месяцев до года. Долго, но вполне укладывалось в сложившуюся деловую практику. К тому же Джек мог приступать к развитию своего бизнеса, не дожидаясь патента — ключи к его программному коду взломать невозможно, а значит, программа, даже еще не защищенная авторскими правами, не могла быть скопирована или украдена. Проблемой было лишь то, что он точно не знал, на какие следующие шаги были готовы его преследователи.

Одной из линий защиты Джека могло быть предание ситуации его преследования гласности. Он уже опубликовал несколько постов на эту тему (естественно, не называя никаких имен, а лишь описав ситуацию в общих чертах) на форумах программистов бостонских университетов, встретив горячую поддержку коллег. Ему внушало надежду то, что ситуация, когда всемогущее государство со своими тайными спецслужбами контролирует все и вся, сейчас, в эпоху стирания национальных границ в сфере информации, не могла быть совсем непреодолимой. Однако поддержки только знакомого ему IT-сообщества тут явно было недостаточ-

но. Надо было достучаться до всей свободной молодежной элиты страны.

Дайана, журналист по основной профессии, дала ему контакт одного из самых читаемых блогеров студенческого сообщества всего Восточного побережья. Парня звали Дэвид, он жил и учился в Нью-Йорке, а каждый его пост на Facebook или Twitter ежедневно читало более полумиллиона человек, причем из самой «продвинутой» молодежной аудитории.

Они договорились встретиться в шумном, веселом ресторанчике на 42-й улице, неподалеку от Таймс-сквер, сердца Большого Яблока, как любовно называли свой город жители Нью-Йорка. В конце октября было уже прохладно, но бурлящий драйв, всегда до краев наполнявший этот город, погода нисколько не охлаждала, скорее, даже наоборот. Если площадь с Триумфальной аркой в Париже показала Джеку сакральным центром всей старой Европы, то Таймс-сквер с ее бесконечными щитами неоновой рекламы огромных размеров, клокочущей жизнью все двадцать четыре часа в сутки, с красными двухэтажными автобусами с туристами и длинными рядами желтых такси была центром, энергетической пуповиной всего Нового Света западнее Атлантики.

Дэвид опоздал на их встречу на полчаса, но даже не извинился — видимо, в этом громадном городе, с вечными пробками на Манхэттене в часы пик непунктуальность была в порядке вещей. Дэвид помимо активной и невероятно успешной блогерской деятельности одновременно писал еще и две большие книги: исторический роман о первых переселенцах из Европы на американский континент, а также комедийную пьесу о современной жизни молодежи в социальных сетях для постановки на Бродвее. Они были одногодками с Джеком и даже чем-то похожи друг на друга

внешне. Дэвид явно любил пофилософствовать — о жизни вообще и о литературе в частности.

— Знаешь, как бы я определил, что такое великий писатель? Чем Джойс, Маркес или Хемингуэй отличаются от обычных людей, строчащих что-то на пишущих машинках или ноутбуках?

Джек лишь помотал головой.

— Я думал об этом, но мне долго ничего не приходило в голову, пока я не подобрал простое определение, понятное даже ребенку. Великий писатель — это человек, который может ярко, вдохновенно и увлекательно описать то, как он, проснувшись сегодня утром, пописал в туалете. Помнишь, как Маркес начинает повесть о полковнике, которому никак не придет письмо от правительства, рассказом о том, как тот заваривает оставшуюся последнюю половинку ложки кофе своей жене? Ничего проще, лучше и точнее этих строк в истории литературы не было написано.

Дэвид помешал ложкой горячий ароматный кофе, который как раз принесла миниатюрная улыбчивая официантка. К счастью, кофе в нем было явно больше, чем на пол-ложки. Из динамиков доносилась одна из самых любимых песен Джека «Отель «Калифорния» группы Eagles, причем не в классической студийной, а в концертной версии, которая нравилась ему благодаря страстному, почти надрывному вокалу ударника Дона Хенли даже больше.

Джек рассказал Дэвиду коротко о ситуации, в которой он оказался. Разумеется, эта тема начинающего писателя и знаменитого блогера с ходу очень заинтересовала.

— Знаешь, мне это чем-то напоминает сцену из старого фильма «Профессионал» с Бельмондо. Когда спецслужбы зажали его в угол и должны были вечером прислать убийц к нему домой, он пригласил журналистов к своему подъезду, чтобы те вели прямой телерепортаж о том, как его будут

убивать. Разумеется, в прямом эфире его никто не тронул. С помощью прессы ты хочешь сделать то же самое? Разумно. Но, с другой стороны, ты же помнишь, что этим он их в итоге только сильнее разозлил, и в конце фильма его все равно застрелили. Печальный финал.

— Пока мне не нужно, чтобы кто-то публиковал конкретные факты о моей истории. Это мы оставим на крайний случай. Я просто хочу начать широкий диалог в обществе о том, каковы границы допустимого вмешательства государства в частную жизнь людей, а также в инициативы предпринимателей. Мне сообщили, что все гиганты информационной индустрии сотрудничают со спецслужбами. Мне такое положение вещей кажется отвратительным. Надо положить этому конец.

— Слушай, а почему бы тебе лично не встретиться с Цукербергом, к примеру? Я как-то брал у него интервью, он очень адекватный и незаносчивый парень, я бы даже сказал, скорее скромный. Правда, сейчас он далеко, в Китае, — уехал в очередное турне по своей любимой Азии.

Джек и Дэвид еще несколько часов говорили обо всем, не заметив, как за окнами стемнело. Уходя, Джек подумал о том, что с Дэвидом он вполне был бы готов плодотворно сотрудничать всю свою дальнейшую профессиональную жизнь.

Джек не стал брать такси, подарив себе небольшую прогулку в этот вечер. Таких городов больше нет на свете. Он бывал в Нью-Йорке много раз начиная с раннего детства, и тем не менее ощущение от этого места было всякий раз не только ярким, но и немного другим. Нью-Йорк все время менялся, как сказочный калейдоскоп, позволяя открывать себя заново. Иногда это происходило из-за трагических событий, например терактов 9/11. Прошло уже столько лет, но волшебные здания-близнецы, когда-то подпиравшие не-

босвод, до сих пор жили в сердце каждого жителя города. «Когда закрываешь глаза, в темноте они светятся ярче всего», — сказал о них поэт. Спустя много лет на месте рядом с их фундаментом наконец-то построили новую, еще более высокую башню, с обзорной площадки на вершине которой открывался не сравнимый ни с чем вид на длинный прямоугольник Манхэттена с одной стороны и Гудзонов пролив с островами Эллис и статуей Свободы — с другой. Но очередь туристов в подземный мемориал памяти «Близнецов» почти всегда вдвое-втрое длиннее, чем количество желающих подняться на новую башню. Легенды — если это настоящие легенды — не умирают никогда.

Джек, не торопясь, с удовольствием, поднялся вверх по Пятой авеню, всегда празднично украшенной, к Центральному парку. Он поднял голову, взглянув на роскошную башню Дональда Трампа. Да, кто бы мог подумать всего несколько лет назад... Он любил Центральный парк и всякий раз, когда бывал в нем, обязательно находил небольшой кружок с надписью Imagine. Было страшной несправедливостью то, что человек, перевернувший мир в шестидесятых, оказался таким беззащитным перед пулями полоумного маньяка посреди города, в котором он всю жизнь мечтал жить... Центральный парк был хорош летом, но сейчас, когда уже темно и прохладно, там особенно нечего делать. По детской привычке он заглянул в огромный магазин игрушек, куда он всегда заходил с родителями. Во времена его детства это место казалось ему почти раем, сплошь заставленным огромными пушистыми собаками, детскими машинами с настоящим рулем и педалями, коллекциями солдатиков и многим другим. Сейчас в магазине стояли пластмассовые игрушки, детские управляемые роботы, бесконечные Play Stations и море различных гаджетов. Раньше здесь было куда приятнее и уютнее, но у каждой эпохи, конечно, свои достоинства... Он

вспомнил, что Дайана собирала в детстве пушистых игрушечных медведей, и положил в корзину небольшого очаровательного китайского медведя-панду, словно с эмблемы Green Pease, улыбавшегося и державшего в лапах зеленый бамбуковый побег. Ей он, конечно, понравится...

Джек внезапно пошатнулся. При мысли о Дайане его мозг словно пронзила раскаленная игла. В глазах потемнело, к желудку подступил невыносимый приступ тошноты. Продащица — невысокая азиатка — с тревогой посмотрела на него, поинтересовавшись, все ли в порядке. Джек лишь кивнул, вернул мишку на полку и опрометью выскочил из магазина.

Надо было что-то срочно предпринять. Он позвонил ей на сотовый, но тот оказался выключен, чего практически никогда не бывало. Кровь стучала в висках. Фары проезжающих мимо такси, фонари, освещающие Пятую авеню, словно слились в одну ослепляющую, бессмысленную полосу света. Джек проверил смс-сообщения, электронную почту, мессенджеры и все группы, где они состояли вместе. Никаких следов или сообщений. Хотя это еще ничего не значило: Дайана никогда не любила социальные сети, редко обновляла в них страницы или комментировала посты друзей — особенно теперь, когда ей и так приходилось каждый день работать по многу часов в Интернете.

Был будничным день, хотя уже и поздно, и он позвонил ей в офис. Оказалось, что Дайана с утра не выходила на работу и при этом ни с кем не связывалась, чтобы объяснить причину своего отсутствия. Некоторых ее коллег это удивило, но ничего предпринимать они не стали, зная ее идеальную дисциплинированность, видимо, решили, что она заболела и предупредила начальство. Ее начальница находилась в командировке, на форуме по цифровому маркетингу в Чикаго. Джек дозвонился и до нее, но та была крайне удивлена и тоже ничего об этом не знала. Сам Джек не слышал ее со

вчерашнего дня, улетев в Нью-Йорк из Бостона на самолете накануне вечером. Дайана, припозднившись на работе, только пожелала ему удачной поездки по телефону.

Джек судорожно поднял руку, остановив такси, и пошел в аэропорт. В их квартире в Бостоне он оказался в полдвенадцатого ночи. Обычно по утрам Дайана готовила себе лишь легкий завтрак, чаще всего кофе с корицей, с фруктами или йогуртом, а для Джека заваривала его любимый китайский белый жасминовый чай и готовила омлет с беконом, оставляя все это на столе. На входной двери не было никаких следов взлома. Стол был не убран еще со времени их вчерашнего завтрака. Кроме того, прошлым вечером по телевизору шло еженедельное музыкальное шоу, которое они всегда смотрели вместе: это был один из их любимых семейных ритуалов, а когда Джек был в отъезде, Дайана всегда записывала его, чтобы они могли посмотреть передачу вдвоем позже. Джек включил dvd-рекордер. Новых записей на нем не было. Дайаны не было дома вчера вечером. Она куда-то исчезла по дороге с работы.

Джек набрал 911. Полиция приехала быстрее, чем через пятнадцать минут. Двое молодых дежурных долго брали у Джека показания, причем так, что казалось, что именно он сам для них во всем этом деле казался главным подозреваемым. Фильм «Исчезнувшая» с Беном Аффлеком не так давно с успехом шел в прокате кино, Джеку он не понравился, и уж тем более сюжет было неприятно вспоминать сейчас, когда он сам оказался в похожей ситуации. Но кого подозревает полиция, сейчас было неглавным. У Джека было ощущение, что он стоит у раскрытого люка самолета, но без парашюта, и в любую минуту может провалиться в зияющую бездну.

Обычно Дайана возвращалась с работы на такси, иногда пользовалась городским автобусом, остановка которого

была напротив их дома. Около двух часов ночи Джек со следователями прибыли в офис, где работала Дайана, и сняли материал с наружной камеры наблюдения. Дайана вышла из офиса около десяти вечера и, судя по ее походке, не проявляла никаких признаков беспокойства, разве что была сильно уставшей от переработок в последние дни. Почти сразу подъехало такси Uber, номер которого был частично затемнен, и она села в него. Через минуту к тому же месту подъехало другое такси Uber (именно то, которое, как удалось быстро определить, она перед этим вызвала со своего номера телефона), несколько минут тщетно прождало клиентку и затем уехало. Поиски первого такси не дали результатов. Полиция запросила записи наружных камер наблюдения со всех зданий в этом квартале, но такой сбор информации обычно занимал не меньше нескольких дней. Было ясно лишь то, что вчера вечером она села не в ту машину.

Вернувшись домой на рассвете, Джек попытался хоть ненадолго заснуть. Даже во сне его мозг лихорадочно перебирал варианты, и одна и та же мысль неотступно всплывала во всей этой кутерьме. Проснувшись, он первым делом набрал телефон полковника Уорти из АНБ, прямо спросив, известно ли ему что-то о происшедшем. Тот словно и не был удивлен этой новостью, но искренне выразил соболезнования и надежду, что все вскоре разъяснится. Джек попросил помощи: полковник ответил, что постарается чем-нибудь помочь, хотя Агентство подобными вопросами, разумеется, не занимается. Джек так и не смог понять по их разговору, причастно ли ведомство к этому инциденту или нет, а спокойную реакцию полковника вполне можно было списать на то, что тому действительно нет никакого дела до подруги Джека.

За окном шумел противный мелкий дождь, зарядивший с самого утра. Золотая бостонская осень закончилась, сме-

нившись промозглой серой погодой. Джек позвонил Вернеру, но тот, возможно в первый раз с момента их знакомства, не смог дать ему никакого дельного совета. Джек буквально физически ощущал, как с каждым часом петля вокруг него медленно затягивалась. Он подумал о том, нужно ли ему связаться с родителями Дайаны, но решил, что пока они вряд ли могут чем-то помочь, а возможный инфаркт его будущего тестя ему совершенно не нужен. В конце концов, если сообщить требуется по закону, то полиция, которая уже в курсе всего, это сделает сама.

К вечеру новость о пропаже Дайны разнеслась по всему университету, но никаких сообщений в прессе не было. За тревожным днем последовала еще одна бессонная ночь. Кошмар продолжался, но Джек был уверен, что скоро он узнает о происшедшем нечто новое. Выйдя на улицу, к продуктовому супермаркету, Джек завернул за угол и вдруг почувствовал, как земля уходит из-под его ног и кто-то выкручивает его руки. Краем глаза он разглядел двух высоких парней, которые, очевидно, вышли из припаркованной рядом машины и напали на него сзади. Лиц нападавших он не видел. Кто-то из них снизу нанес Джеку короткий, резкий удар кулаком точно в подбородок. В голове наступило странное облегчение, а в мозгу словно на ускоренной перемотке стало проноситься что-то похожее на диснеевские мультфильмы, но почему-то сплошь окрашенные в кровавый, ярко-красный цвет. Джек очнулся уже через несколько минут. Кроме гудевшей головы и небольшого кровоподтека на подбородке все остальное, кажется, было в порядке. Нападавшие явно не собирались наносить ему тяжелые повреждения. Джек ощупал карманы. Пропал его кошелек с водительской лицензией и дебетовыми картами, на которых, правда, все равно лежала лишь какая-то мелочь. Джек побрел домой, слегка пошатываясь, на кухне нашел

открытую бутылку виски, отпил из нее немного, после чего его мысли, прыгавшие, как мячики, сразу стали ясными. Ему показалось, что это был самый вкусный глоток крепкого спиртного за всю его жизнь.

Он понял, что сейчас произойдет что-то важное. Вскоре раздался звонок по скайпу. Номер был зашифрован. На экране возникло лицо в маске, голос был до неузнаваемости искажен компьютерной программой. Собеседник продемонстрировал слегка размытую фотографию Дайаны. Она была связанной, с кляпом во рту, в ее глазах читались непонимание происходящего и беспредельный ужас. Сердце Джека вдруг стало на мгновение маленькой, замершей точкой, а затем забило так сильно, что он не мог вдохнуть, лишь бесполезно делал судорожные движения легких. Лицо в маске сообщило ему, что Дайана переправлена через мексиканскую границу и находится в Мехико, вне досягаемости американской полиции и спецслужб. Любая попытка Джека что-либо сообщить органам о просмотренной им видеозаписи приведет к мгновенной гибели его девушки. В течение трех дней он должен перевести на указанный анонимный банковский счет пятнадцать миллионов долларов. По истечении этого срока, если деньги не будут получены, в полночь Дайану обезглавят. Далее лицо с изуверской вежливостью попросило подтвердить получение данного сообщения переводом на указанный счет символической суммы в тысячу долларов. Кроме того, Джек мог оставить сообщение в анонимном электронном почтовом ящике. Джек перевел деньги в течение следующих двух минут. Наверное, он бы таким же кликом заплатил все пятнадцать миллионов, но у него пока не было и крошечной части этой фантастической суммы.

Вряд ли это было банальным вымогательством. Вероятно, кто-то хотел, чтобы он ради спасения Дайаны быстро продал свою компанию или сам код за бесценок. Или, воз-

можно, сделал что-то еще. В любом случае надо было срочно искать деньги.

Основная сумма, которой он располагал, лежала на его счете в «Чейз Манхэттен Банке». Еще в колледже он активно подрабатывал, создавая весьма востребованные программы для защиты от хакерских атак для небольших банков и даже для нескольких государственных учреждений. Когда-то он еще удачно вложил большую часть своих денег в акции компаний Facebook и Tesla, которые с тех пор выросли в несколько раз. Его последней пока серьезной работой на стороне, принесшей солидное вознаграждение, был пакет программ, посвященных машинному обучению. Если бы не код, создание которого занимало все его время, он, вероятнее всего, посвятил бы себя именно этой теме. Рано или поздно искусственный интеллект перевернет жизнь человечества. Сложные алгоритмы с перебором миллиардов операций в секунду, когда-то поразившие мир победой над чемпионом мира по шахматам, сейчас уже казались детскими игрушками. Современные суперкомпьютеры, ставшие с тех пор еще в сотни раз производительнее, занимались куда более сложными вещами, чем шахматы. Распознавание образов, мгновенная расшифровка генома любого человека, глубокий анализ «Больших Данных» — огромных по объему материалов, например, о поведении в Интернете десятков миллионов людей, чтобы выявить потенциальных пользователей тех или иных продуктов или услуг. Но даже и это по-прежнему было лишь пусть и не яслями, но самое большее — старшей группой детского сада для потенциальных возможностей искусственного интеллекта. Еще через двадцать лет, окончательно повзрослев, он должен проникнуть буквально во все сферы человеческой жизни.

Его мысли уходили куда-то не в ту сторону, словно отказываясь принимать реальность. Остаток на его счете, за

вычетом расходов на швейцарских юристов, составлял менее трехсот тысяч долларов. Неплохо для едва окончившего университет студента, но совершенно недостаточно. Джек снова хотел поговорить с полковником Уорти, который так и не перезвонил ему. Он мог сделать этот звонок по защищенной связи, и о нем никогда бы не узнали похитители Дайаны. Если, конечно, они там не были все заодно. Эта мысль не давала ему покоя, и он пока решил не рисковать.

Следующим утром он случайно заметил на полке изящное серебряное колечко, которое купил Дайане в подарок в Таско, старинной столице серебряных рудников в сердце колониального центра Мексики. Они уже путешествовали по этой стране дважды и оба раза остались от нее в восторге. Джек сумел проверить исходящий звонок видеозаписи. Несмотря на все усилия похитителей по шифрованию номера в скайп, ему удалось выяснить, что звонок был действительно сделан из Мехико, причем буквально из центра города. Ему удалось определить точный адрес или, по крайней мере, здание на карте. Эта информация могла очень помочь местной полиции. Но к ней нельзя было обращаться.

Весь следующий день Джек провел на телефоне. Первым делом позвонил отцу, но тот был немало удивлен просьбой одолжить пятнадцать миллионов. Вероятно, даже в лучшие годы у него не было такой суммы, а сейчас, когда его работа в банке висела на волоске, а финансовое положение пошатнулось еще и из-за регулярного злоупотребления алкоголем, а также интрижки с пуэрториканкой средних лет, он мог помочь сыну лишь искренним сочувствием. Следующими Джек набрал двух инвестиционных банкиров, которые когда-то были впечатлены его презентацией в Сингапуре. Он предложил сначала одному, затем другому двадцать пять процентов в его новой компании за пятнадцать миллионов. Те были крайне удивлены, обещали сообщить

об этом «интересном предложении» управляющим комитетами их банков, но, очевидно, такой вопрос никак не мог решиться за один-два дня. Последним местом, куда он попытался дозвониться, был офис премьер-министра Сингапура. Он просил его секретаря передать первому лицу страны, что у Джека есть привлекательное предложение, о котором они ранее разговаривали. Секретарь вежливо принял сообщение, но никакой обратной связи не последовало. «Когда весь мир против вас, нет ничего труднее, чем найти деньги в этот момент» — эта фраза профессора экономики, которую Джек слышал в институте на лекции, блистательно подтверждалась жизненной практикой.

Человек против государства. Что он может сделать? На какое-то мгновение в голове Джека возникла картинка самой знаменитой фотографии конца XX-го века: неизвестный человек, преграждающий путь колонне танков. Ему показалось, что этим человеком сейчас был он сам. Правда, он знал и то, чем закончилась сцена, запечатленная фотографом. Из люка танка показался военный, несколько минут проговорил с этим человеком, после чего тот отошел в сторону, а боевые машины смерти спокойно продолжили движение. Чуда не произошло.

Приговор похитителей должен был быть приведен в исполнение в полночь следующих суток. Джек понял, что он уже ничего не мог сделать, кроме как лично броситься к ней на выручку, какими бы призрачными ни казались его шансы. Следующим утром он уже приземлялся в аэропорту Мехико.

В самом огромном мегаполисе Западного полушария еще стояла теплая погода, но небо было сплошь затянуто темными тучами, и моросил дождь. Первым делом он направился в полуподпольный оружейный магазин в бедном отдаленном пригороде столицы, координаты которого

он нашел в «темном» Интернете накануне. В отличие от США, в Мексике продажа оружия частным лицам была строго ограничена, а американским гражданам — прямо запрещена. Но эта страна, к счастью, никогда не придерживалась собственных же законов. Продажа из-под полы чего угодно за сходную цену — от тяжелых наркотиков до легких бронетранспортеров — до сих пор оставалась в Мексике одним из любимых национальных видов спорта. Продавец магазина — вовсе не убийца зрелых лет в сомбреро, с густыми усами и сигарой во рту, а обаятельный молодой человек с модной, зачесанной вверх прической по имени Эмилио, говоривший на английском почти как на родном, принял заказ Джека — малошумный пистолет, несколько гранат и легкий бронежилет — с выражением лица старательного клерка в магазине модной одежды. Общая сумма заказа была внушительной, кроме того, требуемые товары находились на складе и их доставка (Джек забронировал просторные апартаменты на проспекте Реформ — одной из главных артерий центра Мехико) могла произойти не раньше семи часов вечера.

Центр Мехико бурлил и грохотал, а главные улицы уже с середины дня были полностью перекрыты от транспорта полицией. На календаре было второе ноября — знаменитый День Мертвых. Этот странный праздник уходил корнями в глубокое прошлое, во времена цивилизации ацтеков, основавших Мехико, которые поклонялись духам предков и совершали ритуальные человеческие жертвоприношения, вырывая сердца из тел еще живых пленников. В испанский период эти традиции сплелись с важным католическим праздником — Днем Всех Святых. Сначала его праздновали только в небольших городах, жители которых наряжались в парадную одежду и проводили всем городом всю ночь на кладбище, со свечами, песнями, танцами и молитвами.

В столицу этот обычай пришел недавно, но быстро превратился в огромный, умопомрачительный во всех смыслах карнавал.

То, что сегодня в Мехико будет твориться что-то необычное, Джек понял уже в аэропорту, увидев сразу при выходе из него спокойно шествовавшую милую семейку из трех человек. Ее глава, дородный мужчина, был с большой круглой ярко-зеленой головой, профессионально загримированный под мультяшного Шрека, его полненькая жена — в платье и с макияжем супруги Шрека Фионы, а их маленький сын был одет в костюм скелета и нес в руках длинную, остро отточенную косу. Самым забавным казалось то, что вся троица шла с серьезными лицами как ни в чем не бывало, и ни один прохожий из толпы даже не оборачивался.

Таксист отказался везти Джека из оружейного магазина по адресу его апартаментов, сославшись на непроходимые пробки уже днем, высадив его в нескольких остановках метро от центра, рядом со старинной площадью, запруженной народом всегда, а не только в День Мертвых. Многие люди ползли сюда издали на коленях, держа в руках свечи и иконы.

Не так уж и давно — каких-то пятьсот лет назад — над этой площадью возвышалась громада каменного дворца повелителя ацтеков Монтесумы высотой с целую пирамиду, но испанцы не оставили от нее и камня на камне. Теперь здесь находился старинный католический собор, причем на удивление неказистый внешне — темно-серый, непропорциональный и еще странно перекосившийся, очевидно, после сильных землетрясений, регулярно происходивших в столице. Казалось, он мог рухнуть в любую минуту, поэтому людей в него не пускали из соображений безопасности. Весь огромный поток паломников направлялся в другую, современную и тоже не слишком впечатляющую внешне церковь,

стоящую сбоку на площади. В ней теперь хранилась главная святыня старого собора, а заодно и всей Латинской Америки. Волшебный, магический цветной образ Святой Девы Марии Гваделупской, покровительницы Мексики, ярко отпечатавшийся на белой курточке деревенского пастушка загадочным, непонятным науке образом, был преподнесен Девой в подарок девочке, которой она до этого несколько раз являлась. В Мексике, где во все времена было почти невозможно найти хотя бы одного атеиста, особенно среди простых людей, святой образ Девы Гваделупской с тех пор стал храниться в каждой семье; также его изображали на самом видном месте в каждой церкви. Святыня теперь постоянно висела в новом соборе, в золотой раме под толстым стеклом, мимо которой на эскалаторе ежедневно поднимается бесконечный поток людей. Джек был верующим, и даже в этот день, проходя мимо, все-таки протиснулся через толпу, чтобы рассмотреть знаменитый образ своими глазами. Как и Мона Лиза в Лувре, оригинал казался тускловатым и небольшим, но в то же время и вправду источал особенный внутренний свет.

Еще труднее, чем войти, оказалось выйти из нескончаемой экзальтированной толпы молящихся, наполнявших площадь. Джек в какой-то момент почувствовал, что его кто-то настойчиво тянет вниз за руку. Небольшая девочка лет семи с заплетенным пучком черных волос и горящими любопытными глазками что-то хотела ему сказать. Джек присел, и это маленькое чудо быстро зашептало ему на ухо по-испански:

— Мистер, hello! Вы должны на Нее посмотреть. Да, это важно, важно!

Девочка привела его в небольшой церковный магазин рядом с площадью, за прилавком которого работала ее мама. При виде Джека женщина улыбнулась (очевидно, светлого-

лосые иностранцы оказывались в магазине нечасто). Она протянула ему небольшую икону, которая помещалась в ладони. Образ Девы Марии был выполнен неправдоподобно тонкой, изящной серебряной вязью, ее одеяние покрывал слой зеленого малахита с множеством блестящих маленьких изумрудов. Все это искуснейшее великолепие стоило весьма дорого. Женщина сказала по-испански, что этот спасительный образ Мадонны в самый тяжелый момент обязательно принесет удачу. В этот день Джек точно не собирался покупать никакие сувениры, но образ был столь великолепен, что он не смог выпустить его из рук.

Наконец, вырвавшись из толпы, он направился пешком в сторону проспекта Реформ. Идти пришлось часа полтора быстрым шагом, ориентируясь по навигатору, так как улицы в центре Мехико то и дело непредсказуемо и прихотливо изгибались. Джек поочередно оказывался то на оживленных проспектах с толпами людей, большей частью подростков или родителей с детьми, то в совершенно тихих пустых дворах и переулках, кажется, не изменившихся за последние лет сто.

Чем ближе к центру, тем чаще ему встречались по пути высокие трехметровые чучела — дамы в белых платьях и грациозных шляпках, одетые по высокой светской моде столетней давности, на деревянных шестах, с ужасными ухмыляющимися черепами вместо женственных лиц, своей заgrabной «красотой» символизовавшие наступление праздника. Жители Мехико называли их Катринами — в честь рисунка мексиканского художника, создавшего этот образ в начале прошлого века, очевидно, находясь под воздействием наркотических средств. Место, где Джек должен был остановиться на ночлег, находилось недалеко от роскошного барочного здания театра Мехико, в квартале от дорогой многоэтажной гостиницы «Хилтон». Пря-

мо напротив располагалась обширная площадь, буквально каждый квадратный метр которой был занят лотками торговцев, разложенными прямо на земле. Пешеходы не могли пройти по широкой улице, частично перекрытой полицией и заполненной плотным потоком велосипедистов, поэтому были вынуждены идти через площадь прямо по разложенным товарам, вызывая крайнее неудовольствие и ругань продавцов. Вся эта картина походила на Вавилонское столпотворение, хотя до начала основного действия оставалось немало времени. Апартаменты представляли собой большое уютное помещение с несколькими комнатами. Очевидно, обычно они предназначались не для одного человека, а для большой компании — в каждой комнате стояла широкая кровать, на которой могли бы поместиться как минимум три человека. Получив ключи от хозяйки, кажется, ждавшей его с самого утра, Джек проверил интернет-связь — к счастью, сигнал был вполне устойчивым. К семи вечера должны были доставить оружие из магазина. Курьер задержался, но передал все в сохранности. Он попросил пятьсот долларов сверху, сказав, что ему якобы пришлось откупаться от полицейского, но Джек просто вежливо и без церемоний выпроводил его за дверь. Стемнело. Шум от проспекта становился все громче — в ход теперь пошли барабаны, трещотки и трубы. Время от времени все здание как будто вздрагивало от очередного мощного залпа петард. Джек подумал, что, наверно, именно так выглядит преисподняя — с адским шумом, нескончаемыми толпами новоприбывших грешников и бесконечным страхом перед тем, что ожидает тебя в самом ближайшем будущем.

Около восьми на мессенджер пришло новое сообщение. Электронный адрес был скрыт сервером-зеркалом, а на месте фотографии отправителя сияла добрая ухмылка Катрины. Сообщение было кратким:

— Добро пожаловать в Мехико! Ромео следует за Джульеттой. Пьеса продлится до полуночи!

Внизу шли реквизиты счета в интернет-банке, которые Джек уже видел в первом ролике.

К сообщению был приложена фотография. На ней была спина Дайаны с глубоким крестообразным, кровоточащим шрамом в районе левой лопатки. Фотография была подписана крупными буквами *The First Cut* — страшная игра слов, которая обозначала и «первую сцену из фильма» на жаргоне кинематографистов, и лучшую часть вырезки у мясников, и буквально — «первый порез».

Джек трясущимися руками набрал телефон полковника Уорти. Если АНБ причастно к похищению, то он был теперь готов обсуждать любые условия. Рабочий день в Вашингтоне, в котором было на два часа больше, уже закончился, и никто не брал трубку. В полицию Мехико обращаться было уже поздно. Оставался только адрес, по которому был записан видеоролик.

Джек аккуратно спрятал под одежду оружие, надел поверх плотную куртку и кепку, чтобы как можно меньше выделяться в толпе. Здание по нужному адресу находилось примерно в получасе ходьбы, в самом центре, в нескольких кварталах от высокой стелы, увенчанной огромным позолоченным ангелом посреди проспекта Сокало, современной главной артерии Мехико. На часах было уже полдесятого: время текло быстрее, чем когда-либо в жизни Джека. Он вышел на улицу. Поток людей в сторону центра был уже настолько плотным, что, казалось, не нужно даже передвигать ногами — по полубезумной людской массе можно было просто плыть. Через какое-то время течение вынесло Джека на ровный, как стрела, проспект Сокало, на котором уже началось основное шествие. Людей собралось, кажется, уже десятки тысяч — правда, практически никто из

них не был похож на человека. Чтобы не выделяться, Джек подошел к одной из девушек с красками в руках, сунул ей сто песо и попросил быстро привести его в хоть немного «праздничный» вид. Девушка понимающе кивнула, спешно нанесла на его щеки белила, подвела густыми тенями глаза и затем синей краской дорисовала на висках и щеках что-то вроде контура театральной маски — на весь макияж ушло не больше пяти минут. Джек старался продвигаться в толпе как можно быстрее, но это было практически невозможно: сделав несколько шагов, он то и дело утыкался в кого-то, после чего людей приходилось физически раздвигать руками. «Они», его таинственные преследователи и похитители, безусловно, откуда-то знали, что Джек в Мехико, но вряд ли могли следить за ним в такой адской суматохе, а также наверняка не знали адрес, по которому он направлялся. Джек продвигался через толпу, наряженную в монстров и мертвецов, кажется, уже целую вечность, но упрямый позолоченный ангел на постаменте стелы не особенно приблизился.

Внезапно кто-то крепко схватил Джека за руку. Он обернулся и увидел перед собой иссиня-белое лицо с выступающими желтыми клыками, которые, казалось, были готовы впиться в него. Но это оказалась просто девушка. Джек отдернул ее руку, но его тут же схватили за локти двое крепких парней. Один был во фраке и тоже с накладными клыками, второй — одет в циркового клоуна из мрачных фантазий Стивена Кинга. Всего окруживших его было четверо или пятеро, они вместе, смеясь, подхватили и начали кружить Джека так, что у него замельтешило в глазах. Он резко оттолкнул кого-то из этой компании, в ответ его схватили сзади. Одна из двух гранат, которые он привязал к поясу под курткой, упала, с гулким железным звоном ударившись об асфальт. К счастью, чека на ней была надежно закреплена. Окружившие Джека остановились, озадаченно

посмотрели на гранату, но, видимо, приняли ее за карнавальный реквизит, глупо рассмеялись, а затем предложили сделать с их компанией групповое селфи. Джек огляделся, убедившись, что никто вокруг не заметил происшедшего, аккуратно поднял гранату и стал решительно продираться дальше. Уже недалеко от стелы стройная девушка в пышном белом платье невесты с синим лицом, изуродованным макияжем с глубокими рваными шрамами, но при этом с красивыми страстными глазами и накладными ресницами нежно прижалась к груди Джека и глубоким чувственным голосом попросила поцеловать ее в губы. Джек увернулся от ее объятий и затем взгляделся в экран смартфона. Навигатор показывал, что он уже недалеко от цели — здание с нужным адресом стояло в глубине, по левую сторону проспекта. Он наконец вынырнул из безумной ряженой толпы и бегом направился к нужному дому. Это было большое многоэтажное здание с широким фасадом, окна которого практически не горели. Со стороны улицы ступени вели к входу в небольшой банк; ближе к углу здания находился продуктовый магазин — и везде двери были закрыты наглухо. Джек обошел здание с другой стороны, обнаружив там еще один вход с железной дверью без вывески. На проспекте невдалеке продолжали почти без остановки греметь петарды. Джек отошёл метров на двадцать, вынул чеку и затем аккуратно, словно проходя последнюю базу в бейсболе, бросил гранату в сторону порожка двери, немедленно бросившись на землю. Раздался взрыв — намного более громкий, чем Джек ожидал. Где-то вдалеке завывали одновременно сразу несколько автомобильных сигнализаций. Через пару секунд он поднял голову. Со стены со всех сторон осыпалась штукатурка, дверь все еще висела на петлях, но ее край превратился в покореженный кусок железа, через который можно было проникнуть внутрь.

Первый этаж помещения представлял собой коридор с голыми стенами, где на полу валялись пустые банки из-под пива и пластиковые бутылки. Сняв пистолет с предохранителя, он поднялся по лестнице и понял, что попал по правильному адресу. Второй этаж был оборудован под небольшую студию, по полу тянулись провода, а светло-коричневый цвет стен был точно таким же, как в видеоролике. Однако во всем помещении не было ни одной живой души. Его последняя надежда рассыпалась.

Спустившись по лестнице, он вяло побрел к выходу. В голове было совершенно пусто. Его замысел в стиле фильмов о Джеймсе Бонде оказался абсолютной глупостью. Дайаны и ее похитителей в здании не было, да и, наверное, быть не могло. Отодвинув дверь, Джек вышел на улицу, и первое, что он увидел, было застывшее удивленное лицо полицейского. Невысокий пожилой сухощавый человек в черной форме внимательно смотрел на него. Джек успел спрятать пистолет под куртку, но полицейский все равно остановил его и приказал встать лицом к стене, чтобы обыскать его. Джек сделал удивленное лицо, пожал плечами, безразлично кивнул, послушно поднял руки, но тут же изо всех сил толкнул полицейского так, что тот полетел кубарем на землю, и бросился бежать. Мысль о том, чтобы воспользоваться своим пистолетом и ранить ни в чем не виноватого человека, даже не пришла ему в голову. Сейчас в ней мелькали школьные воспоминания об отчаянных забегах с футбольным мячом к линии тачдауна соперников, прочь от защитников. До спасительного угла здания было метров тридцать — ему нужно всего-то несколько секунд. За спиной, откуда-то снизу, вдруг раздался ровный сухой треск и затем еще пара одиночных выстрелов: полицейский явно стрелял из положения лежа. До угла оставался лишь шаг, когда левую руку, чуть ниже плеча, чем-то на секунду сильно обожгло, а за-

тем она тут же стала мокрой. Завернув за угол, Джек продолжал бежать изо всех сил и лишь через несколько минут, пролетев около пяти кварталов, наконец остановился. Боли не было, в теле было только ощущение дикого возбуждения от безумного всплеска адреналина, но рука как-то странно тянула вниз. Выбравшись на светлое место, он снял куртку и осмотрел рану. К счастью, пуля лишь слегка задела его, след от нее был поверхностным, неглубоким, но рана все же сильно кровоточила. С помощью лежавшего в кармане небольшого швейцарского ножа он отрезал нижний кусок майки и из этого лоскута кое-как сделал себе перевязку. Через пару минут кровотечение почти прекратилось.

Свернув и пройдя еще несколько кварталов, он услышал вдали звук бегущих ног и понял, что погоня еще не закончилась. Джек выбросил в мусорный бак теперь уже не нужный пистолет и снова побежал — петляя, но на этот раз не бесцельно, а по направлению к карнавальному шествию. Через несколько минут он нырнул в него, слился с толпой, предварительно сбросив куртку и кепку, по которым полицейский мог бы его издали узнать. Его разодранная майка, голая перемотанная рука с окровавленной повязкой и остатки грима на лице на фоне полчища вурдалаков и монстров казались скромным любительским реквизитом и не могли ровным счетом никого удивить.

Дойдя до следующей площади, Джек свернул в боковую улицу, бывшую частью старого исторического центра, со зданиями колониального периода. Здесь тоже толпилось немало людей, но они просто не торопясь прогуливались. На третьем, верхнем этаже старинного дворца, на ярко освещенном балконе, певец, одетый в белую рубашку с бабочкой, бархатным баритоном исполнял в микрофон лирические мексиканские баллады, внизу собралась большая группа людей, внимающих ему. Прямо напротив дворца, в глубине, за

резными воротами и небольшим садом, светился фасад церкви. Джеку было некуда идти. Он остановился посреди улицы, увидев, что уличные часы показывают уже почти одиннадцать вечера. На мессенджере высветилось новое сообщение. На фото адресата значился тот же ухмыляющийся череп Катрины. К сообщению была снова прикреплена фотография, но уже другая. Это была снова Дайана со спины, в той же позе. Порез на ее левой лопатке был теперь залеплен пластырем. Ее голова была бессильно опущена вперед, а вокруг шеи была обвита толстая веревка. Надпись под фото на этот раз гласила: «Один час, и мертвых этим вечером станет больше. Hurry Up, bro! (Торопись, дружище!)». Джек ответил сообщением, что согласен на все, что угодно, и умоляет их не делать этого. Ответа не последовало. Он написал, что завтра же раскроет им свой код. Снова никакой реакции. Если это была ловушка АНБ, то они бы добились своего. Но отсутствие ответа говорило о том, что спецслужбы в данном случае могли быть и ни при чем. Джек не знал, что ему делать дальше. Судорожные конвульсии тихо сотрясали его тело. Не понимая, что происходит, словно в кромешной тьме, он побрел в сторону освещенного барочного фасада. В церкви было тихо — лишь несколько людей молились, сидя на скамьях в просторном помещении, не обратив на вошедшего Джека никакого внимания.

Он присел, сжав кулаки от бессильного отчаяния. Ему уже было все равно, что будет в этой жизни дальше. Он проклинал тот день, когда они с Биллом написали ядро этого проклятого кода. Они хотели освободить человечество, а заплатились за это жизнями. И ничего уже поправить было невозможно. Если бы он не выбросил пистолет, то, возможно, приставил бы его себе к виску и спустил курок. Хотя нет, религия строго запрещает самоубийство, но остановило бы это его? Точно он не знал.

Джек поднял глаза, щипавшие от слез. Прямо над ним, на стене собора, был написан все тот же образ Святой Девы Марии Гваделупской. Ее спокойный лучистый взгляд из-под зеленой накидки смотрел так же, как и на магическом образе, который Джек видел днем в соборе. Он вспомнил девочку, затащившую его в магазин, потом купленную им икону с изумрудными каплями на одеянии Девы. Он хотел подарить этот образ Дайане. Но он ее уже никогда не увидит.

— Пресвятая, Пречистая Дева, молю тебя, помоги. На тебя одну всей душой уповаю.

Джек подумал, что в старости он мог бы стать монахом или священником. Глаза Богородицы смотрели на него ясно, спокойно — так, словно это был взор любящей матери. Был странный, разительный контраст между ужасом и безвыходностью положения и блаженным спокойствием, которое, казалось, источал этот образ.

Джек вспомнил, как он сидел точно так же в старой протестантской церкви Святого Якова в самом центре Бостона после того, как сдал на «отлично» свою первую сессию в университете. Незадолго до этого он познакомился с Дайаной, но тогда они еще не встречались. Джек был в той церкви один, а после молитвы просунул в щелочку для подношений солидную долларовую купюру. Заметивший это священник принес ему большую свечу откуда-то из запасников — он сказал, что ее привезли прямо из Иерусалима, с церемонии сошествия Благодатного огня. В тот же вечер, сидя в баре с Доном, они долго и горячо спорили, действительно ли огонь сходит с небес в нужный день, час и минуту или за этим всем есть какая-то древняя церковная уловка. Дон был убежден, что где-то там, в святая святых, есть источник огня, которым священники пользуются, но тщательно это скрывают. Дон был убежденным атеистом

и большим скептиком во всем. Но как же его не хватало сейчас и все эти месяцы — не описать словами.

ДОН. Африка. Компьютер.

Если бы в эту секунду в голову Джека угодил небольшая молния, то, наверно, он и тогда не был бы настолько поражен. Жужжащие годами высокопроизводительные компьютеры в квартире Дона. Два непонятных длинных, сложных ряда по двадцать символов. Боже. Господи. Решение было настолько очевидным... Оно висело перед самым носом Джека: возможно, все дело в том, что это было даже слишком просто. Но это, конечно, лишь предположение, которое надо проверить.

Джек посмотрел на часы. Четверть двенадцатого. Он зашел в Интернет на своем смартфоне.

Было ясно как день, что Дон все эти годы втайне от всех занимался майнингом криптовалют — добывал цифровые биткойны или, возможно, какие-то другие виртуальные «монеты». Первые несколько лет существования виртуальных валют их «добыча» была странным, нелепым занятием, оставаясь исключительно уделом маргинальных компьютерных гиков. Довольно долго все эти «монеты», включая главную — биткойн, не стоили в реальной жизни практически ничего, даже не окупая просто затраты электроэнергии на их «добычу». Возможно, все так бы и осталось, если бы через какое-то время этими странными, совершенно никем не контролируемые валюты не заинтересовались всерьез дельцы из Dark Net — анонимные международные торговцы оружием и наркотиками. Биткойнами можно было без каких-либо проблем расплачиваться за все то, за что невозможно платить законным образом. Они понадобились для расчетов между грязными дельцами, причем сразу в крупных количествах. Благодаря этому курс биткойна за короткое время вырос в сотни раз — с одного до нескольких сот дол-

ларов. Тогда о биткойне узнал уже весь мир — и им просто как быстрым, анонимным и не облагаемым налогами платежным средством стали активно пользоваться и обычные вполне легальные пользователи — в основном продвинутая в цифровых технологиях молодежь. Биткойн, не имеющий никакой осязаемой практической ценности, представляющий собой лишь блок из огромного количества цифр с определенной меткой, вырос после этого еще в десять раз — до нескольких тысяч долларов за одну виртуальную «монету», без преувеличения став настоящим золотом, сказочной пещерой Аладдина с сокровищами для тех, кто добывал его, как Дон — тогда, когда он еще не стоил практически ничего.

Два двадцатизначных ряда символов служили паролем для электронного «кошелька» криптовалют. Такие личные хранилища биткойнов в основном были двух видов: либо личный кошелек, который скачивается на определенный компьютер и в дальнейшем привязан к нему, либо так называемый онлайн-кошелек. Первый вариант вроде бы исключался: Джек сразу же внимательно изучил компьютер Дона, но никаких «тяжелых» программ на нем не обнаружил (кошелек для биткойнов огромен — занимает большую часть памяти на жестком диске). Теоретически такой кошелек Дон мог хранить на другом компьютере, но Джек почему-то был уверен, что это маловероятно. Значит, это был пароль от онлайн-кошелька, который заводится на определенном сайте. Сложность состояла в том, что таких яростно конкурирующих за клиентов сайтов в последнее время в Интернете развелось уже несколько десятков, и пробовать пароль на всех было слишком долго. Но у Дона этот кошелек явно был уже несколько лет. Значит, надо искать самый старый онлайн-сервис.

Джек снова на секунду поднял взгляд на лицо Мадонны. Казалось, что она ему теперь ласково улыбалась, словно подтверждая, что он — на верном пути.

Поиск Гугл по запросу «онлайн — криптокошельки» в верхней по рангу первой строчке выдал сайт Blockchain.com. Блокчейном назвалась технология, лежавшая в основе генерации биткойнов. Каждая последующая «монета» содержала полную информацию о всех предыдущих операциях, что делало невозможными подделку монет или мошенничество с их незаконным присвоением. Заставка сайта была приятно голубоватой, напоминая картинку Facebook. Be Your Own Bank (будь сам себе банком) — так звучал рекламный слоган сайта, вполне соответствовавший его содержанию. Иконка предлагала ввести публичный и приватный ключи для входа в свой кошелек. Джек дрожащими руками ввел символы, но, к его разочарованию, пароли не сработали: иконка выскочила снова, с сообщением, что пароль — неправильный, предлагая попробовать еще раз. Джек теперь скопировал оба ряда символов, надеясь, что проблема была в опечатке, которую легко было допустить, вбивая символы вручную на телефоне. Увы, результат оказался тем же. Джек какое-то время сидел, просто уставившись в экран телефона, не зная, что можно сделать еще. Затем, уже без всякой надежды на удачу, ввел пароли еще раз, только поменяв их местами. Телефон завис, затем высветилось сообщение, что пароли проходят двухфакторную верификацию. Прошло еще несколько секунд, и на экране появился простенький интерфейс электронного кошелька. В левой директории находился список адресов других онлайн-кошельков — тех, на которые были осуществлены предыдущие платежи — для удобства пользователя, чтобы ему не нужно было вводить те же реквизиты при повторном платеже заново. Справа, одна под другой, находилось несколько электронных строчек. Первая называлась биткойны, в окошке под ней значилось их количество, хранившееся в кошельке. У Дона на счету было почти три тысячи биткойнов. Вторая строчка была озаглавлена «Эфириум» — они стоили на порядок

дешевле, но зато быстро росли в цене — их на счету было около десяти тысяч. Далее шли лайткойны и еще несколько каких-то электронных валют, но их общий удельный вес в кошельке был незначительным.

Джек зашел на биржу криптовалют, чтобы узнать точные текущие курсы биткойна и эфира. Рыночная стоимость кошелька Дона на эту минуту составляла примерно двадцать один миллион долларов. Его друг, порой неохотно тративший мелочь на лишнюю банку дорогого крафтового пива, даже когда ему хотелось заказать еще, был долларовым миллионером, очень богатым человеком. Он вспомнил слова Дженни о том, что Дон как-то неожиданно предложил ей вложить полмиллиона долларов в ее салон красоты, а она отказалась, сочтя это за шутку или браваду. Дон всегда жил очень скромно. Джек вспомнил рассказ Дженни о том, что воры перевернули вверх дном их дом, что-то искали в бумагах. Многие майнеры (если не большинство) держат пароли от своих кошельков записанными просто на листке бумаги. При утере или краже пароля войти в такой кошелек становилось невозможно никаким способом. Вот почему Дон тогда рассмеялся: ведь он точно с такими объемами операций не стал бы хранить пароль таким наивным образом.

Джек взглянул на часы — до полуночи оставалось меньше получаса. Перевести быстро биткойны и эфиры в доллары, когда речь шла о миллионных суммах, было абсолютно невозможно. Биржи виртуальных валют работали плохо, их ликвидность была низкой. Обмен всего одного биткойна на доллары на карманные расходы занимал некоторое время. Чтобы перевести в доллары тысячи биткойнов, требовались дни, иногда — недели. Оставался лишь один выход.

Джек отправил ответное сообщение на адрес, с которого ему приходили сообщения: «Я готов платить. Дайте адрес криптокошелька».

Если у похитителей его не было, то все было бы кончено. Но Джек почему-то был уверен, что такой кошелек, учитывая очевидный факт, что они связаны с мафией, у них был. Так же как в Средние века на корабле каждого уважающего себя пирата или корсара просто обязан быть флаг с Веселым Роджером. Прошло пять мучительных минут. Наконец, он увидел входящее сообщение. В нем был публичный ключ криптокошелька. Он мгновенно вбил его в адресную строку своего кошелька, а в окошке «сумма платежа» указал нужное количество биткойнов. Пятнадцать миллионов долларов. Когда-нибудь эта сумма, возможно, будет казаться ему небольшой, но сейчас это было просто сказочное богатство. Не колеблясь, Джек кликнул на значок «Оплатить». В ту же секунду количество биткойнов на счете Дона уменьшилось на сумму ушедшего платежа, а также комиссии сайта. На часах было без десяти. Через пять минут к нему пришло новое сообщение. На аватарке письма теперь стоял уже не череп Катрины, а обычный смайлик. Текст письма был кратким: «Congratulations! You are all set». (Поздравляем! Вы выполнили то, что требовалось.) Внизу была приписка: «Посылка невредимой прибудет к утру».

После сумасшедшего, но короткого выброса адреналина в голову Джека охватило оцепенение и усталость. Почему-то он не сомневался, что чудо произошло. Он также успел подумать, что даже после этого платежа у него (да, у него — ведь Дон передал конверт именно ему) осталось цифровой валюты почти на шесть миллионов долларов. Этой суммы вполне достаточно, чтобы их с Биллом компания встала на ноги. Ну и конечно, Дженни также получит свою долю. Он оплатит всю ее налоговую задолженность, а также купит в собственность и подарит ей помещение, в котором находится ее салон. Правда, все это придет-

ся ей как-то объяснить. Но с этим не должно возникнуть проблем.

Он снова поднял голову. Пресвятая Дева Мария Гваделупская все так же улыбалась ему своим взглядом. С того момента, как он вошел в эту старую церковь, не прошло и получаса, но мир за это время стал совершенно другим. Плечо снова засвербило — рана почти затянулась, рука теперь наполовину онемела и отдавала противной тупой болью. Надо было обратиться в больницу, надеясь, что там ему не будут докучать вопросами, откуда возникло пулевое ранение.

До этого момента в церкви все время стояла полная тишина — тем более неожиданным был громкий, широкий, с каждой секундой нарастающий звук, откуда-то приближавшийся к ней. Наконец, ее главные двери распахнулись, и помещение наполнилось людьми, звуком молитв и католическими песнопениями. Полночный крестный ход в честь Дня Всех Святых, пройдя по узким улочкам старых кварталов Мехико, оканчивался в этой церкви. Почему-то казалось, что марш христиан будто противостоял адской вакханалии ночи. Крестный ход возглавлял сухощавый пожилой священник, весь в белом, со строгим лицом, на ходу громко, нараспев читавший проповедь в микрофон. За ним перемещалось изваяние Девы Марии в два человеческих роста на постаменте, уложенном яркими красными и оранжевыми цветами, источающими благовоние. За изваянием следовала длинная процессия людей, на лицах многих из них было выражение молитвенного экстаза, слезы, некоторые вползали в храм на коленях. Людей было так много, что, когда в полночь началась торжественная служба, места на скамьях и в проходах в длинной и очень просторной церкви хватило далеко не всем, многие паломники остались молиться и петь перед входом, на улице, наблюдая службу на большом мониторе, установленном перед храмом.

Джек некоторое время молился вместе со всеми, повторяя слова святого отца на испанском, затем вышел из церкви, не дождавшись причастия. Люди — простые мексиканцы, невысокие, со смуглой кожей и темными, как угольки, глазами, — улыбались ему невероятно доброжелательно. Кажется, в эту ночь в Мехико не спал никто: каждый житель огромного мегаполиса занимался тем, что ему было больше всего по душе. Через несколько кварталов, посреди еще одной старой улочки, Джек оказался в небольшой толпе людей, слушавших концерт *марьячо* — непрофессиональных уличных музыкантов с гитарами, задушевыми голосами певших народные мексиканские баллады. Слова каждой баллады, распеваемой на разные лады, сводились к тому, как ужасно страдает *Corazon* (сердце) поющего от неразделенной любви и как он ждет тот миг, когда его возлюбленная бросится наконец в его объятия. Уличных музыкантов в этом ночном концерте было не меньше двадцати — от безусых юношей до стариков, — но все их голоса органично сливались в один. У Джека был абсолютный слух, и он хорошо различал, что гитары некоторых *марьячо* были плохо настроены, некоторые местами фальшивили при пении или не попадали в ритм. И все же общее ощущение от этой картинки и этих задушевных песен было необыкновенно теплым. Всего несколько часов назад Мексика казалась ему адом на земле, но теперь он буквально был готов признать эту романтическую страну в любви.

Врач отделения оказания первой медицинской помощи большого современного госпиталя в одном из спальных районов Мехико, куда Джека бесплатно довез незнакомый парнишка на мотоцикле, был занят большим потоком пациентов, получивших травмы или химические ожоги от грима или пиротехники на шествии Дня Мертвых, поэтому, увидев след от пули, даже не поинтересовался, откуда он.

В эту ночь в Мехико с кем угодно могло произойти все, что угодно. Около четырех утра на его уже почти разряженный телефон поступил долгожданный звонок. Звонил портье одного из отелей в центре города. На ресепшен отеля зашла, по ее собственным словам, американка, говорившая на испанском как на родном языке. Ее платье было местами разорвано, при ней не было денег, кредитных карточек и каких-либо документов, лицо было с синяками, и она с трудом говорила, явно находясь в состоянии глубокого шока. Она попросила персонал гостиницы не звонить в полицию, продиктовав номер, как она сказала, «ее мужа», который должен быть где-то неподалеку. Портье учтиво спросил, знает ли Джек что-либо об этой женщине.

Все номера гостиницы в эту ночь, особенно привлекательную для туристов, были забронированы. Свободным оставался только президентский номер-люкс, почти за две тысячи долларов. В этом номере было три роскошные комнаты и две ванны с сантехникой позолоченного цвета, с дизайном в старом колониальном стиле. В большом джакузи могли поместиться несколько человек, прихватив бокалы с шампанским. Обычно во время отпуска, вечерами в гостиницах Джек и Дайана любили понежиться в пенистой ванне, но сейчас на телах их обоих были еще свежие, лишь кое-как обработанные раны, и они просто, уже без всяких сил, лежали боком на одной из кроватей. Джек аккуратно снял грубую нашлапку, скрывавшую порез Дайаны на лопатке. Рана в целом затянулась, опасности заражения, к счастью, не было, но грубый, почти безобразный шрам, скорее всего, должен был остаться на ее спине до конца жизни. Вначале Дайана, почти не переставая, плакала, прижимаясь к любимому, но это были скорее слезы облегчения, чем ужаса или, что еще важнее, упрека. Чтобы прийти в себя, они выпили почти бутылку коллекционного двадцатипяти-

летнего виски из роскошного бара номера, но от стресса не почувствовали даже и легкого опьянения. Джек ожидал от Дайаны вопросов, но она молчала. С силой прижавшись к нему и передернувшись, словно в страшном ознобе, наконец она задала вопрос, который он ждал меньше всего:

— Я назвала тебя моим мужем, когда они спросили, куда можно позвонить. Это ничего?

— Куда мы поедем на медовый месяц?

— Куда хочешь. Решай сам — ты же глава семьи.

— Все детство я мечтал съездить в Бразилию, в Рио-де-Жанейро, на карнавал в феврале. Там должен быть невероятный драйв. А после карнавала посмотрим еще самый лучший соккер на огромной «Маракане» и еще слетаем на водопады Игуасу. Говорят, они даже круче Ниагары.

— В феврале? Это ждать еще несколько месяцев?

— Ну, мне нужно закончить до нашей свадьбы разные важные дела. И еще сделать тебе красивое кольцо. Помнишь еврейских ювелиров в Нью-Йорке — кажется, где-то на Со-рок пятой улице? Хочу, чтобы ты выбрала у них бриллиант сама. Ничему я не доверяю так, как твоему вкусу.

— Хорошо.

События последних дней все еще отдавались болью в их измученных телах. Но дрожь и истерика Дайаны прекратились. Она заснула на ее любимом, правом плече Джека обессиленно, но теперь с почти по-детски счастливой улыбкой. Джек взглянул в окно поверх копы ее густых темных волос. Кажется, там уже пробивались первые тонкие красноватые лучики рассвета.

День Мертвых ушел в небытие.

Глава 19

Мистерия XXI века

*Вашингтон, округ Лэнгли, март 2001 года,
офис директора ЦРУ*

— Почему вы настолько уверены, что террористы не смогут захватить американские коммерческие авиалайнеры, чтобы использовать их для атак на наши важнейшие объекты?

— Простите, сэр, но я повторяю, что это — абсолютно, ни при каких обстоятельствах, не осуществимо.

Директор ЦРУ Джордж Тенент, один из доверенных лиц Билла Клинтона, сохранил свой пост и в администрации только что избранного президента США Джорджа Буша-младшего. В последние месяцы ему неоднократно поступали секретные донесения о намерениях радикальных исламских экстремистов, борцов за «всемирный джихад», провести крупный теракт на территории США с угоном одновременно нескольких (в шифровках упоминалось — до восьми) авиалайнеров, чтобы направить их в цели, которые считаются символами Америки. Обычно в таких сообщениях упоминались Белый дом, Капитолий и Пентагон. Это было важно, так как, например, в популярных компьютерных играх в качестве целей воображаемых иностранных

террористов чаще всего использовались знаменитые здания-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Но о них как о потенциальных мишенях в донесениях не упоминалось. В структуре силовых ведомств США предотвращение террористических атак было прямой обязанностью ФБР: ведомство в Лэнгли занималось другими задачами. Поэтому Тенент своевременно направлял всю получаемую по этой теме информацию в Бюро, но что с ней было потом, он даже не представлял: никакой обратной связи по данному вопросу из ФБР он ни разу не получил. Руководитель ЦРУ решил хотя бы в общем оценить степень данной угрозы самостоятельно, пригласив сотрудника Федерального управления гражданской авиации, отвечавшего за безопасность полетов. Его гость был строгим сухощавым темноволосым мужчиной лет пятидесяти, с военной выправкой. Он казался несколько смущенным высоким приглашением, но при этом сохранял подчеркнутое чувство собственного достоинства.

— Объясните, пожалуйста, подробнее. В данном случае мне важна каждая деталь.

— Это очень просто. Потенциальным террористам противостояло бы абсолютно все: от правил безопасности аэропортов и самих авиалайнеров до сил национальной военно-воздушной обороны, которые действуют, смею вас заверить, как часы. Такой план чисто теоретически мог бы сработать, разве что если бы сами военные, а заодно и высшее политическое руководство страны были бы в сговоре с террористами. Вынужден повторить еще раз, это совершенно невозможно.

Сделав паузу, бывший летчик, а теперь чиновник, продолжил:

— Как вы знаете, все аэропорты в стране оборудованы металлоискателями. Тщательному обыску подвергают-

ся не только пассажиры, но и их багаж. Злоумышленники не смогут пронести на борт ни огнестрельное оружие, ни бомбу, ни слезоточивый газ. Максимум, что может у них быть, — это маленькие складные ножи и муляжи пистолетов, но этим они никого не испугают и не введут в заблуждение. На главных национальных авиалиниях, таких как, например, American Airlines, каждый второй пилот, обслуживающий рейсы, — бывший военный летчик, включая тех, кто воевал в горячих точках. Абсолютно все пилоты — крепкие мужчины, в хорошей физической форме. Да, существует инструкция, по которой, в случае если террорист на борту угрожает взрывом (хотя почти всегда такие угрозы — ложные), с ним нельзя вступать в драку: нужно только передать информацию диспетчерам и сменить курс согласно его требованиям. Это делается, чтобы избежать паники среди пассажиров в салоне, особенно женщин и детей. Но никогда в истории авиации террорист сам не пытался сесть за штурвал. Это — совершенно другая ситуация. Летчики и обслуживающий персонал понимают, что это — верная смерть и для них, и для пассажиров. Пока они живы, они не отдадут штурвал. «Боинг-757» — это вам не велосипед. Не забывайте также, что помимо двух крепких летчиков в самолете, как правило, есть и стюарды мужского пола. Если потенциальных угонщиков будет даже несколько, без огнестрельного оружия у них нет шансов. Как только кабине пилотов будет угрожать опасность, летчик в первую очередь сделает резкое движение штурвалом, что собьет нападающих с ног. В следующую секунду он нажмет кнопку сигнала экстренной ситуации на борту, который примут авиадиспетчеры и передадут военным службам. Допустим, террористам каким-то образом удастся добраться до штурвала, хотя это практически невозможно. Примерно через две

минуты с ближайшего военного аэродрома взлетит пара сверхзвуковых истребителей, которые максимум через десять минут догонят угнанный авиалайнер и принудят его к посадке. Если самолет не будет отвечать на запросы и останется на опасном курсе, у летчиков-истребителей есть инструкция сбивать его, не запрашивая чьего-либо разрешения.

— Могут ли угонщики направить авиалайнеры, например, в Белый дом или Пентагон?

— Пентагон — это самое охраняемое здание в мире. Любой объект, приближающийся к нему и не подающий сигналов по системе «свой—чужой», которыми оборудованы только военные самолеты, но не гражданские, сбивается крылатыми ракетами. Это закрытая информация, но говорят, что периметр Пентагона охраняется десятками скрытых ракетных установок наземного базирования.

— А как насчет Нью-Йорка? Например, Эмпайерстейт-билдинг?

— Нью-Йорк защищен несколько слабее, хотя и рядом с ним есть военные аэропорты. В истории было несколько случаев, когда небольшие частные самолеты сбивались с курса и врезались в небоскребы на Манхэттене. В сороковых годах в Эмпайер в тумане врезался небольшой военный бомбардировщик. Несколько людей в здании погибли, а пожар на этаже тушили сорок минут. Но невозможно представить себе, чтобы это случилось с большим коммерческим авиалайнером, даже угнанным, — по причинам, которые я объяснил. И кстати, не понимаю, какой вообще в подобной затее толк. Даже крупный самолет не может нанести серьезный ущерб таким колоссальным зданиям, как Эмпайер или высотки Всемирного торгового центра. Любой гражданский самолет имеет тонкую обшивку из легкого, хрупкого алюминия, который сразу

раскрошится при столкновении с мощными стальными балками небоскреба. Вспыхнувший керосин из его баков очень летуч и весь выгорает уже через несколько минут. Даже если в самом здании потом начнется пожар, то он будет локальным и унесет жизни максимум нескольких человек. Понимаете, гражданский самолет, даже огромный, — совсем неподходящее орудие для тарана. И наконец, последнее, но не наименьшее по важности. Вы когда-нибудь видели, как выглядят Нью-Йорк и Вашингтон из кабины пилота?

— Нет, но могу легко представить себе.

— Любые объекты, даже такие огромные, как ВТЦ или Пентагон, с воздуха, со средней высоты, выглядят маленькими. Террорист, даже с лицензией пилота, но никогда не летавший над Вашингтоном и Манхэттеном, если и найдет эти объекты, то все равно лишь в одной попытке из десяти, а скорее, из ста сможет точно направить в них самолет. Ширина башен ВТЦ — чуть больше размаха крыльев «Боинга»; Пентагон — такой низкий, что авиалайнеру нужно было бы упасть на его крышу сверху. Честно говоря, как бывший пилот, готов подтвердить даже под присягой, что выполнить такие маневры летчику, не имеющему не то что сотен или тысяч часов налета, а вообще какого-либо опыта в качестве старшего пилота на крупных «Боингах», просто невозможно.

После этой беседы Джордж Тенент издал внутреннее распоряжение по ведомству о том, что любые донесения о возможном нападении на Америку авиатеррористов должны направляться напрямую их коллегам из ФБР. Он окончательно решил для себя, что данная угроза настолько нереальна, что не стоит даже тратить на изучение подобной информации свое личное время.

*Кэмп-Дэвид,
загородная резиденция президента США,
29 июня 2001 года, 18.00*

Новоизбранный президент США Джордж Буш-младший обвел собравшихся холодным взглядом:

— Коллеги, я ознакомился с вашим докладом о национальных угрозах США. Это бесполезный кусок бумаги, который лучше использовать по другому назначению. Я просил подготовить мне список решительных, быстрых, неотложных практических мер, которые могли бы переломить текущую ситуацию. А вы все вместе написали жалкую дипломную работу выпуска факультета политологии. К черту дипломатию! Кому нужны принципы, если они ведут к поражению? Я не римский папа, который борется за спасение душ своей паствы. Я лидер величайшей страны в мире, которая стоит перед угрозами, и мы должны действовать решительно, не дожидаясь ударов наших врагов.

Тон этой короткой, но чрезвычайно жесткой речи был подобен грому среди ясного неба. Всего несколько минут назад министры нового правительства гуляли по лесным тропинкам, пребывая в приподнятом настроении и ожидая похвалу за проделанную ими основательную работу.

Любой, кто впервые в жизни попадал в знаменитую президентскую резиденцию Кэмп-Дэвид, был несколько удивлен тем, насколько скромно и неброско все выглядело вокруг. Единственным ее отличием от загородных поселков среднего класса была усиленная охрана: резиденция имела статус стратегического военного объекта — с командным пунктом, контрольной полосой и силами безопасности в составе целого подразделения морской пехоты. Она была построена в тридцатых годах как загородное место отдыха парализованного президента Рузвельта, равно-

душного к роскоши, и с тех пор мало изменилась. Десяток или около того деревянных одноэтажных домов, небольших, уютных, с каминами внутри; площадки для отдыха на лесистом склоне горы находились в очень уединенном месте — в ста километрах или в получасе полета на вертолете северо-западнее Вашингтона. Резиденция всегда была невероятно уютной — в этом заключалось ее главное достоинство, одним из тех мест, откуда гостям не хочется уезжать. Особенно приятно здесь было зимой, в сухой несильный мороз, когда семья и гости президента катались на лыжах, а вечером собирались у огня в теплых пушистых свитерах для интересных и часто необычно откровенных бесед. Хорошо здесь было и летом, когда по дорожкам парка можно было бегать трусцой, наслаждаясь тишиной леса, нарушаемой лишь гомоном птиц. На весь мир резиденция Кэмп-Дэвид прогремела в конце семидесятых, когда президент Джимми Картер здесь, единственный раз в истории, помирил Израиль с арабскими странами, добившись подписания мирного договора и рукопожатия их лидеров. К сожалению, этот грандиозный успех оказался кратковременным и закончился плохо для его участников: Картер не смог переизбраться на второй срок, с треском уступив на выборах Рейгану; президент Египта Садат по возвращении на родину был расстрелян «за предательство» исламским экстремистом, а Израиль потом многие годы вел на своей территории и в соседних арабских странах кровопролитные войны. Позже гостеприимный Рейган, улыбаясь и шутя, гулял по дорожкам парка резиденции с Горбачевым и Маргарет Тэтчер — вполне вероятно, что именно в те минуты окончательно решилась судьба «холодной войны». Во времена правления Бушей — и старшего, и младшего — Кэмп-Дэвид превратился в их любимое «семейное» гнездо.

Джордж Буш-младший всегда прилетал в Кэмп-Дэвид с супругой и своей любимой собакой Барни — забавным маленьким лохматым скотч-терьером черного окраса, с которым он порой не расставался даже во время важных встреч в Белом доме, держа его на коленях. В конце июня 2001-го в Вашингтоне стояла жаркая, знойная погода, поэтому свою очередную встречу-знакомство с лидерами крупных стран мира, в данном случае с премьером Японии, новый президент перенес из Белого дома в тенистую, прохладную загородную резиденцию. Президентский вертолет приземлился рядом с домиком «Аспен» во второй половине дня. Визит японца был запланирован на следующее утро, но Джордж Буш все равно был одет строго официально: в свой любимый темно-коричневый костюм с синим галстуком, как для самых важных встреч. Сопровождение с ключевыми руководителями его администрации планировалось на шесть вечеров и было строго конфиденциальным. Оно проводилось в «лавровом» домике, оборудованном экранами связи и интерактивными картами, как командный пункт главнокомандующего армии США.

Одним из самых ценных лидерских качеств Буша-младшего была его непоколебимая, еще с бурных и загульных студенческих времен, уверенность в себе. Кажется, что в мире не было задач, которые и в Америке, и ему лично были бы не по плечу; в этом он был схож с другим великим республиканским президентом — Рейганом, причем куда больше, чем его осторожный отец. Еще одной яркой чертой президента Буша-младшего была его склонность относиться к любым сложным вопросам как можно более просто, иногда даже чрезмерно. Эта черта привела к множеству ошибок, совершенных им в течение двух сроков его правления. Но, с другой стороны, способность лидера никогда не откладывать вопросы в долгий ящик импонировала непосредствен-

ным подчиненным, для которых позиция президента по тем или иным проблемам всегда была четкой и ясной. Джордж Буш-младший нередко казался наименее интеллектуальным из американских президентов за последнее столетие, а в некоторых дипломатических ситуациях даже выглядел немного туповатым, что являлось большим заблуждением: это был очень дальновидный, хитрый, изощренный политик, нередко использовавший видимость своего простодушия как маску, инструмент, в том числе помогавший ему добиваться своих масштабных целей.

Но хотя новоизбранный президент, как всегда, внешне излучал невозмутимость и уверенность в себе, его дела пока шли совсем неблестяще. Само избрание Буша было сопряжено со скандалом, беспрецедентным за всю историю президентских выборов в стране. Его рейтинги, за полгода до этого уверенно опережавшие главного конкурента от демократов Альберта Гора, в последний момент начали падать камнем вниз. За неделю до выборов ни одно социологическое агентство не отдавало ему предпочтения. Даже при том, что сам Гор считался многими откровенно слабой кандидатурой, Буш-младший нравился избирателям еще меньше. В итоге голоса выборщиков распределились почти поровну, и все решил густонаселенный штат Флорида, в котором сложилась совершенно уникальная ситуация: при миллионах проголосовавших Гор при первичном подсчете бюллетеней вроде бы выигрывал, но с ничтожным преимуществом в несколько сот голосов, составлявших сотые доли процента. Было принято решение провести тщательный повторный пересчет бюллетеней, за проведение которого теперь отвечал лично губернатор Флориды, которым, по совпадению, был Джеб Буш, родной брат Джорджа. Пересчет голосов выявил снова мизерное, но теперь уже превосходство Буша над Гором. Придаться формально было не

к чему, и Джордж Буш, едва ли имевший действительный мандат доверия своей нации, стал 43-м президентом США. Его инаугурация, проходившая в ненастный январский день, с гололедом и ледяным дождем с градом, тоже была почти скандальной. Часть улиц маршрута кортежа нового президента в Вашингтоне перекрыли активисты с оскорбительными для него плакатами, которых пришлось разгонять силами полиции. Лимузин Буша следовал под нескончаемый свист, а в его бронированные окна, несмотря на все усилия охраны, время от времени из толпы летели посторонние предметы. Разумеется, в мировые телерепортажи о его инаугурации все эти нелицеприятные подробности не вошли.

Первое полугодие президентства Буша тоже не было безоблачным, скорее наоборот, ситуация становилась все более тревожной. Рейтинги поддержки президента оставались одними из самых низких в истории; неожиданно начался резкий рост цен на нефть и электроэнергию: за пару предыдущих лет они подорожали почти в три раза, и, по всем прогнозам, кривая мировых цен на энергоносители только начинала свой бурный рост. США были их крупнейшим в мире импортером, поэтому такой рост цен мог крайне негативно сказаться на экономике. Китай развивался так быстро, что из безропотной фабрики дешевых товаров с каждым днем становился все более опасным конкурентом американских корпораций уже и в среднем ценовом сегменте. Фондовый рынок Уолл-стрит, переживавший непрерывный рост в девяностые, после избрания Буша нерешительно затоптался на месте, а затем устремился вниз: с одиннадцати к девяти тысячам пунктов, и даже эта отметка казалась не дном, а, скорее, промежуточной остановкой перед еще большей просадкой. В марте Джордж Буш поручил ключевым министрам своего кабинета разработать программу решительных мер, которые должны были переломить все

сложившиеся негативные тенденции. Он призвал подчиненных «мыслить более широко, нешаблонно, будучи смелыми и мужественными в своих идеях, направленных на благо американской нации».

По итогам их работы президенту на стол лег доклад «Новый американский век». Формально его авторами значилась группа уважаемых политологов, выпускников ведущих университетов. Но основные идеи принадлежали нескольким самым влиятельным людям страны, которые поставили подписи о «согласии с принципами» на данном документе. Среди них значились Джеб Буш, обеспечивший победу брата на выборах, миллиардер Стивен Форбс и другие. И все же главными подписантами были три ключевых силовых чиновника страны. Дик Чейни, бывший министр обороны и тень Буша-старшего, серый кардинал правительства начала девяностых, стал теперь вице-президентом, еще усилив свое ставшее теперь почти безграничным влияние в команде Буша-младшего. Для Дика Чейни в политике не существовало понятия нравственности и этикета, если они хоть в чем-то стояли на пути интересов государства, какими он их себе представлял. Имели значение только целесообразность и, конечно, личные интересы. Дональд Рамсфелд, умный, сухой в общении, но очень исполнительный и структурно мыслящий чиновник, бывший министром обороны в 1970-х, снова занял эту должность. Пол Вульфовиц был назначен его заместителем. Относительно молодой и невероятно креативный, он лично готовил большинство важных секретных документов в период правления Буша, а впоследствии стал председателем Всемирного банка. Четвертым в этой «теплой», сплоченной компании было лицо, которое еще недавно трудно было даже представить в высшем руководстве страны, тем более в силовом блоке: темнокожая женщина, в юности неудавшаяся классическая

пианистка, ставшая потом видным политологом, ректором Стэнфордского университета, — Кондолиза Райс. В команде Буша она занимала влиятельный пост советника по национальной безопасности. В ее личном ведении находилась борьба с терроризмом; с первых шагов в своей новой должности она старалась проявить себя как «железная леди», каждое слово которой выплавлено из металла: даже матерые боевые генералы входили на аудиенцию в ее кабинет, ощущая сильный внутренний трепет.

В подготовленном силовиками докладе действительно не было новых фактов или свежих прорывных идей — в этом Буш был прав. В нем подробно говорилось об угрозе нарастания энергетической зависимости США от нефти с Ближнего Востока, о необходимости еще большего усиления американской армии даже в отсутствие достойных геополитических оппонентов, какими были когда-то Советы, о росте влияния в мире лидеров террористически опасных стран, таких как Ирак, Афганистан и Ливия. Самым примечательным в докладе были не факты и даже не отдельные высказанные предложения, а общий дух, которым он был пропитан: на каждой его странице содержались фразы об исключительности Америки, ее особой роли в мире как страны-гегемона, необходимости укрепления ее и так почти абсолютного влияния всеми средствами, вплоть до военных.

Совещание в Кэмп-Дэвиде началось с доклада госсекретаря Колина Пауэлла, похожего на отчет о полном провале. Его ведомству было поручено тайно провести переговоры с лидерами движения «Талибан», правившими в Афганистане. Это были исламские фундаменталисты, вернувшие страну в Средневековье, но, с другой стороны, почти искоренившие там такой порок, как бизнес по выращиванию мака и экспорту героина. Лидером талибов был мулла Омар — непреклонный имам, потерявший глаз

в войнах с «неверными» на афганской земле. Мулла Омар считался во многом загадочной личностью: не только никогда не выезжал за границу, но и крайне редко покидал свою резиденцию напротив главной мечети города Кандагар. При этом его авторитет в исламском мире того времени был настолько велик, что, когда он согласился укрыть у себя Усаму Бен Ладена, самого разыскиваемого в мире террориста девяностых, организатора взрывов американских посольств в разных странах, экстрадированного из Судана за финансовые махинации и участие в торговле наркотиками, никто на всем Востоке даже не стал его за это упрекать. Кроме Саудовской Аравии: на своей родине ее бывший герой Усама успел встать поперек дороги нескольким влиятельным саудовским принцам, которые убедили короля заочно приговорить Усаму к долгому тюремному заключению и объявить в международный розыск. Теперь Бен Ладен большую часть времени проводил в укреплении Тора-Бора в горных пещерах на границе Афганистана и Пакистана, но иногда выезжал за границу по поддельным документам, о чем было хорошо известно западным спецслужбам, но, по загадочным причинам, его никто даже не пытался задержать. Реальные возможности Усамы к этому времени стали крайне ограничены. Свой многомиллионный родительский капитал за прошедшие годы он уже практически растратил, его организация «Аль-Каида» даже в лучшие времена насчитывала не больше трехсот боевиков, подавляющее большинство из которых ни разу не бывали в странах Запада, не владели иностранными языками и лишь прошли базовую военную подготовку в двух небольших пакистанских горных лагерях. Усама грезил и часто говорил о нанесении мощного удара по Америке: во-первых, в отместку за ее операцию в Кувейте и последовавшее за этим постоянное присут-

стве армии США в Саудовской Аравии; во-вторых — за «унижения» палестинцев в Израиле. В последние годы им завладела навязчивая, маниакальная идея угона американских самолетов для поражения стратегических объектов, хотя, сидя в пещере Тора-Бора с горсткой сподвижников, он не имел ни малейшего представления о том, как такую идею можно реализовать. Говорили, что с годами Усама все больше превращался в больного параноика, устраивавшего невообразимый бедлам в любом месте, где бы он ни укрывался. Весной 2001-го между ним и муллой Омаром произошла серьезная ссора. После нее мулла сообщил свои приближенным, что ему часто приходят сны, которые всегда в его жизни сбывались. Теперь его преследуют видения о том, что Бен Ладен самим своим присутствием навлечет какой-то страшный кроваво-огненный дождь — сначала на Афганистан, а потом и на другие страны ислама. От этого человека талибам надо было избавиться. Проблема была лишь в том, что единственной страной, которой его можно выдать, была Саудовская Аравия. А Омар считал ее короля Фахда человеком, нарушавшим исконные принципы ислама, слишком тесно сотрудничая с Америкой. Выдать Бена Ладена западным спецслужбам напрямую значило навлечь на себя позор. Оставалось лишь ждать подходящего случая.

Встреча представителя Госдепа США и муллы Омара состоялась в Кандагаре в начале июня. Америка предлагала талибам щедрую финансовую помощь в обмен на их согласие построить через территорию Афганистана новый, самый крупный в мире по пропускной способности нефтепровод. В конце девяностых американские компании получили обширные концессии на добычу нефти в Казахстане и в нескольких других нефтеносных странах Центральной Азии. Эта нефть могла покрыть большую

часть энергетического дефицита Америки в ближайшее десятилетие. Проблема была в том, что по имевшимся трубопроводам ее можно было только перекачивать через Россию в Европу. Если бы эти переговоры, как когда-то в семидесятых, вел искусный матерый лис Генри Киссинджер, то он бы построил тонкую многоходовую комбинацию, преподнеся предложение мулле Омару на блюдечке в таком лакомом виде, что тот бы наверняка не отказался. Но Колин Пауэлл был новичком в большой политике: его посланник начал встречу с муллой, попросив принести ему виски со льдом «в эту жару» (странно, что не эротический журнал), затем долго расхваливал мощь и величие Америки и, наконец, безапелляционно потребовал «всячески способствовать» строительству американского нефтепровода, «как того хочет сам господин Буш», добавив, что в противном случае Афганистан будет подвергнут ковровым бомбардировкам. Более хамское поведение на переговорах трудно было представить: лишь американское гражданство уберегло незадачливого дипломата от немедленной суровой казни по обычаям шарията. Колин Пауэлл отчитал и с позором уволил дипломата, провалившего столь ответственную миссию, но теперь ему самому приходилось краснеть и то и дело тупить взор во время доклада президенту.

— Талибы не хотят, чтобы Америка диктовала свои условия Афганистану. И им не нужна нашей помощи.

— К черту талибов! Мы разворошим их мерзкое осинное гнездо в любой момент, когда захотим.

— Господин президент, и еще важная информация. На днях нам пришло секретное сообщение от поверенного муллы Омара. Они готовы тайно выдать нам Бен Ладена в обмен на нашу бессрочную гарантию ненападения на Афганистан. Правда, нефтепровод они по-прежнему отказы-

ваются пустить через их территорию — видимо, не хотят потерять лицо перед соседями.

— Это нелепо. Из-за одного человека идти на такие уступки этим дикарям? Этот талиб в своем уме?

— Я согласен. Бен Ладен, по нашим сведениям, уже давно не представляет опасности. Более того, кажется, он теряет рассудок: уже десятку журналистов рассказал, что хочет угнать авиалайнеры и направить их в Белый дом. Кроме того, недавно он пережил серьезное покушение: кто-то из своих же подсыпал ему в кофе цианистый калий. Он заподозрил неладное, лишь коснувшись напитка губами, и не стал его пить, но даже из-за этого его почки оказались тяжело поражены. Вряд ли он способен теперь на многое, уже просто по состоянию своего здоровья.

— Может, пора избавиться от него?

— В таком случае мы получим нового лидера «Аль-Каиды», как знать, возможно, куда более опасного. Бен Ладен удобен еще и тем, что у нас есть прямые выходы на него. В восьмидесятых, в ходе войны в Афганистане с русскими, он был де-факто агентом ЦРУ и прекрасно знает правила игры.

— Сообщите этому мулле Омару, что мы даем ему три месяца подумать о нефтепроводе. Дональд, пожалуйста, не позднее сентября подготовьте подробный план нашей кампании в Афганистане. Если они будут упорствовать, мы пойдем туда сами и возьмем свое. Мир увидит, что наша армия со времен Войны в Заливе стала еще сильнее. После Афганистана нашей целью станет Ирак. Саддам больше не должен грозить миру и растворять своих внутренних врагов в ваннах с серной кислотой. Я чувствую, что мой исторический долг — избавить мир от этого животного. Кстати, в вашем докладе три четверти текста посвящены нефти. Убрав Саддама, мы снимем санкции с Ирака, вернув

иракскую нефть на мировой рынок, который станет более сбалансированным. Ну а вы, Кондолиза, мужественная тегаская девушка? Где ваши идеи?

— Идеи есть, господин президент. И все же всем присутствующим хотелось бы четко понимать, в каком направлении двигаться и до каких пределов мы можем идти.

— Пределы существуют только в нашем сознании. Я понимаю, что вы хотите от меня услышать. И я говорю — да. Да, черт возьми! Америка впервые стала править миром, заткнув за пояс Европу, после Второй мировой войны. Ничего бы не было, не случись шестьдесят лет назад нападения японцев на наши авианосцы в Перл-Харборе. Вот — исходная точка нашего триумфа. Чтобы мобилизоваться и выйти на новый уровень, нам нужен новый Перл-Харбор. Атака на Америку на глазах всего мира. Которая, разумеется, не останется неотмщенной. Отталкиваясь от нее, мы и будем формировать новый век истории.

— Вы можете изложить концепцию подробнее, чтобы все были уверены в том, о чем они думают?

— Нет. Это уже не моя работа. Я хочу, чтобы произошло что-то короткое, но такое, что в прямом эфире наблюдал бы весь мир. И я даже не хочу знать заранее, что именно. Как добрый христианин прошу лишь, чтобы количество человеческих жертв было настолько малым, насколько это возможно. Но эффект должен быть сногсшибательным. В крайнем случае могут погибнуть несколько военных: их долг — отдать жизни за страну в критической ситуации. Могут погибнуть какие-нибудь жирные коты, которых не любят избиратели: банкиры, биржевые торгаши, но не из высшей элиты. Иностранцы. Не трогайте простых американцев. Они — соль нашей нации, нашей земли. И повторяю, больше я не возвращаюсь к этой теме.

*Абу-Даби (ОАЭ),
госпиталь «Калифа Сити»,
5 августа 2001 года*

Свидания с пациентами в элитной клинике эмирата допускались лишь в особых случаях. Запрос пришел из американского посольства, на нем стояла печать личной администрации шейха Зейда, правителя эмирата. Главный врач госпиталя разрешил посещение, но не более чем на полчаса. Сотрудник посольства, прибывший в Эмираты лишь накануне, был одним из самых опытных агентов международного сектора ФБР по имени Ларри Митчелл. По правилам больницы он был одет в белый халат и чем-то действительно напоминал врача — чуть полный, круглолицый, в очках, с внимательным и даже заботливым взглядом. Прежде чем навестить пациента, имя которого значилось как Мохаммед, имевшего катарский паспорт, посланник внимательно ознакомился с больничным листом пациента, сняв с него несколько копий. Тот лечился от острой почечной недостаточности — трижды в день ему ставили капельницы со сложным коктейлем препаратов для поддержания деятельности почек. Состояние больного оценивалось как средней тяжести: ему также предписывались строгая диета и ограничение двигательной активности.

Войдя в палату-изолятор, Митчелл сразу отметил про себя бледный, болезненный вид пациента. Казалось, что ему уже было за пятьдесят, хотя на самом деле — лишь чуть больше сорока. Он сидел, опершись спиной на спинку кровати, и взгляд его больших усталых глаз почти ничего не выражал. У него была седая бородка, совсем короткая, от локтя тянулся тонкий проводок к капельнице. Увидев гостя, которого он не ждал, он не удивился, очевидно, приняв того за врача, и что-то негромко спросил по-арабски. В ответ Митчелл показал ему удостоверение агента ФБР. Глаза

араба сверкнули, и он хрипло спросил по-английски, с сильным акцентом:

— Что вам надо?

— Поговорить. Просто поговорить как друзья, а может быть, даже и бывшие коллеги.

Митчелл сообщил «катарцу», что ФБР известно о планах крупной палестинской террористической организации в ближайшее время совершить в Вашингтоне и Нью-Йорке масштабный теракт, возможно, с использованием угнанных самолетов. По данным Митчелла, целями террористов могли стать башни Всемирного торгового центра и правительственные здания.

Человек усмехнулся:

— Вы заслуживаете этого. Я рад, что наши братья идут по этому верному пути. Но я не знаю, кто это может быть. У Арафата, если это он и действует без поддержки извне, вряд ли что-то получится.

— Мы знаем, что вы не знаете. И как раз в этом-то все и дело. В случае если эта страшная трагедия, несмотря на все наши усилия, все же произойдет, мы не сможем обвинить в ней Палестину. Это будет означать, что мы встали открыто и полностью на сторону Израиля в ближневосточном конфликте. Мы сразу станем главными врагами всего арабского мира, а цена нефти улетит в космос. Нам нужно, чтобы ответственность за эти теракты вместо палестинцев взял на себя кто-то другой.

— Воистину, вы — шайтаны. Предлагаете мне — мне! — играть в ваших интересах? Вы — люди без принципов и такими же считаете и всех остальных. Идите прочь.

— Напротив, согласившись, вы спасете арабский мир от пожара страшной войны, возможно — атомной, в которой могут погибнуть миллионы. Сделайте это ради ваших же братьев по вере.

Араб усмехнулся:

— А если нет, вы на меня прямо здесь наденете наручники?

— Разумеется, нет. Арабские Эмираты — суверенная, процветающая страна, и ее эмиры не хотят международных скандалов. И потом, у меня ведь даже нет юридических доказательств, что вы — не тот, за кого себя выдаете.

Митчелл открыл портфель, вынул оттуда какой-то пузырек, затем не торопясь подошел к стойке капельницы и открыл ее крышку.

— Если я сейчас добавлю сюда несколько капель, завтра у вас произойдет инфаркт по естественным причинам. Вы, конечно, можете успеть вынуть из вены иглу, но я постараюсь, чтобы этого не произошло. На всякий случай у меня с собой также есть шприц для подкожных инъекций. Усама, вы очень плохи, и вашей кончине никто не удивится, а я спокойно успею сесть на самолет до этого момента. Время моего визита заканчивается, и я хочу услышать ответ прямо сейчас.

Большие глаза смотрели на американца с ненавистью, не мигая, несколько мгновений. Затем пациент отвернул голову в другую сторону и едва заметно кивнул.

— Шукран. Выздоровливайте. Теперь вас будут охранять как зеницу ока.

Выходя из палаты, Митчелл с гордостью думал о том, как лет через пятнадцать, при выходе на пенсию, он получит право рассказать внукам о медали, которой его завтра тайно наградят.

*Нью-Йорк, ресторан «Окна мира»
во Всемирном торговом центре,
8 августа 2001 года*

Ресторан Windows of the World, расположенный на 107-м этаже северной башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, был не только самым высоким рестораном Западного полушария, но и одним из самых модных

заведений мегаполиса, «который никогда не спит». Столы здесь резервировали за месяц, цены в меню казались заоблачными, но при этом вовсе не отпугивали посетителей. Отпраздновать в «Окнах» свой юбилей или свадьбу считалось не только престижным, но также и показателем высокого вкуса. Дресс-код ресторана всегда был предельно строг: джентльмены обязаны носить смокинги или как минимум дорогие костюмы; дамы одевались в модные вечерние платья. Почти каждый вечер здесь можно было увидеть знаменитостей: заезжих голливудских звезд, богатейших банкиров с соседней Уолл-стрит, известных бейсболистов команды «Янкиз». Простые люди могли также без проблем посетить этот ресторан, но в утреннее время, когда здесь сервировали изысканные и не очень дорогие завтраки.

Двое людей завтракали в этом ресторане каждое утро, примерно в половине девятого, уже несколько лет. Пожилой джентльмен, внешне как две капли воды похожий на главных дельцов с Уолл-стрит, и в компании с ним его дочка — молодая и ухоженная девушка. Этого человека звали Ларри Сильверстайн, и на самом деле он никогда не был банкиром. С ранней молодости и уже много лет по шестнадцать часов в сутки как одержимый он занимался сделками купли-продажи и аренды первоклассной нью-йоркской офисной недвижимости. К концу девяностых он стал игроком номер один на этом рынке, а его состояние составляло несколько миллиардов долларов. О Ларри говорили, что у него есть необыкновенное «шестое чувство», хотя на самом деле его секрет заключался не столько в интуиции, сколько в обширнейших связях, особенно в высшем еврейском банковском кругу, а также в мэрии города. Почти все самое важное в этом бизнесе Ларри знал раньше, чем большинство конкурентов. Любимым его детищем было

лицо великого города: две прекрасные башни Всемирного торгового центра. Их формальным собственником являлся один из муниципалитетов Нью-Йорка, но Ларри арендовал башни-близнецы и землю под ними на 99 лет с почти безграничными полномочиями (он имел право даже снести обе башни), являясь их фактическим владельцем. С завтрака в ресторане на вершине северной башни в компании дочери начинался каждый его рабочий день. В конце июля у Ларри была приватная встреча с мэром Нью-Йорка Руди Джулиани. Новость, которую он узнал, была невероятной. Разумеется, теперь надо было действовать, и как можно расторопнее.

В это утро его гостями за завтраком были четверо представителей крупнейших страховых компаний Америки. Сделка, которую они обсуждали, была одной из самых масштабных в истории страхового бизнеса. Ларри Сильверстайн хотел застраховать башни ВТЦ от террористических актов на сумму 3,6 миллиарда долларов. Эта сделка казалась страховщикам странной по нескольким причинам. Во-первых, рыночная стоимость зданий оценивалась на тот момент в два раза меньше, а любое имущество крайне редко страховалось на стоимость выше его оценки. Во-вторых, страховщики хотели получить первоначальный взнос по этой сделке в размере ста пятидесяти миллионов долларов. Ларри предлагал заплатить сразу пятнадцать миллионов, а все остальное перенести на октябрь текущего года, ссылаясь на свои кратковременные трудности с ликвидностью. Страховщики сильно сомневались в этой сделке и старались вызвать клиента на откровенность.

— Вы же лучше всех знаете, что в коммерческом смысле башни ВТЦ — это чемодан без ручки. С момента их постройки они так и не окупились. Это их «грязный маленький секрет», как говорят в таких случаях.

— Да, все тридцать лет часть офисов в небоскребах стояли незанятыми либо сдавались по очень низким ставкам. А в первые два года после их постройки, как раз в разгар нефтяного кризиса семидесятых, офисы башен вообще были не заняты, их тогда называли «всемирный пустой центр». Людям нравилось любоваться их величественной красотой со стороны, подниматься на обзорную площадку, ужинать вот в этом ресторане. Но работать — категорически нет. В прошлом многие люди жаловались, что в офисах ВТЦ их преследуют непонятные страхи — словно они у всех на виду, как мишень. Но, к счастью, все меняется. В последние годы доходы от башен стали устойчиво расти. Я ожидаю, что стоимость зданий ВТЦ уже в ближайшие два-три года вырастет в несколько раз.

— Да бросьте. Гораздо вероятнее, что через несколько лет их просто снесут. Вы же знаете, что их стены покрыты канцерогенным асбестом. Если дышать им в офисе каждый день, через несколько лет вероятность рака легких становится на порядок выше, чем даже у заядлого курильщика. Кроме того, оседающая с них пыль опасно загрязняет атмосферу Нижнего Манхэттена.

— Не желаете ли сигару? Если серьезно, я считаю, что вред асбеста преувеличен так же, как когда-то раздули кампанию против холодильников с фреоном. Впрочем, если это вас так уж сильно беспокоит, то давайте пропишем в контракте, что уже в следующем году я буду обязан провести капитальный ремонт зданий, заменив в стенах асбест чем-то безвредным. Я готов даже на это.

Это заявление было сенсацией. Замена асбеста в башнях ВТЦ стоила сотни миллионов долларов и была крайне трудной технически. Но в то же время это значило, что их владелец настроен очень серьезно. Общение за столом резко оживилось. Теперь страховым компаниям действительно

казалось, что сделка — надежная и очень привлекательная. Они даже на волне энтузиазма разрешили оставить пункт о мизерном первоначальном взносе с уплатой остальной суммы позже.

И Ларри, и боссы страховых гигантов спускались на скоростных лифтах ВТЦ в прекрасном настроении. Но триумфатором в этой «страховой сделке века» на самом деле был лишь он.

Уже утром 12 сентября, на следующий день после трагедии, полный, объемистый пакет документов на возмещение семи миллиардов долларов (Ларри трактовал атаку двух башен как два разных страховых случая) уже лежал в офисах страховых компаний. Мало кто задумывался в суматохе тех дней, как его сотрудники успели столь оперативно подготовить все необходимые документы.

Накануне, 11 сентября, в половине девятого утра, в первый раз за многие месяцы Ларри и его дочь не пришли завтракать в ресторан наверху северной башни. Ларри внезапно почувствовал недомогание и с утра отправился к врачу, а его дочь уехала на раннюю деловую встречу в другой части города. Слепая судьба «чудом» спасла семью владельца ВТЦ от неминуемой гибели.

*Разлинные места, конец августа —
начало сентября 2001 года*

Подготовленный план событий поражал своим размахом и смелостью. Ничего подобного не происходило за всю предыдущую историю человечества. Президент страны не знал о содержании плана, его деталях и даже точной дате, но таков и был замысел операции изначально.

Целями атак были избраны высотные башни ВТЦ в Нью-Йорке (как известный на весь мир символ американского величия и процветания), а также здания Пентагона

и конгресса США в Вашингтоне. Атаки должны были символизировать нападение на главные движущие силы Америки: экономическую, военную и политическую. Белый дом был исключен из списка мишеней, несмотря на то что он всегда фигурировал как цель в мечтах Бен Ладена. Хотя сам президент в день «X» должен был отсутствовать в Вашингтоне, его реакция на такую атаку могла быть резко отрицательной.

Самолеты, которые планировалось угнать и осуществить с их помощью атаку выбранных зданий, принадлежали двум самым популярным авиакомпаниям США на внутренних направлениях — American Airlines и United Airlines. Первые два рейса — №11 и №175 — вылетали рано утром из аэропорта Логан в Бостоне на другой конец США, в Лос-Анджелес. Третий самолет, которому предстоял таран Пентагона, вылетал из аэропорта в Вашингтоне, четвертый — из Нью-Йорка.

Разумеется, обычные гражданские самолеты для такой операции не подходили никаким образом. В случае с башнями ВТЦ гражданские лайнеры не могли вызвать даже очень серьезного пожара, не говоря уже об обрушении хотя бы части их этажей. Несмотря на наличие на гражданских рейсах систем автопилотов, управление ими на расстоянии было сложной задачей, а точное попадание таких самолетов в здания едва ли вообще возможно (разумеется, никто не предлагал реальным пилотам стать смертниками). Но на вооружении Пентагона еще со времен «холодной войны» имелись военные самолеты — глубоко модифицированные гражданские модели «Боингов»-757 и 767 — они управлялись дистанционно с помощью мощного радиосигнала. Их планировали использовать для имитации терактов на Кубе или в любой другой небольшой стране, для войны с которой мог по-

требоваться официальный повод в виде якобы сбитого американского гражданского рейса на их территории. По плану настоящие самолеты должны были сойти со своих воздушных маршрутов и приземлиться в одном из военных аэропортов около Вашингтона. Несмотря на всю детализацию плана, судьба пассажиров этих рейсов заранее не была определена, так как существовали различные варианты. Одновременно военные радиоуправляемые «Боинги» тех же моделей, раскрашенные в цвета авиалиний, должны были взлететь и атаковать намеченные цели. Для того чтобы последствия атак были более ярко выражены, оба беспилотных самолета для тарана башен ВТЦ несли в себе значительный объем взрывчатки.

Дата атаки — 11 сентября (9/11) — была созвучна с телефоном экстренного вызова 911, известным каждому жителю страны с раннего детства. Эта дата была идеальна и по другим причинам: будний день, а также — утро выборов нового мэра Нью-Йорка. Многие горожане с восьми до полдесятого утра были не на работе, а на избирательных участках; все бригады телевизионных компаний также развернулись на Манхэттене с самого утра, освещая ход выборов. Перенаправить их камеры и внимание на горящие высотки ВТЦ заняло бы лишь мгновение.

Огромные усилия были приложены для того, чтобы минимизировать количество человеческих жертв. Продажа билетов на все четыре авиарейса проводилась лишь в течение нескольких часов, после чего была прервана по техническим причинам. В итоге места на всех четырех рейсах (которые обычно каждый день в среднем заполнялись на две трети от вместимости самолетов) на это утро были выкуплены лишь на четверть. На деле пассажиров в салонах было еще меньше, так как часть билетов забронировали на фиктивные имена людей, на рейсы, конечно, не явившихся.

Из похожих соображений было выбрано и время атак. Было бы логично провести их позднее, не около девяти, а в десять или даже в одиннадцать часов утра. Разница во времени с центром США составляла два часа, с Западным побережьем — три: далеко не все жители этих поясов вставали в шесть утра, многие могли элементарно проспять трансляцию, которую должны были запомнить на всю жизнь. Но каждая дополнительная минута стоила десятки, а может быть, и сотни жизней. Первый таран небоскреба должен был произойти в 8.45 утра. Рабочий день в компаниях башни начинался в девять. Большинство сотрудников должны были остановиться от изумления на подходах к работе, а те немногие ранние «жаворонки», что уже были в офисах, к моменту взрывов башен через час после атак самолетов имели более чем достаточно времени для спокойной, организованной эвакуации. Самолеты должны были врезаться в самые верхние этажи башен, чтобы как можно меньше людей оказались полностью или частично отрезанными местом столкновения от аварийных лестниц зданий. Во многом, хотя и далеко не во всем, эти расчеты оправдались. В разгар рабочего дня в высотках ВТЦ обычно находилось 50 тысяч человек, но в это утро из-за выборов, а также раннего времени первой атаки, в них было не более 15 тысяч человек.

Для обезвреживания сил противовоздушной обороны, истребители которых без каких-либо вариантов уничтожили бы любые подозрительные, сбившиеся с курса, не отвечающие на позывные гражданские авиалайнеры в течение максимум десяти минут, еще на подлете к центрам Нью-Йорка и Вашингтона, на утро 11 сентября были назначены национальные военно-воздушные учения NORAD под кодовым названием «Бдительный гражданин», посвященные отработке действий ВВС в случае угона террористами авиалайнеров. Для того чтобы в ходе учений случайно не

пострадали реальные гражданские самолеты, все вылеты перехватчиков могли осуществляться только по личному разрешению вице-президента Дика Чейни, контролировавшего ход учений. Фактически все это утро Дик Чейни был командующим американскими ВВС. Когда произошла первая атака, у диспетчеров заняло более двадцати минут, чтобы связаться с ним, далее они получили разрешение на вылет, но на медленной, дозвуковой скорости и без права поражения каких-либо самолетов ракетами. Предотвратить теракты истребители в таких условиях не могли даже теоретически.

Неожиданно самой сложной и в итоге невыполнимой частью плана (которая изначально казалась чисто технической) был подбор подходящих персоналий на роль «исполнителей» терактов: они все должны были быть арабского происхождения, радикальных исламских взглядов и при этом — с американскими визами. Как минимум четверо должны были также иметь лицензии профессиональных пилотов по стандартам FAA. В картотеках ФБР таких людей нашлось несколько десятков, включая требуемых четырех «пилотов», но проблема была в том, что лишь несколько из них находились на территории США (остальные успели благополучно вернуться на родину, в страны Востока). Из этих нескольких пилотов, да и то крайне неопытным, был лишь некий Мохаммед Атта, до этого долго живший в Германии, владевший английским, но, правда, бывший по жизни редким раздолбаем, меньше всего похожим на типаж исламского фундаменталиста: каждый вечер шатался по барам, порой напиваясь виски до беспамьтства, был завсегдаем стриптиз-клубов, имел приводы в полицию. Но лучших кандидатов не было, и именно он со своим приятелем был назначен «главой шайки» террористов-угонщиков. Всего террористов по сценарию должно было быть девятнадцать, в среднем по пять на самолет: было бы невозможно

заставить поверить даже самого наивного обывателя, что команда меньшей численности без огнестрельного оружия может успешно захватить и контролировать крупный американский авиалайнер с двумя пилотами и как минимум шестью стюардами или стюардессами, не говоря о пассажирах. Атту с приятелем за пару недель до 9/11 завербовали агенты ФБР, посулив им хорошие деньги за выполнение некоего «задания», по которому они сначала должны были прилететь рано утром с Западного побережья в Бостон, получить пакет с инструкциями и тут же вылететь обратно тем самым рейсом AA11 в Лос-Анджелес. Атта с другом по привычке прилично надрались накануне в баре и чуть не проспали нужный рейс. Их сонные лица на досмотре при посадке — единственная видеозапись присутствия арабских «террористов» на всех четырех рейсах (не считая анекдотически «найденного» целехонького паспорта Атты на пепелище ВТЦ). Больше никого из девятнадцати указанных в отчетах расследования человек, скорее всего, не было даже в качестве «подсадных уток»; а девять из 19 «погибших» угонщиков уже в следующие две недели обнаружались живыми и невредимыми в странах Востока — от Марокко до Саудовской Аравии, что, впрочем, не повлияло на «официальную версию» событий, изложенную правительственной комиссией.

Единственной вещественной уликой, подтверждающей участие арабских террористов в событиях 11 сентября, стал «чемодан с вещами Мохаммеда Атты», который «по ошибке» не загрузили на борт рейса AA11 (что, по статистике аэропорта, на прямых рейсах происходит с одним чемоданом из тысячи). Внутри был голливудский набор вещей террориста: инструкция по работе со взрывчаткой, план аэропорта и трогательное письмо невесте, в котором он объясняет ей, что идет на верную смерть как истинный

мученик ислама. Зачем он собирался провезти это письмо в багаже на борту самолета, который должен был сгореть дотла, вместо того чтобы отправить по почте или отдать ей запечатанным в руки (они виделись накануне), осталось абсолютно неясным.

Самым трудоемким этапом подготовки был выбор способа эффектного обрушения зданий ВТЦ, чтобы произвести неизгладимое впечатление на зрителей во всем мире. Небольшой пожар на их верхних этажах, который пожарные быстро бы ликвидировали, не мог произвести должного эффекта. Снос этих исполинских машин с мощнейшим внутренним «позвоночником» — тугоплавким центральным остовом из армированной стали и железобетона — был сложнейшей инженерной задачей. Здания были невероятно прочными: их проектировали так, чтобы они выдерживали инерцию самых мощных ураганов, множественные столкновения с самолетами, а также непрерывные интенсивные пожары на всех ста семи этажах одновременно продолжительностью до двух суток. Когда их вводили в эксплуатацию, то внизу, в фундаменте обеих башен ВТЦ, даже сформировали специальные полости для небольших ядерных зарядов гражданского назначения: в то время это был единственно возможный способ их сноса в случае необходимости. К счастью, с тех пор технологии шагнули вперед и прибегать к радиоактивному загрязнению Нью-Йорка 11 сентября не пришлось.

Эксперты компании Controlled Demolition, мирового лидера сноса зданий и промышленных объектов, нанятые для этого проекта под грифом Top Secret, предложили использовать сверхмощный армейский взрывчатый состав «Термит». Порошкообразная смесь оксидов алюминия и никеля с нитратом бария при детонации создавала мощнейшие взрывы с очень высокой температурой горения.

В отличие от нестойкого, летучего и горящего с низкой температурой авиационного керосина, «Термит» буквально сжигал любую самую стойкую сталь за мгновения, образуя потоки, по внешнему виду, цвету и консистенции похожие на вулканическую лаву. Для того чтобы осуществить снос башен-близнецов, требовалось незаметно разложить упаковки данной смеси на каждом этаже: в центре — в лифтовых шахтах, а также у каждой боковой стальной балки. Каждая упаковка смеси снабжалась радиоуправляемым детонатором. В выходные, 8 и 9 сентября, все офисы ВТЦ были закрыты на 36 часов на ремонтно-технические работы. Мэрия Нью-Йорка согласовала отключение сигнализации и видеонаблюдения внутри зданий в ходе этих работ, чтобы избежать ошибочных вызовов тревоги. Чтобы обрушение всего исполинского небоскреба было мгновенным, с наименьшей площадью разброса обломков (то есть чтобы здания сложились как бы внутрь самих себя, избежав лишних жертв в окрестных кварталах), было особенно важно подорвать все заряды утром 11-го одновременно или хотя бы в пределах одной минуты.

К контролируемому сносу также подготовили и еще одно строение комплекса — «здание № 7», широкий 45-этажный небоскреб, казавшийся невысоким крепышом на фоне «близнецов». На первый, да и на любой взгляд разрушение этого здания казалось совсем нелогичным. В него не врезались самолеты, пожаром были охвачены лишь несколько его этажей, а крышу повредили отдельные обломки башен, но не более того. Это здание было снесено по личной просьбе владельца комплекса ВТЦ Ларри Сильверстайна, который наотрез отказывался оплачивать его последующий неизбежный снос из-за больших повреждений из собственного кармана. Военные совсем не возражали против этой идеи, но по другой причине: два этажа здания

№ 7 были полностью отданы под архив финансовой документации Пентагона. Несколькими месяцами ранее Рамсфелда официально уведомили о запланированной конгрессом «глубокой ревизии» финансовой деятельности ведомства. Конгрессмены хотели проверить подтверждение военных расходов США за последние несколько лет. Действительно, иногда одна хорошая идея позволяет решить сразу несколько разных проблем. Вопрос о том, по какой таинственной причине разрушилось седьмое здание, практически не был затронут в итоговом отчете комиссии, но зато вызвал множество вопросов у очевидцев трагедии.

*Разговор двух неизвестных мужчин
по телефону правительственной связи,
10 сентября, 23.00*

Оба собеседника были явно на взводе, а один из них, кажется, даже слегка нетрезв.

— Я буду там завтра. Да, я буду в моем кабинете в Пентагоне в восемь утра, как всегда. Я отменил свою командировку в Сан-Франциско. В момент, когда будут гибнуть мои коллеги, я должен быть рядом. Никогда не был и не хочу войти в историю подлым трусом. Это — мое окончательное решение, Дик. Возможно, мы разговариваем сейчас в последний раз.

— Дон, не валяй дурака. К черту глупый детский героизм. Мы работаем вместе двадцать лет на благо этой страны. Это было бы слишком легким выходом для любого из нас, старина.

— Благо страны? А может, к черту такое благо? Может, к черту весь этот план? А что, если завтра все пойдет не так и погибнут не сотни, а тысячи, Дик, тысячи ни в чем не повинных людей? Куда врежется этот чертов самолет? Это ведь непредсказуемо. Давай отменим хотя бы эту часть.

— Уже невозможно. Третий самолет взлетает завтра по расписанию.

— Так пусть он взлетит и полетает над Вашингтоном, потом незаметно сядет где-нибудь рядом. Нам ведь нужна только картинка. Я могу все организовать сам, без самолета, с минимальным ущербом. Клянусь тебе. Отдам все нужные команды сразу после нашего разговора.

— Это огромный риск для всей операции. Все может пойти насмарку.

— Дик, позволь мне. На коленях тебя умоляю. Ради нашей дружбы, ради всего святого. Мы ведь никогда не подводили друг друга. Когда-то очень давно я был твоим боссом, потом ты стал моим, но мы ведь всегда и во всем с тобой были по одну сторону баррикад.

В трубке на том конце провода повисло долгое тяжелое молчание, прерываемое легким хрипом.

— Черт с тобой.

— Спасибо.

*Нижний Манхэттен,
11 сентября, 8.40 утра*

Первый самолет со взрывчаткой, замаскированный под угнанный ранее этим утром авиалайнер «Американских авиалиний», появился в безоблачном утреннем небе Нью-Йорка и врезался в северную башню ВТЦ в самом ее верху, в районе с 93-го по 99-й этаж (чуть ниже ресторана Windows of the World), так неожиданно, что самого этого происшествия почти никто не заметил, и лишь один случайный турист из Европы нечетко снял его на свою видеокамеру. Так как «Боинг» почти никто даже не рассмотрел, сначала говорили о сбившемся с курса спортивном самолете. Вокруг зоны поражения вспыхнул сильный пожар из-за разлитого авиационного керосина. Удар самолета пришелся

в самый центр здания, разрушив одновременно все аварийные лестницы. Ни один человек, оказавшийся в зоне удара или на одном из нескольких этажей над ней, не спасся. Вызвали пожарных, люди на нижних этажах северной башни начали организованную, хотя и слишком медленную эвакуацию. Одновременно в южной башне было объявлено, что ситуация в ней безопасна, ей ничто не угрожает и всем можно вернуться на свои рабочие места. Это дурацкое объявление в итоге убило больше людей, чем все четыре самолета, вместе взятые. В первый, но не в последний раз в это утро что-то пошло не по сценарию.

Телекомпании Америки, освещавшие выборы мэра, перенаправив камеры, начали транслировать картинку пожара северной башни ВТЦ на весь мир. Через несколько минут поступило объявление о двух, а затем и третьем угнанном самолете. В 9.03, через 16 минут после первого тарана, в южную башню врезался второй «угнанный» самолет. Его «попадание» было намного менее точным, чем первое. «Боинг» врезался не в центр, а в самый угол небоскреба, разлетевшись на мелкие части и причинив зданию намного меньший ущерб. Но зато эту атаку теперь транслировали в прямом эфире сотни камер, со всех возможных точек и углов. Второй «Боинг» врезался ниже — в районе 80-го этажа; гораздо больше этажей находилось над точкой столкновения, но в этот раз, к счастью, были разрушены не все лестницы, и некоторым людям с верхних этажей удалось спуститься и спастись. Но уже к 9.20 утра пожары на верхних этажах обеих башен отрезали всякий путь к спасению застрявших на них людей. Сотни человек прыгали вниз, предпочитая разбиться, чем сгореть заживо. Некоторые, падая, убивали пожарных, стройными рядами спешивших на помощь в здания.

В 9.59 со страшным грохотом рушится южная башня. Волна взрывов начинается на самом ее верху и продол-

жается до нижних этажей. Заряды на этажах детонируют, унося жизни множества еще не успевших эвакуироваться из нее людей. Почему первой упала именно южная башня, в которую самолет врезался позже и, главное, причинив ей несравнимо меньшие повреждения; была ли детонация зарядов взрывчатки трагической, самопроизвольной или кто-то ошибочно, раньше времени, «нажал на красную кнопку», угробив в прямом смысле полторы тысячи невинных людей, навсегда осталось загадкой не только для наблюдателей, но даже, по всей вероятности, и для самих участников заговора в это страшное утро. Совершенно очевидно лишь то, что судьба несчастной южной башни пошла явно не «по сценарию».

Северная башня разрушается в 10.30, к этому времени большинство находившихся в ней людей, не считая горстки несчастных, безнадежно отрезанных на нескольких верхних этажах, успевают благополучно спуститься и спастись. Но зато в ней погибает около двухсот пожарных: после полной эвакуации людей им дали приказ подниматься по лестницам и почти сразу, наоборот, срочно покинуть башню. К несчастью, в эту самую секунду произошел сильный сбой радиосвязи, и второй приказ смогли услышать и спастись далеко не все.

Общее количество погибших в двух башнях ВТЦ составило около двух тысяч шестисот человек.

*Вашингтон, Пентагон,
9.30 утра*

Самолет рейса № 77 «Американских авиалиний», как и предписывалось сценарием, пролетев полчаса на запад, вернулся в Вашингтон и сел в военном аэропорту, откуда взлетел его «двойник», нагруженный взрывчаткой, направившись в сторону Пентагона.

О приближении неопознанного авиалайнера военные авиадиспетчеры сообщили Дику Чейни буквально в ту же минуту, но получили приказ ничего не предпринимать. Через несколько минут, когда стало известно, что второй авиалайнер протаранил ВТЦ, запрос диспетчеров был сделан повторно, но ответ временного командующего ВВС снова был отрицательным — свидетелями этого были несколько очевидцев, рассказавших прессе о данном эпизоде позднее. «Боинг-757», маркированный как лайнер American Airlines, пролетел низко над оживленным шоссе, откуда его наблюдали несколько водителей, его большой нос и фюзеляж были хорошо видны постояльцам отеля «Мариотт», окна которого выходят в сторону Пентагона. Но затем странный, очень низко летящий громадный самолет снова набрал высоту и сделал сложный маневр, уйдя резко вправо, затем быстро развернулся, что было бы невыполнимо без радиоуправления для такого лайнера на низкой высоте. На какое-то время «Боинг» исчез из виду, затем раздался громкий взрыв с ослепительной вспышкой где-то с обратной стороны здания Пентагона. Немногие успели заметить второй самолет-истребитель, выпустивший управляемую ракету с поистине ювелирной точностью: идеально попав в то единственное крыло огромного здания, где шел ремонт и почти не было людей. Из 18 тысяч находившихся в Пентагоне в момент атаки сотрудников погибло чуть более ста — в основном бухгалтеры, и лишь один представитель высшего командования армии, случайно зашедший в это крыло в момент атаки. Помощь раненым оказывали отряды добровольцев, оказавшиеся у пролома в стене уже через несколько минут, и одним из тех, кто активно выносил раненых, был сам министр обороны Дональд Рамсфелд. В суматохе никто не заметил, что вблизи точки поражения через полчаса после взрыва валялось несколь-

ко маленьких обломков фюзеляжа гражданского самолета, которых не было сразу после трагедии. Но крупных обломков — огромных крыльев и двигателей из высокопрочных сплавов металлов, которые по законам физики не могли бы испариться даже от самого мощного удара и пожара, — на месте крушения лайнера не было.

Вопрос о том, а что же врезалось в Пентагон на самом деле, не мог не возникнуть даже у ребенка. Ширина дыры в стене составляла 5—7 метров: в шесть раз меньше размаха крыльев 757-го. Перед обрушившейся стеной была нетронутая, почти девственно-зеленая лужайка. Специалисты по аэродинамике отмечали, что гражданский «Боинг» на большой скорости на нулевой высоте (в момент столкновения со стеной) физически никак не мог бы лететь горизонтально: из-за сильного сопротивления воздуха он либо уткнулся бы носом в землю, либо, наоборот, почти во весь рост бы «встал на дыбы». Ни одна из сотни видеокамер, установленных вдоль всего периметра здания Пентагона, по странной причине не запечатлела момент столкновения. И все же самым странным из всех этих казусов было почти полное отсутствие обломков огромного авиалайнера. Совершенно неправдоподобная картина атаки на Пентагон была той ценой, которую заплатили организаторы терактов за спасенные жизни сотен, а может быть, и тысяч американских военных, находившихся в здании.

*Сарасота, штат Флорида,
с 9.00 до 10.40 утра*

Президент США Джордж Буш узнал о происшедших терактах в начале десятого, в тот момент, когда он читал в классной комнате второклассникам детскую книжку «Моя домашняя козочка». Флорида была его любимым штатом, не считая родного Техаса: Буш нередко бывал в ней — тем бо-

лее сейчас, когда местным губернатором был его брат. Незамысловатый сюжет сказки заключался в том, что добрая козочка взбесилась, стала крушить предметы в доме, но ее хозяйка, маленькая девочка, выпросила, чтобы ее простили. Когда к Бушу подошел его помощник, прошептал ему информацию о двойном таране башен ВТЦ, президент не смог скрыть изумления на лице, но затем еще семь минут в этой абсолютно критической для страны ситуации ничего не предпринимал, просто продолжил читать детям сказку, находясь в глубочайшей задумчивости. Позже он объяснял, что не хотел, чтобы дети испугались. Но скорее он пытался осмыслить происшедшее, решая, нужно ли наказать взбесившуюся козочку или похвалить ее за эффект и размах содеянного.

В полдесятого, когда стало известно также и об атаке Пентагона, была объявлена эвакуация Белого дома. Президент, покинув, наконец, классную комнату, без четверти десять заперся в передвижном «командном пункте», чтобы провести телефонный разговор с Диком Чейни. Его содержание никогда не было и не будет обнародовано. Вероятнее всего, президент дал указание срочно прекратить все оставшиеся действия плана, хотя это лишь гипотеза. Через десять минут после их разговора, в 10.03, четвертый «угнанный» террористами самолет, уже развернувшийся и направлявшийся в Вашингтон к зданию конгресса, по официальной версии, неожиданно потерпел крушение из-за того, что пассажиры лайнера героически пытались бороться с террористами, едва не убили их, и те, понимая, что миссия провалена, направили самолет в землю посреди чистого поля. На самом деле авиалайнер был сбит ракетой сопровождавшего его истребителя. Об этом говорят множество свидетелей, а также картина крушения: «четвертый» рейс № 93 разлетелся на мелкие обломки на про-

тяжении восьми километров, как обычно бывает, когда самолет сбивают ракетой на большой высоте. Было решено, что трех атак, до предела шокировавших мир, и так более чем достаточно.

Операция по «загистке следов»

Когда происходит национальная трагедия подобного масштаба, власти заинтересованы в поиске ее истинных причин, а также максимально тщательном расследовании всех сопутствующих ей, даже мелких и особенно осязаемых вещественных деталей. В случае с расследованием терактов 9/11 все происходило точно наоборот. «Граунд Зеро», место падения небоскребов ВТЦ, в первые дни было оцеплено рядами полиции, к обломкам зданий не подпускали даже профессиональных экспертов. Но не для того, чтобы правительство провело их собственную экспертизу: в течение недели, в обстановке величайшей срочности, все, до последней крошки, обломки бывших башен-близнецов и самолетов, врезавшихся в них, были погружены на большие корабли, чтобы «отправить в Азию на металлолом». В Азии никто этот металлолом так и не увидел: вероятнее всего, обломки ВТЦ были надежно похоронены по пути, где-то на дне океана. Но скрыть все, как это обычно бывает, не удалось: пепел сгоревших башен, осевший на оконных рамах соседних зданий, в нескольких случаях был собран добровольцами и отправлен в независимые лаборатории. Каждый анализ показал высокую концентрацию в пепле оксида алюминия и бария — основных компонентов армейской взрывчатки «Термит». Разумеется, в официальном отчете комиссии об этом не было ни слова. Также не вошли туда и свидетельские показания тех чудом выживших пожарных, которые слышали и даже видели взрывы этажей перед самым обрушением башен.

Кассета с аудиозаписью допроса авиадиспетчеров, обслуживавших угнанные рейсы, который провел по своей инициативе директор по безопасности Федерального агентства авиации сразу после терактов, была при свидетелях вырвана у него из рук агентом ФБР и разбита им же о землю на мелкие части. Со всех причастных сотрудников аэропортов и диспетчеров была взята подписка о неразглашении какой-либо информации под угрозой уголовного наказания. Двое известных журналистов, единственные в Америке, уже через несколько дней после событий усомнившиеся в официальной версии событий и опубликовавшие об этом статью, на следующий день были с позором уволены и больше никогда не работали в медиаизданиях. Все фото- и видеоматериалы с камер наблюдения в аэропортах, откуда вылетали угнанные самолеты, на зданиях вокруг ВТЦ и Пентагона были принудительно изъяты: никакие из них позже так и не были опубликованы, за редкими исключениями, которые только усиливали подозрения: на единственной видеозаписи атаки Пентагона с камеры въезда на парковку можно разглядеть что-то размытое, белое и тонкое, похожее на ракету, но не имеющее ничего общего с огромным самолетом.

*Война с террором, Белый дом,
после 11 сентября 2001 года*

После злодейских терактов, потрясших Америку и весь мир до основания, руководители страны искупили свою вину за то, что допустили их, сполна. Их выводы из происшедшего, а также действия по горячим следам оказались невероятно быстрыми, четкими и решительными.

Еще не успело до конца разрушиться здание № 7 на все еще горящих руинах ВТЦ днем 11 сентября, когда президенту и силовым министрам было ясно уже абсолютно все, до самых мелких деталей. Самолеты угнали арабские

террористы, имена и фото которых показывали телеканалы. Во главе заговора века стоял Усама Бен Ладен: его имя Джордж Буш произнес на пресс-конференции уже вечером того же дня, а затем со все большим акцентом повторял каждый день в последующих выступлениях. За терактами также стоял и весь насквозь преступный талибский режим: бог знает, какие еще, может быть, даже более масштабные, немыслимые злодеяния против человечества задумали эти страшные люди на ослах с автоматами Калашникова в руках.

— Мы не будем делать различий между террористами и всеми теми, кто их укрывает.

Это фраза, сказанная президентом с такой сталью в голосе, что у простых американцев пошли по спине мурашки от восторга, чувства защищенности и предстоящей сладкой мести вместо недавней растерянности и шока, стала самой знаменитой в те дни. Ее очевидный подтекст заключался в том, что США теперь вправе самим решать, кого считать террористами, в каких местах их искать и в какие страны вторгаться. Ситуация с мировым терроризмом была слишком напряженной, чтобы размениваться на мелкие формальности вроде одобрения ООН. На войне как на войне.

Рейтинг одобрения деятельности Джорджа Буша-младшего в Америке взлетел с жалких 30% весной до космических 84% осенью 2001 года. За всю историю США такой высокий текущий рейтинг имел только Франклин Рузвельт — сразу после Перл-Харбора.

В октябре 2001-го был принят «Патриотический акт» — закон, немыслимый еще пару месяцев назад. Он разрешал спецслужбам (в Америке, главной ценностью в которой считались личная свобода и неприкосновенность) легально прослушивать телефоны, записывать разговоры и читать электронную переписку граждан страны. При до-

просах потенциальных террористов разрешалось применение пыток, что активно использовалось армией в ходе последующих военных кампаний.

В конце октября, не откладывая дело в долгий ящик, армия США вторглась в Афганистан и в считанные дни свергла режим талибов. Было бы логично после этого покинуть его территорию, но войска США остались в Афганистане, одной из главных стратегических точек всего евразийского континента, на многие последующие годы. Производство и экспорт героина в Афганистане за эти годы, по статистике ООН, по сравнению со временем правления талибов выросли в десять раз.

В 2004 году в рамках той же концепции борьбы со всемирным терроризмом США вторглись в Ирак — страну со вторым в мире объемом доказанных запасов качественной, низкосернистой нефти. В ходе войны в Ираке, а также за несколько последующих лет его восстановления доходы крупнейших американских нефтяных, нефтесервисных, оружейных и строительных компаний, практически каждая из которых была тем или иным образом связана с правительством и администрацией Джорджа Буша, составили около трех *триллионов* долларов.

Иными словами, *миллиард* долларов за *каждого* погибшего в страшных терактах 11 сентября.

Химического, бактериологического и атомного оружия, поиск и уничтожение которого в Ираке явились поводом для военного вторжения в него, в итоге там так и не было обнаружено.

Глава 20

От заката до рассвета

*Америка, Западное побережье,
наши дни*

Тонкая полоска голубого с оттенками розового неба прорезала темный, почти непроницаемый еще пару минут назад горизонт и почти сразу превратилась в яркое утреннее зарево. Когда восход встречаешь, глядя на него из иллюминатора самолета, то кажется, что свет сменяет тьму во много раз быстрее, чем это обычно происходит внизу, на земле.

Ранний рейс American Airlines из Мехико-сити в Сан-Франциско, заполненный меньше чем наполовину, казалось, идеально располагал к нескольким часам спокойного сна. Но Джек не мог уснуть. Прошло всего двое суток с того момента, как две жизни — его любимой и его собственная — висели на волоске, но сейчас ему уже казалось, что все эти кошмарные события произошли в какой-то далекой, прошлой жизни. Умение человеческой памяти стирать или хотя бы сильно притуплять самые болезненные воспоминания и в самом деле поразительно. Дайана беззвучно дремала на его плече. Она хотела уехать из Мексики сразу, уже утром следующего дня, чтобы вырваться из ночного ужаса,

и ему было непросто уговорить ее остаться в больнице еще хотя бы на пару дней, чтобы глубокий шрам на ее спине затянулся. Он был все время рядом с ней. В первый день он едва держался на ногах от усталости, каждую минуту хотелось провалиться в глубокий сон — вероятно, так его нервная система пыталась справиться с пережитым стрессом. На второй день он почувствовал себя уже намного бодрее: его рана на плече, к счастью, оказалась лишь царапиной, и он с утра до позднего вечера проработал в Интернете. В унаследованном им от Дона электронном кошельке лежали миллионы, причем стоимость оставшихся в нем криптовалют на фоне рыночного бума виртуальных денег еще и росла буквально каждый день. Разумеется, у Джека не было и мысли потратить хотя бы небольшую часть этих средств на какие-нибудь предметы роскоши — даже авиабилеты он купил не просто в экономкласс, а еще и позаботившись о том, чтобы получить на них приличную скидку авиакомпании за накопленные им мили. Его внезапно обретенное богатство должно было буквально до последнего доллара пойти только на развитие *их общего* проекта — распоряжаться им иначе Джеку даже не приходило в голову, несмотря на то что его кошелек совершенно никто не контролировал. Пора было сосредоточить все свои силы, время и ресурсы только на том, чтобы проект наконец начал семимильными шагами двигаться вперед.

Всего за один день, сидя с ноутбуком в клинике у кровати Дайаны, у которой, к счастью, полностью прошел жар, так беспокоивший врачей накануне, даже несмотря на неустойчивый сигнал связи местной беспроводной сети, он успел переделать невообразимое количество важных дел. На своей странице в Facebook он опубликовал полный отчет о статусе проекта Freedom Choice, всего за несколько часов набравший больше десяти тысяч лайков как от его друзей

в этой соцсети, так и от совершенно незнакомых людей, а также сотни комментариев и вопросов, на самые интересные из которых он в этот же день успел ответить. Затем он организовал собственную конференцию в центре Сан-Франциско, в одном из самых модных в среде венчурных инвесторов заведений города, оплатив сразу все — аренду помещения на триста гостей, хорошую еду и шампанское для фуршета — с помощью биткойнов в течение одной минуты, а также опубликовал рекламу этого бесплатного и одновременно статусного мероприятия в соцсетях. К вечеру на его адрес пришло шесть тысяч заявок на участие: Джеку с сожалением пришлось отсеять из списка желающих почти всех студентов, оставив в нем в основном лишь представителей солидных инвестиционных компаний, а также некоторое количество журналистов.

Следующей важнейшей задачей было как можно скорее начать подбор самых талантливых сотрудников. На сайте LinkedIn он использовал написанную им же небольшую вспомогательную программу, которая не только автоматически размещала объявления о найме людей на ключевые позиции в его будущей компании в подходящих для этого группах и профессиональных интернет-сообществах, но даже и благодаря встроенным в нее элементам искусственного интеллекта проводила первичный отсев резюме, сотни которых сразу же хлынули на его электронный адрес. К восьми вечера он уже отобрал лучшие резюме на каждую позицию и даже обменялся сообщениями с некоторыми из кандидатов. С помещением для будущего офиса своей компании в технопарке Сан-Хосе, почти в самом сердце Силиконовой долины, он определился и даже сделал предоплату за аренду офиса в первые несколько месяцев ближе к полудню. Таким образом, буквально не вставая из-за стола, находясь в другой стране, Джек организовал представи-

тельную конференцию международного уровня со многими ведущими инвесторами в высокие технологии, обеспечил медийную поддержку себе и своему бизнесу, снял офис и уже прошел полпути, чтобы нанять достойных сотрудников, с которыми ему предстояло уже в ближайшем будущем штурмовать сияющие вершины на пути создания ведущей мировой компании в сфере защиты информации. Такие мелочи, как покупка авиабилетов и оплата всех счетов больницы, и вовсе заняли считанные минуты. Таким образом, тот объем выполненных дел, на которые пятьдесят лет назад ушел бы месяц работы одного человека, не считая колоссальных затрат на всевозможных посредников, двадцать лет назад, до эпохи всепроникающего Интернета, человек больших способностей смог бы переделать, самое быстрое, за неделю. Сейчас все это стало возможным выполнить за один-единственный день, причем не заплатив за это ни цента ставшим теперь бессмысленными посредникам. Современные коммуникационные технологии, если пользоваться ими профессионально и творчески, поистине могут творить чудеса. Люди, недооценивающие их значение — что бы там ни говорили философы что все это лишь суета сует, — к сожалению для них же самих, увы, безнадежно отстали от поезда жизни, на всех парах несущегося вперед.

Джек еще раз взглянул в окно иллюминатора. Судя по всему, самолет уже миновал линию мексиканской границы и находился сейчас где-то над скалистыми пиками Сьерра-Невады, чуть восточнее Лос-Анджелеса. Над Западным побережьем уже вовсю светило яркое солнце, было почти безоблачно, и где-то далеко внизу можно было четко рассмотреть словно начерченную на земле карту Южной Калифорнии: малонаселенной на востоке, на границе с пустыней Долина Смерти, но гораздо более живописной и оживленной на западе, ближе к океану, с густой сеткой автодорог,

темно-синими озерами и участками темно-зеленых хвойных лесов. Открывавшаяся из иллюминатора картина завораживала, наполняя душу Джека восторгом и гордостью.

Страна моя, ты прекрасна!

Нет на свете другого такого места, где можно было бы увидеть все возможные виды красот земной природы и столько современных величественных творений рук человека. От неземных ландшафтов и удивительных гейзеров парка Йеллоустон на северо-западе до нескончаемого леса небоскребов Манхэттена на северо-востоке; от громадных величественных низвергающихся потоков Ниагары на севере до бескрайних — белых, как бумага, — песков на рубеже с Мексикой на юге. От самых передовых, часто даже опережающих свое время технологий Кремниевой долины до старинного, языческого, пахнущего специями и грохочущего лучшим в мире джазом фестиваля «Марди Гра» во французском квартале Нового Орлеана. От бесконечных желто-зеленых пшеничных и кукурузных полей Айовы до фантастических лесов стометровых секвой с необъятными красными стволами в Орегоне; от лихих молодежных серферских пляжей Калифорнии до сказочно умиротворяющих пейзажей Йосемитских гор. Только здесь, в этой стране, можно в течение всего одной недели, в будние дни, слушать лекции ведущих профессоров мира в Гарварде, не боясь спорить с ними, а уже на выходные вместе с десятками тысяч ненормальных, объятых наркотическим угаром людей, в экстазе сжигать огромное чучело Горящего Человека в сердце пустынь Невады. Бескрайняя и словно уходящая в самую глубь тела Матери-Земли ширь Большого каньона, видного невооруженным глазом даже из космоса, и всего в паре часов переезда от него — Лас-Вегас, город-мираж, центр всех мыслимых как семейных, так и холостяцких развлечений, возникший внезапно, очень быстро и почти из

ничего, впрочем, как и сама цивилизация Америки. А ни с чем не сравнимая красота розового каньона Антилопы, похожего на сказочную волну, плавно прорезавшую гранит горы изнутри? А самые большие в мире естественные каменные арки у озера Пауэлл в Аризоне? А величественные, словно слепленные руками гениального дизайнера, формации Брайс-каньона, или Подкова: знаменитая скала, вокруг которой река Колорадо делает свой изящный изгиб? А Диснейленды и парки Universal Studios в Калифорнии и Флориде — рай для детей любого возраста? Таинственные, вечно покрытые туманом леса Дымчатых гор на юго-востоке, не уступающие по красоте Швейцарским Альпам? А Великие озера, на берегу одного из которых стоит Чикаго — один из прекраснейших городов, в которых Джек когда-либо бывал? Этот список можно было бы продолжать до бесконечности. В каждом уголке Америки, даже не отъезжая далеко от дома в своем родном штате, можно найти потрясающие чудеса. Особенная, удивительная, богатейшая земля. Джеку в детстве иногда снилось, что он находится в теле степного орла, парящего над бескрайними равнинами и переливающимися в лучах восхода острыми горными пиками. Такие сны были словно драгоценным подарком. Просыпаясь утром, Джек чувствовал себя после них и в самом деле окрыленным, способным на любые подвиги и свершения.

Но в то же время вовсе не природа сделала эту страну самой могущественной в мире, по крайней мере, на сегодняшний день. А нечто совсем другое: то, что трудно однозначно определить. «Американская свобода» — так заученно ответил бы любой из политиков, заботящихся только о собственном рейтинге, и был бы в корне неправ. Всевозможных ограничений, тотального контроля спецслужб, нелепых законов, да еще и разных в каждом штате, и в довершение ко всему — юристов, готовых завалить су-

дебными исками любого, даже совершенно невинного человека, в Америке больше, чем в любой другой стране (не считая лишь самых отъявленных диктаторских режимов). «Нерушимая американская конституция», — сказал бы убеленный сединами конгрессмен и ровно так же попал бы впросак. Тоненькая книжка, написанная отцами-основателями нации почти двести пятьдесят лет назад, — это лишь бумага в обложке, которая сама по себе, без воли людей, составляющих нацию, не имеет никакой силы. «Сообщество американских граждан всех национальностей, религий, оттенков цвета кожи, из которых великий плавильный котел столетиями формирует единую нацию», — сказал бы историк или философ и снова оказался бы неправ. Даже сейчас, в XXI-м веке, нация далеко не была сплоченной — напротив, борьба за свои права национальных меньшинств, а также острейшие противоречия между классами богатых и бедных, разрыв между которыми все увеличивается, в последние годы вспыхнули в Америке с такой яростью, которой не наблюдалось уже многие десятилетия. Цельностью и единством Соединенные Штаты могли похвастаться, пожалуй, лишь однажды в своей истории — при Рузвельте, во времена Нового курса и мести японцам за Перл-Харбор. Но этот период продлился недолго — от силы десятилетие. Но тогда что же продолжает гнать эту великую страну на всех парах вперед, несмотря ни на что? Военное доминирование над миром благодаря гигантскому бюджету Пентагона? Бездонные капиталы банкиров с Уолл-стрит? Беспрецедентный успех в мире продукции фабрики грез Голливуда? Безусловно, это важные факторы, но даже и они — это лишь надстройка, следствие могущества Америки, а не ее фундамент, первопричина.

Джек много раз задавался этим вопросом в юности, но все ответы, которые он находил в книгах или которые ему

самому приходили в голову, казались неубедительными, легко разрушаясь при логическом анализе. Все стало понятно лишь после того, как он начал путешествовать по другим странам и континентам, в этих поездках часто общаясь с местными людьми. Азиатские фермеры, все еще обрабатывающие рисовые поля средневековыми мотыгами, с горечью жаловались на отсутствие субсидий и кредитов государства. Французские виноделы с натруженными, мозолистыми ладонями ругали на чем свет стоит правительство социалистов, обложивших их неподъемными налогами. Греки проклинали немцев, силой затащивших их в Европейский союз, в рамках которого они из-за отсталых технологий и слишком жаркого климата оказались неконкурентоспособными, потеряв половину рабочих мест. Южные немцы из Баварии яростно возмущались мягкой политикой правительства в отношении мигрантов, наводнивших улицы крупных немецких городов и живших на средства налогоплательщиков, которых никто даже и не спросил. Были и такие страны, где граждане боялись даже шепотом, в разговоре один на один хоть немного покриковать своих правителей, чтобы не навлечь на себя громадных бед.

Американец видит вещи иначе. Еще со времен первых бесстрашных переселенцев, переплывших Атлантику на встречу полной неизвестности на корабле «Мейфлауэр», с молоком матери он усвоил главное правило человеческого существования. *Если тебе что-то не нравится в жизни, ты должен изменить ее сам.* Никто не сделает это за тебя. Юная девушка, выросшая на ферме в Канзасе, мечтающая о карьере биолога, без малейших колебаний выставляет на продажу свой дом и хозяйство, доставшиеся от прадедов, чтобы снять скромную квартирку вблизи кампуса университета в противоположном конце страны, днем работает официанткой, а ночами сидит над учебниками, не теряя

веры в свою счастливую звезду. Бедный, но талантливый музыкант, подрабатывающий днем автомехаником, десятилетиями будет пытаться пробиться на студию, записать альбом, который, возможно, сделает его звездой. Если профессия, которой человек посвятил лучшие годы или десятилетия своей жизни, вдруг стала ненужной, оказалась на обочине прогресса, это не повод ныть или впадать в беспробудный алкоголизм, проклиная правительство, которое «не заботится о простом человеке». Это повод закрыть одну главу своей жизни и начать следующую и, кто знает, может быть, более успешную. Человек — кузнец своей судьбы. Похожая поговорка существует во всех языках мира, но именно в Америке к ней относятся не просто как к абстрактной мудрости, а как к прямому руководству к действию. Президент и правительство, зимние морозы и летние засухи, ураганы и наводнения, экономический бум или рецессия, все это — лишь временные внешние обстоятельства, винить которые в собственных жизненных неудачах нелепо. Представить себе двух американцев, которые месяцами каждый вечер, не торопясь, пьют на завалинке дешевое вино, без конца проклиная при этом президента и власти, довольно сложно. Америка — это *нация действия*. Ею восхищаются или ее ненавидят именно за это.

Джек снова открыл глаза от того, что слегка заложило уши — самолет пошел на посадку. В аэропорту уже ждал лимузин, который доставил их в дорогой фешенебельный отель в центре Фриско, как кратко называли жители Сан-Франциско свой город. Высокий вышколенный портье в белых перчатках бегом спешил открыть заднюю дверь представительской машины, а затем подобострастно нес драгоценный багаж випов вверх по ступенькам, покрытым розовым ковром. Номер на двоих стоил здесь более семисот долларов в сутки, не включая завтрак. Джек подумал, что

теперь, вероятно, именно в такой обстановке будет проходить вся его оставшаяся жизнь. Как ни странно, при этой мысли его вовсе не охватывала эйфория, скорее, наоборот — она сковывала сердце неясной тревогой и даже легкой тоской. Один из профессоров МТИ, на лекции по столь нелюбимой всеми «технарями» социологии, заметил, что комфортнее всего психологически человек ощущает себя, стабильно находясь в «верхнем среднем» классе общества. Те, кто принадлежит к элите, зарабатывая миллионы, даже чаще, чем представители самых бедных социальных групп, страдают от серьезнейших проблем: чрезмерных стрессов, приступов неконтролируемой агрессии, злоупотребляют антидепрессантами и наркотиками, причем почти каждый «сверхуспешный», с точки зрения окружающих, человек имеет личного психотерапевта и целый набор различных «скелетов в шкафу», не дающих ему расслабиться почти ни на минуту, даже во время отдыха. К счастью, Дайана была почти равнодушна к роскоши — среди всех ее достоинств Джек ценил это ее качество, возможно, даже выше всех остальных.

Вечерняя конференция с инвесторами прошла на ура. Пожалуй, самым неожиданным в ней было то, что ему даже не пришлось все время «солировать». После его получасовой презентации, которую все триста потенциальных инвесторов и журналистов слушали, как школьники, затаив дыхание, он ответил на вопросы, самым непростым из которых оказался вопрос о судьбе Билла. Тот по-прежнему находился в сингапурской тюрьме, а дата первого слушания жюри присяжных была назначена уже на конец декабря. После выступления Джека в зал принесли еду и шампанское, а вторая часть встречи представляла собой «панель», когда на сцене расселись несколько приглашенных Джеком известных экспертов в сфере высоких технологий и повели между собой

долгую умную беседу, которую слушатели в зале, в основном занятые бесплатными деликатесами на столах и знакомством друг с другом, почти не слушали. Конференция закончилась за полночь — ее итогом стали несколько пухлых пачек солидных визиток, не без труда уместившихся в небольшой сумке Джека. Но что было гораздо важнее, несколько бесплатных восторженных статей о его проекте в известных интернет-медиа Силиконовой долины были опубликованы уже на следующее утро. Кто-то из самых ретивых бизнес-аналитиков уже предсказывал детищу Джека капитализацию в тридцать миллиардов долларов в течение следующих двух лет, нисколько не смущаясь тем, что пока в его компании даже не было сотрудников. Еще несколько солидных изданий, представителей которых не было на конференции, прислали ему приглашения на интервью по электронной почте. Забавно, что среди них обнаружилось приглашение от мужского журнала GQ, который (правда, за немалые деньги) предложил Джеку сделать официальную фотосессию в костюмах от Kiton, ценник которых мог зашкаливать за пятьдесят тысяч долларов. Как они написали, это было бы «в высшей степени полезно для формирования имиджа одного из стильных молодых лидеров высокотехнологичной экономики». Джек представил, как бы он выглядел на таких фото в сравнении с Биллом, одетым сейчас в грязную дырявую робу, и решительно отказался, хотя с точки зрения бизнеса такой PR-ход был бы, возможно, и оправдан. Взять хотя бы того же супергероя и властителя дум молодого поколения инноваторов Илона Маска. В молодости — типичнейший компьютерный «ботаник», с годами примерил на себя имидж без пяти минут Джеймса Бонда. Что весьма способствовало популярности и росту капитализации всех его проектов. Собственный яркий уникальный имидж играл в мире современного бизнеса не меньшую роль, чем сами технологии.

До окончания срока ультиматума Агентства национальной безопасности оставалось четыре дня. О том, что могло произойти с ним после этой даты, Джек не имел ни малейшего понятия. Он решил пока жить в отеле и вести себя крайне осторожно, полностью погрузившись в дела своей компании. В этом же отеле он арендовал просторный бизнес-зал на первом этаже, где планировал провести интервью с кандидатами в компанию. Почему-то он более осторожно относился к резюме с женскими именами — возможно потому, что коллектив в его университете был в основном мужским. Но пример Дайаны показывал, что по крайней мере в сферах, связанных с маркетингом и PR, женщины зачастую были более успешны, чем мужчины.

Около трех часов ночи Джека разбудил телефонный звонок. Свой основной телефон он отключал на ночь, но при этом клал недалеко от себя второй смартфон, номер которого знали всего несколько самых близких и нужных ему людей. Одним из них был Вернер, который пару раз будил Джека звонками из Европы в экстренных случаях, когда утром по местному времени нужно было получить срочный ответ на важный юридический вопрос. Но сейчас входящий номер был зашифрован. Высокий мелодичный женский голос вежливо поинтересовался, правильно ли она набрала номер, и быстро отключился. Почти сразу раздался повторный звонок. Хотя номер был снова не определяем, специальная программа показала, что звонящий находился в Китае, в районе одного из университетов Пекина. Джек, спавший до этого несколько дней по два-три часа в сутки, едва не нажал на кнопку отключения. Это мог быть либо какой-то китайский студент-выпускник, откликнувшийся на объявление о найме, либо, что было более вероятно, представитель китайского интернет-медиаиздания, который хотел взять у Джека интервью для китайской аудитории. Кто

бы это ни был, он поступал крайне невежливо, позвонив в столь неудобное время. О том, откуда китайский журналист мог получить секретный номер его второго смартфона, Джек спросонья даже не задумался. За окном с вечера шел сильный ливень, довольно типичный для Сан-Франциско в ноябре, под аккомпанемент которого спать крепко и беспробудно хотелось особенно сильно.

Наконец в трубке раздался сухой щелчок и зазвучал незнакомый и в то же время откуда-то очень даже знакомый мужской голос — высокий, немного мальчишеский, говоривший быстро, задорно, иногда проглатывая окончания слов:

— Привет, Джек! Извини, если я разбудил тебя. Я не знаю, в какой зоне времени ты сейчас. Это Марк. Марк Цукерберг. Мне прислали дайджест твоего выступления позавчера. Ты знаешь, мне кажется, это очень клевая штука. Если твоя программа действительно работает так, как ты это описываешь, то это может быть одним из лучших проектов следующего года. Через неделю я возвращаюсь из Китая. Давай встретимся в Менло-Парк, в моем офисе в Facebook. Это всего час езды от Фриско. Я думаю, нам есть что обсудить. Заодно я приглашу лучших хакеров Долины, которые смогут точно проверить, нет ли в твоём коде дыр. Ты согласен?

— Привет, Марк. Да, я согласен. Спасибо. Приеду.

— Отлично! Увидимся.

Неизвестный номер отключился. Сон как рукой сняло. Он хотел тут же разбудить Дайану, но она спала так крепко, что он решил все-таки подождать до утра. Еще с полчаса Джек длинными, возбужденными шагами туда-сюда мерял пространство гостиничного номера. Этот звонок означал, что Джек теперь гарантированно будет знаменитостью в Силиконовой долине. Но если Марк захочет с потроха-

ми купить его код за пару миллиардов, как он это когда-то сделал с сервисом Instagram, а также компанией — лидером в области виртуальной реальности Oculus, то ему, как и всем остальным, придется ответить решительным отказом. Отказ может сделать Марка его врагом, причем столь могущественным, что это поставит крест на всех планах развития компании в Калифорнии. Впрочем, два умных человека всегда могут найти взаимовыгодный компромисс. С этой успокоившей его мыслью Джек наконец снова уснул.

Утром погода резко улучшилась: от бурного ночного ненастья не осталось и следа, выглянуло яркое, несмотря на позднюю осень, солнце, потеплело. Небо стало кристально-голубым. Быстрые, в течение нескольких часов, перепады температуры на десять-пятнадцать градусов характерны для американских городов на побережьях, особенно перед началом и в конце зимы. Проснувшись и увидев настоящую идиллию за окном, Джек решил отложить ненадолго все дела, переоделся в утепленную спортивную форму, проехал на такси несколько кварталов, отделявших отель от начала знаменитого моста Золотые Ворота. Один из символов Америки, самый длинный висячий мост в мире на момент своей постройки в 1930-х годах, протяженностью почти в три километра, с ярким красным колоритным силуэтом был в числе прочих популярным у жителей центра Фриско местом для утренних пробежек. Джек прекрасно помнил, как когда-то, очень давно, на интернет-аукционе E-bay всего за несколько долларов купил большой старинный красный гвоздь с клеймом года постройки моста, который в ходе капитального ремонта был заменен на новое крепление. Этот гвоздь, величиной с целую ладонь, все еще сильно пахнувший старой свинцовой краской, уже давно не используемой, долго хранился на видном месте на полке в его спальне как драгоценный сувенир. Джек бежал легкой трусцой по сво-

ему любимому с детства мосту в направлении парка Золотые Ворота, расположенного на той стороне бухты, иногда переходя на шаг. Прохладный, но не ледяной, слегка соленый ветер, дувший с бескрайних просторов Тихого океана, сдобренный криками белоснежных чаек, наполнял его душу почти забытым детским восторгом. Когда он добежал до конца моста, ему вдруг вспомнилась фраза Дайаны, сказанная прошлым вечером. Памятуя о событиях в Мехико, она попросила Джека поскорее обзавестись телохранителем, а также личным водителем. За парнем, о котором теперь знала уже немалая часть жителей Сан-Франциско по вчерашним публикациям, имеющим в руках миллиардный бизнес, вполне могла вестись слежка. Джек пообещал, что займется поиском охраны в ближайшие дни.

На той стороне бухты, сразу после моста, дорога ухнула резко влево, и Джек стал искать переход на другую сторону, чтобы побежать обратно. Миновав обзорную площадку с лучшим видом на мост с северной стороны бухты, он прошел по подземному переходу под шоссе, вынырнув из него на той стороне дороги, рядом с большой полупустой автостоянкой. Внезапно дорогу ему перегородил черный «Линкольн», угловатой модели семидесятых годов, но в хорошем, почти коллекционном состоянии. Из него вышли три человека, и он сразу узнал их всех. Двое парней были теми, кто послали его в нокаут около их с Дайаной квартиры в Бостоне на следующий день после того, как она была похищена. Третий, в безрукавке, с накачанными бицепсами с татуировками, был одним из тех, кто поджидал у его машины, когда он возвращался с флешкой Дона из депозитария. Они все были заодно. Обычно чувство опасности заранее безошибочно проявлялось в голове Джека, но на этот раз прорицательницей, скорее, оказалась его любимая накануне. Один из парней вынул пистолет и молча указал с его

помощью на место на заднем сиденье. Увидев, что Джек не шелохнулся, другой парень неожиданно дружелюбным голосом сказал, что Джеку ничего не грозит. Его просто доведут на встречу с человеком, который хочет с ним поговорить, после чего Джек будет свободен. Парень даже предложил ему позвонить Дайане и предупредить ее о том, что он задержится сегодня на несколько часов по важному делу. Выбора не было. Странные похитители не стали надевать ему наручники или завязывать глаза, а когда он сел на заднее сиденье, вежливо поинтересовались, не против ли он музыки альбома группы «Джефферсон Эйрплайн» 1968 года, звуки которой в стиле знаменитого фестиваля в Вудстоке раздавались из динамиков старой, еще кассетной магнитолы. Затем они предложили раскурить вместе по дороге по паре косячков отборной «травки». В Калифорнии только что прошел референдум о легализации употребления марихуаны, и Золотой штат, разумеется, проголосовал положительно. Формально разрешение этого легкого наркотика пока не вступило в силу, но это никого не волновало, тем более в Сан-Франциско — бывшей всемирной столице хиппи. Джек отказался, но ситуация, при всей ее тревожности, даже начала его слегка забавлять. Если бы не дуло пистолета, на всякий случай приставленное соседом к его боку, компанию в автомобиле можно было бы даже назвать веселой. «Линкольн» проехал обратно по мосту в центр города, аккуратно, не спеша и соблюдая все правила движения, миновал с десятков центральных улиц. За окнами мелькали известные достопримечательности: от старинного кирпичного здания мэрии города Сити-холла до популярнейшего Музея современного искусства. Затем водитель свернул на восток, выехав на полотно второго великого моста Сан-Франциско. Бэй-бридж был не менее уникальным произведением инженерного искусства, чем мост Золотые Ворота: протянулся

на целые семь километров над водами залива, но внешне он был все-таки не столь колоритен. Бэй-бридж соединял Фриско с его большим городом-спутником — полумиллионным Оклендом. Несмотря на то что эти города разделяла лишь один длинный мост, со стороны могло показаться, что они находятся в разных вселенных. После фешенебельного, дорогого, стильного центра Сан-Франциско экономически депрессивный Окленд, в котором основную часть населения традиционно составляли национальные меньшинства, производил тоскливое, а местами и просто опасное впечатление. Статистика преступности в Окленде была в среднем даже хуже показателей нью-йоркского Гарлема. Более-менее спокойным считался только север Окленда, где находился кампус элитного университета Беркли, но автомобиль, как и предполагал Джек, после моста свернул на юг, в сторону припортовых кварталов, где почти ежедневно случались ограбления и нападения на прохожих. Миновав знаменитую домашнюю арену «Голден Стейт Уорриорз», лучшего баскетбольного клуба НБА и всего мира последних лет, расположенную в полузаброшенной части города, автомобиль проехал еще несколько кварталов и наконец остановился. Выйдя из машины на мрачноватой улице, тянувшейся вдоль берега бухты, Джек снова мог вдохнуть бриз океана, но теперь это уже не казалось чем-то романтическим. В дымке очень далеко отсюда можно было рассмотреть крошечные очертания небоскребов центра Сан-Франциско на том берегу. Было тихо, если не считать редких гудков парашадов, вокруг валялись обрывки бумаг, мусор, ржавые стальные пластины. Джека провели в большой старинный, но сильно обветшавший дом, вероятно, начала XX-го века, без каких-либо опознавательных вывесок. Внутри помещение было хорошо защищено: они миновали три железных сейфовых двери с камерами наблюдения, около каждой из которых

дежурил охранник. Коридор с зелеными стенами и необычными агитационными плакатами вел в главное помещение, оборудованное внизу, на подземном этаже. Джек лихорадочно перебирал в голове все возможные варианты того, кто и зачем его сюда привез, но ни одного логичного объяснения этой происходящей наяву фантазмагии он так и не нашел.

Комната, в которую его привели, была очень просторной, но сильно захламленной. В воздухе стояла взвесь пыли и сигаретного дыма. Чем-то это помещение походило на банальный наркотический притон. В комнате находились две девушки. Одна из них сидела в кресле, одетая только в купальник, нога на ногу, что-то рассматривая на экране телефона, покуривая косяк, и время от времени громко вульгарно смеялась. Ее тело было очень сексуальным, с несколькими яркими, крупными татуировками, но общее впечатление она производила скорее отталкивающее. Другая девушка — совсем молодая, худенькая, с длинными русыми волосами — лежала, вытянувшись на спине на кушетке, накрытая простыней, время от времени постанывая и улыбаясь, не открывая глаз. Вероятнее всего, она находилась под опиумным «кайфом». В помещении также было большое джакузи и «место руководителя»: широкий офисный стол, а за ним — высокий резной деревянный трон, возможно, вывезенный из покоев царька африканского племени. Над тронном висел плакат — «Комитет спасения мира». О такой организации Джек никогда не слышал.

Вошедший человек был довольно высокого роста, чуть сутулым, с длинными, до плеч, седыми волосами и небольшими залысинами. Одетый в длинный плащ, он чем-то напоминал то ли средневекового рыцаря на современный лад, то ли джедая из легендарной киноэпопеи. Девушка в купальнике и с татуировками склонила голову, подобострастно по-

целовав его руку, после чего «рыцарь» подошел к юному существу на кушетке, проверил, что она ровно дышит, и затем провел пальцами по ее волосам.

— Это мои сестры. Они сейчас находятся в стадии духовной трансформации. Каждый из нас проходит ее, но у некоторых она растягивается на всю жизнь, а у нас люди меняются полностью за считанные недели, а порой — даже и дни. Впрочем, я, кажется, не представился.

Он подошел к Джеку и по-отечески потрепал его по плечу.

— Меня зовут Грэм Тернер. Я родился в Австралии, мои родители были белыми, но большую часть детства я провел в буше, живя в племени аборигенов. Там я научился всему, что я знаю: слышать и чувствовать природу, которая разговаривает с нами шепотом ветра, понимать животных, разбираться в растениях и даже предвидеть будущее. Это был главный опыт в моей жизни. Теперь, вот уже тридцать лет, я живу в Калифорнии и пытаюсь изменить этот грешный, обреченный мир.

— Это что, какая-то секта? Зачем меня сюда привезли?

— Затем, что нам остро нужны такие люди, как ты.

Человек подошел к столу и взял лежащую на нем книгу большого формата, но довольно тонкую.

— Да, нас можно назвать сектой. Но к религиям мы не имеем никакого отношения. Нас много — только в Сан-Франциско и соседних городах около двух тысяч наших последователей. А по всему миру — я даже точно не знаю сколько. На нашем сайте зарегистрировано сто пятьдесят тысяч человек из всех уголков мира. Но на самом деле и это далеко не все последователи и сочувствующие нам. Каждый день нас — и здесь, в Америке, и за границей — становится все больше. Разумеется, наш сайт находится в темной части Интернета, найти его через Гугл невозможно — нужен

точный адрес, включая маршрут наших серверов. Нам не нужны неприятности.

Тернер указал пальцем на книгу в своей руке:

— Вот это — наша Библия. Вы образованный человек и наверняка слышали о ней.

Он встал из-за стола и поднес книгу ближе. На ее темной обложке значилось *The Limits to Growth* («Пределы Роста»). Внизу более мелкими буквами было выведено: «Доклад Римскому Клубу» и еще ниже дата — 1972 год. Через несколько лет этому уже почти раритетному изданию должно было исполниться полвека.

— Человечество обречено на полное вымирание. Это случится не позднее конца нынешнего столетия. Каких-либо иных сценариев не существует.

Он указал на картину, висевшую сбоку на стене. Это была репродукция полотна великого голландца Питера Брейгеля Старшего XVI-го века. Картина изображала нескольких слепых, держащихся друг за друга, которых с уверенным в себе видом тянул за собой на палке поводырь, тоже слепой. Все они шли к оврагу, в котором через несколько мгновений должны были погибнуть.

— Это наше общество. Оно на всех парах движется к полному и бесповоротному саморазрушению. Первым об этом задумался философ Мальтус двести лет назад. Он обратил внимание на то, что, несмотря на промышленную революцию, количество населения в Англии росло быстрее, чем объемы производства. Владельцы фабрик благодаря технологиям богатели, купаясь в золоте, а больше девяноста процентов населения стало жить в гораздо более ужасных условиях, чем раньше, работая от зари до зари без выходных, питаясь буквально отбросами, не доживая часто и до сорока лет. В начале 1970-х группа выдающихся ученых подготовила для всемирных организаций доклад о реальном

состоянии дел в мире, который произвел тогда в головах всех мыслящих людей эффект разорвавшейся бомбы. Мы движемся к катастрофе.

— Но, по-моему, с тех пор человечество изменило к лучшему свой подход ко многим вещам.

— Черта с два оно изменило! Население планеты растет как на дрожжах. В начале XX-го века на планете жило полтора миллиона человек, а сейчас это количество приближается к восьми, и конца этому нет. Тропические дождевые леса вырубаются под сельхозугодья еще активнее, чем раньше. Урожайность выросла, но благодаря чему? Гормоны, которыми пичкают скотину, генные модификации растений. Биоразнообразие планеты за последнее столетие уменьшилось сильнее, чем за предыдущие *десять тысяч лет*. Еще недавно на планете выращивалось более ста видов яблок, сейчас в основном только три. Только самые плодовые и медленно портящиеся. Все остальное, что не приносит мгновенные деньги, — к черту, в топку. Я умею слышать природу. Бушмены научили меня разговаривать с ветром. Когда я только приехал в Калифорнию в конце восьмидесятых, я хорошо помню, как ветер стонал, природа из последних сил просила пощады от уничтожающего ее каждый день человека. А сейчас она замолчала. Природа находится в коме, и мы все прямо сейчас провожаем ее в последний путь. Поезжайте в Африку и спросите у бывалых рейнджеров, как изменилась саванна за последние тридцать лет. Они вам скажут, что многие животные исчезли навсегда, другие, такие как носороги, вымрут через десять лет. То же самое вам скажут и эскимосы. Их родители жили на границе арктических льдов, а самой большой опасностью были набег на их поселки белых медведей. Теперь край льдов отодвинулся далеко на север, при этом медведей и многих арктических животных их дети никогда не видели.

Тернер положил книгу обратно на стол.

— А что вы скажете о сжигании нефти и угля? Вы говорите, технологии? Ну и где же они, эти ваши чертовы хваленые технологии? На дворе — конец второго десятилетия XXI-го века. Наши отцы и деды верили, что мы в это время будем летать на Марс легко, как на соседнюю автобусную остановку. А мы по-прежнему, как идиоты, получаем три четверти всей энергии мира, сжигая уголь, нефть и газ, варварски загрязняя воздух, повышая температуру и кислотность океанов. Рост «чистой энергии»? Вы имеете в виду эти кошмарные ряды скрипящих мельниц по всей Европе, словно мы вернулись еще дальше в прошлое, в XIV-й век, во времена еще до Дон Кихота? Или вас впечатляют открытия в области добычи сланцевой нефти, из-за которой питьевая вода в окрестных городках становится черной и ядовитой? Не смешите меня. Но главное зло даже в другом: вся прибыль от ежедневного природного апокалипсиса течет в карманы ничтожной горстки населения — банкиров, капиталистов, коррумпированных чиновников. Простые люди по всей планете страдают сильнее, чем раньше. Они — бесправные рабы, безмолвные семь миллиардов пассажиров поезда, который без их согласия несется в бетонную стену.

— Ну, даже если так, что вы можете сделать?

— Надо сломать Систему. Нажать на тормоза этого поезда. Дать людям возможность выбраться из порочного круга и вдохнуть свежий воздух. Нам нужно спасти этот мир, причем чем раньше и чем яростнее мы будем бороться, тем более реальны шансы успеть что-то исправить. И каждый человек должен твердо решить для себя, на чьей он стороне в этой игре за выживание.

— Какие вы можете предложить конкретные действия?

— Прежде всего начать с проблемы перенаселения. Нужно активно работать с Азией и черной Африкой.

В самых густонаселенных и бедных районах проводить насильственную поголовную стерилизацию населения. В тех сообществах, которые будут упорствовать, запустить локальные эпидемии вирусов. В нашем распоряжении уже есть отдельные виды биологического оружия. Далее необходимо отказаться от идеи приоритета промышленного роста над экологией. Знаете, есть такая бедная высокогорная страна в Гималаях — Бутан, где считают не объемом валового продукта, а уровень счастья населения. И он там — самый высокий в мире. Далее — уничтожить все ядерное оружие на Земле. Запретить социальные сети в Интернете, которые уже стали самым сильным фактором роста психических расстройств, депрессий и даже самоубийств среди молодежи в так называемых развитых странах. Признать вырубку леса и убийство диких животных тягчайшими преступлениями, карая нарушителей смертной казнью. Запретить производство предметов роскоши. Ввести такие налоги на богатых, чтобы каждый человек независимо от уровня дохода мог наконец ощутить чувство собственного достоинства. У нас мало времени. Некоторые наши братья утверждают, что у нас есть еще в запасе тридцать-сорок лет. Наивные мечтатели. Через пять, максимум десять лет процессы разрушения планеты станут необратимыми.

— Зачем вы все-таки привезли меня, да еще и силой?

— Иначе вы бы сюда никогда не пришли. Послушайте. Нам остро необходим ваш код. Станьте одним из нас. Наш общий долг — спасти эту планету. Покарать всемирное зло. Мы стоим на пороге открытия отделений, штабов наших сторонников по всему миру. За нами пойдут миллионы. Но правительства стран, продажные лицемеры, разумеется, объявят нас вне закона, откроют травлю. Нам нужен инструмент, который бы давал нам весомое преимущество

в этой неравной борьбе. С помощью вашего кода наши сторонники могли бы общаться друг с другом по всему миру, не опасаясь, что их кто-то сможет раскрыть. И наоборот, у наших врагов — официальных правительств и крупных корпораций — такого же абсолютного защитного кода быть не должно. Любой искусный хакер, защитник планеты и человечества должен по-прежнему быть в состоянии взломать сайт Белого дома, Пентагона и ФБР, чтобы выставить напоказ перед всем миром все их грязное белье. Только в этом случае нас ждет успех.

Тернер закурил сигарету, задумчиво глядя на Джека.

— И еще. Вы станете высокопоставленным членом нашей огромной организации, будете облечены большой властью, то есть тем, что вы никогда не сможете купить просто за деньги, даже за миллиард долларов. В мире бизнеса вы будете пленником условностей. Здесь вы будете свободны. Не знаю, насколько вам это интересно, но мы практикуем принципы свободной любви. Каждый брат может в любой момент свободно заняться интимом с нашими сестрами. Условие лишь одно — обязательная контрацепция: так, чтобы, резко сокращая излишнее население в одних регионах планеты, не увеличить его внутри собственных же рядов. Вот, посмотрите, например, на этих двух красавиц. И таких сестер только в Калифорнии у нас — сотни, скоро будет гораздо больше. Секс в любых формах и неограниченном количестве вместо размножения — вот наша концепция. Синтетические психоделики и опиаты нового поколения, практически безвредные для здоровья, вместо ненужных соцсетей и предметов роскоши. Чистый воздух и вкусная разнообразная еда, а не напичканные химией и гормонами гамбургеры. Если вы согласны на мое предложение, эти девушки прямо сейчас готовы исполнить любую вашу сокро-

венную фантазию. Если захотите, им на смену потом придут другие. И так будет каждый день, куда вы с нами.

— Нет. Вы ничего не добьетесь. Возможно, из лучших побуждений, но вы стоите на пути у научного прогресса, который невозможно остановить.

— Ну что ж. Больше половины наших братьев в первый раз отвечают примерно то же самое. А через какое-то, обычно короткое, время убеждаются в моей правоте и просят присоединиться к нам. Я не тороплю вас с ответом. Хорошо подумайте. Но я все же вынужден предупредить вас. Если вы решите обратиться в полицию, чтобы рассказать о нас, нам придется в тот же день лишить вас жизни. Вы от нас не скроетесь. Всего наилучшего. Подумайте хорошо.

Когда Джек выходил из помещения, полуголая красотка в татуировках послала ему томный воздушный поцелуй.

На улице уже начинало темнеть. Короткий световой ноябрьский день пролетел удивительно быстро. Вернувшись в отель, Джек не мог побороть одолевавшие его тяжелые мысли. Во многом Тернер был прав. А что, если человечество действительно упорно роет себе могилу, но не понимает этого? И можно ли вообще что-либо изменить в таком случае? Дайана сидела под лампой за своим ноутбуком и напряженно писала какой-то текст. Хотя теперь, когда до свадьбы с возможно будущим миллиардером ей было уже почти рукой подать, почему-то меньше всего ей хотелось бросать ее собственную, пусть пока и не слишком денежную работу. Она хотела оставаться самодостаточным человеком, не зависящим даже от любимого мужа. В том числе и для того, чтобы всегда оставаться для него интересной личностью. Сама мысль о возможном превращении в домохозяйку буквально пугала ее.

После ужина в ресторане отеля в номере Джек утонул в ее теплых нежных объятиях. Его электронная почта буквально переполнялась от сообщений и огромной массы несделанной работы. Но после сегодняшних событий он чувствовал необходимость взять паузу. Затем он произнес слова, которые еще утром он был бы удивлен услышать от самого себя:

— Ты никогда не думала, а зачем вообще мы живем? Чем ближе к успеху, тем менее желанным он мне кажется в последние дни. В чем вообще смысл жизни?

— В жизни. Просто в самой жизни и в том, что она каждый день приносит тебе. Странные вы, мужчины. Вечно терзаете себя какими-то сложными поисками смысла, хотя смысл — это все то, что окружает вас каждый день, то, к чему вы можете притронуться рукой. Не знаю почему, но женщине понять это гораздо проще. Мы дарим жизни, а потом создаем семейный уют любимому мужчине и детям, и это почти все, что нам нужно для счастья. Остальное — лишь фон, бытовые мелочи, как правило, решаемые. В детстве я сильно жалела, что не родилась мальчишкой. Ведь у вас так много свободы и всего интересного! Но, повзрослев, наоборот, я ни за что не согласилась бы стать женщиной. Быть женщиной — это чудо.

Позже, когда Джек уже успел ответить примерно на полторы сотни писем и приглашений, расписав даты и время интервью с заинтересовавшими его кандидатами на неделю вперед, Дайана снова подошла к нему, ласково потрепав по волосам:

— Кстати, вопрос о смысле жизни ты задал очень вовремя. Я сделала тебе сюрприз, прости, что не предупредила заранее. Завтра мы с тобой вместе посетим лекцию в Сан-Диего. Я уже забронировала места. Лететь всего полтора часа, завтра ночью вернемся обратно. Я даже не спрашиваю,

хочешь ли ты туда ехать. Это обязательно. А мне по работе нужно будет подготовить материал по этому событию. Там как раз будет выступать человек, который лучше всех в мире может объяснить, в чем смысл жизни.

*Калифорнийский университет Сан-Диего,
публичная лекция Тэнцзина Гьямцо
(Далай-ламы XIV), наши дни*

Самое южное из всех американских высших учебных заведений, расположенное почти на границе с Мексикой, университет Сан-Диего когда-то был знаменит, пожалуй, лишь студенческими волнениями начала семидесятых, проходившими здесь особенно бурно и едва не вылившимися тогда в настоящую войну. С начала двухтысячных этот университет прорвался в мировую элиту, став одним из важнейших, лучше всего оборудованных в мире научных центров исследований в области биологии и медицины. Традиционно в нем также были сильные гуманитарные, общественные науки. Духовный лидер тибетских буддистов далай-лама, почти всю жизнь проживший в изгнании, в Америке был частым и желанным гостем как для каждого из американских президентов, так и для ищущей свой духовный путь в жизни прогрессивной студенческой молодежи. В этот раз далай-лама планировал ежедневные выступления в этом университете на протяжении недели. Лауреат Нобелевской премии мира и золотой медали конгресса США, автор множества книг, разошедшихся огромными тиражами, в жизни всегда производил впечатление человека простого, скромного, готового к личному общению с любым собеседником независимо от его религии, расы, пола и национальности. В своем традиционном красном тибетском монашеском одеянии, в толстых старомодных очках он всегда излучал только беспредельную мудрость, тепло и доброту.

В Сан-Диего, несмотря на ноябрь, было все еще почти по-летнему тепло, ясно и безветренно, поэтому лекцию решили проводить под открытым небом, чтобы одного из духовных лидеров мира могли послушать как можно больше студентов. Его встретили громом оваций, вручили шапочку выпускника университета, которая ему очень понравилась: он не снимал ее все выступление. Сама атмосфера лекции казалась необыкновенной: со студентами разговаривал вовсе не высокий проповедник и мессия, почти живое воплощение Будды, а пожилой, добрый, почти родной для каждого слушателя дедушка, время от времени весело хихикающий над проскакивавшими в его собственной речи ошибками в английском и понимающий, что чисто научный уровень знаний молодой аудитории наверняка выше его собственного. И тем не менее на свете были вещи даже более важные, чем просто знания, которые он хотел донести до каждого. Джек, тоже недавний выпускник, хотя и старше основной части аудитории, испытывал чувства восторженного студента, пришедшего на лекцию к одному из самых маститых светил в мире в своей области.

— Будущее в двадцать первом веке превзойдет все наши ожидания. Чудеса, которые создаст ваше юное и невероятно талантливое поколение, будут такими, что мы, люди старшего возраста, не можем себе сейчас даже и вообразить. Вы вступаете в новый для себя, взрослый мир. Напряженно работать, бороться за место под солнцем в современном мире, становящемся все более сложным и требовательным для любого человека, даже хорошо образованного, — это очень трудное испытание. Чтобы пройти его с честью, воплотить в реальность все свои мечты, а также найти единственного, самого близкого человека в жизни и завоевать его любовь, необходимы три условия: относитесь к окружающим с добром, сохраняйте мир в своей душе и будьте оптимистами.

Помните о том, что счастье — это не то, что существует где-то вовне и что надо напряженно искать всю жизнь. Счастье — это тепло вашего собственного сердца. Оно всегда с вами. Тепло, которым вы делитесь с ближним, обязательно возвращается к вам. Внутреннее спокойствие, уверенность в себе и душевная открытость столь же необходимы для успехов в любом деле, как и глубокие профессиональные знания.

Не было сомнений в том, что тибетский мудрец во все не ожидал скорого конца света. Напротив, несмотря на явно неважное физическое самочувствие из-за недавно перенесенной им тяжелой пневмонии, далай-лама буквально светился счастьем, радостью и тем самым внутренним спокойствием, зажигая и вдохновляя не только студентов, но даже и присутствующих маститых профессоров университета, время от времени переговаривавшихся друг с другом, при этом широко улыбаясь.

На следующий день, вернувшись в Сан-Франциско, Джек с ходу сделал три предложения работы специалистам, которые ему очень понравились. Помимо безупречных профессиональных знаний, в ходе беседы он увидел в глазах каждого из этих людей еще и тот самый свет, и внутреннее спокойствие, о которых так убедительно говорил накануне великий духовный наставник.

Срок ультиматума Агентства национальной безопасности истекал послезавтра.

Вернувшись в номер, Джек первым делом увидел конверт, вероятно, подсунутый кем-то под дверь. Дайана вернулась четверть часа назад, но тогда на полу номера еще ничего не лежало. Все это время она была в душе и ничего не слышала. Джек спустился к рецепции, там ему сказали, что его никто не искал. Запись камеры наблюдения на этаже, прокрученная в быстром режиме, показала, что после того,

как Дайана зашла в номер, по этажу больше не проходила ни одна живая душа. Письмо появилось словно ниоткуда. Джек вернулся. Внутри, где-то под ложечкой, нарастало неприятное чувство.

Конверт был черного цвета. В его верхнем углу — светло-зеленое квадратное тиснение, внутри которого изображена пирамида, всевидящее око в треугольнике, и над ними — старинный железный циркуль.

Внутри конверта лежала дорогая, плотная, рифленая бумага, на которой были написаны его имя, фамилия, день, время и точный адрес. Послезавтра. Больше в конверте ничего не было.

Глава 21

Большая игра на ваши деньги

*Белый дом, Вашингтон,
19 сентября 2008 года, 17.00*

— Это немыслимо! То, что вы предлагаете, даже хуже, чем чертов социализм! Как президент США от Республиканской партии я твердо стою на основополагающих либеральных принципах. В свободной рыночной экономике компании, потерпевшие неудачу, должны уйти из бизнеса, уступив дорогу тем, кто лучше них. Америка всегда стояла и стоит на этом! Спасение крупнейших банков страны государством, за деньги налогоплательщиков? Вы в своем уме?

— Если нет, то тогда очень скоро наступит конец. Весь частный сектор американской экономики — банкрот. В стране вообще нет денег. У всех висят только долги и обязательства. До национального суверенного дефолта США и крушения доллара как мировой валюты у нас осталось две недели.

Последние несколько часов были, возможно, самыми кошмарными для Джорджа Буша-младшего за все восемь лет, проведенных им на посту президента США. К концу этого долгого разговора лицо Буша стало бледным как мел, а странную испарину на лбу ему пришлось несколько

раз нервно вытереть платком. В какие-то мгновения он, по должности самый могущественный человек в мире, ощущал совершенно непривычное для себя чувство паники и детской беспомощности. Положение дел в стране казалось не просто тревожным. Оно было катастрофическим, несравнимым по возможным последствиям ни с 11 сентября, ни с бедствиями от урагана «Катрина» в 2005-м, разрушившего Новый Орлеан. Те события уносили человеческие жизни, но все же были объяснимы и локальны по своему характеру. Сейчас же под прямой угрозой находилась вся страна.

Финансовый кризис в США, разумеется, уже давно не был новостью. Неприятные симптомы в экономике стали заметны еще в 2007-м, когда непомерно раздувшаяся стоимость недвижимости Америки вдруг неожиданно для всех поползла вниз, увлекая за собой некоторые крупные банки, активно занимавшиеся спекуляциями на ней и в одночасье ставшие банкротами. Весь 2008 год фондовый рынок США и общая ситуация в стране понемногу ухудшались каждый месяц. Однако, так же как и в случае с ураганом «Катрина», руководство страны до последнего момента верило, что надежные защитные сооружения выдержат напор стихии. Но мощь того урагана превысила все ожидания, старые дамбы Нового Орлеана рухнули, и воды Мексиканского залива все-таки затопили город, унеся жизни двух тысяч человек и оставив сотни тысяч без крова. Примерно то же самое произошло и с экономикой Америки в начале сентября 2008-го. Финансовая ситуация, еще в конце августа казавшаяся умеренно плохой, но уж никак не безнадежной, вдруг перешла в стадию катастрофической неуправляемой цепной реакции. Балансы почти всех банков США в одночасье стали убыточными. Америка больше не могла платить кредиторам по своим долгам.

Президент Буш вызвал на срочное совещание в Белый дом трех своих главных экономических советников. Хэнк Полсон, авторитетный банкир, возглавлявший еще недавно самый прибыльный инвестиционный банк мира Goldman Sachs, теперь занимал должность министра финансов. Все его подчиненные были выходцами из того же банка — на Уолл-стрит ходила шутка, что между офисом «Голдман» и Федеральным казначейством установили «вращающуюся дверь». Сам Полсон, высокий, представительный, лысоватый с пронзительным взглядом водянистых глаз, имел на Уолл-стрит прозвище «змея» и репутацию железного человека, который всегда добивается своих целей. Но в этот раз задача была, кажется, не по плечу и ему. Бен Бернанке, профессор финансов, выходец из академической среды, двумя годами ранее сменил почти «бессмертного» Алана Гринспена на посту председателя Федеральной резервной системы, ушедшего по возрасту. Бернанке производил впечатление загадочного человека: всегда держался слишком мягко и интеллигентно для руководителя такого высочайшего уровня, на вопросы прессы всегда отвечал уклончиво, тихо, почти тоном библейского проповедника. Одним словом, казался противоположностью «зубастой акуле» Гринспену. Однако, как показало время, Бен Бернанке проявил себя идеальным, хоть и скромным, исполнителем воли тайных владельцев ФРС и с этой точки зрения вполне соответствовал своей должности. Третьим экспертом был председатель SEC — Комиссии по ценным бумагам, важного органа, управлявшего Нью-Йоркской фондовой биржей. Человек редкой эрудиции, но довольно слабый руководитель, он не смел перечить крупнейшим банкам, пустив ситуацию на бирже на самотек. Во время встречи с президентом он в своем стиле не проронил почти ни слова, спрятавшись за широкие спины Полсона и Бернанке.

Журналисты собрались в розовом саду Белого дома в ожидании официального выступления президента, но время этого выступления уже несколько раз переносилось. В воздухе было разлито напряжение, градус которого пресса не знала со времен заявления о своей отставке президента Никсона тридцать пять лет назад. Никто не сомневался, что Джордж Буш-младший даже в этой ситуации сохранит обычную уверенность в себе. Его дела в конце второго срока шли так же неважно, как и в самом начале его пребывания на посту. Помимо экономических неурядиц, Буш допустил много явных внешнеполитических ошибок, безнадежно завязнув в Ираке и Афганистане, допустил рекордный в истории рост мировых цен на нефть и энергоносители, ставший тяжелым бременем для американских потребителей. В последние месяцы пребывания Буша у руля даже большая часть его «родных» республиканцев в конгрессе с подачи кандидата от партии на следующих выборах пожилого Джона Маккейна отвернулась от него, при всяком удобном случае поливая самой жесткой критикой. Однако в самые кризисные моменты Буш-младший неизменно проявлял жесткую и твердую волю. Поэтому журналисты, да и вся нация в этот момент смотрели на него с явной надеждой на то, что он сумеет взять ситуацию под контроль. Но время его выступления перед страной было снова перенесено на час.

— Что будет, если мы все-таки не станем устраивать шутовской парад раздачи даровых денег всем этим жирным котам с Уолл-стрит? Я имею в виду, что будет в самом худшем случае?

Хэнк Полсон, не отреагировав никак на «жирных котов», опустил голову:

— На этой неделе, как вы знаете, произошло банкротство банка Lehman Brothers, четвертого по величине бан-

ка Америки. Это событие потрясло весь мир. Фондовые индексы по всей планете посыпались, как карточные домики. Этот банк существовал больше ста лет и всего несколько лет назад был одним из лучших на Уолл-стрит. Но они слишком увлеклись играми с ипотечными облигациями. В прошлое воскресенье их партнеры во всем мире узнали, что банкиры так и не смогли найти деньги, чтобы покрыть многомиллиардную дыру в балансе, и в понедельник всем скопом потребовали от Lehman Brothers в 24 часа погасить все их кредиты. Не хватало семидесяти миллиардов долларов. Я лично в те выходные пригласил в свой офис главных банкиров Уолл-стрит, и они собрали фонд спасения Lehman в размере сорока миллиардов. Оставшиеся тридцать я в это же воскресенье нашел в английском банке Barclay's, но Банк Англии в последний момент, поздно вечером, запретил им оказывать помощь кому-либо на Уолл-стрит. Дыра осталась, Lehman рухнул, уже вечером в понедельник объявив о своем банкротстве, после чего на мировых рынках началась форменная паника.

— Но почему вы не обратились к государству за помощью? Даже не позвонили мне?

— Потому что помощь государства в гораздо большем объеме скоро понадобится для нескольких, даже еще более крупных банков и компаний, чем «Леман». А спасти всех невозможно.

Разумеется, Хэнк Полсон недоговаривал всю правду. Он и в самом деле прикладывал большие усилия для спасения Lehman Brothers, как и должно министру финансов. Но на самые крайние меры, включая обращения к президенту и конгрессу, он все же не пошел, так как в бытность главой «Голдман Сакс» лично враждовал с руководителем Lehman Brothers.

— Хорошо, Хэнк, кто следующий?

— Вероятно, банк «Мерилл Линч». Они почти вдвое больше «Лемана», и их запаса ликвидности хватит максимум на неделю. Потом — под угрозой «Морган Стэнли». Они в пять раз больше, и у них тоже сейчас беда с ликвидностью. Правда, им может помочь JP Morgan, единственный сейчас банк из большой пятерки, который еще уверенно держится на плаву. Но точно я не уверен.

— Дальше?

— А дальше, по моим расчетам, через две, максимум три недели произойдет самое страшное. AIG, главная страховая компания США, сейчас вынуждена выплачивать покрытия всем пострадавшим в кризисе. Разумеется, при таких масштабах бедствия очень скоро у нее закончатся деньги. Если рухнет страховая система страны, вся деловая жизнь Америки, да и Европы будет парализована. Счета компаний и граждан в банках окажутся замороженными. В банкоматах исчезнут наличные. Банки не смогут перечислять друг другу средства. По долларовому внешнему долгу США также возникнет дефолт перед всем миром. Я просто не представляю себе, как весь наш мир будет выглядеть на следующее утро. Но не сомневайтесь: это будет что-то страшное. Великая депрессия в сравнении с этим покажется легкой веселой прогулкой.

— Бен, ну а вы что скажете? Вы согласны с таким прогнозом?

— Полностью, господин президент. Вы знаете, я когда-то написал книгу о Великой депрессии. Самым страшным в ней был даже не крах фондового рынка, а полное исчезновение кредита доверия между всеми — банками, людьми, компаниями, правительством. Но тогда наша экономика еще не была глобальной, поэтому вначале кризис охватил только американскую финансовую систему. Сейчас окажутся парализованными банки всего мира. Остановятся все долларовые платежи.

— Ну хорошо, допустим, даже если так, что будет после этого?

— А потом можно будет услышать стук.

— Какой стук??

— Обезумевший народ выйдет на площади и установит на них гильотины, как во время Французской революции. Виновных во всем этом хаосе определить будет несложно. Поэтому после этого можно будет услышать стук наших трех отрезанных голов, подпрыгивающих по асфальту.

Мудрые карие глаза удивительно спокойного руководителя ФРС при этих словах светились сочувствием и словно заранее обещали прощение всем в их следующей жизни.

— Ну, хорошо. Вы — мои главные эксперты в экономике, я обязан прислушаться к вашему мнению. Хотя я не знаю, как можно будет это все протащить через конгресс. Но это уже моя личная забота.

Джордж Буш нервно поправил галстук, затянув его покрепче.

— Встреча с журналистами начнется через пятнадцать минут. У меня остался к вам всем троим лишь один вопрос, но на который вам нужно очень постараться прямо здесь и сейчас дать мне внятный и четкий ответ.

Президент испепеляющим взглядом по очереди всмотрелся в лица своих советников и затем произнес, медленно и акцентированно выговаривая каждое слово:

— А каким образом и какого черта мы до всего этого вообще докатились?

*Вашингтон,
ноябрь 1999 года*

Президенту США восьмидесятых Рональду Рейгану столь часто удавалось выйти с незапятнанной личной и политической репутацией из столь многочисленных скандалов,

сотрясавших верхние эшелоны власти страны, что к концу второго срока в прессе его стали называть «тефлоновым президентом». Тайные поставки оружия Ирану, распалаявшие кровопролитную войну с Ираком, скандалы с коррупцией в спецслужбах, крах фондового рынка в 1987-м, поддержка апартеида и многое другое могло бы сокрушить рейтинг любого политика, но только не Рейгана. Нечто подобное происходило и с Биллом Клинтоном, хотя и не столь заметно: скандал со стажеркой Белого дома и, что гораздо хуже, его ложь в суде на процессе по тому делу, бомбежки Югославии в обход международных законов, гибель американских миротворцев в Сомали и еще масса других его «мелких проступков». Но Америка девяностых процветала, и за это Клинтону прощалось все: затеянный конгрессом его импичмент провалился, а рейтинг одобрения президента неизменно оставался очень высоким.

Конец девяносто девятого нация встречала как никогда в приподнятом настроении. Приближался долгожданный миллениум — не просто встреча Нового года, а еще и нового десятилетия, столетия и даже тысячелетия (которые формально, конечно, начинались с 2001-го, но магия смены первой цифры года на двойку была уж очень сильна). Фондовый индекс Доу — Джонс уверенно держался на рекордных отметках выше десяти тысяч пунктов, невиданные еще недавно новые возможности — Интернет и сотовые телефоны — прочно стали достоянием каждого и казались дверью в новый, волшебный мир. Зарплаты и доходы американцев росли, о безработице как явлении многие даже забыли как о странном пережитке прошлого. Проповедники «нового мира» — ведущие бизнесмены и экономисты — говорили о наступлении в третьем тысячелетии невиданной высокотехнологической эры без кризисов, в которой желания и мечты любого человека будут обязательно сбываться.

Великолепные башни Всемирного торгового центра светились по вечерам так ярко, словно две стоящие рядом прекрасные рождественские елки, выросшие почти до небес, и этот свет новой, всепобеждающей развитой цивилизации должен был быть виден из любого места на планете (ведь глобализация мира тоже началась в девяностых).

Билл Клинтон, несмотря на относительную молодость и блестящее образование, сам никогда глубоко не разбирался в тайных механизмах работы самой мощной в мире финансовой системы его страны. Но он видел результаты этой работы, которые не могли не восхищать, и поэтому твердо стоял на принципах либерализации экономических и финансовых законов.

Делегация инвестиционных банкиров, которую возглавлял руководитель огромного банковского конгломерата Citigroup, еще в двадцатые годы выросшего из империи Моргана и с тех пор остававшегося одним из столпов Уолл-стрит, была по их давней настоятельной просьбе приглашена на встречу с Клинтоном в Белом доме, чтобы обсудить проект нового закона. Неспециалисту этот документ показался бы невообразимо скучным, рутинным и полным непонятных повторяющихся сложных финансовых терминов. Закон Грэма-Лича, названный в честь особо активно лоббировавших его конгрессменов, казалось, был направлен лишь на самые благие цели. Он отменял действие другого закона, принятого Рузвельтом сразу после Великой депрессии и строго разграничивавшего области деятельности коммерческих и инвестиционных банков. Первые могли работать только с обычными денежными инструментами: привлекать депозиты и выдавать кредиты компаниям и населению. Вторые могли вести операции только с акциями, облигациями и прочими биржевыми активами. Заниматься и тем и другим одновременно банковским холдингам, даже самым крупным,

строжайше запрещалось. Разумеется, такое положение дел всегда было костью в горле для воротил Уолл-стрит, мечтавших, но не имевших права залезть в карман «обычных» банков, куда стекалась основная часть сбережений простых американцев. Но зато этот закон служил превосходным «бампером», смягчавшим все прошлые кризисы, не давая им раздуться до масштабов национальной депрессии. Какие бы убытки ни несла Уолл-стрит в самые тяжелые для нее моменты, деньгам простых американцев, лежавшим в обычных коммерческих банках, ничто не могло угрожать. Однако новое время, новый век, по мнению инвестиционных банкиров, должны были также открывать и новые горизонты.

Приглашенные банкиры с видимым удовольствием потягивали выдержанный шотландский виски, источая медовые восточные комплименты мудрой политике президента, принесшей Америке невиданное ранее благоденствие. Клинтон, обожавший лесть, улыбался, кивал и с наслаждением курил сигары своей любимой марки Davidoff.

— Если мы не отменим эти старые, архаичные, нелепые законы, то мировой капитал в двадцать первом веке хлынет на биржи Гонконга, Лондона и Сингапура, где царит дух свободной торговли. А мы, как глупцы, останемся в стороне от взрывного роста мировой экономики!

Президент Citigroup вещал страстно и убедительно. Другие банкиры поддакивали. Билл Клинтон, считавший своей главной миссией всемерную реформу и модернизацию Америки, также не возражал — напротив, эта концепция идеально укладывалась в его личную философию и потому сразу понравилась ему. Конгресс, особенно его демократическое крыло, поначалу встретил этот законопроект в штыки, но фракция республиканцев, щедро мотивированная гигантами Уолл-стрит, протолкнула закон с первой же

попытки. Пресса тоже, причем искренне, превозносила очередное «прогрессивное нововведение». В декабре 1999-го новый закон вступил в силу.

Примерно восемьдесят процентов денежных сбережений простых американцев (несколько триллионов долларов), лежавшие до этого хоть и под низкий процент доходности, но очень надежно «на отдельной полочке» — на счетах тысяч небольших и средних старомодных коммерческих банков, — теперь стали ресурсом, который могли использовать в своих операциях десять крупнейших банков Уолл-стрит.

Старые шлюзы защиты от будущего финансового наводнения не были, как в случае с ураганом «Катрина», сметены стихией. Конгресс США по указке Федеральной резервной системы гостеприимно открыл их настежь заранее. Великая азартная игра воротил финансов на доступные им теперь все деньги Америки началась.

*Сенат США, внеочередное заседание Комитета
по делам банков и вопросам недвижимости,
Вашингтон, февраль 2004 года*

Председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен готовился к этому выступлению несколько недель. Ему было уже семьдесят восемь, и хотя он все еще ощущал себя полным сил, через два года ему предписывалось покинуть пост главы ФРС. После терактов 9/11 масштабного кризиса на фондовом рынке удалось благополучно избежать благодаря резкому росту военных расходов, однако и активно выходить в новый цикл роста экономика явно не собиралась, замерев в вялотекущей стагнации. Новой глобальной идеей акционеров Системы был быстрый разогрев национального рынка недвижимости и последующее снятие сливок с него через ипотечное кредитование.

Для того чтобы все население бросилось в банки в очередь за ипотекой, нужно было проводить политику максимально дешевых денег. Процентная ставка ФРС в начале 2004 года впервые в истории США упала с обычных 4—5 до 1%. Теперь банки могли занимать деньги у ФРС почти бесплатно, раздавать кредиты населению под покупку новых домов на десятки лет под смешные 5% и легко класть разницу между этими ставками в свой карман. Но это была хоть и понятная, но слишком «простая», по сути, схема. Теперь, когда коммерческие и инвестиционные банки США слились в объятиях друг друга, воротилы Уолл-стрит повели еще более прибыльную игру. Каждый выданный ипотечный кредит превращался ими в ценную бумагу под названием «ипотечная облигация». Имея реальных активов, скажем, всего на десять миллионов долларов, банк «Голдман Сакс», пользуясь своей репутацией, брал у государства кредит на десять миллиардов, покупал у мелких и средних банков 5%-ные кредиты тысяч заемщиков, превращая их в «ипотечные облигации», но уже с 7%-ным купоном, которые от своего всемирно известного имени перепродавал кому-нибудь дальше, по цепочке. Таким образом, всего лишь за одну простую операцию актив банка в десять миллионов долларов приносил ему прибыль в двести миллионов. Это была банальная пирамида ипотечных долгов, но настолько солидно «упакованная», что мало кто во время ее безудержного роста мог заподозрить подвох. Масштабы этой азартной игры измерялись триллионами долларов на Уолл-стрит и десятками триллионов по всему миру. Как и в любой денежной пирамиде, главное было — обеспечить постоянный приток все новых игроков: в данном случае — американских покупателей нового жилья. Задачей Алана Гринспена было убедить сенат в том, что бешеная игра на повышение стоимости недвижимости в масштабе

всей страны была на самом деле полезным, позитивным явлением.

— До недавнего времени главным препятствием для обеспечения собственным домом каждого американца был страх банков, знавших, что в периоды экономического спада часть ипотечных заемщиков становятся неплатежеспособными. Сейчас у нас появился новый универсальный инструмент — ипотечные облигации, который снижает риски кредитования до нуля. Банк, выдавший кредит, фиксирует прибыль и сразу же продает его более крупному банку. В конце этой цепочки стоят два главных американских ипотечных гиганта — «Фанни Мэй» и «Фредди Мэк». Их деятельность гарантируется государством, и, кроме того, они сами страхуют свои риски в самых надежных в мире страховых конгломератах. Таким образом, само понятие риска мы выносим за скобки. Благодаря этому инновационному банковскому продукту получается, что если раньше хороший собственный дом могли позволить себе только состоятельные люди со стабильным доходом, то теперь он станет доступен людям из всех слоев общества.

Гринспен лгал. Государство в этой пирамиде по закону никому ничего не гарантировало. Однако убаюканные складными высокопрофессиональными выкладками сенаторы молча соглашались с докладчиком. По законам ораторского искусства Гринспен в конце добавил позитивных эмоций в свой спич, ударившись в философию:

— Увеличение количества домовладельцев в США — исключительное благо для нашего общества. Свой дом — воплощение американской мечты — рождает в душе человека чувство стабильности его жизни, а также глубокой личной принадлежности к сообществу людей в какой-то части нашей великой страны. Нам с вами необходимо убрать все заслоны на пути к этой прекрасной цели.

Завершил речь Гринспен своей любимой шуткой:

— Джентльмены, спасибо за внимание. Если вы поняли все, что я хотел сказать, — значит, я неудачно выразил свои мысли.

Глава ФРС, как всегда, достиг того, чего хотел. Сенат почти единогласно проголосовал за снятие ряда серьезных ограничений на проведение операций по продаже-покупке жилой недвижимости. Сразу начиная с марта 2004 года ежемесячный темп роста цен на новые дома почти во всей стране стал самым высоким за всю американскую историю. Гринспен произвел выстрел из стартового пистолета, и американцы помчались наперегонки в офисы банков за почти дармовой ипотекой.

*Офис ипотечного бюро, Джексонвилл,
штат Флорида, март 2006 года*

Мария Лурдес со своей племянницей впервые в жизни переступила порог такого большого, внушительного банка. Пятнадцать лет назад она впервые оказалась в Америке. Сейчас она была уже в зрелом возрасте — около пятидесяти — и привыкла жить в этой, пусть и по-прежнему во многом чужой для нее стране. Она бежала со своей родины после того, как в ее родной деревне на западе Никарагуа, где к тому времени уже много лет шла кровопролитная, беспощадная гражданская война, застрелили ее мужа. Они жили в небольшом деревянном домике с тремя детьми, каждый день борясь за выживание, берясь за любую работу, которая приносила семье хотя бы кусок хлеба. Когда война уже почти закончилась, двое человек из последних недобитых отрядов сторонников «контрас» ворвались в их хижину, расстреляли отца и старшего сына, попытавшихся оказать им сопротивление, а затем изнасиловали одну из младших дочерей прямо у нее на глазах. Едва отойдя от

шока и отдав обеих дочерей, которых в кровавом хаосе тех дней она сама не могла ни прокормить, ни защитить, в приют в столице Никарагуа, она присоединилась к отряду беженцев, вот уже больше двух месяцев упорно пробирающихся на север под началом «койота» — платного профессионального проводника, имя которого запрещалось знать под угрозой расстрела. В основном они двигались через почти непролазные джунгли, каждый день рискуя оказаться жертвой диких зверей или, что еще хуже, местных бандитов или пограничников. Они ночевали в замаскированных лачугах, наспех сколоченных из подручных материалов предыдущими проводниками, порой страдали целые сутки от жажды, когда поблизости не было источников питьевой воды. Пробравшись через всю Мексику, потеряв по дороге нескольких человек, группа беженцев наконец перешла вброд неглубокую реку и, заплатив дань поджидавшей их на той стороне группе местных бандитов, тоже из числа мигрантов, пересекла границу США, оказавшись в пустынной местности на юге Техаса. Марии повезло — она тогда так и не попала в безжалостные руки миграционного контроля США, куда никто из местных на нее не донес. Три года она работала в маленькой грязноватой пиццерии в мексиканских кварталах Сан-Антонио за еду и койку. Позже переехала на восток, во Флориду, в Джексонвилл — город на берегу океана, крупный, но в то же время не такой дорогой, как Майами или Орlando, с большой латиноамериканской диаспорой. Марии Лурдес неделями не приходилось пользоваться английским: почти весь круг ее общения состоял из мексиканских и кубинских мигрантов. Она подрабатывала почасовой нянькой, уборщицей, кухаркой. Через десять лет она получила вид на жительство в США, так как смогла доказать, что все это время жила на территории страны, имела положительные характеристики

и не была судима. О судьбе своих дочерей она так ничего и не узнала, но зато почти случайно, через знакомых, с ней смогла связаться ее племянница, юная девушка по имени Химена, которой несколько лет назад повезло устроиться во Флориде на сезонные сельскохозяйственные работы. Химена быстро научилась бойко и весьма сносно говорить по-английски, прошлой осенью устроившись на постоянную работу горничной в престижной отельной сети здесь же, в Джексонвилле. Буквально на днях благодаря рекомендации работодателя она уже получила грин-карту, устроив целую шумную вечеринку в своем многоквартирном доме по этому поводу. Именно она уговорила Марию Лурдес попытаться счастья в банке, как это уже успешно сделали за последний год тысячи других представителей национальных меньшинств их города.

Прежде чем попасть на прием к ипотечному менеджеру, они прождали больше часа в очереди, которая состояла в основном из такой же простой испаноязычной публики, а также двух или трех афроамериканцев и белой пожилой, очень бедно одетой пары. Мария Лурдес чувствовала себя стесненно, словно ей приходится делать то, что потом может закончиться для нее не слишком хорошо. По совету племянницы утром она купила простое, но хорошо севшее на нее плотное коричневое платье, которое стоило недорого благодаря большим сезонным скидкам.

Менеджер ипотечного бюро — довольно молодая, веселая, милая девушка с рыжеватыми волосами, стройная, в очках с тонкой оправой, — приветствовала их так дружелюбно, что Мария наконец немного расслабилась.

— Вам нужен переводчик с испанского? Нам важно, чтобы вы уловили все детали.

— Спасибо. Я говорю по-английски, а если что-то не пойму, племянница мне объяснит.

— Отлично! Тогда начнем. О каком американском доме вы мечтаете? Я могу показать вам проспекты некоторых строящихся домов в районе Атлантик-сити, в двадцати километрах отсюда, это третий ряд береговой линии у океана. Они будут готовы для вселения уже через месяц.

Она показала красочный проспект небольшого, но вполне уютного строения с тремя спальнями и даже небольшим бассейном. Мария Лурдес смущенно опустила глаза:

— Ну что вы... О таком доме я даже и мечтать не могу. Я — простая уборщица.

— Не волнуйтесь. Мы можем предоставить вам гибкий график ипотечных платежей. Учитывая рост рыночной цены вашего дома, благодаря которому вы получите дополнительный кредит от нашего бюро, график платежей для вас будет вполне посильным. Каков ваш годовой доход?

— Ну, если честно, то я почти все получаю наличными. Думаю, в хороший месяц выходит тысячи полторы, в плохой — бывает, что и меньше тысячи.

Менеджер что-то быстро отщелкнула на калькуляторе.

— Так, получается тысяч пятнадцать в год? Немного, конечно. Но это не страшно. Вам повезло, сейчас очень правильное время для инвестиций в недвижимость. Цена этого дома — триста двадцать тысяч долларов. Совсем недорого для такого прелестного места! Если вы будете выплачивать двенадцать тысяч в год, то рассчитаетесь с банком за тридцать пять лет. Ну, это примерно, конечно. Вообще, мы стараемся, чтобы человек, исходя из своего уровня дохода, мог уложиться не больше чем в двадцать пять лет. Но делаются исключения. Вы знаете, что у вас очень располагающая к себе внешность? Я уверена, что я смогу одобрить ваш личный кредит на этот дом.

— Я должна буду платить тысячу долларов в месяц? Нет, это невозможно. А на что мне тогда жить? У меня ведь

нет ни медицинской страховки, ни детей, которые могли бы мне помочь, если что. Простите, кажется, я зря трачу ваше время. Извините нас еще раз.

— Не торопитесь. Я могу вам предложить план, по которому в первый год вы не платите вообще ничего. Во второй год — лишь девятьсот долларов в месяц. Основная нагрузка платежей наступит только через пятнадцать лет. К тому времени дом, скорее всего, вырастет в цене в несколько раз, и, если у вас не будет достаточно денег, вы сможете его продать с большой прибылью для себя.

Менеджер снова улыбнулась Марии той же веселой задорной улыбкой:

— Ну же, решайтесь. Другого такого шанса резко изменить свою жизнь к лучшему, о чем вы наверняка всегда мечтали, может больше и не представиться.

— Хорошо. Тем более и моя племянница меня вчера весь день уговаривала.

— Тогда давайте сразу же подписывать документы. Вы соответствуете всем нашим требованиям. Химена, то есть мадемуазель Родригес, а у вас уже есть собственное жилье? Мы можем предложить вам уютную, чистую квартирку в новом кондоминиуме, буквально в трех кварталах отсюда. Если вы работаете в центре, то это место — просто идеально. Рассрочка платежа на двадцать лет...

Через час Мария Лурдес и Химена вышли из здания ипотечного бюро с пухлыми папками документов в руках. Почти нежданно-негаданно они стали владелицами объектов недвижимости премиум-класса. Девушка буквально танцевала от счастья. Но пожилая Мария Лурдес, повидавшая так много на своем нелегком веку, была ошарашена и задумчива. По пути она лишь тихо произнесла:

— Ничто в жизни не возникает ниоткуда. Уж это я точно знаю. Все это меня очень тревожит.

*Нью-Йорк, главное здание банка «Голдман Сакс»,
Финансовый квартал, Вест-стрит,
30 декабря 2006 года*

Во все времена и во всех поколениях в Америке были особенные компании, которые можно назвать «работой мечты». Попасты туда в нужное время, стать их частью было немислимым счастьем даже для самых талантливых выпускников университетов. Когда-то, в пятидесятих, такими местами «работы мечты» были закрытые ведущие научные лаборатории, связанные с военным комплексом. Позже невероятно престижной и денежной стала работа юриста в крупной преуспевающей фирме или консультанта по стратегическому управлению. После финансового кризиса 2008 года компаниями, где молодежь больше всего мечтает работать, стали Google и Apple. Но в начале двухтысячных вне всякой конкуренции были нью-йоркские отделения пяти ведущих инвестиционных банков мира. Казалось, что внутри и вокруг них в прямом смысле крутились все деньги мира. Правда, зарплаты там хоть и были высокими, но не поражали воображение. Все дело было в бонусах — порой космических, сказочных, запредельных. В случае заключения хотя бы нескольких удачных сделок за год менеджер даже среднего звена мог получить все, о чем он мечтал. Высокопоставленные руководители же просто купались в деньгах.

Представительное, примерно шестидесятиэтажное здание главного офиса банка выходило окнами прямо на площадку, на которой когда-то стояли великие башни Всемирного торгового центра, а теперь находилась не очень привлекательная перекрытая и замусоренная строительная площадка для будущей Башни Свободы. Окна с другой стороны здания выходили на просторный Гудзонов залив. Несмотря на позднее время, новогодний «корпоратив»,

шумный, яркий, с участием нескольких тысяч сотрудников банка, «гулявших» сразу на нескольких обширных этажах, был в самом разгаре. Поводов для бурного веселья в этом году оказалось более чем достаточно: утром этого же дня сотрудникам вручили конверты с бумагами, где обозначались суммы их личных годовых бонусов. Цифры во многих случаях превзошли самые смелые ожидания. Но главное — что будущее для всех казалось манящим, ярким, жизнь просто обязана была стать даже еще лучше.

Председатель банка «Ллойд Бланкфейн», сменивший на этом посту Хэнка Полсона, ушедшего на повышение в офис министра финансов, заработал в текущем году бонус в размере 56 миллионов долларов, правда, до уплаты налогов. Сам Полсон, уходя, обналичил все опционы, накопленные им за тридцать лет успешной карьеры в банке, став богаче на несколько сот миллионов. Такие заработки, с одной стороны, могли показаться совершенно заоблачными. Но если сравнить их с многомиллиардной чистой прибылью банка за уходящий год, заработанной сотрудниками и руководством «Голдман», как всегда, почти «из воздуха», то эти цифры уже не казались абсурдными. За неполный год у руля Бланкфейн уже успел стать одной из самых заметных фигур на Уолл-стрит.

— Поздравляю всех с еще одним великолепным годом банка «Голдман Сакс»! Надеюсь, что все или, по крайней мере, большинство из вас довольны и нашими общими, и вашими личными результатами. Мы помогаем ведущим компаниям Америки и мира расти, привлекая для них капитал. Вместе с ними мы создаем стоимость их бизнеса, даем возможность лучшим талантам в разных сферах деятельности работать на общественное благо нашей нации.

За полночь многие сотрудники разъехались по домам, и лишь некоторые, как правило неженатые, все еще обща-

лись друг с другом, образовав небольшие теплые компании в разных частях офиса, выглядящего столь непривычно с новогодними украшениями и горами из коробок подарков возле каждого стола.

— Сколько у тебя было в конверте утром?

— Полтора. Охрнительно! Только очень жаль отдавать половину этих денег на налоги Дяде Сэму. Останется только семьсот пятьдесят тысяч. Тоже неплохо: отдам часть кредита за квартиру, куплю себе «Астон Мартин» за сто пятьдесят штук, но на все остальное наличности, кстати, не так уж и много.

— У меня две с половиной. Почти в два раза больше, чем в прошлом году.

— Везет. Но ты был на самом «золотом дне». Весь год занимался упаковкой ипотечных бумаг.

— Да, просто гениальная идея руководства, если разобратся. Берем лучшие кредиты, самых надежных заемщиков, с высшим рейтингом AAA. Затем добавляем кредиты второго уровня — 3B, тоже в целом нормальные, но уже похуже. А потом заливаем все сверху субстандартными займами. Так, для объема портфеля. Вообще-то субстандарт — это полное дерьмо, если называть вещи своими именами. Почти никакие из них не будут возвращены. Но в данном случае это неважно. Потом я звоню в крупную страховую компанию, дешево покупаю у них CDS (гарантии от дефолта) на весь долговой портфель. Кстати, помнишь Блайт Мастерс из JP Morgan? Ну, такая распальцованная, стервозная, дорого одетая. Не поверишь, но она сама когда-то давно эти CDS-ки и придумала. Затем обращаюсь со своим продуктом в рейтинговое агентство. Они все у нас давно прикормлены и, как правило, делают все, что нам от них нужно. Денек смотрят для проформы бумаги и цифры, проверяют гарантию и затем ставят рейтинг AAA на *весь* пакет долгов.

После чего мы его за отличные деньги продаем куда-нибудь в Лондон или Азию. И у нас их с руками отрывают!

— То есть вы смешиваете в пропорции один к трем дорогое вино, подкисшую брагу и сливную воду из унитаза и потом продаете все вместе кому-то, как будто все это — дорогое вино?

— Ну, или, иначе говоря, мы создаем стоимость для наших акционеров и удовлетворяем запросы трейдеров в наших компаниях-клиентах по всему миру, которые потом уже и сами проворачивают с этими пакетами долгов такие всевозможные фокусы, что просто закачаешься. Сейчас время такое. Надо делать миллионы из воздуха, или будешь глотать пыль, лежа в кювете. Кстати, на 42-й улице открыли суперский ночной клуб. Крутая публика, отличная музыка. Такие девочки-модели там сидят у барной стойки, просто закачаешься. За ночь просят три штуки, но можно под утро некоторых уломать и за одну. Трендовое место. Просто так туда хрен зайдешь. Но у меня там знакомый диджей, так что фейсконтроль пройдем. Поехали туда, развлечемся как следует, обмоем премии.

— Класс! Уже вызываю такси...

*Федеральный госпиталь города Джексонвилл,
штат Флорида,
сентябрь 2007 года*

— Тетя, пожалуйста, не говори так.

— Нет, дорогая, это правда. Мне некуда идти, не на что жить, негде ночевать, и меня завтра выкинут из этой больницы, потому что они оказали мне по закону бесплатную экстренную помощь, а на стационарное лечение нужна медицинская страховка.

— Умоляю, лежи только спокойно, мы что-нибудь придумаем.

Химена со слезами в глазах прижимала вялую руку Марии Лурдес к своей груди. Ее тетя, еще недавно такая сильная и мужественная, бессильно лежала на больничной койке с кислородной маской на лице. Мария больше года прожила в своем новом доме — в жизни он оказался вовсе не таким замечательным, как выглядел на том рекламном проспекте. Крыша уже на момент сдачи оказалась слегка ржавая и сразу начала протекать из-за сильных зимних дождей. Вида из окон не было вообще — только серые стены таких же домов вокруг, стоящих почти вплоты. За коммунальные услуги, хотя Мария по привычке абсолютно на всем сэкономила, приходили счета на триста долларов в месяц, что было для нее ощутимой суммой. Все свои очень скромные сбережения — пять тысяч долларов, отложенные на черный день, — она вложила в покупку самой дешевой мебели. Ей трудно было найти работу поблизости, и пришлось в кредит еще купить недорогую машину, которую она в силу возраста боялась водить, хотя и получила права. Но страшное случилось неделю назад. Ей позвонили из банка и напомнили, что со второго года она была обязана платить ипотечные проценты. Ей нужно уплатить одновременно со всеми надбавками около пятнадцати тысяч долларов. Для нее это была немыслимая сумма. Она приехала в офис в банк, где слезно просила отодвинуть первый платеж еще хотя бы на полгода, но получила резкий отказ. Тогда ей пришлось в голову проверить расчет суммы. Оказалось, что проценты начислялись на стоимость дома на момент покупки. Но ведь с тех пор, с весны 2007-го, стоимость недвижимости во Флориде полетела вниз, словно снежный ком! Теперь точно такой же дом стоил бы минимум в полтора раза дешевле! Она предложила пересчитать сумму взноса от нынешней, упавшей цены дома, но ей снова резко отказали. Даже пришел солидный юрист и ткнул пальцем в какое-то место в договоре. После

двух бессонных ночей Мария Лурдес позвонила в банк и сообщила, что она отказывается от дома. Следующим утром ее разбудил звонок судебных приставов. Чтобы упаковать все необходимые вещи, ей дали всего полчаса, не оказав никакой помощи. Вечером того же дня с Лурдес прямо на работе произошел сердечный приступ.

Выхода и вообще какой-либо надежды на то, что в ее жизни теперь хоть что-то снова образуется, уже практически не было. Через пару дней ее увезли в грязную дешевую ночлежку для нищих пожилых людей на юге Флориды. Химена, тоже отказавшаяся от своего дорогого кондоминиума, сменив его на скромную квартирку в бедном, отдаленном пригороде Джексонвилла, могла навещать тетю лишь изредка.

*Кризисный 2008 год, Нью-Йорк,
Вашингтон*

Ползучий финансовый кризис в США длился уже почти год. После более чем двукратного роста за предыдущие три года цены на недвижимость рухнули вниз, причем со скоростью, казавшейся удивительной. Всего за два-три месяца индекс стоимости жилья упал в полтора раза по сравнению с недавним пиком. А затем произошло нечто еще худшее. Домовладельцы отказывались продавать свои дома по внезапно снизившимся ценам, полагая, что вскоре они вырастут обратно. У покупателей домов не было ни достаточно денег, ни желания платить за дома больше, чем они фактически стоили на рынке. Объем сделок купли-продажи недвижимости сократился в несколько раз. Рынок жилья США впал в настоящую кому, потеряв всякую ликвидность — *большие деньги* разом ушли из него. И именно это стало причиной перерастания американского ипотечного кризиса во всемирный финансовый. Но почему произошел столь внезапный отток триллионов?

Самое распространенное объяснение, которое можно найти в любом исследовании, заключается в том, что цены на дома взлетели слишком высоко, и у американских потребителей больше не было денег столь дорого покупать их, то есть произошла естественная рыночная коррекция. Это объяснение в корне неверно уже потому, что у американских потребителей точно так же *и не было денег* на покупку недвижимости, когда они ее скупали невиданными темпами. Система раздавала им огромные, почти бесплатные кредиты практически без всяких ограничений. В 2007-м владельцы ФРС решили, что они сняли уже сливки с раздувшихся пузырей недвижимости и акций и теперь самое время для еще более сказочно доходной игры на понижение их стоимости. Учетная ставка ФРС за год поднялась *в шесть раз*, чего никогда не было за всю столетнюю историю Системы: с одного до шести процентов. Аттракцион невиданной щедрости раздачи бесплатных денег закончился, хотя мало кто в эйфории того времени вовремя обратил на это внимание. Второй величайший рукотворный «кризис века» после Великой депрессии начался.

Первой крупной жертвой кризиса в марте 2008-го стал мощный инвестиционный банк Bear Sterns, особенно усердствовавший в операциях по купле-продаже ипотечных облигаций, разорившись на этом. Его тут же поглотил гигант JP Morgan, получивший на эту сделку кредит по специальной, почти нулевой ставке от Системы, — в обход всех правил. Таким образом, первый удар кризиса Уолл-стрит отразился довольно легко. Летом 2008-го рухнул банк Washington Mutual, и это уже была очень мутная история. Название банка соотносилось не со столицей США, а со штатом Вашингтон, находившимся на противоположном конце страны, со столицей в Сياتле. Это был очень уважаемый, коммерческий, неинвестиционный банк со столетней историей,

в нем хранили депозиты миллионы людей, живущих по всему Западному побережью, что делало его одним из самых лакомых кусков в банковском мире Америки. В какой-то момент у него возникли трудности с ликвидностью, и в ту же неделю его долги скупил все тот же JP Morgan, вскоре поглотивший его, не спросив ничего разрешения, что было списано на «особые обстоятельства» кризиса.

В августе 2008-го акции двух главных ипотечных компаний Америки, «Фредди Мэк» и «Фанни Мэй», на балансах которых осела основная часть «мусорных», субстандартных ипотечных облигаций, названных банкирами «токсичными активами», упали в цене на 80%. Парадоксально, но главными пострадавшими от этого падения стали Китай и Россия, незадолго до этого вложившие в акции этих компаний немалую часть своих золотовалютных резервов. Министр финансов Китая в личном разговоре с Хэнком Полсоном на ужине в Пекине в честь открытия Олимпиады прямо сказал тому, что если правительство США не спасет «Фредди» и «Фанни», то Китай начнет большую целенаправленную игру на понижение всего американского фондового рынка. Однако угроза была излишней. На балансе этих двух компаний висели ипотечные кредиты американцев на сумму 4 триллиона долларов. Если бы они обанкротились, то больше десяти миллионов семей по всей Америке уже в сентябре пришлось бы силой выселять из их домов. Даже представить такое было невозможно. Дефицит средств этих компаний составлял 130 миллиардов. В первую неделю сентября правительство национализировало их, не дожидаясь одобрения конгресса и пойдя против закона, правда, не навсегда, а временно, на три года, для чего быстро придумали особый юридический термин — «опекунство» государства. Впрочем, никто и не возражал.

Банкротство гигантского инвестиционного банка Lehman Brothers с долгами на сумму свыше 600 миллиардов долларов 15 сентября даже на таком штормовом фоне стало оглушительным громом для всего мирового сообщества. Страх, растерянность, потеря доверия — самые мягкие слова, описывающие происходившее. Нужно или не нужно было правительству любой ценой спасти «Леман»? Почему всех гигантов в итоге спасли или, на худой конец, поглотили, а их выбросили на свалку? Это остается главной темой жарких дискуссий о кризисе 2008-го до сих пор. Аналитики приводят десятки доводов «за» и «против» спасения, но истинная причина происшедшего лежит на самой поверхности. Организаторам этого кризиса, в том числе и для того, чтобы в суматохе под шумок проглотить самые лакомые куски в мире финансов США, Lehman Brothers как актив был *неинтересен*. Его страдавшее паранойей и манией величия руководство наделало столько ошибок в предыдущие годы, так неправильно вело бизнес, бездумно вваливая сотни миллиардов в активы самого низкого качества, что такая «помойка» никому не была нужна. Полсон и Бернанке могли позвонить Бушу, чтобы попросить его национализировать «Леман», но и не подумали сделать это.

Но самое пугающее — эпицентр шторма — было еще впереди. Компания AIG, главный страховщик Америки и всего мира, от абсолютной глупости и жадности выписавшая CDS, страховок от дефолта, на 10 триллионов долларов, громко на весь мир трещала по швам. Ее банкротство автоматически делало неплатежеспособными более сорока из пятидесяти крупнейших банков мира. Иными словами — практически всех, не принадлежащих прямо или косвенно владельцам ФРС. «Даже не вздумайте банкротить AIG. Иначе завтра утром ляжет вся Европа. А вечером — вы. Все связаны со всеми», — железным тоном проговорила Пол-

сону в трубку обаятельная и стильная Кристин Лагард, министр финансов Франции, от имени всех банкиров Старого Света. Впрочем, тот и сам это понимал. Стала классической фраза Хэнка Полсона на слушаниях конгресса по поводу помощи банкам. Когда конгрессмены начали возражать, то всегда сохранявший ледяное, змеиное спокойствие министр финансов внезапно для всех перешел на громкий, почти истерический крик:

— Думаете, что вы умнее всех? Самолет, на котором многие из вас прилетели сюда из Нью-Йорка, взят в аренду у AIG! Медицинские страховки всей страны — AIG! Пенсионные фонды — AIG! Посмотрите в окно — видите вон те гребаные небоскребы? Они тоже застрахованы в AIG!

Выйдя из зала после тех дебатов в конгрессе, «железный человек Уолл-стрит» Полсон направился в уборную, где его при свидетелях вывернуло наизнанку. Несколько бессонных ночей и нервное напряжение могли подкосить в те дни кого угодно.

Джордж Буш из объяснений Бернанке и Полсона по поводу причин кризиса не узнал ничего нового. Недостаток регулирования... Субстандартная ипотека... Чрезмерная закредитованность банков... Из этих словосочетаний уже можно было писать буддистскую мантру. Пресса в Розовом зале, жаждущая его выступления почти три часа, стала проявлять явные признаки нетерпения. Надо было делать заявление Белого дома перед камерами, которые вели трансляцию на весь мир.

В игре эрудитов, когда игрок, использовав все подсказки, все еще не уверен в ответе, существует опция «звонок другу». В этот момент на свете был всего один человек, совет которого еще мог для президента что-то изменить. Алан Гринспен, почти двадцать лет возглавлявший ФРС, признанный самым влиятельным главой в ее истории, уже давно

отошел от дел и лишь иногда делал публичные заявления. Буш дал указание своим помощникам немедленно «найти Гринспена хоть из-под земли». Через минуту их соединили.

— Алан, как же могло все это случиться? Ведь ты стоял у истоков этого?

— Я просто хотел разогреть экономику, застывшую от страха после терактов 2001-го. Все было под полным контролем ФРС, когда я уходил. Но я не мог и представить себе того, что эти идиоты из инвестиционных банков заиграются настолько, что быстрые легкие деньги замутят их разум, и они все вместе, наперегонки, будут так азартно пилить сук, на котором сидят. Я полагал, что хотя бы у опытейших директоров этих банков есть здравый смысл. Я ошибался.

— Чертовы придурки. И что делать теперь? Разве можно спасать частные банки за счет госбюджета?

Сделав паузу и пару мгновений пошамкав губами, 82-летний финансовый гуру произнес:

— Джордж, ну, разумеется, нельзя. Но раз в сто лет — можно. И сейчас как раз тот случай.

*Белый дом, Вашингтон,
19 сентября 2008 года,
18.00 (продолжение)*

Президент Буш в сопровождении трех экономических советников твердым шагом вышел к микрофону. Возможно, во время двух сроков своего правления он и наделал множество серьезных ошибок, но в критические моменты он выглядел как настоящий лидер.

— В последние недели вся Америка ощущает острое беспокойство по поводу финансов страны и собственного будущего. Мы находимся в эпицентре кризиса. Банки остановили кредитование граждан, а также других финансовых

институтов, опасаясь, что их ссуды ничем не защищены. Я дал поручение моему правительству подготовить детальный план помощи банковскому сектору страны. Весь мой жизненный опыт и интуиция возражают против этого. Но в противном случае в ближайшие дни мы увидим еще больше банковских банкротств. Если вам принадлежит бизнес или ферма или вы планируете отдать вашего ребенка в колледж, вам станет слишком сложно получить на это кредит. Если вы пенсионер, то объем ваших накоплений на старость уменьшится в разы. Если вы наемный служащий, вы можете потерять вашу работу. Я, как президент США, не имею права допустить все это. Предлагаемый пакет финансовой помощи банкам и другим важнейшим кредитным структурам составляет 700 миллиардов долларов. Наши эксперты уверены, что этого будет достаточно, чтобы остановить кризис. Все вместе мы преодолеем его и снова покажем миру, как Америка умеет справляться с любыми своими проблемами. Да хранит вас Бог.

Даже столь убедительная и проникновенная речь сама по себе не остановила продолжающееся падение на рынке всего и вся. AIG была спасена кредитом в размере 180 миллиардов долларов напрямую от федерального правительства США. Но уже на следующей неделе закончились деньги у третьего по величине инвестиционного банка Америки — Merrill Lynch. Его срочно купил Bank of America, как и JP Morgan, еще один гигант, близкий к ФРС и (возможно, поэтому) оставшийся даже в разгар кризиса в приличном финансовом состоянии. В следующие два года, когда рынок снова пошел вверх, активы бывшего Merrill Lynch принесли Банку Америки большие прибыли.

Еще через неделю, в последних числах «черного» сентября 2008-го, волна кризиса поднялась настолько, что без пяти минут под водой оказались уже и два главных инве-

стиционных банка Уолл-стрит: Morgan Stanley и Goldman Sachs. Однако всем было ясно, что им умереть точно не дадут. Они оба получили экстренные краткосрочные кредиты от JP Morgan и легендарного инвестора Уоррена Баффета. Последнее обнадеживало особенно. За полвека своей работы на Уолл-стрит Баффет не потерял деньги по-крупному ни разу. Значит, свет в конце тоннеля уже все-таки начал маячить.

Слушания в конгрессе по поводу плана выкупа банковских активов на семьсот миллиардов шли крайне тяжело. Республиканцы обвиняли президента в противоречии принципам свободного рынка. Фракция демократов с подачи Хиллари Клинтон яростно возмущалась ограблением честных простых американских налогоплательщиков. При первом голосовании проект закона был отклонен. Но упорный Джордж Буш на следующий день пригласил к себе в Белый дом на откровенный разговор двух кандидатов на президентское кресло — престарелого Джона Маккейна и молодого Барака Обаму. В отличие от Хиллари, Обама неожиданно полностью и горячо поддержал план Буша по выкупу проблемных банковских активов, сказав, что «это надо было делать еще вчера». Маккейн долго ворчал и возражал по отдельным положениям плана, но в итоге дал гарантии, что не будет выкручивать руки своим коллегам по партии в отношении данного вопроса. Еще через день, с незначительными поправками, по итогам второго голосования конгресс утвердил закон.

12 октября за столом в Министерстве финансов США по одну сторону сидели Хэнк Полсон и Тимоти Гайтнер, ставший министром финансов спустя несколько месяцев. По другую сторону сидели десять председателей крупнейших банков Америки. Полсон написал на листке бумаги суммы, которые казначейство собиралось переве-

сти каждому из банков уже завтра: от 5 до 30 миллиардов долларов, в зависимости от величины банка и глубины его проблем. Для банкиров это было полной неожиданностью. Они были уверены, что их вновь собрали, чтобы просить выкупить какой-нибудь очередной лопнувший банк. Камнем преткновения был вопрос бонусов руководству банков. По закону банки, получавшие из бюджета финансовую помощь, не имели права платить щедрые годовые премии сотрудникам, что было справедливо. Двое из банкиров тут же едва не ушли со встречи, но их остановила ремарка Полсона, что в случае отказа от помощи их ждет судьба Lehman. В конце концов все банкиры подписали бумаги, некоторые — с видимым удовольствием.

Разумеется, и на этом кризис не закончился. Фондовый рынок еще полгода оставался на самых низких значениях, крупные компании банкротились, люди массово теряли работу, полностью «встал» рынок недвижимости Америки, не считая нескольких крупных городов. Люди начали снова относительно активно брать кредиты на покупку жилья лишь спустя долгие четыре года.

Положение дел во всех сферах экономики оказалось даже плачевнее, чем все могли ожидать. Как метко сказал один из руководителей ФРС, «я встал на цыпочки, заглянул через край стены вниз и увидел там бездонную пропасть». Прописанных в законе семисот миллиардов хватило лишь на первое время. Общий объем почти бесплатных вливаний в банки и компании из бюджета США — и особенно из бездонной бочки Федеральной резервной системы — к концу весны 2009-го, когда экономика США и других стран мира стала показывать признаки выздоровления, составили за это время не менее *трех триллионов* долларов. Часть таких данных была попросту засекречена.

*Последствия мирового кризиса
2008 года*

Даже спустя несколько лет после окончания кризиса его последствия продолжали явственно ощущаться буквально во всех процессах, происходящих в экономике, обществе и мире вообще.

В наилучшем положении, разумеется, в новом цикле роста оказались те самые спасенные на «народные» деньги крупнейшие банки Уолл-стрит. Вернув правительству кредиты, они тут же бросились надувать новые «пузыри», кладя в карман баснословные прибыли. В 2011 году общий объем премий сотрудникам банков Уолл-стрит составил почти 200 миллиардов долларов — намного больше, чем было даже до кризиса. Фондовый рынок стал месяц за месяцем бить новые рекорды. С запозданием, но зато опять очень быстро начал новый взлет индекс цен на недвижимость.

Однако средний класс в Америке и Европе оживления экономики не почувствовал. Наоборот, его положение стало хуже. Корпорации, имеющие много средств, стали активно вкладывать их в автоматизацию труда, чтобы выйти «на новый технологический уровень», означавший прежде всего снижение потребности в «живых» сотрудниках, и затем с гордостью сокращали их. Компании, у которых было мало денег, тоже сокращали персонал, но уже только ради того, чтобы хоть как-то выжить. Особенно заметно это стало в Европе, где такая развитая страна, как Испания, имела немыслимые даже в кризис 30% реальной безработицы. В Греции без работы фактически осталась половина населения. США пошли по другому пути: резко сокращать численность сотрудников мешали законы и профсоюзы, но зато никто не запрещал снижать зарплаты или как минимум по десять лет не повышать их, несмотря на выросшую инфляцию. В конце девяностых высококвалифицированный бух-

галтер в Америке зарабатывал сорок тысяч долларов в год, которых вполне хватало тогда на выплату кредитов за приличный дом и два автомобиля для семьи. Спустя двадцать лет тот же бухгалтер стал получать от силы тридцать тысяч в год, которых с учетом инфляции уже почти ни на что не хватало, и при этом делал в два раза больше работы, каждый день боясь быть уволенным. «Люди до сих пор ведут себя так, как будто тяжелые времена теперь уже никогда не закончатся», — заметил председатель одного из европейских Центробанков через семь лет после «окончания» Великой рецессии, как ее по прошествии времени стали называть.

До кризиса 2008 года доминантой корпоративной философии большинства крупных компаний была всемерная забота о личном и профессиональном росте сотрудников, от качества и мотивации работы которых, как считалось, напрямую зависели успех и престиж этих компаний. Люди в основном меняли место работы, только если им предлагали серьезное повышение в должности или зарплате. Увольнения случались, но были исключением: как правило, если речь шла о мошенничестве или тотальном непрофессионализме сотрудника, доказанном и проявившемся неоднократно. О таких увольнениях потом еще месяцами тихо судачили в кофейных офисных закутках. После кризиса от сотрудника даже в самых уважаемых и крупных компаниях стало требоваться лишь одно: немедленный превосходный результат. Если его не было даже по не зависящей от работника причине, человека обычно сразу выгоняли. Многим теперь казалось даже странным, почему так повсеместно не делали раньше, ведь «коммерческая фирма — это не богадельня». Долгие многолетние карьеры в одном месте раньше были нормой, теперь же стали редким счастливым исключением.

Доходы самых богатых американцев (сотрудников ведущих банков, руководителей компаний, инвесторов —

держателей постоянно растущих пакетов акций) за последние тридцать лет в реальном выражении с учетом инфляции выросли в четыре раза. Реальные доходы средних и бедных американцев за те же тридцать лет практически не изменились.

Постоянный, ежегодно растущий разрыв в благосостоянии бедных и богатых стал одной из главных движущих причин внезапной волны «цветных революций» во многих арабских странах в 2011 году, радикально изменивших расстановку сил и акценты во всей мировой политике.

Однако тревожный предупредительный звонок из доведенных до отчаяния бедных стран так и не был услышан в богатых. В следующие несколько лет тенденция имущественного расслоения общества в Америке и Европе не приостановилась, а, напротив, даже усилилась.

Кто мы? Куда мы идем? Что такое человечность? Эти вечные библейские вопросы в прогрессивном высокотехнологическом обществе XXI-го века стали актуальны, пожалуй, как никогда раньше.

Глава 22

Рука, которая ведёт (Великий Инквизитор)

*Сан-Франциско, Нью-Йорк,
наши дни*

В шесть утра уже совершенно не хотелось спать. Зимний холодный, неспешный рассвет еще даже не успел забрезжить за окном, но уже было слышно все более оживленное движение первых автомобилей, шуршавших шинами по мостовой и изредка издававших приглушенные сигналы.

Джек лежал, рассматривая что-то на высоком лепном потолке их просторного, почти роскошного гостиничного номера. Волнений и переживаний не было. Лучше — ужасный конец всем мечтам, чем ежеминутная, крайне тревожная неопределенность. В какой-то момент времени, после неминуемой физической смерти, раньше или позже каждый человек предстанет перед судом Всевышнего. И все, к чему он стремился, над чем годами работал, о чем мечтал, из-за чего страдал, в это самое мгновение станет мелким и незначительным. Конечно, Джек надеялся на то, что сегодняшняя встреча с чем-то совершенно неизвестным не станет для него фатальной в прямом смысле. Но все, что он сейчас мог сделать полезного, — это собрать в кулак свою волю, оста-

ваясь сильным психологически, что бы ни произошло. Вся человеческая жизнь состоит из сплошных развилок. Каждый раз знать ответ из последней страницы учебника и поворачивать в правильную сторону не дано никому. Но надо изо всех сил стараться хотя бы не ошибиться в тот момент, когда ты стоишь перед главным выбором в своей жизни. Хотя как знать, какой из осознанных человеческих выборов на самом деле главный? Выбор партнера на всю жизнь? Но ведь если бы твоя любимая жила даже не за тридевять земель, а, скажем, в другом районе того же города или поступила бы в тот же университет, но на пару лет раньше или позже тебя, то, скорее всего, вы бы с ней просто никогда не встретились. Что же тогда движет всем этим огромным колесом миллиардов человеческих судеб? Случайность? Как не пропустить свой единственный, лучший шанс в жизни, если он однажды спокойно может пройти мимо, буквально в метре от тебя? Как в юности, когда ты еще ничего не знаешь ни о мире, ни тем более о себе самом, выбрать правильный колледж, университет, сферу деятельности на всю оставшуюся долгую жизнь? Как заранее знать, кто из твоих друзей предаст тебя при первом же удобном случае, а кто будет стоять за тебя до конца? А если мы все — беспомощные игрушки в руках слепой судьбы, зачем тогда нужны алгоритмы, сверхсложные компьютерные программы? Чем они могут помочь людям для разрешения их главных, изначальных проблем? А если не могут, то тогда в чем смысл конкретно его, Джека, жизни? Ведь не может же быть, что смысл только в том, чтобы просто заработать деньги на своем интеллекте и затем в свое удовольствие тратить их на разные бессмысленные и, по большому счету, совершенно не нужные ему вещи.

— Котенок, я сейчас позвоню на рецепцию, чтобы нам принесли завтрак. Я бы с радостью приготовила его сама, но здесь нет ни продуктов, ни нормальной плиты.

Протирая глаза, потягиваясь и еще не вполне проснувшись, Дайана на мгновение положила голову ему на плечо. Такие минуты всегда напоминали ему строчки из нежной битловской *Here, there and everywhere*, одной из любимых мелодий его детства.

В окно через шторы начали пробиваться первые робкие лучи нового дня, который должен был предопределить все будущие события. Но «шестое чувство», уникальная способность нашего героя предсказывать события, в это утро упорно молчало. Единственная мелочь, казавшаяся ему очевидной, — это то, что ни о вызове такси, ни даже о билете на самолет заранее не стоило беспокоиться.

Вежливый звонок консьержа заранее оповестил их о том, что кто-то внизу уже ожидал его. Неожиданно рано. Он надеялся, что у них в запасе будет хотя бы еще час наедине друг с другом.

Джек впервые в жизни надел костюм-тройку на двух пуговицах, из чистой шерсти, доставленный ему вчера из одного из лучших ателье Калифорнии. Заказ на пошив стоил около восьми тысяч долларов, и это был еще самый бюджетный вариант. Учась в колледже, Джек обычно не тратил такую сумму на одежду и за целый год. Он взглянул на себя в зеркало и увидел в нем стройного, молодого, но при этом очень солидного и стильного мужчину. Это было приятно.

— Какой ты у меня красивый! Не забудь пальто, в Нью-Йорке уже холодно, ночью были заморозки.

Она поправила мягкий светло-серый, в тон костюму, галстук от *Brioni* у него на шее и затем крепко обняла.

— Возвращайся скорее. Я буду ждать тебя. Буду ждать сколько угодно, что бы ни случилось.

На первом этаже гостиницы никого не было, поэтому Джек вышел на улицу и сразу увидел припаркованный перед самым входом роскошный черный представительский

«Мерседес» с затемненными стеклами. Из него вышел водитель, похожий на вышколенного, убеленного благородной сединой дворецкого английского лорда, и, не проронив ни слова, почтительно открыл перед пассажиром правую заднюю дверь. Как звучит голос этого человека, Джек так до конца поездки и не узнал. Как только он сел, мягко погрузившись в приятно пахнущее свежей выделанной кожей сиденье, на его номер пришло сообщение: «Спасибо за пунктуальность. Вылет — через час с четвертью. Вас довезут до нужного аэропорта».

Лимузин тронулся так мягко, что его движение поначалу можно было ощутить только по меняющейся картинке в окне. Международный аэропорт Сан-Франциско находился в направлении прямо на юг от центра города, однако водитель неожиданно повернул в другую сторону. Они проехали через весь многокилометровый мост Бей-бридж, оказавшись в Окленде, затем миновали и его, выйдя на шоссе в сторону Сакраменто. Еще через полчаса они свернули с него, почти сразу увидев перед собой большой шлагбаум и ряды массивных заграждений с надписью Travis Air Force Bay. Это была крупнейшая военная база севера Калифорнии, включавшая также и стратегический военный аэропорт. Водитель предъявил пропуск, они миновали два контрольных пункта и еще через некоторое время остановились прямо у летного поля. Водитель молча вышел, открыл пассажирскую дверь и сделал знак рукой в сторону небольшого здания.

Джек молча кивнул, вышел из машины и зашел внутрь, увидев там лишь обычный для аэропортов автомат, выдававший за монетки горячий кофе и прохладительные напитки. Вскоре туда же зашел летчик в форме ВВС США и приветливо протянул ему руку:

— Добро пожаловать. Все уже готово к вылету. Вы не страдаете от воздушной болезни? Мы будем все время ле-

теть на обычной, дозвуковой скорости, так что серьезных проблем не должно возникнуть. Но взлет — довольно резкий, поэтому советую на всякий случай приклеить себе под ухо вот этот небольшой пластырь, он спасает от укачивания.

Джек лишь покачал головой.

Выйдя из небольшого здания «аэровокзала» с другой стороны, Джек чуть не лишился дара речи от удивления. Наяву такого просто не могло быть. Он ожидал увидеть в лучшем случае небольшой легкий пассажирский частный джет, типа Falcon для VIP-пассажиров, правда, неизвестно кем и за чем оплаченный. Однако вместо этого на летном поле, на некотором отдалении, стоял самолет, который Джек даже и не мечтал когда-либо просто увидеть в своей жизни. Бомбардировщик-невидимка «В-2» дальнего радиуса действия — компактный, почти плоский, похожий на фантастический летающий призрак. С момента создания самолетов этой серии около двадцати лет назад они стали величайшим технологическим достижением и главной легендой мировой военной авиации. Летчик, разумеется, заметил его изумление.

— Мы называем эту малышку «полет за миллион долларов». Именно столько стоит бюджету США один ее перелет с базы на одном побережье на другое. Но время от времени такие полеты совершаются, ведь самолеты не могут просто пылиться в ангарах, когда Америка не ведет военных действий. Хорошо, что конгрессмены о таких цифрах даже не догадываются, а то их, наверное, хватил бы удар. Пожалуйста, садитесь в кабину. Я вижу, что размер головы у вас обычный, второй шлем вам как раз придется впору. Я должен также дать вам короткую инструкцию о поведении в полете, а также в случае чрезвычайной ситуации.

Если устроители его сегодняшней встречи хотели произвести на Джека сильное впечатление своими воз-

возможностями, то это им удалось сделать самым поразительным из всех способов, которые себе только можно было вообразить. Впрочем — нет, такого и представить себе, находясь в здравом уме, было нельзя. Не случайно, еще проснувшись утром, Джек дал себе зарок сегодня ничему не удивляться. Полет «В-2» оказался плавным, как и обещал пилот, на дозвуковой скорости, а главным отличием от обычного авиарейса были поразительные виды благодаря приподнятой кабине с круговым обзором, а также очень ясной, почти безоблачной погоде, нехарактерной для этого времени года. Когда они приземлились в военном аэропорту в районе Лонг-Айленда, недалеко от Нью-Йорка, спустя четыре с половиной часа, с учетом трехчасовой разницы во времени в главном городе мира уже сгущались первые сумерки. Джек вылез из кабины, ожидая увидеть перед собой очередной лимузин. Но его ждала полицейская машина с мигалкой. Это было разумно, так как вечером, несмотря на все усилия городских властей по улучшению дорожной ситуации, в часы пик на протяжении уже, наверное, десятилетий Нью-Йорк практически каждый день почти безнадежно стоял в пробках. На карточке, которая загадочно появилась словно ниоткуда на полу его номера, значился адрес на пересечении 23-й улицы и Шестой авеню, в самом сердце Манхэттена, примерно посередине между финансовым кварталом и Таймс-сквер, напротив известного небоскреба-«утюга». Выбор места встречи был совершенно не удивительным, скорее, наоборот — банальным до невозможности. По этому адресу находился прекрасный старинный небоскреб — одна из достопримечательностей города, хотя, пожалуй, не из числа самых известных. В него по каким-то дням пускали туристические группы, правда, небольшие и только по предварительной записи. В основном это

здание использовалось как место для конференций и деловых встреч, проходивших в обстановке полной секретности, строго за закрытыми дверями, и об их участниках общественности ничего не было известно.

На фасаде этого здания, построенного около ста лет назад, позолоченными буквами было выведено: Masonic Hall. Здесь совершенно открыто располагалась Великая ложа масонов Нью-Йорка, самая влиятельная из всех Великих лож мира с тех пор, как она превзошла по своему значению Великие ложи Лондона и Рима, доминировавшие до середины XX-го века.

Полицейская машина, аккуратно пробравшись через нескончаемые пробки, остановилась у входа в «Холл» в 19.25 — на пять минут раньше, чем время, указанное на карточке. Точность организации логистики впечатляла. Над Манхэттеном уже давно опустилась темнота, Шестая авеню была под завязку наполнена автомобилями — в основном желтыми такси, водители которых то и дело громко и нервно сигналили друг другу. Полицейский, сопровождавший Джека, подошел к коммутатору на двери здания, нажал на кнопку и что-то проговорил. Тяжелая старинная дверь на мгновение открылась, и Джек зашел внутрь, после чего дверь тут же, с громким скрипом, захлопнулась. «Почти как в мышеловке». Звуки бурлящего вечернего Манхэттена сразу же куда-то исчезли. Джек поднялся на два коротких пролета по широким ступеням и приоткрыл еще одну массивную входную дверь. За столом сидел очень пожилой, почти древний афроамериканец, кажется, работавший вахтером здесь почти со времени постройки здания.

— Добрый вечер.

Старик в ответ приветливо махнул ему рукой, предложил снять верхнюю одежду и затем невнятно пробормотал что-то, как будто говорил это сам себе:

— Да уж, точно. Замечательный вечер. Так мало людей сегодня. Как во времена, когда каменщики еще только купили этот остров у голландцев. Да, все проходит, молодой человек, все проходит. Вам нужен лифт, поднимайтесь на нем, пожалуйста, на тринадцатый этаж.

Масонство в Америке и в самом деле имело старинные, глубокие корни. Масоны играли важную роль в ее жизни уже тогда, когда первые крупные поселения европейцев только начали возникать на Восточном побережье. Банкиры, выдававшие тогда поселенцам ссуды в рост, на строительство домов, ферм, закупку огнестрельного оружия, а также для расширения территорий, занятых европейцами, на запад, были членами европейских масонских лож. Джордж Вашингтон, под командованием которого войска США добились независимости молодой страны в жестокой схватке с британцами, был видным масоном: став первым президентом, он через некоторое время возглавил и Великую ложу Нью-Йорка. Всего открытыми масонами значились шестнадцать президентов США, включая Франклина Рузвельта, Гарри Трумена и Линдона Джонсона — персонажей самой новейшей истории. Все последующие президенты также поддерживали активные контакты с руководством «тайных обществ». Главным памятником масонства в Америке считается башня национального масонского мемориала в Вашингтоне высотой около ста метров, построенная на средства всех масонских обществ Америки, по своей архитектуре повторяющая облик древнего маяка в Александрии, одного из семи чудес света. Интерьер верхнего этажа этой башни, почти всегда закрытого, куда пускают лишь избранных, является уменьшенной копией убранства первого иерусалимского храма, построенного царем Соломоном. С вершины башни хорошо видна очень длинная и прямая как стрела аллея, которая, не прерываясь, ведет от нее к «египетской

башне» в центре столицы, а затем — напрямиком к самому Белому дому. О некоторых из главных масонских символов, изображенных на однодолларовой купюре, таких, как пирамида, всевидящее око и еще с десятков других знают, наверное, даже дети. Было ли масонское движение спрутом, обвившим своими щупальцами самую могущественную страну мира практически с момента ее рождения и до наших дней, как это горячо отстаивают многочисленные сторонники теорий всевозможных всемирных заговоров, или все это лишь набор давно потерявших свое значение символических ритуалов? Доподлинно не знает никто. По крайней мере, из тех, кто не входит в число высокопоставленных членов этого общества.

Двери лифта открылись на тринадцатом этаже. Что ожидало его там? Чудовище из кругов ада Данте с окровавленной пастью? Средневековые инквизиторы в белых рясах и колпаках с прорезями для глаз? Или наемный убийца со снайперским прицелом? Последнюю мысль Джек отменил как самую маловероятную. При этом сценарии его незачем было с такой помпой привозить с Западного побережья. Его взору открылся узкий, очень уютный, сильно вытянутый прямоугольный зал, похожий на библиотеку старинного университета. Почти все его тесное пространство занимал длинный стол с современной, прозрачной поверхностью, вдоль которого расставлены деревянные стулья. Вдоль стен тянулись книжные шкафы с полками, плотно заставленными увесистыми фолиантами, судя по виду их корешков, в основном старинными коллекционными изданиями. На столе стояло несколько зажженных позолоченных подсвечников; потолок в форме изящной высокой арки украшали репродукции картин итальянских мастеров эпохи Возрождения. В конце зала между креслом председателя и небольшим окном, наполовину закрытым темной занавеской, стояла

позолоченная, мгновенно узнаваемая скульптура отца-основателя США Джорджа Вашингтона — в его неизменном парике, с объемистой книгой в одной руке и земным шаром в другой.

Помимо свечей зал также освещало несколько ламп на арочном потолке, но в целом свет казался довольно тусклым. В зале никого не было. Джек прошел вдоль всего длинного стола к окну, чтобы лучше рассмотреть фигуру первого президента. Кроме того, кто бы ни наблюдал за ним, он должен вести себя так, словно не происходит ничего особенного. Его просто пригласили на встречу, и он любезно откликнулся на приглашение. Ничего страшного пока не происходило. Пауза затягивалась. Джек вынул свой смартфон, но никаких сетей в этом здании обнаружить не удалось: очевидно, их здесь глушили, чтобы никому и ничему не мешать. Чтобы скоротать время, он открыл одну из полок, взяв в руки раритетное, конца XVIII-го века, издание американской Конституции в тяжелом кожаном переплете с золотым тиснением.

Как раз в это мгновение раздался немного насмешливый, но интеллигентный, доброжелательный и даже чем-то знакомый голос. Человек тихо зашел через малоприметную боковую дверь, соединявшую «библиотеку» с другим помещением на этом этаже.

— Друг мой, добрый вечер! Рад вас видеть. Поздравляю вас с получением диплома! Я хорошо помню вас — вы были одним из самых одаренных студентов вашего факультета, по крайней мере, если судить по работе на моих лекциях. Задавали острые, неожиданные, но, как правило, интересные вопросы. Умели мыслить независимо — то, что я больше всего ценю в людях. Кстати, вы превосходно выглядите сегодня! Этот костюм-тройка вам очень идет. Настоящий денди. Извините, что заставил вас ждать. Я отдавал указания повару

относительно нашего с вами ужина. У вас, наверно, желудок уже сходит с ума, ведь за весь день вы так толком ни разу и не поели.

Джек, как ни старался во время монолога, никак не мог вспомнить фамилию этого профессора. У него была почти абсолютная фотографическая память на лица, а вот имена то и дело выскакивали из головы. Этот преподаватель читал им на третьем курсе предмет «Управление изменениями», бывший частью более обширной программы, посвященной менеджменту технологических проектов. Подвижный, заводной, быстро говоривший и еще быстрее думавший лектор, кажется, не был штатным преподавателем МТИ, а вел занятия как «приглашенная звезда», эксперт мирового уровня в данной теме. О нем еще ходили слухи, что он — весьма обеспеченный человек, поклонник американского футбола и даже как будто бы один из совладельцев великой бостонской команды New England Patriots, доминировавшей в НФЛ все последнее десятилетие. Впрочем, правда это или нет, точно никто не знал.

— Кстати, вы только что листали очень правильную книгу. Это, пожалуй, самое ценное из всех изданий нашей небольшой библиотеки. Когда-то этот экземпляр Конституции хранился в Белом доме, на нем даже есть личная подпись самого Бенджамина Франклина. Когда этот «Холл» только был возведен, президент Тео Рузвельт передал его в дар Ложе. Позже его однофамилец Франклин Рузвельт, сидя на заседаниях за этим столом, всегда клал книгу перед собой. Кстати, Франклин Рузвельт хоть и был масоном с молодости, но, вопреки слухам, никогда не возглавлял Ложу. Это была прерогатива его влиятельного советника Барнарда Баруха, короля Уолл-стрит того времени. Сам Рузвельт бывал тут всего несколько раз, держался скромно, называя других масонов, с которыми он общался здесь, «братьями».

Впрочем, пойдёмте, я покажу вам самое красивое, что есть во всем этом здании.

Они спустились на несколько этажей по ступеням и вошли в огромный, шикарно декорированный и обставленный зал. Это была Grand Lodge Room — место заседаний членов Великой ложи. Просторнейшее помещение занимало два или три этажа и выглядело похожим на концертный зал прекрасного старинного оперного театра. Обитые светлой кожей кресла располагались полукругом в два яруса, по несколько рядов в каждом, образуя что-то вроде партера и бельэтажа. Всего, во время самых важных событий, это помещение могло с комфортом вместить более тысячи человек. Стены и потолок были украшены прекрасными полотнами в стиле романтизма начала 19-го века, включая несколько известных работ Жерико и Делакруа. В центре зала на полу лежал красный ковер, сбоку стоял старинный рояль. В президиуме возвышалось несколько высоких кресел, обитых кожей и чем-то напоминавших по форме и размеру троны египетских фараонов. Насладившись восхищением Джека, профессор мягко взял его под локоть:

— Ужин для нас сервирован в Ионическом зале. Обычно именно там проходят праздничные банкеты для наших гостей. Но сегодня вечером мы будем с вами там одни. Надеюсь, вы не возражаете против моей компании.

Это был и в самом деле просторный зал, блестящий мраморный пол которого гулко отдавался звуками шагов. Вдоль всего периметра зала стояли декоративные желтые ионические колонны, а потолок, разделенный на квадраты, украшала яркая, разноцветная изящная лепнина — главная изюминка всего этого зала. Посередине находился стол, накрытый всего для двух человек, но с большим количеством разнообразных блюд.

— Я знаю, что вы, как и ваша подруга, очень любите морепродукты. Нам доставили специально свежих лобстеров с мыса Код. Угощайтесь, пожалуйста.

Джек стал медленно накладывать еду в свою тарелку. Все выглядело отменным, но аппетит не появлялся.

— Откуда вы знаете, что я и тем более мои близкие люди любят? Простите, но я до сих пор не понял, зачем я здесь и в чем лично ваша роль? Кого вы представляете сейчас?

— Я работаю на Синдикат — давайте для простоты назовем его так — уже больше тридцати лет. Вы знакомы со мной как с преподавателем и, возможно, даже читали мою книгу об управлении изменениями в бизнесе, которая стала классикой во многих бизнес-школах. Знаете, я очень горжусь этой моей работой. Я написал эту книгу больше десяти лет назад, но с тех пор она не только не устарела, а стала даже еще более актуальной. Многие из моих прогнозов и рекомендаций полностью сбылись. Но академическая, преподавательская деятельность занимает лишь часть моего времени. Я читаю лекции дважды в неделю и только четыре месяца в году. Знаете, это очень помогает держать себя в хорошей интеллектуальной форме, тренирует ораторские навыки и, главное, создает обширный круг связей, которые могут очень пригодиться в будущем, иногда даже через десять-пятнадцать лет. Я имею в виду не других преподавателей, а студентов. Как, кстати, это произошло и в вашем случае.

Сделав паузу, чтобы пригубить бокал австралийского белого вина, он продолжил:

— В Синдикате запрещено обращаться друг к другу по фамилиям, особенно при свидетелях. Даже имена, если они настоящие, не слишком приветствуются. Членам Исполнительного комитета это, конечно, разрешается, но остальные,

особенно при переписке, чаще пользуются псевдонимами. Этой традиции уже несколько столетий, она восходит к самым истокам нашего общества, или, точнее, братства.

— И как же называют вас?

— Инквизитор. Иногда — Великий Инквизитор, но, по мне, это звучит уж слишком напыщенно.

Эти слова, отозвавшиеся зловещим приглушенным эхом в большом, почти пустом мраморном зале, у кого угодно могли вызвать легкий мороз по коже.

— Только не пугайтесь. У меня нет раскаленных докрасна щипцов, которыми я отрывал бы куски плоти несчастных жертв. Я никого не пытаю. По крайней мере, физически. Само слово «инквизиция» означает просто расследование, проводящееся посредством вопросов.

Профессор на секунду сделал паузу, положив приборы на тарелку, и внимательно взгляделся через стекла своих тонких очков в глаза Джека:

— Я действительно никого не пытаю. Но по роду своей деятельности иногда мне приходится приговаривать людей к смерти.

Тон голоса Инквизитора резко изменился. В нем появились совершенно новые, стальные нотки, а слова звучали медленно, низко и глухо.

— Сегодня мне тоже поручено вынести приговор. Не обижайтесь. Я очень хочу спасти вас. Я вам исключительно симпатизирую. Правда.

Джек ответил ему прямым взглядом. Над столом повисла тяжелая пауза.

— Простите, я правда не хотел бы вас пугать. Но вы должны, наконец, понять. Терпение Синдиката исчерпано. Вас предупреждали много раз. Ваше открытие, этот гениальный невзламываемый код несет огромную угрозу существующему, устоявшемуся миропорядку. Вы передадите на-

шим специалистам все ключи от этого кода этой же ночью. Или не доживете до следующего утра. Ваше тело выловят через пару дней где-нибудь ниже по течению, в Гудзоновом заливе. На теле не будет никаких признаков насилия. Просто несчастный случай. Все произойдет быстро.

Взяв очередную паузу, он как ни в чем не бывало взял нож для морепродуктов и принялся методично разделять им лежавшего на одной из тарелок гигантского снежного краба.

— И напротив, если вы пойдете нам навстречу, у вас появятся невиданные раньше возможности. Мы поможем вам стать одной из звезд Силиконовой долины. Марк Цукерберг звонил вам на днях. Вы сможете когда-нибудь стать такой же легендой мира высоких технологий, как и он. Разумеется, вы догадываетесь, что Марк благоразумно предоставил нам полный доступ к информации на всех серверах Facebook. Иначе эта компания бы уже даже и не существовала. То же самое произошло раньше и с другими нынешними «титанами» Долины.

Джек положил вилку на стол и нервно отодвинул тарелку:

— Сколько у меня времени на размышление?

— Достаточно много. Несколько часов. Вы должны ответить до первого луча солнца. Таковы правила братства, которые никогда не нарушаются. Вы можете провести это время в одиночестве, или мы можем продолжать нашу, на мой взгляд, весьма приятную трапезу — я говорю о качестве блюд, конечно.

Увидев, что собеседник никак не отреагировал, профессор продолжил:

— Джек, вы, возможно, не догадывались об этом, но все последние три месяца моей жизни мне пришлось провести, постоянно наблюдая за вами, вашими действиями, решениями и даже эмоциями. За это время я даже в каком-

то смысле отчасти стал вашим альтер эго, «вторым я». Я прекрасно понимаю ваши благородные мотивы. Кажется, я своей кожей чувствую сейчас, как у вас внутри все сводит от кажущейся безвыходности ситуации. Позвольте мне помочь вам принять добровольно правильное решение. Кстати, я еще не начал досаждать своей болтовней? Я в том числе заметил, наблюдая за вами все это время, что вы ни с кем, кроме красивых девушек и ближайших друзей, не общаетесь дольше двух минут. Возможно потому, что считаете это бесполезным. Или это отнимает у вас слишком много внутренней энергии. Кстати, такое поведение хорошо знакомо психологам и характерно для таких гениев-одиночек, как вы.

— Я, пожалуй, закончу ужин. Мне нужно разобраться в некоторых важных вещах.

— Совершенно правильное решение. До рассвета я полностью к вашим услугам.

— Итак. Значит, мировое правительство существует?

— Несомненно. И уже не одно столетие. И знаете, миру это определено идет только на пользу.

— Но как? Ведь у вас нет ни мировой армии, ни министерств, ни президента и так далее?

— Мы контролируем сильнейшую в мире армию, спецслужбы и еще множество других армий. Для того чтобы держать ситуацию под контролем силовыми методами, этого достаточно. Мы владеем мировой валютой. Можем печатать доллары, на которые приходится 60 процентов всех денег в мире, причем в таком количестве, какое посчитаем нужным. Синдикату принадлежат прямо или косвенно почти все крупнейшие в мире банки. На данный момент всего-навсего семьсот международных корпораций и банков владеют 80 процентами мирового богатства. И почти все эти компании и банки еще и фактически перекрестно вла-

деют друг другом. Каждый всемирный финансовый кризис только увеличивает степень концентрации капитала. На свете есть люди, которые без лишней огласки распоряжаются движением триллионов долларов, хотя формально доказать личное владение ими этими деньгами весьма сложно. Синдикату должны почти все страны мира, причем у большинства государств их внешний долг в несколько раз больше их же валового годового производства.

— Что значит «нам» должны? Кто это — «вы»? Массоны? Банкиры? Иллюминаты?

— Есть исполнительный комитет Синдиката. В него входят двенадцать человек, представляющих самые могущественные семейные ветви в мире. Не только из Америки, разумеется. Их имена я не могу назвать, да и вряд ли они вам многое бы прояснили. Разве что две-три громкие фамилии из всей дюжины. Это как совет директоров корпорации: члены комитета не обязательно сами являются акционерами Синдиката, но в правильной пропорции представляют интересы основных акционеров. Кстати, в него даже входят две женщины. Но о них вы точно ничего не знаете. Далее — исполнительный аппарат. Около семисот человек, набранных по всему миру исключительно на основании профессиональных качеств. В их задачу входит поддержание контактов с ключевыми фигурами правительств, международных организаций. Есть также и много специальных проектов. Нестандартных, как правило. Например, тот, которым здесь и сейчас занимаюсь я. Что касается масонства — это, разумеется, прежде всего просто великая традиция, свод священных ритуалов. С нее когда-то все началось. Если хотите, я могу похлопотать, чтобы вас приняли в одну из американских лож. Только родив ребенка, можно узнать, что такое на самом деле — роды. Только став одним из братства, можно понять всю глубину идей и зна-

чение этой организации. Но масоны и Синдикат — это не одно и то же.

— В чем же тогда смысл? Зачем надо постоянно бороться за власть и деньги в мире, который, по вашим словам, и так вам полностью и безраздельно принадлежит?

— Любая система в этом мире, по определению, крайне неустойчива. Просто из-за течения времени как такового. Единственный способ не потерять власть — каждый день стремиться ее еще больше усилить. Как говорил один из персонажей бессмертной «Алисы», нужно все время бежать, чтобы хотя бы оставаться на месте. Самая мудрая книга, написанная за последнюю тысячу лет.

— И всё же: куда идет человечество? Или, точнее, куда вы его ведете? Какая-нибудь новая форма рабства? Чипы под кожу, чтобы контролировать каждого?

— Чипы? Ну что вы. Ложная выдумка недалеких любителей конспирологии. Большая часть людей нашей планеты не очень умны и слабо образованны. И все же они не полные идиоты. Вживление чипов слишком наглядно указывало бы им на степень их подчинения, угнетало психологически. Зачем? Мир ушел далеко вперед со времен антиутопий Хаксли и Оруэлла. Существуют десятки, да нет, сотни куда более простых, но тонких методов манипуляции людьми. У каждого есть набор своих слабостей. Распознать их и затем дергать за эти ниточки — совсем несложно.

«Инквизитор» снял очки и аккуратно протер их линзы влажной салфеткой. Затем встал из-за стола, заложил руки за спину и стал ходить, словно на лекции.

— Джек, вы так сильно хотите спасти мир, что напряженно думаете сейчас о том, а не стоит ли это сделать, пусть даже ценой собственной жизни. Ну конечно, это ведь так красиво и благородно. Но вы никак не можете понять самое главное во всей этой истории.

Он обошел стол, подошел к собеседнику, затем наклонился, приблизив свое лицо к его лицу:

— ЛЮДИ НЕ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ИХ СПАСАЛИ. Больше всего на свете им нравится ПОДЧИНЯТЬСЯ. Свобода выбора — слишком тяжелое бремя и ответственность, которые они ни за что не хотят сами нести. Лучше пусть их жизнью управляет кто-то другой.

Профессор снова стал быстро ходить по залу, проговаривая слова очень быстро:

— Подчинение старшему, более сильному и умному — это главный биологический инстинкт большинства людей. Инстинкт даже еще более сильный, чем, скажем, голод или половое влечение. Инстинкт, всегда сидящий в самой подкорке человеческого мозга. Человек с рождения подавлен огромностью, сложностью, опасностями окружающего мира. Случайная ошибка, всего один шаг в неверном направлении, и он погиб: стал жертвой диких зверей, свалился в овраг, не смог найти воды. Человек слаб физически, не защищен своим строением от природных стихий. Ему нужна как воздух рука «большого брата» — называйте это как угодно. Рука, которая защитит и поведет через этот страшный мир правильным путем. Всем известно, как сильно дети тянутся к родителям и как ужасно чувствуют себя брошенные сироты. Но если кто-то думает, что с годами, в зрелости, острое желание человека следовать за кем-то ослабевает, то это заблуждение. Оно живет в большинстве из нас до последней секунды жизни, до крайнего вздоха на смертном одре.

Абсолютная свобода — то, чего почти каждый человек на свете боится больше всего. Проснуться утром и не знать точно, куда и во сколько ему сегодня надо идти, что делать и, главное, зачем. Почему люди каждое утро вскакивают, как безумные, с будильником, крутятся допоздна, не имея времени ни на развлечения, ни на общение со

своей семьей? Чтобы заработать деньги? Далеко не всегда. У многих денег и так уже достаточно, другие — наоборот, на службе получают так мало, что не много бы и потеряли, живя на пособие по безработице. Человек любит свою работу? Я вас умоляю... Глубоко в душе почти каждый ненавидит свою работу, хотя и боится ее потерять. Нет, на самом деле людьми движет другое. Несмотря на тысячелетия цивилизации, инстинкты человека остались прежними, такими же, как в первобытном лесу. Остаться одному в неизвестности, без помощи, в окружении хищников, холода и темноты куда страшнее, чем жить в стае, даже если ею управляет жестокий деспотичный альфа-самец. Вскakiвая каждое утро, человек просто бежит к своей стае и чувствует удовлетворение от того, что кто-то решает, что нужно делать вместо него.

Знаете, даже великий Вольтер, гений и воплощение духа независимости, какое-то время сидел в Бастилии, писал там книги, принимал посетителей каждый день. Когда ему сообщили о досрочном освобождении, он буквально упросил тюремщиков разрешить ему провести в камере еще один день. Сказал им, что отвык сам решать, что ему делать, и что ему надо сначала обдумать свою последующую жизнь, чтобы сразу же не совершить в ней массы новых ошибок.

Если дать всем людям свободу — страшно даже представить себе, что они с ней сделают. Сразу начнутся всемирная анархия и хаос, наружу поднимется все самое худшее, что есть в каждом.

Джек молча слушал. Безусловно, в словах профессора была мрачная, жестокая, но все же логика.

— Сколько в истории человечества было кровавых диктаторов? Со времен древних шумеров и ассирийцев и до наших дней? Не сосчитать. Любого из них толпа физически

могла снести с трона в считанные минуты. Римские цезари сидели в Колизее буквально в двух шагах от черни, и никакие преторианцы не спасли бы их, если бы весь стадион вдруг разом взбунтовался. Но даже те простые люди, которые ненавидели их, лишь покорно склоняли перед ними головы. А сколько тиранов было на Востоке! Люди тысячами, иногда миллионами шли в застенки и на эшафот, но не пытались при этом подняться на штурм дворца тирана, даже если им было нечего терять. Почему? Потому что даже страдая, терпя муки и впадая в отчаяние, где-то в самом дальнем уголке первобытного сознания они все равно думали, что *так надо*, так и должно быть. Законы стаи, членом которой ты, несмотря ни на что, обязан оставаться до последнего вдоха. Эта врожденная слабость человека перед властью была темой и многих великих произведений литературы.

Джек взглянул на часы. Время летело быстрее, чем когда-либо в его жизни. За едой и длинными разговорами стрелки часов почти перевалили за полночь. Если было суждено, что это окажутся последние часы его жизни, то он больше не хотел тратить их на философию. Гораздо важнее было попробовать разобраться, что стояло за странными событиями его собственной жизни.

— Это вы упекли за решетку моего партнера в Сингапуре?

— Да. Ничего личного. Вдвоем вы были слишком опасны, ваши совместные действия было труднее просчитать. Но вообще-то ваш друг сам виноват. Попался в ловушку, как наивный ребенок.

— Значит, вы можете и вызволить его?

— Если вы согласитесь сотрудничать, то на суде покажут видеозапись того, как ему подсунули в аэропорту сумку с героином. Кроме того, там также озвучат показания чело-

века, объявленного в розыск в Таиланде, который признается, что это его рук дело. Вашего партнера оправдают, и этот Новый год вы отметите вместе с ним в каком-нибудь баре в Бостоне.

— Что это были за странные люди, которые пытались меня в Швейцарии, а потом так же неожиданно исчезли?

— Простите за причиненные неудобства. Это была моя идея. Точнее, сначала это была идея Вернера, вашего юриста. Я с ней лишь согласился. Это он сам все организовал. Предполагалось, что вы, столкнувшись с физическими методами воздействия впервые, будете шокированы и согласитесь на наши условия. Но вы всех тогда удивили — оказались смелым, крепким орешком. Боясь, что дело с пытками может зайти слишком далеко и мы вас потеряем раньше времени, я дал отбой. Пожалуйста, не думайте плохо о Вернере. Это очень хороший юрист, и он в дальнейшем принес вам немало практической пользы. Ну и заодно на следующее утро он очень хорошо сыграл роль вашего «спасителя». Еще раз простите, ничего личного.

— Когда я вернулся домой, в Америку, кажется, вам был известен каждый мой дальнейший шаг. Откуда? Ведь следить за информацией в моем смартфоне и ноутбуке невозможно. Они полностью защищены моей программой.

— Хм. Вы слишком увлечены современными технологиями и недооцениваете старые, добрые, проверенные методы слежки. Мы заметили, что в быту вы крайне неприхотливы, носите почти каждый день одни и те же вещи. Когда вы сдавали их в прачечную, в некоторые из них, в районе шва или подкладки, были вшиты микроскопические «жучки», которых вы даже не заметили. Кроме того, у нас были информаторы из вашего окружения. Все-то вы хотите знать.

— Кто украл Дайану? Что это был за кошмар в Мексике?

— О, мой друг, если вы позволите мне, конечно, вас так называть. Это была очень неординарная история. Уже успела войти в список самых необычных происшествий этого года в картотеке АНБ. Но я искренне советую: вам не стоит знать всех подробностей. Это может стать слишком тяжелым психологическим ударом, который, возможно, будет тяготить вас всю оставшуюся жизнь. Даже независимо от того, продлится ли она еще много лет или всего несколько часов.

— Я должен знать. Мне нужна вся правда. Иначе вы ничего не добьетесь от меня.

Инквизитор тяжело вздохнул:

— Как угодно. Вашу невесту Дайану никто не похищал. Она улетела в Мехико-сити сама, по нашей настоятельной просьбе.

Через секунду вскочивший на ноги Джек уже держал своего мучителя за грудки его пиджака, с силой тряся его. Но тот лишь смотрел на него с усмешкой:

— Вот видите. Я же предупреждал, а вы меня не послушали. Сядьте, иначе не узнаете самого интересного.

Больше всего Джеку хотелось своими руками придушить этого человека. Но это было бессмысленно и самоубийственно. И главное, он действительно жаждал узнать всю правду.

— Она не виновата, хотела как лучше. Когда вы еще были в Сингапуре, мы сообщили ей, что избавимся от вас, если она не будет собирать всю информацию о ваших действиях для нас. Она думала, что таким образом спасает вашу жизнь, только поэтому она согласилась. Почти каждый день с тех пор, когда вы вернулись в Америку, она отчитывалась перед нами о всех ваших разговорах и мало-мальски важных событиях. Хотите увидеть все ее эсэмэски и электронные

письма нам? Их накопилось уже так много, что они занимают целую отдельную папку.

Джеку было трудно говорить, дышать. Он задыхался от слез, но понимал, что надо найти силы и испытать эту чашу до дна.

— Но Мексика — то еще место. Знаете, с этой страной у нас вечно возникают проблемы. Никакого порядка, местная полиция даже не знает, что творится у нее под собственным носом. Дайана должна была прийти на съемку в том самом месте, дверь которого вы на следующий вечер разнесли гранатой, немало нас удивив. Там, в студии, с местными ребятами, которых рекомендовала нам для этого дела полиция, они должны были записать видеоролик-угрозу, который вынудил бы вас пойти с нами на контакт. Но знаете, когда эти ребята услышали, что сумма выкупа, о которой идет речь, пусть даже теоретически, — пятнадцать миллионов долларов, они, недолго думая, и в самом деле связали ее, взяли в заложники и увезли куда-то. Мы были совершенно не готовы к такому повороту событий и даже какое-то время не знали, как найти вашу девушку. Нам оставалось только следить за вашими героическими действиями. А потом — считайте, что это либо счастливое совпадение, либо и вправду рука Всевышнего. Мы не знали, что делать, но, когда вы сидели в церкви, одному из наших операторов пришла в голову мысль о том, что именно сейчас до вас наконец-таки дойдет, что в ваших руках — пароль от криптокошелька вашего убитого друга. Кстати, к тому убийству мы не имели никакого отношения. Когда вы возобновили переписку с вымогателями, мы срочно перевели на этот кошелек столько биткойнов, сколько нужно было, чтобы вы смогли заплатить похитителям выкуп.

— Но это же были биткойны Дона!

— У него в электронном кошельке был сравнительно небольшой остаток. Дон смог добыть своими домашними компьютерами за несколько лет монет всего на один или два миллиона долларов, по их текущей стоимости. Все остальное пришло от нас. В этом легко убедиться. В биткойн-кошельках есть функция проверки времени всех входящих и исходящих транзакций. Но вы были так взволнованы происходящим, а затем так счастливы, что все обошлось, и вам на голову заодно обрушилось столь нежданное богатство, что вы даже не стали проверять, откуда и когда все эти средства пришли в тот кошелек. Кстати, тех подонков мы затем вычислили легко в течение полутора часов, по адресу их собственного кошелька, на который вы отправили им «монеты». Миллионерами они пробыли недолго. Двое из них той же ночью были застрелены полицейскими за оказание сопротивления аресту, а один ожидает в тюрьме сурового приговора. Ваша невеста чуть не скончалась от болевого шока и затем перенесла тяжелую потерю крови. Но даже в таком состоянии абсолютного шока она так и не рассказала вам всей правды. Очень волевая девушка.

Джек ощущал себя растерзанным на части, преданным, бесконечно униженным. Во все это было просто невозможно поверить.

— Я понимаю ваше состояние. Но вы же сами требовали объяснений. Часто от излишнего любопытства — один лишь вред. Именно поэтому, кстати, Синдикат предпочитает действовать, избегая лишней огласки и уж тем более публичности. Далеко не всегда людям действительно нужно знать всю правду.

— Я все равно не могу поверить насчет Дайаны.

— Ну хорошо. Ну откуда, по-вашему, мы знаем о ночном звонке Цукерберга и содержании вашего разговора с ним? И наконец, кто, если не сама ваша подруга, мог еще

принести в ваш номер приглашение на эту встречу? Она получила его от нашего человека около отеля, принесла его в номер до вашего прихода, положила на пол, а потом закрылась в ванной, сделав вид, что не в курсе, откуда оно взялось. Все было проще, чем вы подумали. Никакой черной магии.

Джеку казалось, что он уже умер, находится на том свете и разговаривает у входа в преисподнюю с самим дьяволом. Его жизнь не стоила более ничего. В его душе не осталось ни боли, ни страха. Только пустота. А затем его в этот момент крушения всех надежд и идеалов охватило чувство, похожее на известный «стокгольмский синдром». Находясь в момент величайшей опасности, он внезапно ощутил сильный, искренний приступ психологической теплоты, почти любви к своему мучителю. В конце концов, когда все, кого он знал, его предали, только этот человек говорил ему в лицо жестокую, невероятно болезненную, но все-таки правду. А еще он, не смотря ни на что, не мог не уважать его за то, что тот знал так много обо всем. И Джек, словно студент у маститого учителя, хотел узнать от него еще больше. Пока не закончилось его время.

— Биткойн — это тоже ваше изобретение?

— Отчасти. В АНБ работают лучшие в мире программисты, специализирующиеся на криптографии. Группа из нескольких самых талантливых сотрудников ведомства создала этот код, вначале только в качестве эксперимента. Технология «блокчейн» пока вызывает много вопросов, но в ней есть перспективы. Они работали несколько месяцев совместно, через Сеть, находясь в Бостоне, Нью-Йорке и Вашингтоне, выступая под общим псевдонимом. Пока эта технология находится в чрезвычайно ранней стадии, а объем денег, который в ней реально вращается,

не настолько уж и существенный. Хотя какие-то мелкие пользователи, конечно, хорошо заработали на росте биткойна — так же как и первые инвесторы в Интернет сначала разбогатели, а потом многие из них разорились на инвестициях в «доткомы».

— А мы были на Луне?

— Хм. Странный вопрос от такого образованного человека. Разумеется, были. На месте высадки астронавтов установлены уголковые отражатели. Специальные зеркала, которые отражают лучи лазеров, направляемые на них из земных лабораторий каждый год, чтобы измерить, на сколько сантиметров еще приблизилась к Земле Луна за это время. Кроме того, на современных снимках спутников ясно различим джип, брошенный астронавтами на Луне. Другое дело, что фото- и видеотехника астронавтов не выдержала экстремальных условий, поэтому большую часть материалов пришлось отснять или сильно редактировать в студии на Земле. Обществу были нужны красивые картинки того, на что ушли бюджетные миллиарды долларов, и оно их получило, только и всего.

— Что ждет большинство людей на Земле через двадцать, тридцать, пятьдесят лет?

— Не волнуйтесь. Им будет казаться, что у них все хорошо. Видите ли, нашей планете не нужно столько людей. Ее ресурсов достаточно, чтобы спокойно, без большого вреда для экологии прокормить максимум два-три миллиарда человек, но уж никак не восемь или десять — то есть столько, сколько нас будет уже в ближайшем будущем. К счастью, технологии тоже не стоят на месте. Можно производить продукты питания прямо в городах, на многоярусных «фермах». Можно опреснять морскую воду. Можно построить всем комфортное жилье. Но вот куда деть пять миллиардов ненужных планете «лишних»

рабочих рук? Это проблема, которая горячо и подробно обсуждается на каждом заседании Бильдербергского клуба. Высказывались мнения, что население бедных стран надо почти поголовно стерилизовать, в Африке организовать страшную засуху или, что еще хуже, срочно разжечь несколько локальных войн — например, между Индией и Пакистаном. Но у этих стран есть ядерное оружие, а наша планета и так слишком хрупка, чтобы выносить глобальные катаклизмы. Поэтому взяли верх голоса за другой, умеренный, постепенный путь. Все большая часть населения Земли будет добровольно самоустраняться из реальных общественных процессов. Сутками будут висеть в социальных сетях, с утра до вечера читать всякий бред в мессенджерах, думая, что это и есть жизнь, которая на самом деле будет проходить полностью мимо них. Детей и подростков будут интересовать только все более мощные и красочные с каждым годом компьютерные игры. А вскоре их место займет полномасштабная виртуальная реальность. Так, постепенно, но довольно скоро грань между иллюзией и действительностью в мозгах двух третей населения мира сотрется окончательно, навсегда. Соответственно, все реальные технологические достижения цивилизации — прогресс медицины, существенно продлевающий потенциальный срок человеческой жизни, научные открытия, возможность учиться в лучших университетах и производить потомство от других таких же генетически и интеллектуально качественных представителей элиты противоположного пола — окажутся только в руках «избранных». Того самого «золотого миллиарда». Остальные люди, слишком бедные либо живущие почти все свое время в виртуальном мире, уже через одно-два поколения окажутся проигравшими в биологической эволюции. Таким образом,

«новые» люди элиты, наши с вами внуки и правнуки в конце XXI-го века смогут жить в обществе только себе подобных, всесторонне развитых, гармоничных людей. Все остальные — сами, добровольно, сойдут со сцены, будут похоронены с ложным чувством удовлетворения и, может быть, даже с их гаджетами и смартфонами в руках. Таким образом, планета будет спасена от перенаселения. Новая элита будет иметь возможность не беспокоиться о материальных вещах, которые к тому времени будут полностью производить для них роботы и автоматы, и займется восстановлением утраченной в XX-м веке экологии, если хотите, борьбой за чистый воздух. Потом, уже в XXII-м веке, кто знает, может быть, часть людей устремится за своими мечтами в космос, на поиски новых планет и миров. Если все произойдет именно так, то это станет поистине золотой эпохой всей истории человечества.

Инквизитор взглянул на часы:

— Джек, у вас осталось немного времени. Рассвет наступит уже скоро. Каково ваше окончательное решение?

— А правилами Синдиката разрешено верить в Бога?

— Даже более того. Древний статут вольных каменщиков строжайше запрещает *не верить* в Бога.

— А члены братства могут заниматься благотворительностью?

— Это только поощряется. Но вы должны согласовывать направление ваших пожертвований, чтобы они случайно не пошли на поддержку того, против чего борется организация.

Джек закрыл глаза. У него был последний шанс сказать «нет» и после этого навсегда покинуть юдоль скорби и нескончаемых страданий, какой ему в это мгновение казалась вся его прежняя и, возможно, будущая жизнь.

Это было бы красивым и, скорее всего, правильным выходом. Слезы, горькие слезы по-прежнему душили его. Он сжал кулаки от ненависти, лицо исказилось страшной гримасой, прежде чем он дал Инквизитору свой окончательный ответ.

Наступил рассвет.

Джек бродил по его любимой Таймс-сквер, непривычно пустой и заваленной мусором в этот самый ранний утренний час, изо всех сил стараясь забыть события этой кошмарной ночи. Он твердо решил теперь изменить свою фамилию, профессию и начать всю жизнь заново. Ведь ему еще не исполнилось и тридцати. У него все еще было впереди.

Глава 23 (Эпилог)

Дорога

*Иудейская пустыня,
33 год нашей эры*

Еще не начался и четвертый месяц после зимнего солнцестояния, весна лишь вступила в свои права, но погода вдоль всего восточного побережья Средиземного моря стояла такая, словно уже давно наступило жаркое, знойное лето. Дождей не было уже несколько недель, что казалось необычным для этого времени года. Не только звонкие горные ручьи, но даже и русла небольших рек на равнинах почти пересохли, превратившись в каналы, покрытые влажной вязкой глиной.

В пустыне, прозванной римлянами Иудейской, лежавшей к западу и к северу от Мертвого моря, жара ощущалась особенно сильно. Немногие путники в те дни решались пересечь ее, особенно пешком, с котомками на плечах, без вьючного скота. Найти воду по пути было почти невозможно. Лишь некоторые — самые отчаянные и уверенные в себе либо те, у кого просто не было другого выхода, — все же отваживались на этот трудный пеший переход.

Раскаленное солнце, без единого облака вокруг, в тот день уже прошло две трети пути по небосклону и скоро

должно было начать клониться к горизонту, который заволочили клубы едкой серой пыли. Небольшая группка случайных, изможденных дорогой странников присмотрела себе место для короткого отдыха на больших камнях, защищенных от солнца тенью острой, нависшей над ними скалы. Вероятно, путники до этого долго и терпеливо искали оазис, островок, покрытый тонким слоем чахлой зеленой травы, хотя бы с одним крохотным, шириной в ладонь, ручейком, каких в другое время в пустыне было немало. Но сейчас, в разгар засухи, начавшейся столь рано, холмы и камни повсюду вокруг выглядели серыми и безжизненными.

Один из путников, возглавлявший группу, — среднего роста, но крепко сложенный, с длинной и черной как смоль бородой, — почтительно обратился к человеку, шедшему рядом:

— Рабби, позволь нам всем немного отдохнуть. Пора подкрепиться, и, может быть, мы попробуем найти хоть какой-то источник. Без воды нам будет трудно продержаться до ночи.

— Хорошо, Кифа. Поешьте. А я пойду помолюсь.

«Кифа» на арамейском языке означало «камень». Почему наставник именно так всегда называл своего самого сильного и беззаветно преданного ученика, никто точно не знал, но все к этому привыкли. По рождению он был наречен Шимоном, а его брату, который, как и Кифа, тоже когда-то был рыбаком, их отец дал греческое имя Андрей. Тот тоже был солидным, крепким, широкоплечим мужчиной с густой бородой, но казался старше своих лет: сутулился, опирался на посох в пути из-за боли в коленях и, в отличие от общительного брата, был задумчив и молчалив.

Путники присели на камни, издав почти одновременно вздох облегчения. Из своих тощих мешков они вынимали оставшиеся засушенные финики и ломти черствого хлеба, ко-

торые без воды было неприятно и трудно даже просто глотать. Сандалии на ногах у всех совсем расплзлись, кожа на ногах облезла и шелушилась, сухой песок и мелкие камни до крови резали пальцы. Из-за резкого зноя и долгой ходьбы у наименее выносливых в этой компании начала кружиться голова.

Они непрерывно были в пути уже девять дней. С самого севера Галилеи они шли на юг, в Иудею, торопясь успеть к началу светлого праздника Песах, посвященного чудесному Исходу еврейского народа из Египта. Песах начинался четырнадцатого числа царского, любимого всеми иудеями весеннего месяца нисана. Самый важный праздник года продолжался целую неделю, во время которой в каждой семье было должно вслух читать Тору и молиться. Но главные торжества, по древним обычаям, приходились на вечер первого дня, когда было нужно, воздав хвалу единому всемогущему Богу за Исход и обретение новой Земли, принести в жертву молодого ягненка, затем зажарить его и съесть целиком, с мацой и приправами из трав, не позднее следующего рассвета. Мужчины выпивали во славу Господа четыре чаши виноградного сока или лучшего кошерного вина. Песах праздновали повсюду, где были еврейские общины, иными словами — по всему восточному побережью Средиземного моря. В Галилее люди собирались сотнями на берегу озера Кинерет, которое они называли морем, известным щедрыми уловами рыбы, не имевшей равных по вкусу на всем юге Римской империи, чтобы вместе преломить хлеб. В Самарии народ поднимался на вершину горы Гризим, избранную для чтения молитв еще самим Моисеем, а в Иудее люди стекались к дивному, величественному Иерусалимскому храму, заложенному царем Соломоном, который Ирод — безумный тиран, но также и великий строитель — позже превратил даже во что-то большее, чем просто восьмое чудо света. Толпы людей стремились на праздник в святой город, который иудеи называли Ершалаим, а греки — Иерусалим.

Путники шли из Вифсаиды, тихого местечка на северном берегу Галилейского моря. Там они укрывались все зимние месяцы после того, как местные фарисеи объявили Учителя нарушителем законов Моисея, из-за того что его проповеди, а порой и необъяснимые чудеса привлекали все больше людей. Впрочем, преследовать наставника открыто книжники не решались, опасаясь народного гнева. Когда стало известно, что Учитель направляется в Иерусалим, тут же собралось не меньше полтысячи человек, многие из которых были вооружены. Для простых людей из Галилеи, так же как и для некоторых из его ближайших учеников, казалось очевидным, что рабби начинает поход, чтобы свергнуть гнет римлян, а заодно и доказать свое право считаться посланным еврейскому народу долгожданным Мессией. Но наставник, ничего не объяснив, распорядился двинуться в путь тихо, ночью, до рассвета — так, чтобы не привлекать с собой незваных попутчиков. Из Галилеи на юг, в Иудею, прямо в Иерусалим вела прекрасная широкая, ровная, мощенная камнем римская дорога, построенная цезарем Октавианом в честь его военных побед в Малой Азии. День и ночь по ней ездили всадники, роскошные колесницы и скромные повозки, на всем ее протяжении никакого труда не составляло найти трактир или постоялый двор. Эта римская дорога еще и вела по прекрасным местам — благоухающему югу Галилеи, известному во всей империи мастерскими по выделке тончайших тканей, а также персиковым и абрикосовым садам. Затем она пересекала холмистый центр Самарии, окруженный цветущими склонами, от которых всегда веяло приятной прохладой, и наконец проходила через самую оживленную часть Иудеи. Путешествовать в Иерусалим по этой дороге было легко и приятно. Однако наставник неожиданно для учеников избрал другой путь. Они двинулись пешком, без лошадей, напрямую по бездорожью, вдоль почти бесплодного и безлюдного каме-

нистого русла реки Иордан. Почему рабби предпочел такую дорогу, было ли это вызвано просто осторожностью и его желанием избегать слишком людных мест или за этим стояла какая-то более важная и глубокая причина, он не объяснил. В последние дни он вообще мало говорил, лишь иногда отвечал на вопросы, был как никогда задумчив. Чувствуя это, ученики старались общаться друг с другом в основном лишь в те минуты, когда его не было рядом.

Поначалу идти было несложно, но с каждым днем усталость, к которой примешивалась тревога относительно истинной цели их путешествия, остававшейся неясной, все сильнее брала верх. На четвертый день они миновали Скифополь, старинный греческий город с высокими стенами и многочисленными ремесленными лавками, где продавались изделия из ливанского кедра. Вечером шестого дня заночевали у подножия неприступной крепости Александрион, расположенной на Лысой горе, в застенках которой царь Ирод когда-то уморил свою любимую жену в результате ложного навета на нее, а затем впал из-за ее смерти в отчаяние. На седьмой день они пополнили свои запасы провизии, оказавшись в растущих прямо среди пустынных скал обширных финиковых рощах у некогда большого, а теперь полузаброшенного города Фасаил. Недалеко от этого места наставник совершил продолжительную молитву подле широкой сухой каменистой скалы, где он когда-то постился и испытывал свой Дух сорок дней. Наконец, днем накануне они вошли в древний Иерихон — первый город, обетованный Моисеем евреям после их многолетних скитаний по пустыне, стены которого тогда рухнули от мощного звука труб войска Иисуса Навина, открыв евреям путь в их земли. Священники Иерихона встретили Учителя крайне настороженно, ибо и до них дошли слухи, что тот нарушает в своих проповедях закон Моисея, но при этом, к счастью, не отказали в еде

и ночлеге. Передохнув и набравшись сил, путники покидали Иерихон рано утром, собираясь пополнить запасы воды и еды по пути на рынке, находившемся сразу за городскими стенами. Но им помешал случай, который они потом долго обсуждали в этот день. У дороги сидел человек с большим тюрбаном на голове — местный слепой, просивший милостыню. Когда путники проходили мимо него, он вдруг громко назвал вслух имя Учителя, закричав, что тот — сын царя Давида, и попросил вернуть ему зрение. Учитель остановился и ответил ему, что тот теперь может видеть. Человек тут же широко открыл глаза, стал кричать еще громче о том, что он прозрел, а затем встал и пошел вслед за ними. Однако, не пройдя и сотни шагов, он споткнулся и неловко упал, лицом в землю. Изумленные жители стали кричать, что слепец — лжец, затем посыпались и оскорбления в адрес самих путников. Учитель лишь дал им знак рукой не отвечать, и они ушли своей дорогой, не успев запасть ни водой, ни едой. Во время привала, увидев, что наставник их сейчас, скорее всего, не слышит, путники продолжили оживленно обсуждать случившееся утром:

— Может быть, он на самом деле и не прозрел. А что, если ему просто показалось? Ведь даже и у зрячих порой бывают странные вспышки перед глазами и непонятные видения.

Тома, бывший плотник, которого ценили за то, что он к любому делу относился очень аккуратно и ответственно, был рядом с нищим, хорошо видел, как тот широко открыл глаза и встал, но сомнения все равно не покидали его.

— Ну да, и после этого он быстро встал и шел за нами на своих двоих, рассматривал небо и горы, кричал от изумления. Скорее всего, он просто не смотрел себе под ноги, поэтому и споткнулся о тот камень. Откуда ему вообще было знать, что человек, шагая, должен смотреть себе под ноги?

Бар Таламей, о котором Учитель как-то сказал, что он — единственный человек, совершенно лишенный лукавства, не мог даже и представить себе, как можно усомниться в чуде, совершенном, уже далеко не впервые, прямо на их глазах.

— Тома, ты же видел Лазаря. Когда мы уходили, он был жив, сидел подле своего дома, хотя до этого уже четвертый день как лежал мертвым и так вонял разлагающейся плотью, что ни у кого даже не было сил подойти к нему.

Шимон на правах старшего дал указание трем другим своим спутникам обойти местность вокруг, в надежде хотя бы издали увидеть хоть какое-то пятнышко зелени среди скал. Но посланники вернулись еще более изможденные, чем раньше, без всякого результата. Юный Иоанн, сын Зевдея, младший брат Иакова, тоже рыбака из Капернаума и самого доверенного после Кифы последователя наставника, устало положил голову на большое плечо Левия Матфея. Во внешности Иоанна, которому лишь недавно исполнилось семнадцать, по-прежнему было что-то детское и даже почти ангельское: светлые длинные локоны, наивный взгляд, тонкие руки и плечи. Со стороны он мог бы показаться слишком незрелым для столь серьезной мужской компании, но Учитель не отверг его, а, наоборот, с первых же дней стал относиться к нему заботливо и по-отечески тепло. Во время вечерних трапез Иоанн часто занимал самое почетное место, по правую руку от рабби, зачарованно внимая его мудрым речам.

— Матфей, ты ведь много раз бывал в Ершалаиме? Мне так не терпится увидеть его. В детстве он мне часто снился. Отец будет очень горд за меня и Иакова.

Левий Матфей, как всегда, когда выдавалась свободная минута, приводил в порядок свои записи. Он постоянно носил с собой в нагрудном кармане хитона куски пергамента,

на которых чернилами, но чаще просто кусочком угля делал подробные записи, стараясь не упустить ничего важного из проповедей и просто слов Учителя, сказанных им в какой-нибудь бытовой ситуации. Он также, правда кратко, фиксировал самые важные из событий, которые с ними происходили. До того как стать одним из «ловцов душ человеческих» Матфей был мытарем главной римской таможни в Капернауме, бывшем не только рыбацкой деревней, но и пропускным пунктом по дороге из Сирии. Ремесло мытаря считалось самым презируемым, но в то же время очень ответственным и доходным, поэтому, когда Левий Матфей, будучи в весьма зрелом возрасте, решил бросить его, чтобы посвятить себя учению, этот поступок поверг весь город в изумление.

— Ершалаим особенно прекрасен на рассвете, когда смотришь на него с окрестных холмов. Огромные листы золота, покрывающие крышу Храма, ослепительно сияют и играют бликами в лучах восходящего солнца, а стены Храма такие белые и чистые, что издали похожи на снег, который зимой порой ложится на вершины гор. Во время праздника Песах в городе можно увидеть разных интересных людей из всех уголков империи и множество диковинных товаров.

— Матфей, а как ты думаешь, когда мы войдем в город, первосвященники откроют перед Учителем во всю ширину ворота Храма, чтобы торжественно, вместе со всем народом, приветствовать его?

Умудренный жизненным опытом бывший мытарь в ответ лишь неопределенно повел головой и вновь углубился в свои записи. Было нетрудно догадаться, что он описывает утренний случай со слепцом из Иерихона. Аккуратно одетый, коротко стриженный человек по имени Филипп, сидевший рядом с задремавшим Бар Таламеем, также держал

в руках и рассматривал кусок пергамента, казавшийся старым, ветхим и почерневшим. Единственный из путников, не считая самого рабби, он свободно владел греческим, так как вырос на севере, в эллинской общине, и на рынках на свои последние сикели нередко покупал списки из книг древних греческих философов. Иногда он обсуждал прочитанное с наставником, тоже на греческом, поэтому содержание их бесед почти для всех оставалось непонятным.

Андрей что-то тихо сказал Кифе, а затем обратился с вопросом к еще одному их спутнику, который почти всю дорогу из Вифсаиды молчал, словно витал в своих мыслях где-то далеко. Это был невысокий, относительно молодой человек, с небольшой светлой бородкой и коротко постриженными русыми волосами — единственный из всех учеников родом не из Галилеи, а откуда-то из Иудеи. К их компании он присоединился совсем недавно — лишь прошлой осенью. Он был необыкновенно смышленным, хорошо разбирался в делах денежных и юридических. Но как человек для многих из своих спутников он по-прежнему оставался загадкой.

— Йехуда, а у нас остались еще хоть какие-то деньги? Если мы все-таки доберемся до Иерусалима, они нам там очень понадобятся.

— У нас с собой семьдесят серебряных сикелей и еще тринадцать римских динариев. Хватит дня на три, не больше.

Он вынул откуда-то из-под одежды кошелек из плотной материи, крепко завязанный кожаным шнурком, и слегка потряс им. Увесистым кошелек явно не казался.

Кифа-Шимон давно исподволь наблюдал за этим человеком. Он ему не доверял. Уж слишком тот казался закрытым. Правда, однажды, проснувшись среди зимней ночи, он неожиданно услышал, как наставник, греясь у костра, о чем-то оживленно беседовал с Йехудой. Приблизившись,

Кифа смог расслышать, что иудей с неподдельной страстью в голосе расспрашивал рабби о том, как устроена наша Вселенная, откуда взялся сияющий ночной небосвод и кто сотворил сами звезды, а тот подробно объяснял ему. Затем Йехуда внезапно сменил тему и спросил Учителя, в чем заключалось предназначение лично его, Йехуды, жизни. Кифа напряг весь свой слух, чтобы услышать ответ, но в это мгновение тяжелая, непреодолимая сонливость навалилась на него, прочно сковав его веки, и поэтому слова Учителя Йехуде он так никогда и не узнал.

Тем временем рабби окончил свою молитву, совершенную им как обычно, в уединении, и подошел к своим почти обессиленным от жары ученикам, вопросительно взглянув на них. На мгновение воцарилась тишина. Затем из-под засохшего куста вдруг показалось извивающееся тело крупной черной гадюки, которая стремительно прошуршала мимо, едва не задев носки сандалий сидящих на камнях путников.

Кифа заговорил смиренно и в то же время с привкусом горькой досады в голосе:

— Учитель, прости нас, если мы что-то не понимаем. Но зачем нам нужно было идти через эту проклятую Богом бесплодную, высушенную пустыню, где нет никого, кроме одиноких орлов в небе и пресмыкающихся змей на земле?

Ему вторил Иаков из рода Зевдеев:

— Рабби, ты знаешь, мы пойдем за тобой на смерть и в темницу. Но почему ты всю дорогу держишь наш разум в потемках? Зачем мы идем в Ершалаим, да еще и во время праздника Песах, когда там будет так много твоих врагов и завистников из фарисеев? Что нас всех ждет там? Скажи же прямо сейчас, не томи нас, мы очень ждем!

Иоанн, сидевший на камне, обняв и поджав свои худые израненные ноги, кажется, был почти готов расплакаться от отчаяния.

— Наставник, мы все очень устали, хотим пить. Но у нас нет с собой ни капли воды. Нам еще много часов идти до ближайшего поселения, но мои ноги горят от мозолей, а небо во рту все ссохлось. Что нам теперь делать? Откуда и от кого ждать помощи здесь, в этой пустыне?

Фигура Учителя в его коротком, до колен, хитоне, казалось, дрожала и расплывалась в горячем сухом воздухе. Он стоял, молча глядя на своих спутников, а затем указал рукой куда-то вверх:

— Кифа, видишь вон тот большой круглый камень в углублении, на склоне той черной скалы? Поднимись к нему и попробуй немного его сдвинуть. Возможно, там что-то есть.

Шимон немедленно встал и быстро пошел туда, куда показал наставник. Подниматься по скале было неудобно — хотя она и была совсем невысокой, но подошвы полуразвалившихся сандалий сильно скользили по голой поверхности склона. Наконец через несколько минут он оказался у цели. Камень был тяжелым и не поддавался сразу. Тогда Кифа, обладавший редкой физической силой, встал на четвереньки и, напрягшись изо всех сил, все-таки сдвинул его. В то же мгновение его лицо обдало настоящим фонтаном холодной, чистой, прозрачной воды из источника, бывшего из недр скалы, выход которому преграждал камень. Шимон закричал от восторга, подставил под бурный поток рот, затем голову, руки и, наконец, буквально лег на него всем телом. Все его спутники также издали вопль изумления, вскочили с камней и наперегонки побежали, чтобы напиться и омыть себя животворной холодной влагой. Это был самый прекрасный момент их путешествия с той минуты, когда они ночью покинули (как оказалось позже — навсегда) вслед за наставником свои дома у Галилейского моря.

Через какое-то время, мокрые и счастливые, они по очереди спустились со скалы обратно.

— Прости нас, Рабби! — вскричал Шимон. — Забудь все те глупости, что мы тут наговорили. Но в чем смысл этого удивительного источника?

Человек в скромном темно-коричневом хитоне с длинными, немного запутавшимися густыми волнистыми волосами и с волшебными, прозрачными, как вода, но при этом пронзительными, как свет далеких звезд, глазами снова посмотрел вдаль. Словно обращаясь к чему-то, что находится не здесь, а где-то за спинами его спутников, за горой и даже за всей этой пустыней, он произнес:

— Дорога всегда приводит человека к той цели, которую он больше всего в жизни стремится достичь. И никакие препятствия в мире не могут этому помешать. Никогда не теряйте духа.

Он снова посмотрел куда-то вверх, на небо и на первые лучи заката, отблески которого делали цвет вечерней пустыни золотисто-розовым. Наступившую тишину прервал легкий порыв ветра. В воздухе едва слышно зашуршали друг о друга мириады невидимых песчинок.

— Пойдемте. Завтра днем нам надо быть в Иерусалиме.

Дорога извивалась, иногда оказываясь широкой, достаточной для проезда нескольких колесниц, то сужалась до узкой, едва различимой тропинки, по которой путники должны были идти поодиночке, друг за другом.

Большое красное солнце быстро садилось за горизонтом.

Дорога уходила в даль и, кажется, никогда не заканчивалась.

Об авторе

Алекс Белл — выпускник Гарвардской школы бизнеса, имеет опыт личного общения со многими людьми, состояние которых измеряется в сотнях миллионов и миллиардах долларов. Среди широкого круга тем, которые исследует автор, особое место занимают философия, политика и экономика. Богатый бэкграунд Белла позволяет создавать поистине захватывающие сюжеты, которые впечатляют реалистичностью сюжета и эрудированностью своего создателя.

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Федеральный резерв.....	11
Глава 2. Утро, которое не могло произойти.....	27
Глава 3. Великая депрессия, или Как заставить весь мир голодать.....	43
Глава 4. Нюансы восточного гостеприимства	61
Глава 5. За всё золото мира	81
Глава 6. Секреты жизни.....	96
Глава 7. Ничего личного, только бизнес	116
Глава 8. Китайская шкатулка	135
Глава 9. Клуб друзей по интересам.....	159
Глава 10. Побег	178
Глава 11. непокорный ирландец	198
Глава 12. Выхода нет.....	227
Глава 13. Доллар, золото, чёрное золото и Молок.....	245
Глава 14. Праздник, который иногда с тобой	274
Глава 15. Замки из песка	291
Глава 16. Длинная вьющаяся лента	317
Глава 17. Соединённые Штаты планеты	355
Глава 18. День Мёртвых	385
Глава 19. Мистерия XXI века.....	424
Глава 20. От заката до рассвета.....	466
Глава 21. Большая игра на ваши деньги.....	496
Глава 22. Рука, которая ведёт (Великий Инквизитор).....	531
Глава 23 (Эпилог). Дорога	561
Об авторе	573

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Алекс Белл

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Директор редакции *Р. Фасхутдинов*
Ответственный редактор *Д. Бизязева*
Младший редактор *К. Ананьева*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *В. Андрианова*
Корректор *Н. Хотинский*

В коллаже на переплете использованы фотографии:
frankie's, DeryaDraws / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1, Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импортеру «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.09.2018. Формат 60x90^{1/16}.
Гарнитура «Arno Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

В электронном виде книги издательства Вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

EKSMO.RU
новинки издательства

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш. д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо», Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ea@ekat.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mag@rnd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алабашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01 (02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: expoast@yandex.ru
Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Довбырского, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91, 92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitalai-gorod.ru.**
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-097662-1

Виртуозно переплетенная история из фактов и художественного вымысла! Алекс Белл из миллиона мелких деталей сумел воссоздать портрет ключевых исторических личностей и событий XX – XXI веков. В книге вы не найдете общеизвестных фактов – Белл уверен, что судьбы мира решаются не политиками, священниками и тем более не народами.

**ИСТОРИЯ СОЗДАЕТСЯ ТЕМИ,
КТО ПРЕДПОЧИТАЕТ ОСТАВАТЬСЯ В ТЕНИ,
НО НИ НА СЕКУНДУ НЕ ОСЛАБЛЯЕТ
КОНТРОЛЬ. ГЛОБАЛЬНЫЕ КРИЗИСЫ, ВОЙНЫ
И ПЕРЕМИРИЯ – НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ
ВЫРАЖЕНИЕ ИХ ВОЛИ.**

Джек, студент факультета программирования, сам того не подозревая, попал под пристальное внимание всевидящего братства. Вместе с коллегой они стали создателями уникального кода шифрования, который навсегда закроет доступ к секретной информации.

Разработкой заинтересовались, и за Джеком начинается настоящая слежка. Нарастающая угроза заставляет резко изменить свою жизнь и принять вызов, но судьба ставит его перед нелегким выбором...

ISBN 978-5-04-097662-1

